

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи на русском, белорусском и английском языках, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономических (экономики и управления промышленностью, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета, статистики) и юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы на рускай, беларускай і англійскай мовах, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканамічных (эканомікі і кіравання прамысловасцю, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыту, бухгалтарскага ўліку, статыстыкі) і юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series D. Economics and law sciences

Series D includes reviewed articles which contain novelty in research and its scientific results in economics and management in industry, finance, currency and credit, accounting, statistics and law sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: И.В. Зенькова, Е.Б. Малей, Е.Н. Ярмоц, Ю.А. Приколотина, В.А. Богоненко.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 27.07.2020. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 19,99. Уч.-изд. л. 24,10. Тираж 100 экз. Заказ 399.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 334.72

ИНСТИТУТЫ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

*д-р экон. наук, проф. В.Л. КЛЮНЯ, В.Н. КОЗЛОВСКАЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассматриваются основные экономические показатели деятельности малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь за 2013-2017 гг., делается вывод, что его потенциал полностью не реализован. Анализируются институты поддержки малого и среднего предпринимательства, функционирующие в нашей стране, которые формируют политику поддержки необходимую для эффективного развития предпринимательской деятельности. На основе проведенного анализа даны рекомендации по усовершенствованию экономической политики, которая будет способствовать лучшему функционированию и развитию малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: *институты поддержки, малое и среднее предпринимательство, государственные институты, финансовые институты, инфраструктурные институты, общественные институты.*

Введение. Уже 27 лет в экономике Республики Беларусь происходят постепенные структурные изменения, с каждым годом все большую роль в экономическом развитии играет частный сектор. Институциональные преобразования и либерализация экономики повлекли формирование и развитие сектора малого и среднего предпринимательства. С сокращением количества крупных государственных предприятий частному сектору предстоит стать «катализатором», который будет создавать новые рабочие места, внедрять рыночные и производственные инновации.

Малые и средние предприятия (МСП) склонны к поиску новых возможностей, что заставляет их концентрироваться на небольших сегментах рынка, имеющих несущественное значение для крупных предприятий, и часто менять направление своей предпринимательской деятельности. Кроме того, они более мобильны, гибки и поэтому всегда быстрее выходят из периода экономического спада, но при этом сильнее зависят от сложившегося внутреннего спроса (потребления домашних хозяйств) и конъюнктуры на внешних рынках.

Успешная деятельность МСП зависит от множества факторов: состояния делового климата в стране, ставок налогообложения, ограниченности собственных финансовых ресурсов, недостатка предпринимательских знаний и умений, чувствительности к состоянию рынка.

Малое и среднее предпринимательство – постепенно развивающийся сектор экономики Республики Беларусь. В последние годы правительство все больше уделяет ему внимание. В 2018 году Советом Министров была утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года, а также реализуется Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на период 2016 – 2020 годов.

Основная часть. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2017 году удельный вес микро-, малых и средних организаций в ВВП составил 21,6%, удельный вес в валовой добавленной стоимости – 25,0%, каждый третий работник занят в секторе малого и среднего предпринимательства [1, с.18], обеспечивая 32,3% налоговых поступлений [2]. За пять прошедших лет не произошло значительного увеличения доли малого и среднего предпринимательства в ВВП страны, более того в 2017 году по сравнению с 2013 годом количество субъектов малого и среднего предпринимательства сократилось на 1141 единицу (1%), и общее количество в 2017 году составило 109 971 единицу. При этом следует отметить, с каждым годом происходит сокращение средних организаций, их удельный вес в общем количестве субъектов малого и среднего предпринимательства в 2017 году составил всего – 2% (что на 0,2 процентных пункта меньше чем в 2013 году), малые организации – 10,8% (увеличение на 0,2 процентных пункта по сравнению с 2013 годом), подавляющее большинство составляют микроорганизации – 87,2% (удельный вес остался неизменным по сравнению с 2013 годом) [1, с. 18].

Связано это с тем, что в 2015 году произошло резкое падение ВВП страны и замедление темпов роста экономики, обесценивание национальной валюты привело к инфляции и как следствие – снижению спроса на внутреннем рынке, сказалось сокращение экспорта по причине экономического спада у наших основных торговых партнеров, Российской Федерации и Украины. В сложившихся условиях малые и средние организации были вынуждены снижать свои затраты, что отразилось в сокращении численности работников. Так, в 2015 году средняя численность работников на микро- малых и средних организациях по сравнению с 2013 годом сократилась на 1,1 процентного пункта и составила от всего занятого населения 27,3% [1, с. 34].

Начиная с 2016 года, произошло постепенное восстановление экономики, проведенная правительством макроэкономическая стабилизация привела к снижению инфляции и уменьшению процентных ставок, восстановился внутренний спрос. Произошел рост численности работников на микро- малых и средних организациях и составил в 2017 году 28,7%, что превысило докризисный 2013 год на 0,3 процентных пункта [1, с. 34]. Данная тенденция говорит о гибкости МСП и возможности более быстро выходить из периода рецессии.

Наибольшая концентрация малых и средних организаций на 2017 год сосредоточена в г. Минске – 38,9%, Минской области – 19,0%, Брестской области – 9,6%, Гомельской области – 9,0%, Могилевской области – 7,8%, Гродненской области – 7,8%. Стоит отметить, что с каждым годом сохраняется тенденция к увеличению количества микро-, малых и средних организаций в городе Минске и Минской области. Так, за 2013 – 2017 годы в городе Минске их количество увеличилось на 2,5 процентных пункта, Минской области – на 0,2. В других областях наоборот произошло сокращение: в Брестской области – на 0,5 процентных пункта, Гомельской области – на 0,3 процентных пункта, Могилевской области – на 0,6, Гродненской области – на 0,2 [1, с. 50-51]. На наш взгляд, данная картина свидетельствует о неравности институтов региональной поддержки предпринимательской деятельности, недостатке собственных финансовых средств, снижении внутреннего спроса.

В 2017 году отраслевая структура микро-, малых и средних организаций сложилась следующим образом: 74,0% занято в сфере оказания услуг и 26,0% – в сфере производства [2]. Около 80% организаций по видам экономической деятельности сосредоточено в оптовой и розничной торговле; ремонте автомобилей и мотоциклов – 40 093 (36,45%); обрабатывающей промышленности – 14 782 (13,44%); транспортной деятельности, складировании, почтовой и курьерской деятельности – 11 536 (10,49%); строительстве – 8 774 (7,98%); профессиональной, научной и технической деятельности – 5 968 (5,43%); сельском, лесном и рыбном хозяйстве – 4 512 (4,10%) [1, с. 53].

Уже многие годы прослеживается отрицательная динамика вклада микро-, малых и средних организаций в инвестиции в основной капитал, в 2017 году доля в общем объеме инвестиций составила – 34,4%, что говорит о проблеме доступа к финансовым ресурсам.

Незначительный удельный вес микро-, малых и средних организаций в общем объеме промышленного производства в 2017 году всего 17,8% [1, с. 35]. Инновационную деятельность малые и средние организации развивают слабо, в 2017 году доля осуществляющих внутренние инновации в общем числе малых и средних организаций составила всего 3,55%, внедряющих продуктовые или процессные инновации – 3,04%, доля внедряющих маркетинговые или организационные инновации – 0,73% [3, с.34]. Приведенные данные указывают на то, что не приходится говорить о развитии инновационной деятельности и повышении конкурентоспособности сектора малого и среднего предпринимательства в ближайшее время. Важным фактором дальнейшего развития инновационной предпринимательской деятельности послужил Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики», который ставил своей целью способствовать развитию инновационной деятельности, содействовать привлечению отечественных и иностранных инвестиций в развитие сферы новых и высоких технологий, построению современной цифровой экономики в Республике Беларусь [4].

В 2017 году одновременно происходил рост в общем республиканском объеме доли микро-, малых и средних организаций в сфере общественного питания – 45,6%, в розничной торговле – 35,5%, оптовом товарообороте – 83,8% [1, с. 35].

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что малые и средние предприятия справились с последствием рецессии, однако их потенциал полностью не реализован, необходим переход к развитию инновационного предпринимательства, работающего в сегментах с высокой добавленной стоимостью. Тем не менее, не смотря на неоспариваемую роль малого и среднего предпринимательства в социальном развитии экономики, нельзя утверждать, что они полностью заменят крупное производство в ее структуре. Вместе с тем, все крупные предприятия когда-то были небольшими, имеющими потенциал и стремление к росту.

Правительство играет очень важную роль в развитии МСП, эффективно функционирующие институты создают благоприятные условия, что позволяет предпринимателю использовать сложившиеся экономические возможности и преимущества для развития эффективного производства. В Республике Беларусь за десять лет произошли значительные изменения в области поддержки МСП, был принят ряд нормативно-правовых актов регулирующих предпринимательскую деятельность, изменилось юридическое определение МСП. Произошли изменения в институциональной среде, которая формирует политику поддержки необходимую для эффективного развития предпринимательской деятельности, элементами которой выступают институты поддержки (государственные, финансовые, инфраструктурные, общественные).

Рассмотрим основные институты поддержки, функционирующие в нашей стране, как ключевые факторы, влияющие на эффективное развитие малого и среднего предпринимательства и формирующие предпринимательскую активность в Республике Беларусь.

Департамент по предпринимательству Министерства экономики Республики Беларусь – республиканский орган государственного управления, подчиненный Министерству экономики Республики Беларусь,

с правом юридического лица. К его основным функциям относится содействие развитию малого и среднего предпринимательства, совершенствование деловой среды. Кроме того, Департамент обеспечивает деятельность общественно-консультационного (экспертного) совета по развитию предпринимательства при Министерстве экономики, организует проведение национального конкурса «Предприниматель года» и биржи субконтрактов в промышленности в рамках Белорусского промышленного форума, готовит к изданию информационно-аналитические материалы, вносит в Министерство экономики и Совет Министров предложения и проекты нормативно-правовых актов оказывающих влияние на развитие малого и среднего предпринимательства [5].

При комитетах экономики облисполкомов, Мингорисполкома и районных исполнительных комитетов существуют отделы предпринимательства, на сайтах которых размещена вся необходимая информация о мероприятиях, политике и государственной поддержке МСП в Республике Беларусь.

ОАО «Банк развития Республики Беларусь» – государственный специализированный финансовый институт, созданный при поддержке Международного валютного фонда и Всемирного банка, осуществляющий свою деятельность в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 21 июня 2011 г. № 261. Институт участвует в финансировании государственных программ и социальных проектов, оказывает поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства, предоставляя кредитные продукты посредством банков-партнеров (ЗАО «Альфа-Банк», ОАО «Белинвестбанк», ОАО «Приорбанк», ОАО «Банк Дабрабыт», ОАО «Белагропромбанк», ОАО «Белгазпромбанк» и в ближайшее время вступят в проект ЗАО «МТБанк» и ОАО «Белорусский народный банк») и лизинговых компаний [6].

Всего в 2017 году было профинансировано 886 инвестиционных проектов (на общую сумму 193,8 млн руб.), а с августа 2014 (начало действия программы) до конца 2017 года было профинансировано 1626 инвестиционных проектов (на 443,0 млн руб.). Поддержка в 2017 году оказывалась производителям сферы сельского, лесного и рыбного хозяйства (270 проектов или 30%); предприятиям в регионах и женскому предпринимательству (220 проектов 25%); предприятиям-экспортерам (158 проектов или 18%); организациям сферы торговли и услуг; стартап-компаниям [7, с. 13].

Благодаря проекту «Расширение доступа к финансированию макро-, малых и средних предприятий в Республике Беларусь» за счет ресурсов Всемирного банка со второго квартала 2018 года есть возможность финансировать инвестиционные проекты субъектов МСП в иностранной валюте (до 2,5 млн дол. США) сроком до 10 лет [8]. Тем не менее, не смотря на увеличение финансирования субъектов МСП в 2017 году, основная сумма поддержки остается недостаточной, что обосновывает необходимость выделения большего количества денежных средств из республиканского бюджета.

Государственная финансовая поддержка за счет средств, предусмотренных в программах государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, оказывается **Белорусским фондом финансовой поддержки предпринимателей** путем предоставления денежных средств на возвратной возмездной или безвозмездной основе, имущества на условиях финансовой аренды (лизинга), гарантий по льготным кредитам [9]. Так, в 2018 году для получения государственной финансовой поддержки поступило 130 проектов, из которых одобрено и профинансировано 42 на общую сумму 3 566,2 тыс. руб. (микроорганизации – 2 052,3 тыс. руб. (57,5%), малые организации – 1 274,6 тыс. руб. (35,8%), индивидуальные предприниматели – 239,3 тыс. руб. (6,7%)) [10]. Распределение объемов профинансированных проектов в разрезе регионов непропорционально, наибольшее количество (72%) находится в городе Минске и Минской области (42,9%, и 29,1% соответственно), в то время как на оставшиеся четыре области приходится всего 18% из выделяемых Фондом финансовых средств (на Гродненскую область – 12,2%, Могилевскую область – 5,3%, у Гомельской и Витебской области всего по – 0,9%) [10]. Следует отметить, что значительного увеличения финансирования из Республиканского бюджета не произошло: на 2019 год запланировано выделение всего 2 685 980 руб., что ненамного больше 2018 года – 2 245 365 руб. [11; 12].

На местном уровне государственная поддержка малому и среднему предпринимательству на конкурсной основе оказывается **облисполкомами и Минским горисполкомом**, которые осуществляют финансирование на возвратно возмездной или безвозмездной основе, выдачу субсидий для возмещения части процентов за пользование банковскими кредитами, на выплату лизинговых платежей и части расходов, связанных с организацией либо участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях, а также предоставляют субсидии субъектам поддержки предпринимательства и инкубаторам малого предпринимательства [9]. Поддержка предоставляется субъектам малого и среднего предпринимательства, реализующим инвестиционный проект или бизнес-проект и прошедшим конкурсный отбор на создание, развитие и расширение производства товаров (работ, услуг), реализацию экспортоориентированной, импортозамещающей продукции, производство продукции, направленной на энерго- и ресурсосбережение, внедрение новых технологий. Обязательным условием оказания финансовой поддержки является создание новых рабочих мест.

Государственная финансовая поддержка оказывается **Белорусским инновационным фондом (Белинфонд)**, который содействует созданию и развитию новых и высокотехнологичных производств. Финансирование при реализации инновационных проектов оказывается как на возвратной, так и безвозвратной основе после прохождения инновационным предприятием конкурсного отбора. Финансирование на льготных условиях не требует залога и страхования займа, максимальная сумма – не более 7 – 10 млн. долл. США сроком до семи лет под процентную ставку 0,5 ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь [13]. В целях поддер-

жать инновационные отрасли и стимулировать развитие сектора инновационного предпринимательства был принят Указ Президента Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 229 «О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов», согласно которому оказывается безвозвратное государственное финансирование в форме предоставления инновационных ваучеров (при реализации подготовительного или конструкторско-технологического этапа) и грантов (при реализации конструкторско-технологического этапа). Объем финансирования на подготовительном этапе не может составлять более 25 тыс. дол. США, а на конструкторско-технологическом этапе – не более 100 тыс. дол. США. Гражданам Республики Беларусь, в том числе индивидуальным предпринимателям, государственная поддержка оказывается, если они заключили договор с научно-технологическим парком или инкубатором малого предпринимательства [14].

В период с 2010 по 2017 год Белинфондом проводилась работа по поддержке малого и среднего инновационного предпринимательства. Финансирование работ по организации и освоению производства было неравномерным и отличалось крайней нестабильностью. Максимального значения выделенные средства за отмеченный период достигли в 2012 году и составили 4,1 млн руб. или 30,7% от общего объема финансирования всех проектов. При этом необходимо отметить, что в 2016 году финансирование составило всего 0,02 млн руб. или 0,43% от общего объема финансирования всех проектов [15, с. 191]. В 2017 году финансирование проектов малого и среднего предпринимательства вовсе не осуществлялось. Белинфонд рассматривал четыре заявки на получение финансовой поддержки в реализации инновационных проектов на начальном этапе (достартовое и стартовое финансирование, т.е. венчурное финансирование) на безвозмездной основе в форме предоставления инновационных ваучеров и грантов, однако, как и в 2016 году, они были отклонены [16, с. 217]. На наш взгляд, новые инструменты безвозмездного финансирования не используются из-за незначительного объема финансирования Белинфонда.

Помимо финансовых институтов в Республике Беларусь активно создаются и развиваются другие институты поддержки предпринимательства. За последние десять лет был принят ряд нормативных актов, регулирующих деятельность инфраструктуры поддержки МСП.

Деятельность субъектов инфраструктуры регламентируется Законом Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148 «О поддержке малого и среднего предпринимательства», указами Президента Республики Беларусь от 21 мая 2009 г. № 255 «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства» и от 29 марта 2009 г. № 150 «О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом», постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 1911 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства».

По состоянию на 8 апреля 2019 года в стране функционирует 103 центра поддержки предпринимательства и 24 инкубатора малого предпринимательства. За период с января 2014 года по апрель 2019 года количество центров поддержки предпринимательства увеличилось на 48, а число инкубаторов – на 11 единиц. Субъекты инфраструктуры действуют во всех областях, так: в Брестской области – 11 центров и 3 инкубатора, Витебской области – 8 центров и 2 инкубатора, Гомельской области – 9 центров и 2 инкубатора, Гродненской области – 20 центров, а с 2017 года действует первый и пока единственный инкубатор, Минской области – 14 центров и 6 инкубаторов, Могилевской области – 13 центров и 5 инкубаторов, в Минске – 28 центров и 5 инкубаторов [17].

Центры поддержки предпринимательства оказывают малым и средним предприятиям бесплатные консультационные услуги, проводят семинары. Эти услуги помогают предпринимателям в разработке собственных стратегий развития предприятия, маркетинговых стратегий, в вопросах бухгалтерского учета, налогообложения и составлении отчетности. Оказывают и платные индивидуальные услуги, в том числе составление бизнес-планов, проводят маркетинговые исследования и анализ рынков. Некоторые центры поддержки предпринимательства специализируются в вопросах финансирования инновационной деятельности, экспертизе инновационных проектов, создании и развитии стартапов, организовали стартап-школы и проводят бизнес-мероприятия. В 2017 году около 126,8 тыс. человек получили консультации по различным вопросам организации и осуществления предпринимательской деятельности, было проведено 3829 семинаров, в которых приняло участие 64,4 тыс. человек [18].

Инкубаторы малого предпринимательства оказывают поддержку молодежи и начинающим инновационным предприятиям, срок деятельности которых с момента регистрации не превышает трех лет, предоставляя в аренду офисные и производственные помещения, различные информационные и консалтинговые услуги. Количество арендаторов в инкубаторах на конец 2018 года составило 694 субъекта малого предпринимательства, численность работников-арендаторов – 4026 человек. Количество выпущенных инкубаторами арендаторов в 2017 году составило 235 субъектов хозяйствования [18].

В 2017 году в целях поддержки предпринимательства государство выделило субъектам инфраструктуры из бюджета средства на общую сумму 744,4 тыс. руб. [18]. Согласно Указа Президента Республики Беларусь от 3 января 2007 г. № 1 «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры» к субъектам инновационной инфраструктуры относятся технопарки, центры трансфера технологий, венчурные организации [19]. По данным ГКНТ в 2017 году действовало 14 научно-технологических парка, 9 центров трансфера технологий, а с 2016 года Белинфонду был присвоен статус субъекта инновационной инфраструктуры (на основании Указа Президента от 15.06.2016 № 223) [16, с. 244]. За период с 2013 по 2017 годы количество научно-технологических парков увеличилось на два, а число центров трансфера технологий – на

шесть [20, с. 155; 16, с. 244]. Технопарки предоставляют резидентам необходимое материально-техническое обеспечение, финансирование для осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности, содействуют в осуществлении внешнеэкономической деятельности. Резидентами технопарка могут быть юридические лица и индивидуальные предприниматели, заключившие договор об аренде или о безвозмездном пользовании зданиями, сооружениями, помещениями и движимым имуществом, принадлежащим технопарку.

В 2017 году количество резидентов технопарков составило 133 организации, что на 42 организации больше чем в 2013 году, общая численность работников-резидентов технопарков по сравнению с 2013 годом увеличилась на 461 человека и составила – 1598 человек [16, с. 246; 20, с. 155].

Основным видом экономической деятельности у резидентов технопарков, по состоянию на 2017 год являлась обрабатывающая промышленность, она формировала почти половину (48,1%) организаций резидентов технопарков, 50,1% всех работников, 76,9% произведенной продукции (69,1% инновационной продукции). На втором месте – информация и связь, такие организации составляли 22,6% от общего количества резидентов, где работало 22,4% всех работников, выпускавших 10% всей произведенной продукции (14,4% инновационной продукции). Третье место занимает профессиональная, научно-техническая деятельность, которая составляла 18,0% от общего количества организаций, 14,3% работников резидентов технопарков, 8,7% произведенной продукции (10,8% инновационной продукции). Резиденты ведут работу в области научных исследований и разработок, инженерных изысканий, технических испытаний и анализа. Другие виды экономической деятельности внесли незначительный вклад в производство инновационной продукции и составляли в общем количестве не более 6% [16, с. 247].

Научно-технологические парки были созданы при учебных заведениях при содействии и финансовой поддержке исполкомов и охватывают все области экономики страны.

Центры трансфера технологий содействуют в передаче и приобретении прав на результаты научно-технической и инновационной деятельности. Кроме того, они предоставляют организационно-методическое сопровождение инновационной деятельности, оказывают инжиниринговые и консультационные услуги, проводят информационно-методические семинары, осуществляют исследование конъюнктуры рынка по выявлению возможностей реализации инноваций.

Развитие и рост предпринимательского потенциала невозможен без развитой системы образования, которая формирует предпринимательские навыки и предпринимательскую культуру.

На уровне общего среднего образования Министерством образования предусмотрено формирование предпринимательской компетенции через факультативный курс для V – XI классов «Основы экономических знаний» и для X – XI классов «Основы предпринимательства» по 35 учебных часа на каждый класс [21, с. 58].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2016 г. № 250 «Об утверждении Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2016 – 2020 годы» направлена на повышение предпринимательской инициативы среди молодежи, вовлечение её в инновационную деятельность. Программой предусмотрено проведение Республиканского молодежного конкурса «100 идей для Беларуси», Республиканского конкурса молодежных инновационных проектов в сфере высоких технологий «Беларусь-стартап», Республиканского фестиваля-конкурса по экономике и предпринимательству среди учащихся учреждений общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования «Лестница успеха», Республиканского информационно-профорезориационного проекта «ПРОФ-БУМ», Республиканского конкурса «Молодой предприниматель» [22]. Финансирование осуществляется через республиканский и местные бюджеты. Мероприятия дают возможность активизировать инновационный потенциал молодых исследователей и ученых, продвинуть конкретные инновационные проекты и перспективные научно-технические разработки, повысить предпринимательскую активность и развить лидерские качества молодежи.

Активно проходит апробация концепции «Университет 3.0» (предпринимательский университет), которая предполагает активное сотрудничество учреждений высшего образования с частным сектором экономики, путем внедрения научных исследований и разработок в практическую деятельность, а также формируя у студентов бизнес-компетенции. Начиная с 2018 года в Республике Беларусь семь университетов (БГУ, БНТУ, БГЭУ, БГУИР, БНТУ, БРУ и ГрГУ им. Янки Купалы) участвуют в реализации экспериментального проекта «Совершенствование деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0» (комплексное развитие научно-исследовательской, инновационной и предпринимательской инфраструктуры учреждений высшего образования в целях создания инновационной продукции и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности)» [23, с. 110]. На базе университетов открываются бизнес-инкубаторы, научно-исследовательские лаборатории, бизнес-школы, проводятся конкурсы инновационных проектов. Так, с целью поддержки инновационного предпринимательства в Гомельском государственном университете начала функционировать бизнес-школа «Стартап-ГГУ»; в Полоцком государственном университете создан центр стартапов и предпринимательских инициатив; в Белорусском национальном технологическом университете создана производственная лаборатория «ФабЛаб». На базе БГУ функционирует Центр развития молодежного предпринимательства и инкубатор малого предпринимательства КУП «Молодежная социальная служба».

Таким образом, обучение навыкам предпринимательства позволит создать условия для количественного и устойчивого роста сектора малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь.

Общественные институты играют немаловажную роль – объединения предпринимателей занимают все более активную позицию в Республике Беларусь, внося и предлагая свои инициативы по развитию предпринимательства. Начиная с 2000 года, ежегодно проводится Ассамблея деловых кругов Республики Беларусь, на которой предприниматели презентуют свои предложения по улучшению делового климата и развитию предпринимательства в Беларуси, обсуждается и принимается «Национальная платформа бизнеса Беларуси». В ней отражены предложения об упрощении налогообложения, сокращении административных процедур, формировании благоприятной деловой и инвестиционной среды и многие другие предложения, которые были использованы при подготовке правительственных документов. Проводится конкурс «Лучший город (район, область) для бизнеса Беларуси», который помогает региональным предпринимательским союзам (ассоциациям) активно взаимодействовать с местными органами государственной власти и управления создавать наиболее оптимальные условия для ведения предпринимательской деятельности. Ежегодно проводятся исследования «Индекс делового оптимизма», который дает субъективную оценку предпринимательского сообщества на экономическое положение и состояние делового климата.

Наиболее активную позицию занимают такие общественные объединения предпринимателей, как: Союз юридических лиц «Республиканская конфедерация предпринимательства» – на данный момент в него входит 8 региональных, 12 отраслевых и функциональных бизнес-ассоциаций [24]; крупнейшее в Республике Беларусь Общественное объединение «Минский столичный союз предпринимателей и работодателей», Республиканское общественное объединение «Белорусская научно-промышленная ассоциация», при которых созданы и действуют центры поддержки предпринимательства и Бизнес-союз предпринимателей и нанимателей имени профессора М.С. Кунявского.

Предпринимательские союзы (ассоциации) предоставляют своим членам следующие услуги:

- организуют стажировки, тренинги и бизнес-школы для молодежи, участие в форумах и семинарах, организуют международные контакты и деловые встречи с международными экономическими организациями, союзами (ассоциациями);
- участвуют в обсуждении стратегии и программ развития предпринимательства, в работе общественно-консультативных советов при органах государственной власти и управления;
- обеспечивают защиту прав и представляют интересы в государственных органах и международных организациях;
- содействуют экспортерам и импортерам, производственной кооперации (субконтрактации), помогают с международным инвестиционным сотрудничеством;
- предоставляют актуальную информацию о законодательстве в Республике Беларусь, ЕАЭС и СНГ.

Однако всего около 10% субъектов малого и среднего предпринимательства являются членами предпринимательских союзов (ассоциаций), что не позволяет полностью раскрыть потенциал объединений предпринимателей на национальном, региональном и отраслевом уровне, тормозит рост частного сектора, особенно в регионах, и как следствие повышает конкурентоспособности экономики.

С принятием Директивы № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» активизировался диалог между представителями государственного и частного сектора путем создания общественно-консультационных (экспертных) советов по развитию предпринимательства, создание которых было там указано в числе приоритетов. По данным Министерства экономики в Республике Беларусь действует 39 общественно-консультационных (экспертных) советов по развитию предпринимательства, созданных при государственных органах (организациях) [25], в 2017 году состоялось 114 заседаний [26, с. 273]. С конца 2016 года по май 2019 года состоялось 20 заседаний рабочей группы по вопросам деятельности индивидуальных предпринимателей при общественно-консультационном (экспертном) совете по развитию предпринимательства при Министерстве экономики Республики Беларусь [27]. При облисполкомах, Мингорисполкоме, райисполкомах созданы и функционируют Советы по развитию предпринимательства.

Начиная с 1999 года Совет по развитию предпринимательства – постоянно действующий консультационный орган при Президенте Республики Беларусь. Указом Президента Республики Беларусь от 11 мая 2019 года № 173 «О совершенствовании деятельности Совета по развитию предпринимательства» расширены полномочия этого органа в целях активизации участия делового сообщества в процессах реализации государственной политики в сфере экономики [28]. За Советом закреплены полномочия по координации деятельности областных (районных) советов по развитию предпринимательства, это позволит предпринимательскому сообществу эффективно взаимодействовать с местными органами власти и оперативно решать накопившиеся проблемы по ведению предпринимательской деятельности в регионах. В новый состав Совета предпринимательские союзы (ассоциации) не вошли, но получили статус официальных партнеров, который дает им право участвовать в деятельности Совета. Таким образом, в Беларуси активно развивается диалог государственной власти, частного предпринимательства и гражданского общества. Однако отсутствие в свободном доступе информации о результатах реализации принятых решений Советами, не позволяет говорить о положительном их воздействии на принятие решений государственными органами (при подготовке проектов нормативных правовых актов) по вопросам развития предпринимательской деятельности, нет контроля и оценки процедур общественных обсуждений.

Заключение. Таким образом, помимо произошедших положительных изменений существует и ряд нерешенных проблем в сфере усовершенствования экономической политики в сфере МСП в Республике Беларусь. Представляется необходимым принять следующие меры:

– Департаменту по предпринимательству Министерства экономики Республики Беларусь необходимо создать веб-сайт поддержки, который будет отражать информацию о мерах поддержки предпринимательства и проходящих мероприятиях в Республике Беларусь, а также предоставлять широкий спектр бесплатных услуг и консультаций, как по телефону, так и по записи. Ежегодно проводить сбор, анализ и готовить отчет о деятельности МСП. Организовать онлайн-платформу, на которой будут регистрироваться и публиковаться свою информацию отечественные и зарубежные МСП, прошедшие строгий отбор, что позволит найти деловых партнеров и вести переговоры, технологии и поиск продуктов и услуг.

В сфере доступа МСП к финансированию необходимо:

– создать институт гарантийного страхования для МСП, который позволит коммерческим банкам расширить количество программ финансовой поддержки для разных категорий субъектов МСП, что позволит кредитовать большее количество МСП и упростит доступ к финансированию;

– увеличить расходы республиканского бюджета на финансирование МСП через государственные финансовые институты (Банк развития Республики Беларусь, Белорусский фонд поддержки предпринимательства, Белорусский инновационный фонд);

– расширить количество программ финансовой поддержки для разных категорий субъектов МСП;

– создать по всей стране сеть государственных венчурных фондов, которые будут финансировать малые предприятия на ранней стадии развития;

– совершенствовать условия для развития небанковского финансирования главным образом за счет микрофинансовых и лизинговых услуг.

В сфере **инфраструктурной поддержки МСП** предлагается создать государственный институт, который будет координировать деятельность субъектов инфраструктуры, отвечать за качество и ассортимент услуг по поддержке малого и среднего предпринимательства, с сетью региональных отделений по всей стране. В обязанности государственного института будет включено взаимодействие с региональными и местными органами власти, государственными и частными финансовыми институтами, предпринимательскими союзами (ассоциациями). Необходимо создать сеть «Частных предпринимательских институтов» готовящих будущих предпринимателей и оказывающих услуги по повышению квалификации, в том числе специалистов, оказывающих консультационные услуги в центрах поддержки предпринимательства. Предпринимательским союзам (ассоциациям) целесообразно подключиться к процессу оценки и контроля преподаваемых учебных дисциплин.

В целях **активизации МСП в малых городах и сельской местности** следует позволить предпринимательским союзам (ассоциациям) создать инвестиционные фонды поддержки предпринимательской деятельности, которые будут инвестировать в стартапы, женское и социальное предпринимательство, в предприятия на стадии развития (способные к быстрому росту). Это создаст новые и поддержит существующие рабочие места.

Таким образом, необходимы дальнейшие институциональные преобразования в сфере малого и среднего предпринимательства, так как эффективно функционирующая институциональная среда позволит эффективно перераспределять имеющиеся ресурсы экономических агентов, будет стимулировать хозяйственную деятельность, что приведет к созданию благоприятных условий для количественного и качественного развития малого и среднего предпринимательства, инклюзивному росту в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. статист. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 195 с.
2. Мониторинг малого и среднего предпринимательства 2017 инфографика [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/msb-monitoring-2017-2/BELARUS.pdf> – Дата доступа: 25.02.2019.
3. Наука и инновационная деятельность Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. статист. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 136 с.
4. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Пресс-служба Президента Республики Беларусь – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 – Дата доступа: 28.02.2019.
5. О департаменте по предпринимательству Министерства экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 июля 2006 г., № 967 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20600967> – Дата доступа: 6.03.2019.
6. Открытое акционерное общество «Банк развития Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brrb.by/about/>. – Дата доступа: 10.03.2019.
7. О влиянии инвестиций Банка развития на экономику Республики Беларусь в 2017 г. : информационно-аналитический обзор [Электронный ресурс] // Открытое акционерное общество «Банк развития Республики Беларусь» – Режим доступа: <https://brrb.by/about/analitik/>. – Дата доступа: 10.03.2019.
8. Открытое акционерное общество «Банк развития Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brrb.by/about/press/news/bank-razvitiya-predlagaet-subektam-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-novye-vozmozhnosti-dlya-razv/>. – Дата доступа: 11.03.2019.

9. О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 мая 2009 г., № 255 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=p30900255>. – Дата доступа: 24.03.2019.
10. Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarp.by/ru/statistics-fund> – Дата доступа: 26.03.2019.
11. О республиканском бюджете на 2019 год [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2018 г., № 160 // Министерство финансов Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by/ru/budgetary_policy/budgetary_legislation/da8d2db88c99a337.html – Дата доступа: 27.03.2019.
12. О республиканском бюджете на 2017 год [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 дек. 2017 г., № 86 // Министерство финансов Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by/ru/budgetary_policy/budgetary_legislation/da8d2db88c99a337.html. – Дата доступа: 27.03.2019.
13. Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarp.by/ru/state-help/inveistochinigofin/beloruskijinnov> – Дата доступа: 28.03.2019.
14. О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 20 мая 2013 г., № 229 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31300229&p1=1>. – Дата доступа: 10.03.2019.
15. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2016 года: аналитический доклад / под ред. А.Г. Шумилина, В.Г. Гусакова. – Минск : ГУ «БелИСА», 2017. – 222 с.
16. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2017 года: аналитический доклад / под ред. А.Г. Шумилина, В.Г. Гусакова. – Минск : ГУ «БелИСА», 2018. – 282 с.
17. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/infrostruktura_poddergki_small_medium_bussines-ru/. – Дата доступа: 17.04.2019.
18. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/ru/activities-of-infrastructure-to-support-small-businesses-ru/>. – Дата доступа: 17.04.2019.
19. Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 янв. 2007 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://www.pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2007-5/2007-5\(005-031\).pdf&oldDocPage=21](http://www.pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2007-5/2007-5(005-031).pdf&oldDocPage=21). – Дата доступа: 21.04.2019.
20. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2013 года: аналитический доклад / под ред. А.Г. Шумилина, В.Г. Гусакова. – Минск : ГУ «БелИСА», 2014. – 218 с.
21. Сергеева, Ю.И. Молодежное предпринимательство в Беларуси: от теории к практике / Ю.И. Сергеева // Адукацыя і выхаванне. – 2018. – № 8. – С. 57– 65.
22. Об утверждении Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2016 – 2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 мар. 2016 г. № 250 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600250>. – Дата доступа: 01.05.2019.
23. Бондарь, А.В. Предпринимательский университет как точка роста экономики знаний / А.В. Бондарь, П.А. Лис, В.И. Слиз // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 4. – С. 105 – 122.
24. СЮЛ «РКП» Сегодня // Союз предпринимателей. – 2018. – Июль, август (№ 119/120). – С. 3.
25. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/oks_predpr-ru/. – Дата доступа: 10.05.2019.
26. Проект Аналитического отчета о реализации в 2016-2017 гг. Национальной стратегии устойчивого социально- экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (НУРС-2030) [Электронный ресурс] // Государственное научное учреждение «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь» – Режим доступа: <http://niei.by/ru/novosti-nauchnoi-zhizni-ru/view/proekt-analiticheskogo-otcheta-o-realizatsii-v-2016-2017-gg-natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-sotsialno-18/>. – Дата доступа: 14.02.2019.
27. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/protokoly_rg_oks-ru/. – Дата доступа: 17.05.2019.
28. Пресс-служба Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/kommentarij-k-ukazu-173-ot-11-maja-2019-g-21086/. – Дата доступа: 20.05.2019.

Поступила 23.05.2019

INSTITUTIONS THAT SUPPORT SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE REPUBLIC OF BELARUS: STATE AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

V. KLIUNYA, V. KOZLOVSKAYA

The main economic indicators of small and medium-sized enterprises in the Republic of Belarus for 2013-2017 are considered, and it is concluded that their potential has not been fully realized. The article analyzes the institutions that support small and medium-sized businesses operating in our country, which form the support policy necessary for the effective development of business activities. Based on the analysis, recommendations are given for improving economic policy, which will contribute to the better functioning and development of small and medium-sized businesses in the Republic of Belarus.

Keywords: support institutions, small and medium-sized businesses, state institutions, financial institutions, infrastructure institutions, public institutions.

УДК 311.313; 519.237.7

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ
ПО УРОВНЮ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ****канд. физ.-мат. наук О.Н. БУДЬКО, Т.В. СЕЛЮЖИЦКАЯ
(Гродненский государственный университет им. Янки Купалы)**

На основе построенного ранее интегрального индикатора эколого-экономического состояния регионов Беларуси проведена кластеризация регионов за 2008–2017 годы методом k -средних кластерного анализа. Выделено три достоверно различных кластера регионов по эколого-экономическому состоянию, проанализирован их состав, дана содержательная интерпретация, проанализирована динамика распределения регионов по кластерам и средние значения показателей в кластерах, сделаны соответствующие выводы и даны рекомендации. Использовалась авторская система из семнадцати показателей, характеризующих эколого-экономическое состояние регионов и сгруппированных в четыре блока показателей антропогенной нагрузки на окружающую среду; показателей, характеризующих природоохранную деятельность в регионах; показателей экономических возможностей природоохранной деятельности; показателей эколого-экономической эффективности. Расчеты проводились с помощью программных средств Statistica и MS Excel.

Ключевые слова: эколого-экономическое состояние, регион, система показателей, интегральный индикатор, метод k -средних, кластерный анализ.

Введение. В современном мире все более настойчиво выдвигается требование устойчивого экономического развития, то есть соизмеренного с социальными и экологическими параметрами. Понятие «устойчивое развитие» в экономической литературе не имеет однозначного толкования, что отмечено, в частности, О.С. Шимовой в работе [1, с. 43–45]. Вместе с тем она уточняет, что под «устойчивым» понимается «развитие, благодаря которому поддерживается (сохраняется) благосостояние людей и общественного устройства посредством сбережения жизнеобеспечивающих функций природы» [1, с. 44]. Таким образом, устойчивое развитие можно понимать как рост экономики при сохранении или улучшении качественных параметров, то есть при обеспечении социального развития и сохранения окружающей среды.

В нашей стране в настоящее время разработан проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, согласно которому долгосрочное развитие административно-территориальных единиц должно осуществляться с учетом сопряженности с Целями устойчивого развития, содержащимися в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [2]. Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь сформирован национальный перечень показателей Целей устойчивого развития (ЦУР), позволяющих осуществлять мониторинг их достижения [3]. Вместе с тем продолжается его актуализация и совершенствование, тем более что на уровне регионов этот набор показателей пока не сформирован. Анализ состава системы показателей ЦУР показал, что значительная часть показателей призвана охарактеризовать именно экологические аспекты устойчивого развития. В долгосрочной перспективе ставится задача «устойчивого снижения вредных воздействий на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности путем экологизации социально-экономического развития на национальном, отраслевом и региональном уровнях...» [4, с. 95]. При этом политика регионального развития предполагает, в частности, «комплексное развитие каждого региона и уменьшение существующих региональных различий...» [4, с. 115].

Цель работы – провести дифференциацию и анализ регионов Республики Беларусь (областей и г. Минск) по уровню их эколого-экономического состояния.

Основная часть. Система показателей. В работе [5] была предложена авторская система показателей, выступающих экологическими индикаторами устойчивого развития на региональном уровне. В дальнейшем в работе [6] она была усовершенствована и сформирована система из 17 показателей, характеризующих эколого-экономическое состояние регионов Беларуси, где были выделены следующие группы показателей:

1. *Показатели антропогенной нагрузки на окружающую среду:* X_1 – выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников на 1 км^2 , кг; X_2 – выбросы загрязняющих веществ от мобильных источников на 1 км^2 , кг; X_3 – добыча воды из природных источников на душу населения, $\text{м}^3/\text{чел.}$; X_4 – образование отходов на одного жителя, кг/чел.; X_5 – доля нарушенных земель, %.

2. *Показатели, характеризующие природоохранную деятельность в регионах:* X_6 – доля нормативно-очищенной воды, %; X_7 – удельный вес использованных отходов, %; X_8 – удельный вес окончательно удаленных отходов, %; X_9 – удельный вес уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, %; X_{10} – объем оборотного и повторного водоснабжения, млн м^3 ; X_{11} – особо охраняемые природные территории, %; X_{12} – лесистость, %.

3. *Показатели экономических возможностей природоохранной деятельности:* X_{13} – текущие затраты на природоохранные мероприятия (в сопоставимых ценах), млн руб.; X_{14} – инвестиции в основной

капитал природоохранного назначения (в сопоставимых ценах), млн руб.; X_{15} – затраты на биотехнические мероприятия по разведению диких животных (в сопоставимых ценах), тыс. руб.

4. Показатели эколого-экономической эффективности: X_{16} – интенсивность образования отходов на единицу валового регионального продукта (ВРП), кг/руб.; X_{17} – добыча (изъятие) воды из природных источников на единицу ВРП, м³/руб.

Описанная выше система показателей использовалась для расчета интегрального индикатора эколого-экономического состояния регионов, по значениям которого были ранжированы регионы и проведен анализ построенных рейтингов как по каждому году, так и за весь рассматриваемый период – 2008–2017 гг. [6].

Для построения интегрального индикатора эколого-экономического состояния регионов использовался метод главных компонент факторного анализа [7, с. 13], реализованный в программном пакете Statistica.

Таким образом, объектами изучения являются регионы Беларуси (области и г. Минск), рассматриваемые как панельные данные, то есть одной единицей изучения является регион за некоторый год. Всего имеем 70 наблюдений (6 областей и г. Минск за 10 лет с 2008 г. по 2017 г.), каждое характеризуется 17 показателями.

Кластерный анализ по панельным данным. На основании построенного в работе [6] интегрального индикатора эколого-экономического состояния регионов методом k -средних кластерного анализа [7, с. 176] были сформированы однородные группы изучаемых объектов (кластеры). Расчеты проводились в пакете Statistica и Excel. В таблице 1 представлены результаты кластеризации регионов по 3 группам, отсортированные по значению интегрального индикатора R , характеризующего эколого-экономическое состояние регионов.

Таблица 1. – Результаты кластеризации регионов Республики Беларусь по интегральному индикатору эколого-экономического состояния за 2008–2017 гг.

Место в рейтинге	Год	Области и г. Минск	R	Среднее значение R в кластере (количество регионов)	Место в рейтинге	Год	Области и г. Минск	R	Среднее значение R в кластере (количество регионов)
1	2013	Гомельская	79,452	Кластер 1 48,378 (20)	36	2009	Витебская	9,937	Кластер 2
2	2017	Витебская	77,269		37	2012	Могилевская	9,533	
3	2015	Витебская	64,251		38	2013	Могилевская	7,730	
4	2014	Витебская	63,248		39	2016	Могилевская	7,301	
5	2016	Витебская	56,849		40	2008	Гродненская	5,079	
6	2016	Брестская	55,118		41	2011	Могилевская	1,367	
7	2017	Брестская	51,505		42	2010	Могилевская	-2,162	
8	2015	Брестская	51,150		43	2008	Витебская	-2,369	
9	2014	Гомельская	49,311		44	2009	Могилевская	-2,774	
10	2014	Брестская	46,899		45	2010	Гомельская	-4,105	
11	2015	Гомельская	44,441		46	2008	Гомельская	-5,198	
12	2017	Гомельская	43,586		47	2008	Могилевская	-7,491	
13	2013	Витебская	42,267		48	2015	Могилевская	-8,167	
14	2013	Брестская	41,424		49	2009	Гомельская	-8,993	
15	2016	Гомельская	40,263	50	2014	Могилевская	-13,666		
16	2012	Витебская	35,793	51	2013	Минская	-31,222	Кластер 3 -59,990 (20)	
17	2012	Гомельская	35,271	52	2016	Минская	-33,886		
18	2011	Брестская	29,868	53	2017	Минская	-34,632		
19	2012	Брестская	29,809	54	2017	г. Минск	-36,166		
20	2017	Гродненская	29,779	55	2016	г. Минск	-39,250		
21	2009	Брестская	26,766	56	2014	Минская	-40,111		
22	2010	Брестская	25,721	57	2015	Минская	-43,292		
23	2016	Гродненская	25,140	58	2009	Минская	-43,648		
24	2008	Брестская	18,443	59	2012	Минская	-43,697		
25	2017	Могилевская	16,494	60	2015	г. Минск	-51,515		
26	2012	Гродненская	16,285	61	2014	г. Минск	-64,623		
27	2013	Гродненская	14,826	62	2011	Минская	-66,372		
28	2011	Витебская	14,232	63	2013	г. Минск	-67,541		
29	2011	Гродненская	13,921	64	2008	Минская	-68,726		
30	2010	Гродненская	13,836	65	2012	г. Минск	-77,155		
31	2009	Гродненская	13,833	66	2010	Минская	-77,836		
32	2014	Гродненская	13,020	67	2011	г. Минск	-82,322		
33	2015	Гродненская	12,762	68	2010	г. Минск	-87,321		
34	2010	Витебская	10,606	69	2009	г. Минск	-103,83		
35	2011	Гомельская	10,318	70	2008	г. Минск	-106,63		

Источник: собственная разработка по расчетам в пакете Statistica.

Количество выделяемых кластеров (групп объектов) задается исходя из требования метода k -средних, согласно которому средние значения интегрального индикатора в кластерах должны быть достоверно различны. Кроме того, полученные кластеры должны допускать содержательную интерпретацию. В нашем случае количество кластеров больше трех не несет большого содержательного смысла. Так, было установлено, что при разбиении на пять кластеров кластер 1 и кластер 3 делятся каждый на два, кластер 2 практически не меняется. Проверка достоверности различия средних значений интегрального индикатора R в кластерах проводилась по критерию Шеффе, так как $p < 0,05$, то разбиение на 3 кластера является обоснованным.

Проанализируем состав кластеров. Проведенное разбиение изучаемых объектов на 3 кластера допускает следующую интерпретацию.

Кластер 1 можно охарактеризовать как кластер с *высоким уровнем* эколого-экономического состояния регионов, который сформировали регионы с наиболее высокими значениями интегрального индикатора эколого-экономического состояния (среднее значение $R = 48,378$). К нему относятся 20 объектов изучения, регионы: Брестская область (2011–2017 гг.), Витебская и Гомельская области (2012–2017 гг.), Гродненская область (2017 г.).

В *кластер 2* попали 30 объектов изучения со *средним уровнем* эколого-экономического состояния (среднее значение $R = 7,741$): Брестская область (2008–2010 гг.), Витебская и Гомельская области (2008–2011 гг.), Гродненская область (2008–2016 гг.) и Могилевская область (2008–2017 гг.).

Регионы *кластера 3* характеризуются *низким уровнем* эколого-экономического состояния (среднее значение $R = -59,99$). В данный кластер попали Минская область и г. Минск за все рассматриваемые годы.

С учетом целей устойчивого развития полученным кластерам можно дать следующую содержательную интерпретацию: кластер 1 – это регионы с благоприятным (высоким) эколого-экономическим состоянием для устойчивого развития; кластер 2 – регионы с достаточно благоприятным (средним) эколого-экономическим состоянием для устойчивого развития; кластер 3 – регионы с неблагоприятным (низким) эколого-экономическим состоянием для устойчивого развития.

Проанализировав динамику распределения регионов по кластерам за 2008–2017 гг. (таблица 2), были выявлены тенденции изменения эколого-экономического состояния каждого региона.

Таблица 2. – Динамика распределения регионов Республики Беларусь по кластерам за 2008–2017 гг.

Области и г. Минск	Номер кластера									
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Брестская	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1
Витебская	2	2	2	2	1	1	1	1	1	1
Гомельская	2	2	2	2	1	1	1	1	1	1
Гродненская	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1
г. Минск	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Минская	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Могилевская	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2

Источник: собственная разработка по расчетам в пакете Statistica.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что три из семи регионов (Брестская область, начиная с 2011 г., Витебская и Гомельская области, начиная с 2012 г.) перешли из кластера 2 в кластер 1 с высоким уровнем эколого-экономического состояния. В 2017 г. к этим регионам присоединилась и Гродненская область. На протяжении всех десяти анализируемых лет в кластере 2 со средним уровнем эколого-экономического состояния находилась Могилевская область, а Минская область и г. Минск – в кластере 3 с низким уровнем эколого-экономического состояния. Таким образом, можно отметить, что в целом эколого-экономическое состояние в республике в последние годы улучшилось, в 2017 г. четыре из семи регионов относились к кластеру 1 с высоким уровнем эколого-экономического состояния.

Причины, обусловившие дифференциацию регионов Беларуси на три кластера по эколого-экономическому состоянию за 2008–2017 гг., заключаются в различиях значений исходных показателей, сформировавших уровень интегрального индикатора R , на основании которого и была проведена кластеризация. Поэтому необходимо проанализировать средние значения исходных показателей в каждом кластере (таблица 3).

В идеальном случае средние значения показателей кластера 1 должны быть лучшими (минимальными или максимальными из всех кластеров в зависимости от содержательного смысла показателя), кластера 2 – средними, кластера 3 – худшими. Чаще всего при большом количестве показателей эти условия не выполняются. Выявление таких аномальных средних значений позволяет выявить «узкие места» в эколого-экономическом состоянии регионов соответствующего кластера и дать рекомендации по его улучшению.

По показателям антропогенной нагрузки на окружающую среду X_1 – X_5 , для которых лучшими являются меньшие значения, регионы кластера 1 обеспечили наименьшие средние значения показателей X_2 – выбросы загрязняющих веществ от мобильных источников на 1 км² и X_4 – образование отходов на одного жителя. Показатели X_1 – выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников на 1 км² и X_3 – добыча воды из природных источников на душу населения лучше у регионов кластера 2. Показатель X_5 – доля нарушенных земель имеет минимальное (наилучшее) значение для регионов кластера 3 и максимальное (наихудшее) значение – для кластера 1.

Таблица 3. – Средние значения показателей эколого-экономического состояния регионов Беларуси в кластерах за 2008–2017 гг.

Кластеры	Выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников на 1 кв. км, кг	Выбросы загрязняющих веществ от мобильных источников на 1 кв. км, кг	Добыча воды из природных источников на душу населения, куб. м/чел.	Образование отходов на одного жителя, кг/чел.	Доля нарушенных земель, %	Доля нормативно-очищенной воды, %	Удельный вес использованных отходов, %	Удельный вес окончательно удаленных отходов, %
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
Кластер 1	2140,85	3165,35	167,43	1291,67	0,284	99,72	88,32	27,86
Кластер 2	1850,97	3850,00	149,16	1998,51	0,246	99,23	74,06	30,58
Кластер 3	43101,35	254997,85	191,20	11841,44	0,185	98,02	31,45	69,13

Окончание таблицы 3

Кластеры	Удельный вес уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, %	Объем оборотного и повторного водоснабжения, млн куб. м	Особо охраняемые природные территории, %	Лесистость, %	Текущие затраты на природоохранные мероприятия, млн руб.	Инвестиции в основной капитал природоохранного назначения, млн руб.	Затраты на биотехнические мероприятия по разведению диких животных, тыс. руб.	Интенсивность образования отходов на единицу ВРП, кг/руб.	Добыча (изъятие) воды из природных источников на единицу ВРП, куб. м/руб.
	X_9	X_{10}	X_{11}	X_{12}	X_{13}	X_{14}	X_{15}	X_{16}	X_{17}
Кластер 1	64,55	1017,05	10,17	40,35	110,42	35,80	544,23	0,302	0,045
Кластер 2	81,81	859,00	7,25	37,80	43,84	6,02	87,13	1,213	0,109
Кластер 3	82,51	562,00	3,77	19,21	62,73	13,74	72,56	4,076	0,072

Источник: собственная разработка.

Природоохранную деятельность в регионах характеризуют показатели $X_6 - X_{12}$, лучшими для них являются более высокие значения. Для кластера 1 характерны наилучшие средние значения показателей X_6 – доля нормативно-очищенной воды; X_7 – удельный вес использованных отходов; X_{10} – объем оборотного и повторного водоснабжения; X_{11} – особо охраняемые природные территории; X_{12} – лесистость. Все с точностью до наоборот по кластерам для показателей X_8 – удельный вес окончательно удаленных отходов и X_9 – удельный вес уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников: кластер 3 имеет наилучшие значения, кластер 1 – наихудшие.

По средним значениям показателей экономических возможностей природоохранной деятельности $X_{13} - X_{15}$, для которых лучшими являются более высокие значения, лидирует кластер 1. По показателям X_{13} – текущие затраты на природоохранные мероприятия и X_{14} – инвестиции в основной капитал природоохранного назначения более высокие средние значения принадлежат кластеру 3, а не кластеру 2.

Показатели эколого-экономической эффективности $X_{16} - X_{17}$, для которых лучшими являются меньшие значения, ведут себя по-разному. Наилучшее среднее значение показателя X_{16} – интенсивность образования отходов на единицу ВРП обеспечивают регионы кластера 1, наихудшее – кластера 3. По показателю X_{17} – добыча (изъятие) воды из природных источников на единицу ВРП наилучшее значение в кластере 1, наихудшее – в кластере 2, а не в кластере 3.

Закключение. По результатам расчетов и проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Анализ состава сформированных однородных групп (кластеров) изучаемых объектов показал, что наиболее высокий уровень эколого-экономического состояния имели Брестская область (2011–2017 гг.), Витебская и Гомельская области (2012–2017 гг.), а в 2017 году к ним присоединилась Гродненская область. Могилевская область за весь рассматриваемый период 2008–2017 гг. имела средний уровень эколого-экономического состояния, а Минская область и г. Минск за этот же период характеризовались низким уровнем эколого-экономического состояния. В целом по республике в последние годы можно отметить положительную динамику перехода большинства регионов в кластер с более высоким уровнем эколого-экономического состояния.

Сравнение средних значений показателей в кластерах позволяет дать следующие общие рекомендации по улучшению эколого-экономического состояния в регионах.

Регионам кластера 1 необходимо:

– уменьшить значения показателей антропогенной нагрузки на окружающую среду: X_1 – выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников на 1 км²; X_3 – добыча воды из природных источников на душу населения и X_5 – доля нарушенных земель;

– увеличить значения показателей природоохранной деятельности в регионах: X_8 – удельный вес окончательно удаленных отходов и X_9 – удельный вес уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников.

Рекомендации регионам кластера 2:

– увеличить значения показателей экономических возможностей природоохранной деятельности: X_{13} – текущие затраты на природоохранные мероприятия и X_{14} – инвестиции в основной капитал природоохранного назначения;

– уменьшить значение показателя эколого-экономической эффективности X_{17} – добыча (изъятие) воды из природных источников на единицу ВРП.

Регионам, попавшим в кластер 3, для повышения устойчивости эколого-экономического состояния необходимо улучшать практически все показатели, особенно показатели антропогенной нагрузки на окружающую среду, средние значения которых в данном кластере в десятки раз превышают средние значения в первом кластере. Однако есть и такие показатели, по которым регионы третьего кластера занимают лидирующие позиции. Так, в данном кластере наблюдаются наименьшее среднее значение показателя X_5 – доля нарушенных земель и наибольшие значения показателей, характеризующих природоохранную деятельность, а именно, X_8 – удельный вес окончательно удаленных отходов, X_9 – удельный вес уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников.

Полученные выводы основаны на используемой авторской системе показателей и интегральном индикаторе, построенном на ее основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шимова, О.С. Устойчивое развитие : учеб. / О.С. Шимова. – Минск : БГЭУ, 2017. – 395 с.
2. О разработке проекта Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/PostSM-392-2018.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2019.
3. Дорожная карта Национального статистического комитета Республики Беларусь по разработке статистики по Целям устойчивого развития [Электронный ресурс] // Сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/SDG/Road_map_ru.pdf. – Дата доступа: 20.05.2019.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2019.
5. Селюжицкая, Т.В. Построение системы экологических индикаторов устойчивого развития на региональном уровне / Т.В. Селюжицкая // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты [Электронный ресурс] : электр. сб. ст. III Междунар. науч.-практ. online-конф., Новополоцк, 18–19 апреля 2019 г. / Полоц. гос. ун-т. – Новополоцк, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 174–177.
6. Будько, О.Н. Ранжирование регионов Беларуси на основе разработки системы эколого-экономических показателей / О.Н. Будько, Т.В. Селюжицкая // Экономика. Управление. Инновации. – 2019. – № 1(5). – С. 11–16.
7. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ ; пер. с англ. / Дж.-О. Ким [и др.] ; под ред. И.С. Енюкова. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 215 с.

Поступила 24.07.2019

DIFFERENTIATION OF REGIONS OF BELARUS ACCORDING TO THE LEVEL OF ECOLOGICAL AND ECONOMIC CONDITION

O. BUDKO, T. SELIUZHITSKAYA

In the article, on the basis of the previously constructed integral indicator of ecological and economic condition of the regions of Belarus, the clustering of the regions for 2008-2017 was carried out by the method of k-means cluster analysis. Identified three significantly different clusters of regions on environmental-economic condition, and analyzed their composition, given a meaningful interpretation, and there are analyzed of van distribution of regions by clusters and average values in the clusters and made appropriate conclusions and recommendations. We used the author's system of seventeen indicators characterizing the ecological and economic condition of the regions and grouped into four blocks: indicators of anthropogenic impact on the environment; indicators characterizing the environmental activity in the regions; indicators of economic opportunities for environmental activities; indicators of ecological and economic efficiency. Calculations were carried out using Statistica and MS Excel software.

Keywords: *ecological and economic condition, integral indicator, rating, region, system of indicators, method of principal components, factor analysis.*

УДК 332.1

ВЛИЯНИЕ КЛАСТЕРИЗАЦИИ НА ПОВЫШЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ, РЕГИОНОВ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**Е.А. КОСТЮЧЕНКО***(Полоцкий государственный университет)*

Проведен анализ и обобщение подходов зарубежных и отечественных исследователей по вопросу о влиянии кластеризации на повышение инновационной активности и конкурентоспособности организаций, регионов и национальной экономики. Предложена модель соответствующего влияния. Модель позволяет выявить предпосылки конкурентоспособности, источники конкурентных преимуществ, сгруппированные по трем направлениям (воздействующие на «рост», «уровень издержек» и «инновации»), а также основные факторы, оказывающие влияние на конкурентоспособность экономики региона (формирование новых фирм и рост занятости; рост инновационной активности; рост производительности и эффективности, и на этой основе повышение конкурентоспособности организаций-субъектов кластера). Сделан вывод о том, что разработанная модель позволяет проследить взаимосвязь и взаимообусловленность вышеупомянутых предпосылок, источников и факторов повышения конкурентоспособности.

Ключевые слова: кластер, кластеризация, инновационная активность, конкурентоспособность, конкурентные преимущества.

Введение. В настоящее время приоритетными направлениями развития белорусской экономики являются ускорение экономического роста и повышение конкурентоспособности как экономики в целом, так и отдельных ее секторов. В условиях глобализации и усиливающейся конкуренции устойчивость белорусской экономики во многом зависит от эффективного развития экономики отдельных регионов и секторов. В этой связи, одним из главных приоритетов государственной политики Республики Беларусь является перевод экономики на инновационный путь развития, поскольку активизация инновационной деятельности позволяет поднять уровень конкурентоспособности национальной экономики, обеспечить стабильное поступательное развитие страны. В современной экономике кластерный подход является одним из наиболее эффективных инструментов развития экономики регионов и повышения конкурентоспособности и инновационной активности организаций, о чем свидетельствует зарубежный опыт кластеризации экономически развитых стран.

Основная часть. Многоаспектность кластерного развития требует применения к нему различных теоретических подходов.

Первая группа подходов включает теорию конкурентных преимуществ М. Портера, концепцию региональных кластеров М. Энрайта, теорию промышленных районов А. Маршалла и итальянских промышленных округов П. Бекатини, концепцию сочетания цепочки добавленной стоимости и кластеров, концепцию региона обучения [1, с. 130]. Именно в этих теориях кластер рассматривается как одна из эффективных территориальных форм повышения конкурентных преимуществ производителей [1, с. 131].

Вторая группа – это институциональные теории, определяющие экономику как систему взаимодействующих институтов. В этом случае сам кластер можно рассматривать как современный институт, сочетающий в разном соотношении систему формализованных и неформализованных отношений как его участников между собой, так и кластера с внешним окружением. Кроме того, синергетический эффект, возникающий в результате взаимодействия предприятий в рамках кластера, во многом объясняется экономией транзакционных издержек, при получении информации, спецификации прав собственности, снижении издержек обмена и т.д. Таким образом, теория транзакционных издержек Р. Коуза, наряду с неоклассической теорией, наиболее применима к объяснению синергетического эффекта и оценке эффективности кластерного развития [1, с. 131].

В рамках третьей группы подходов считается, что развитие кластера во времени, прохождение им ряда стадий от зарождения до смерти свидетельствует о возможности использования эволюционной теории для объяснения развития кластера. В то же время кластер можно рассматривать как популяцию отдельного вида экономических объектов, имеющую определенный ареал своего распространения на территории. Инновационные свойства, наличие мобильных малых предприятий позволяют кластеру адаптироваться к изменениям во внешней среде, выживать, быть конкурентоспособным [2, с. 57].

Четвертая группа. Большой вклад в кластерную теорию вносит современная парадигма регионального развития, которая включает концепции «регион-квазикорпорация», «регион-квазирынок», «регион-квазигосударство», «регион-квасисоциум». Одновременно с этим формируется постиндустриальная парадигма регионального развития, которая характеризуется:

– включенностью региона в глобальные процессы, усилением его самостоятельности, выступлением в качестве самостоятельного субъекта мировой экономики через создание условий для развития крупных сетевых структур, расположенных на территории [1, с. 131];

– сочетанием использования ресурсов индустриального высокотехнологического развития и ресурсов, характерных для постиндустриального типа развития сетевых структур, коммуникаций, инноваций, знаний, умений, навыков и др. [1, с. 132];

– постоянным формированием конкурентных преимуществ региона для «притяжения» и формирования на территории центров управления и прибыли на основе создания условий для развития малого и среднего бизнеса, человеческого капитала, инфраструктуры, государственно-частного партнерства, повышения инвестиционной привлекательности территории;

– переходом региона к инновационной модели развития посредством кардинального увеличения добавленной стоимости, создаваемой в инновационном секторе, и с помощью инноваций в традиционных отраслях на основе включенности в мировые цепочки добавленной стоимости;

– преобразованием региональных органов власти в операторов рыночного типа, интегрирующих инициативу бизнеса, территориальных и профессиональных сообществ [1, с. 132].

Таким образом, концепция кластера представляет новую точку зрения на развитие национальной экономики, экономики региона или города, а также раскрывает новые роли организаций, правительства (или местных органов управления) и других субъектов, стремящихся к повышению конкурентоспособности экономики страны или региона как основы для последующего подъема уровня жизни населения [1, с. 132].

Мировой опыт показывает, что в условиях рыночной экономики кластерные образования – это наиболее эффективные, гибкие формы организации бизнеса, способные повышать конкурентоспособность организаций и территорий [3]. М. Портер отмечает, что конкурентоспособность страны следует рассматривать с позиций международной конкурентоспособности не отдельных ее фирм, а кластеров – объединений фирм различных отраслей, причем принципиальное значение имеет способность этих кластеров эффективно, использовать внутренние ресурсы. Проанализировав конкурентные возможности более 100 отраслей в десяти странах, М. Портер пришел к выводу, что наиболее конкурентоспособные транснациональные компании обычно не разбросаны бессистемно по разным странам, а имеют тенденцию концентрироваться в одной стране, а иногда даже в одном регионе страны. Объяснение этого явления состоит в следующем: одна или несколько фирм, достигая конкурентоспособности на мировом рынке, распространяет свое положительное влияние на ближайшее окружение: поставщиков, потребителей и конкурентов, а успехи окружения, в свою очередь, оказывают влияние на дальнейший рост конкурентоспособности данной компании. В результате такого взаимовыгодного сотрудничества формируется кластер [4, с. 36].

По мнению М. Портера, экономику в целом следует рассматривать через призму кластеров, а не через более традиционное группирование компаний, отраслей или секторов. Это объясняется тем, что кластеры лучше согласуются с самим характером конкуренции и источниками достижения конкурентных преимуществ. Кластеры лучше, чем отрасли, используют важные связи, взаимодополняемость отраслей, распространение технологии, опыта, информации, маркетинг, а также осознание нужд потребителя. Такие связи являются основополагающими в конкурентной борьбе, повышении производительности и особенно в определении направлений и интенсивности организации нового бизнеса и внедрения инноваций. Большинство участников кластера не конкурируют между собой напрямую, а просто обслуживают разные сегменты отрасли. Однако у них существует много общих потребностей и возможностей, они встречают много одинаковых ограничений и препятствий на пути повышения производительности. Восприятие группы компаний и организаций как кластера позволяет выявить благоприятные возможности для координации действий и благотворного взаимного воздействия в сферах общих интересов без угрозы извращения конкуренции или ограничения интенсивности соперничества. Кластер обеспечивает возможность ведения конструктивного и эффективного диалога между родственными компаниями и их поставщиками, с правительством, а также другими вовлеченными институтами (университеты, организации по сотрудничеству, исследовательские лаборатории). Государственные и частные инвестиции, направленные на улучшение условий функционирования кластера, приносят пользу сразу многим фирмам [5, с. 265]. Влияние географического расположения компаний на конкурентную борьбу с использованием четырех взаимосвязанных сил, представляется М. Портером графически в виде «ромба конкурентоспособности» («diamond» model) (рисунок 1). Некоторые элементы этой структуры требуют более детального рассмотрения, поскольку они важны для понимания роли кластеров в конкурентной борьбе [5, с. 272].

Как следует из рисунка 1, кластеры представляют одну из граней ромба (родственные и поддерживающие отрасли), но лучше всего рассматривать их как проявление взаимодействия всех четырех граней [5, с. 274]. Кластеры влияют на конкурентную борьбу тремя способами [5, с. 275]:

- посредством повышения производительности входящих в них фирм и отраслей;
- путем повышения способности к инновациям и, таким образом, к повышению производительности;
- с помощью стимулирования новых бизнес-образований, поддерживающих инновации и расширяющих границы кластера.

Многие преимущества кластера базируются на внешней экономике или перетекании преимуществ через разные фирмы и отрасли. Таким образом, кластер – это система взаимосвязанных фирм и организаций, ценность которой как единого целого превышает простую сумму составных частей [5, с. 275].



Рисунок 1. – Источники локальных конкурентных преимуществ

Источник: [5, с. 273].

Каждое из трех влияний кластеров на конкуренцию зависит в некоторой степени от межличностных взаимоотношений, личных контактов, а также взаимодействия сетей частных предпринимателей с организациями. Несмотря на то, что существование кластера облегчает развитие таких взаимоотношений и повышает их эффективность, этот процесс не является автоматическим. Формальные и неформальные организационные механизмы и нормы культуры часто имеют большое значение для развития и функционирования кластеров [5, с. 275]. Далее рассмотрим каждое из трех аспектов влияния кластеров на конкурентоспособность (рисунок 2).

В рамках рассмотрения вопроса о влиянии кластеров на повышение производительности М. Портер анализирует следующие преимущества кластерных образований:

- доступ к специализированным факторам производства и рабочей силе;
- доступ к информации;
- взаимодополняемость;
- доступ к организациям и общественным благам;
- стимулы и измерение производительности.

Доступ к специализированным факторам производства и рабочей силе. Конкретное местоположение внутри кластера может обеспечить привилегированный или более дешевый доступ к таким специализированным факторам производства, как комплектующие изделия, оборудование, бизнес-услуги, персонал, по сравнению с другими вариантами локализаций – объединением по вертикали, формальными альянсами с внешними структурами или с «импортом» факторов производства. Получение факторов производства от участников кластера может приводить к снижению стоимости сделок по сравнению с использованием удаленных источников. Доступность местных ресурсов минимизирует потребность в материально-производственных запасах и избавляет от необходимости затрат на импорт и, связанных с этим, задержек. Благодаря прозрачности и непрерывному характеру взаимодействий это сдерживает тенденции к необоснованному повышению цен поставщиками или невыполнению ими своих обязательств. Снабжение ресурсами внутри кластера облегчает коммуникацию, снижает издержки на адаптацию и способствует вспомогательному или поддерживающему обслуживанию, такому как установка, наладка, обучение пользователей, устранение неполадок и своевременный ремонт [5, с. 276]. Получение факторов производства от расположенных поблизости поставщиков, с которыми у фирмы установились особые тесные отношения, дает преимущества в отношении издержек и качества [5, с. 277]. Кластеры обеспечивают также преимущества при получении факторов производства из удаленных источников. Наличие кластера может снижать затраты на импорт факторов производства из удаленных источников, так как поставщики смелее будут устанавливать цены, а фирмы могут пользоваться более эффективными средствами доставки [5, с. 278].

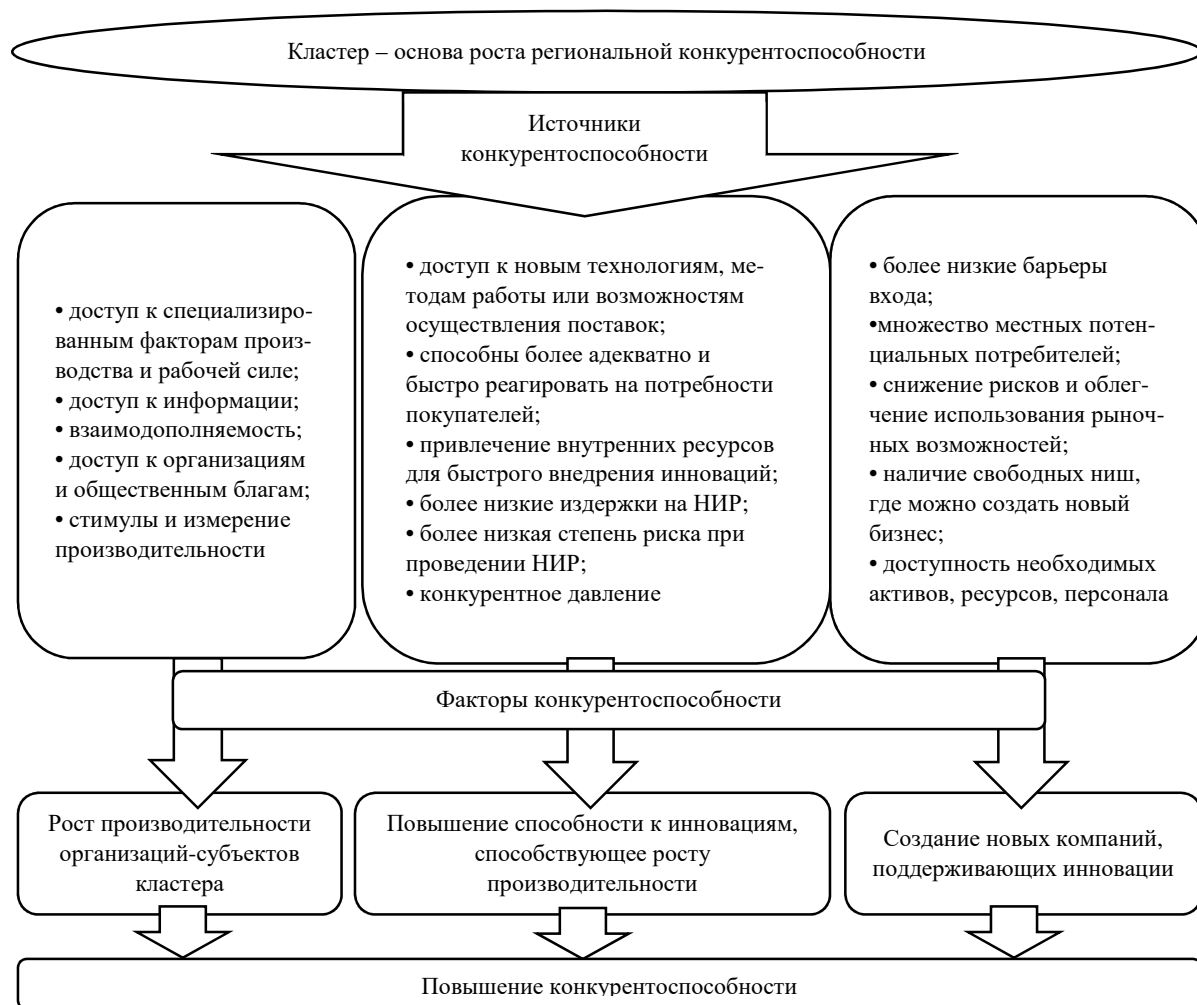


Рисунок 2. – Влияние кластеров на конкурентоспособность

Источник: собственная разработка на основе [5].

Кластеры предлагают сходные, хотя и не идентичные, преимущества в снабжении работодателей специализированной высококвалифицированной рабочей силой. Это снижает затраты на поиск и ведение переговоров для найма работников, а также повышает степень занятости рабочих мест соответствующими специалистами. Кроме того, поскольку кластер раскрывает существующие возможности и снижает риск работников сменить работу, кластеры способны сократить издержки на поиск специализированной рабочей силы из других мест [5, с. 278].

Доступ к информации. Внутри кластера, в фирмах и местных организациях, накапливаются обширные сведения по маркетингу, технологиям, другие специализированные виды информации. Доступ к информации может быть организован лучше, быть менее затратным для фирм кластера, позволяя им за счет этого работать продуктивнее и выходить на передовой уровень производительности. Близость друг к другу, связи по поставкам и технологиям, а также наличие постоянных личных контактов и общественных связей облегчают движение потоков информации внутри кластеров [5, с. 279].

Взаимодополняемость. Кластер способствует повышению производительности не только путем приобретения и подгонки факторов производства, но и тем, что он обеспечивает развитие взаимодополняемости между видами деятельности участников кластера [5, с. 279]. Наиболее распространена взаимодополняемость между продуктами, направленная на создание покупательского спроса. Координация деятельности, а также внутреннее давление среди частей кластера, подталкивающее к совершенствованию, возможные благодаря близкому соседству, могут существенно повысить общее качество и эффективность работы. Близкое расположение облегчает установление технических связей и постоянное координирование работы. Доступ к факторам производства в пределах кластера, а также другие имеющиеся за счет взаимодополняемости возможности обеспечивают преимущества по сравнению со вступлением в формальные альянсы.

Еще одна форма взаимодополняемости внутри кластера связана с маркетингом. Присутствие группы связанных между собой фирм и отраслей в какой-либо местности обеспечивает эффективность совместного маркетинга (например, рекомендации фирм, торговые выставки, торговые журналы и рекламные кампании). Это также может повышать репутацию данного региона в конкретной сфере, повышая вероятность того, что заказчики будут отдавать предпочтение работающему там производителю или торговцу [5, с. 280].

Доступ к организациям и общественным благам. Кластеры создают много факторов производства, которые иначе были бы слишком дорогостоящими в сфере общественных или квазиобщественных благ (товаров и услуг). Например, возможность нанимать работников, подготовленных по местным программам, устраняет и сокращает издержки внутреннего обучения. Зачастую фирмы могут выиграть при очень низких издержках благодаря специализированной инфраструктуре или советам экспертов местных институтов. Кроме того, информация, создаваемая внутри кластера, сама может рассматриваться как квазиобщественное благо [5, с. 281].

Стимулы и измерение производительности. Кластеры позволяют решить или смягчить негативное воздействие организационных проблем, возникающих в наиболее изолированных территориальных образованиях и фирмах с большой интеграцией по вертикали. Значение стимулов достижения высокой производительности внутри компаний кластеры повышают по нескольким причинам. Прежде всего, из-за конкурентного давления. Особенно стимулирует соперничество с местными конкурентами благодаря легкости постоянного сравнения результатов, а также потому, что местные соперники имеют схожие общие условия, ввиду чего конкурентная борьба должна вестись в других направлениях. Кроме того, давление со стороны равных соперников усиливает общее конкурентное давление внутри кластера, действующее даже в случае непрямой конкуренции и распространяющееся на фирмы, не конкурирующие между собой. Амбиции и желание хорошо выглядеть в местном сообществе поддерживают фирмы в их стремлении обойти друг друга. Кроме того, кластеры ограничивают возможные вредные действия. В связи с постоянным взаимодействием, легкостью распространения информации, формированием имиджа и желанием сохранить стабильное положение в местном обществе участники кластера обычно стремятся к конструктивному взаимодействию, оказывающему положительное воздействие на их долгосрочные интересы [5, с. 283].

Также М. Портер отмечает влияние кластеров на повышение способности организаций-субъектов кластера к инновациям, утверждая, что «преимущества для инноваций и роста производительности сильнее проявляются в кластере, чем в изолированно расположенных компаниях» [5, с. 283].

Входящие в кластер фирмы часто способны более адекватно и быстро реагировать на потребности покупателей. Что касается текущих потребностей покупателей, фирмы в составе кластера получают выгоду от концентрации компаний, знающих нужды покупателей и имеющих с ними установившиеся взаимоотношения; от непосредственного соприкосновения фирм родственных отраслей; концентрации специализированных структур сбора информации, а также требовательности заказчиков. Входящие в кластер фирмы часто быстрее распознают тенденции покупательского спроса, чем конкурирующие с ними фирмы-одиночки вне кластера [5, с. 284].

Участие в кластере дает преимущества в доступе к новым технологиям, методам работы или возможностям осуществления поставок. Входящие в кластер фирмы быстро узнают о прогрессе в технологии, о доступности новых комплектующих изделий и оборудования, о новых концепциях в обслуживании и маркетинге и т.п. Им помогают постоянные взаимоотношения с другими членами кластера, взаимные посещения и личные контакты. Членство в кластере делает возможным непосредственное наблюдение за деятельностью других фирм. В противоположность этому для изолированной фирмы доступ к информации затруднен, за нее приходится больше платить. Возрастает также необходимость выделять ресурсы на приобретение новых сведений в пределах своей собственной структуры [5, с. 284].

Велико потенциальное преимущество кластеров в понимании необходимости и возможности проведения инноваций. В равной степени важны достигаемая ими гибкость и способность к быстрому реагированию на эту потребность. Нередко в пределах кластера фирма значительно быстрее находит источники для новых комплектующих изделий, услуг, оборудования, а также других нужных при проведении инноваций элементов [5, с. 284]. Новый специализированный персонал часто легче набрать непосредственно в данной местности, чтобы заполнить возникающие вакансии при использовании новых подходов. Полезная в процессе нововведений взаимодополняемость достигается проще, когда участники расположены близко друг от друга. Входящие в кластер фирмы могут экспериментировать с меньшими издержками и не брать на себя больших обязательств, пока окончательно не убедятся в том, что новое изделие, процесс или услуга будут выгодны [5, с. 285]. Эти и другие обусловленные инновациями преимущества усиливаются непосредственным давлением, а также постоянно проводимым сравнением, существующим в концентрированных в географическом отношении кластерах [5, с. 285].

Таким образом, концентрация кластеров в территориальном отношении происходит в связи с тем, что близкое расположение способствует появлению многих преимуществ для повышения производительности и инноваций. Снижаются затраты при совершении сделок, упрощается добывание информации и ее обмен,

местные организации с большей готовностью реагируют на специализированные потребности кластера, а давление со стороны аналогичных фирм и конкурентное давление становятся острее. Кластеры, бесспорно, представляют собой комбинацию конкуренции и кооперации. Жесткая конкуренция наблюдается в борьбе за потребителя, за его завоевание и удержание. Присутствие на рынке многих соперников и наличие сильных стимулов часто подчеркивает интенсивность конкурентной борьбы внутри кластеров. Однако, во многих областях имеет место кооперация. В значительной части кооперация осуществляется по вертикали, с вовлечением родственных отраслей, а также с привлечением местных институтов. Конкуренция и кооперирование могут сосуществовать благодаря тому, что они происходят в разных плоскостях и между разными участниками: объединение в одних сферах помогает успешно вести конкурентную борьбу в других [5, с. 286].

М. Портер в своих исследованиях также подчеркивает роль кластеров в создании нового бизнеса. Многие, если не все деловые структуры чаще возникают внутри существующих кластеров, а не изолированно [5, с. 287]. Это объясняется тем, что факторы, такие как более низкие барьеры входа, множество местных потенциальных потребителей, устоявшиеся контакты, присутствие других локальных фирм, снижают риск при основании нового дела. Существующие в кластере барьеры выхода также могут быть ниже за счет более низких потребностей в специальных инвестициях, более зрелого для специализированных активов рынка, а также других факторов [5, с. 288].

Преимущества кластера в формировании нового бизнеса могут играть главную роль при ускорении процесса нововведений в кластере. Большие компании на пути нововведений часто сталкиваются с различного рода ограничениями или препятствиями. Возникающие компании нередко заполняют бездействующие ниши рынка, причем иногда это даже поощряется исходной компанией. Более крупные входящие в кластер компании развивают тесные взаимоотношения с меньшими инновационными предприятиями, помогая их становлению, а затем поглощают их, если те добиваются успеха [5, с. 289].

М.П. Войнаренко в своих исследованиях в качестве основных составляющих успешной работы кластеров рассматривает сочетание концентрации, коммуникации и конкуренции (3 «К») с одной стороны и специализации, сотрудничества и синергии (3 «С») – с другой. Также отмечается, что исключительно важными связующими элементами объединительных процессов между тремя «К» и тремя «С» на различных этапах формирования кластерных объединений выступают координация и кооперация. При этом автор связывает успешную работу кластера с ростом конкурентоспособности кластера и региональной экономики.

Конкуренция в кластерах способствует объединению в рамках одной отрасли заинтересованных в успехе развития бизнеса в регионе предприятий, при условии разделения сфер влияния и распределения ниш рынка соответствующей продукции между участниками кластера. Это, в свою очередь, способствует развитию внутриотраслевой конкуренции, продуцирующей борьбу между товаропроизводителями в одной отрасли производства за снижение затрат, цен, улучшение качества продукции, расширение рынков сбыта и т.п. Кроме того, обеспечивая высокое качество продукции, производимой участниками кластера при более низких затратах, конкуренция положительно влияет на повышение конкурентоспособности на внешних рынках как самих кластерных объединений, так и региона в целом [6, с. 70].

Специализация в рамках кластеров рассматривается, как и в классическом варианте, одной из форм организации производства, когда происходит процесс выделения предприятия или его подразделения на выпуск отдельной продукции или ее части. Она, как следствие концентрации, ведет к повышению качества выпускаемой продукции через унификацию, применение новых технологий и оборудования, повышение квалификации работников и т. п.

Сотрудничество в кластерах предполагает объединение усилий для совместных действий отдельных предприятий, фирм, компаний с целью защиты от серьезных потерь в процессе конкурентной борьбы и для получения дополнительной прибыли. Причем, разные кластерные модели в разных отраслях, естественно, могут использовать различные виды сотрудничества. И, наконец, объединение усилий, а также результаты специализации и сотрудничества в кластерных структурах приводят к появлению синергии – новой продуктивной силы или качественно новых источников развития, повышению эффективности деятельности в результате объединения отдельных частей, элементов, факторов в единую систему за счет так называемого системного эффекта (эмерджентности) [6, с. 71].

Как справедливо отмечает Т.А. Чернявская, кластерный подход напрямую связан с повышением конкурентоспособности территории не только потому, что он одновременно воздействует на производительность и занятость, но и потому, что снимает противоречия между ними. Уровень производительности труда в кластере растет за счет специализации, а уровень занятости – за счет привлечения и формирования новых субъектов экономической деятельности в родственных и поддерживающих отраслях. Именно поэтому в основе конкурентоспособности кластера лежит развитие малого и среднего бизнеса [7, с. 156]. Кроме того, по мнению Ю.И. Ефимычева и И.В. Захарова, кластерный подход позволяет выявить новые возможности повышения производительности труда в промышленности без снижения интенсивности (искажения) конкуренции [8, с. 16].

Лоурен Янг также выделяет ряд преимуществ отраслевых кластеров, причем, как на уровне отдельных организаций, так и на уровне общества. Так, организации, которые объединяются в кластеры, получают преимущества за счет роста в них качества рабочей силы, разного рода исследований и более скорых изменений

в технологии. Кроме того, положительный эффект дает удешевление первичных факторов производства вследствие более эффективного использования новинок и роста производительности за счет обмена идеями между участниками кластера и широкого выбора (быстрого набора) кадров для организаций с открытыми вакансиями. Создание и эффективное функционирование кластеров придает дополнительный стимул в решении общественных задач. Возрастают возможности получения работы для большого количества трудоспособного населения, что, в определенной мере, решает проблемы безработицы; усиливается экономическое развитие регионов, которые оказывают содействие созданию и развитию кластеров; происходит совершенствование базы налогообложения за счет привлечения местной власти для лоббирования мероприятий по поддержке развития предпринимательства в регионе [9, с. 114]. Специализация и кооперация, которые происходят в кластерах, обеспечивают деление рынка на сегменты и цивилизованную специализацию предпринимательской деятельности, что уменьшает транспортные затраты, обеспечивает рациональное разделение труда, обмен знаниями, технологиями, квалифицированной рабочей силой [9, с. 115].

Авторы доклада «Модели организации региональных промышленных кластеров: обзор международного опыта» Центра региональных экономических исследований экономического факультета УрГУ предлагают выделять три типа эффективности фирм внутри промышленного кластера [10, с. 13]:

- 1) «cost» – снижение издержек;
- 2) «growth» – ускорение инвестиций и роста;
- 3) «innovation» – усиление инновационной активности.

Далее перечислим эффекты, приводящие к повышению конкурентоспособности фирм в кластере. При этом эффекты классифицированы по уровням, на которых они возникают (таблица 1).

Таблица 1. – Эффекты, приводящие к повышению конкурентоспособности фирм в кластере, классифицированные по уровням возникновения

Уровень возникновения эффекта	Типы эффекта		
	Снижение издержек	Ускорение инвестиций и роста	Рост инновационной активности
Уровень отдельной фирмы	- низкие издержки начала бизнеса	–	–
Межфирменный уровень	- сокращение транспортных издержек; общая логистика; - сокращение транзакционных издержек; - совместное финансирование общих ресурсов	- развитие смежных производств и производителей технологического оборудования	- положительные внешние эффекты: обмен знаниями, технологиями; - высокая инновационная активность фирм за счет высокой конкуренции
Уровень региональной внешней среды	–	- развитие специализированных ресурсов (человеческого капитала); - развитие поддерживающих секторов: специализированные материалы, услуги, инфраструктура; - развитие специализированных институтов: образование, научно-технические исследования, маркетинг, финансы и т.д.; - низкие агентские издержки финансирования: финансирование идет из местных банков и венчурных фондов	–
Уровень международной внешней среды	–	- формирование международного имиджа кластера; - приток иностранных инвестиций за счет понятной для инвесторов отраслевой специализации региона; - приток специализированной рабочей силы из других регионов	–

Источник: составлено автором на основании [62, с. 13].

Рассматривая более подробно такой источник роста инновационной активности организаций-субъектов кластера, как распространение знаний, следует отметить, что в современных условиях процесс передачи знаний получает новое объяснение. Прежде всего следует сказать, что глобализация мировой экономики характеризуется, среди прочих, двумя частично противоречивыми тенденциями. С одной стороны,

в 1970-х гг. начала доминировать неофордистская модель развития, базирующаяся на принципе конкурентного преимущества, возникающего вследствие снижения издержек производства. Неофордистская модель стала возможной, благодаря развитию транспортных и коммуникационных технологий и в дальнейшем стимулировалась либерализацией и дерегуляцией международной торговли и финансовых рынков. С другой стороны, ученые выделяют постфордистский путь развития «обучающейся экономики», когда глобальная конкуренция базируется на динамическом конкурентном преимуществе, возникающем благодаря более продуктивному использованию ресурсов, требующему непрерывных инноваций, использования уникальных комбинаций ресурсов [11, с. 15].

При этом, концепции обучающейся экономики (*learning economy*) и экономики, основанной на знаниях (*knowledge-based economy*) отличаются, хотя и имеют много общего. Как та, так и другая концепции утверждают, что в современной глобализирующейся экономике знания являются главным стратегическим ресурсом, а обучение – фундаментальной деятельностью для достижения конкурентоспособности. Однако в академических кругах и практическом применении эти понятия разнятся. Например, Лундвал рассматривает современную экономику именно как обучающуюся, тогда как экономисты ОЭСД более часто используют термин «основанная на знаниях». Основная разница между понятиями восходит к принятому в ОЭСД делению экономики на высоко-, средне- и низкотехнологические отрасли. Эта таксономия отражает интенсивность исследований и разработок: отрасли, в которых затраты на НИОКР составляют более 5 % товарооборота классифицируются как высокотехнологичные [11, с. 16].

В то же время понятие «обучающаяся экономика» основана на более всеохватывающем понимании инноваций. Используется широкое определение инноваций как «трансформации знания в новые, создающие богатство, технологии, продукты и услуги посредством процесса обучения и поиска». Лундвал и Джонсон, используя концепцию обучающейся экономики, ссылаются на современную постфордистскую экономику, в которой доминируют информация, компьютеры и телекоммуникации в комбинации с методами гибкого производства и гибкой рабочей силой. Обучающаяся экономика устойчиво базируется на «инновациях как ключевом средстве конкуренции» [11, с. 16]. В постфордистском понимании индустриализация рассматривается как территориальный процесс, т.е. подчеркивается важность локализационных, агломерационных и институциональных факторов [11, с. 16]. Развитие динамических конкурентных преимуществ требует постоянных инноваций, которые в обучающейся экономике понимаются как локализованный интерактивный процесс обучения, поддерживаемый кластеризацией, развитием сетей и межфирменной кооперацией. В этой связи кластеры рассматриваются как наиболее эффективная форма реализации инноваций [11, с. 17].

По мнению В. Валетко, инновационными в широком смысле могут быть и традиционные секторы, предприятия и регионы, а не только наукоемкие, вкладывающие значительные средства в НИОКР [11, с. 17]. На практике для организаций такой тип инновационности означает последовательное усовершенствование до существующего мирового уровня (через внешние импульсы в виде возможности копирования опыта, обучения, обмена знаниями) всех стадий производства и реализации продукции: от организации производства и обеспечения до маркетинга и сбыта [11, с. 18]. Так же и М. Портер подчеркивает, что «в действительности нет низкотехнологических секторов. Существуют низкотехнологические компании, т.е. организации, которые не используют технологии и практику мирового уровня с целью роста производительности и инноваций» [11, с. 17].

Кластерная форма организации бизнеса приводит к созданию особой формы инновации – «совокупного инновационного продукта». Объединение в кластер на основе вертикальной интеграции формирует не спонтанную концентрацию разнообразных научных и технологических изобретений, а определенную систему распространения новых знаний и технологий. При этом важнейшим условием эффективной трансформации изобретений в инновации, а инноваций в конкурентные преимущества является формирование сети устойчивых связей между всеми участниками кластера. Особенно важны связи в рамках международного технологического сотрудничества, которые содействуют образованию интернациональных кластеров [12]. Кластеры создают условия для формирования региональных инновационных систем [13].

По мнению экспертов Европейской Комиссии, кластеры соответствуют современному подходу «открытых инноваций», который подразумевает, что инновации создаются не в отдельных изолированных организациях, а в динамичной среде, где специализированные организации и высококвалифицированные работники эффективно взаимодействуют, дополняя друг друга, аккумулируя существующие знания, и генерируют новые идеи и продукты. Кластерная концепция очень близка к идее «открытых инноваций», так же, как и концепция «тройной спирали», которая подчеркивает, что появление инноваций зависит от качества взаимодействия между университетами, которые предлагают сильные академические исследования, динамичным предпринимательским сектором и источниками рискованного капитала, а также государственными структурами, обеспечивающими поддержку с помощью соответствующих инновационных и экономических политик [14].

Проделанная эмпирическая работа по анализу кластерной деятельности 160 кластеров в странах ОЭСР позволила зарубежным исследователям выявить следующие предпосылки активизации инновационной деятельности в кластерах [15, с. 76]:

- комбинирование сходноотраслевых и специализированных кадров в кластерах;
- совместная деятельность, возникающая вследствие объединения дополнительной информации от фирм, занимающихся несходной деятельностью, и информационных организаций;
- взаимонаправленный учебный процесс и обмен информацией, взаимосвязь и взаимодействие различных субъектов производственной системы или цепочки ценностей;
- создание «новых» комбинаций свободных и разобщенных знаний и навыков.

Г.А. Яшева полагает, что *предпосылками* инновационной активности и конкурентоспособности кластеров являются локализация и агломерация субъектов кластера на определенной территории, что способствует:

- накоплению специфических отраслевых знаний в кластере, быстрому распространению знаний как источника инноваций, в том числе информации о текущих потребностях покупателей (вследствие чего создаются идеи новых товаров, новых методов производства, маркетинга, сбыта и др.);
- усилению конкуренции (что стимулирует инновации и повышение конкурентоспособности продукции и предприятия);
- развитию взаимосвязей поставщиков, производителей и покупателей – формальных и неформальных (что обеспечивает быстрый отклик на идеи и инновации, снижает транзакционные издержки) [15, с. 76; 16, с. 73].

Предпосылки инновационной активности и конкурентоспособности кластеров опосредуют *источники* их инновационной активности и конкурентоспособности. В частности, развитие взаимосвязей (благодаря локализации и агломерации) создает источник активизации инноваций во внутренней среде кластеров – сотрудничество, которое базируется на длительных формальных и неформальных отношениях между:

- субъектами кластера – поставщиками и покупателями, конкурентами в области схожих интересов (развития поставщиков, инвестиционной деятельности, образования, маркетинговых исследований и сбыта, защиты от внешних конкурентов и др.) – сетевое сотрудничество;
- субъектами кластера и региональными органами государственного управления – государственно-частное партнерство [15, с. 77; 16, с. 73].

Эффект сетевого сотрудничества и государственно-частного партнерства состоит в следующем: накопление знаний в кластере и передача неявных знаний, опыта, навыков; диффузия ноу-хау за счет миграции в кластере высококвалифицированного персонала, проведения обучающих семинаров для участников кластеров; увеличение прозрачности информации; получение данных об интенсивности спроса, потребительских предпочтениях; улучшение методов решения сложных задач; большая гибкость и скорость разработок и внедрения инноваций; привлечение инвестиций; разделение рисков; внутренняя специализация и стандартизация за счет наличия в составе кластера гибких предпринимательских структур малого бизнеса, представляющих инновационные точки роста; минимизация затрат на внедрение инноваций; приобретение новшеств в рамках международного технологического сотрудничества [15, с. 79].

Сетевое сотрудничество и государственно-частное партнерство в кластере как социально-экономической системе создают синергический эффект, который является свойством всех систем и проявляется в различных сферах деятельности субъектов кластера – образовании, научных исследованиях, маркетинге, сбыте, инвестиционной деятельности, производстве, снабжении. Синергический эффект состоит в том, что факторы инновационного развития (и в целом факторы конкурентоспособности) субъектов кластеров становятся выше, чем факторы не ассоциированных в кластеры предприятий и организаций [15, с. 80].

Обобщая подходы зарубежных и отечественных исследователей к вопросу о влиянии кластеризации на повышение инновационной активности и конкурентоспособности организаций, регионов и национальной экономики, предлагаем следующую модель влияния кластеризации на повышение конкурентоспособности (рисунок 3).

Как показывает мировая практика функционирования наиболее преуспевающих экономических систем, высокую конкурентоспособность и стабильный экономический рост, прежде всего, обеспечивают факторы, стимулирующие распространение новых технологий, а в настоящее время создание современных технологий должно базироваться прежде всего на процессах интеграции, в том числе посредством развития кластеров [34, с. 40; 35, с. 90]. Учитывая то обстоятельство, что современные конкурентные преимущества практически полностью обеспечиваются за счет преимуществ в технологиях производства, управления, организации продвижения товаров, успешное развитие конкурентоспособности экономической системы возможно при комплексном использовании теорий кластерного механизма и современных концепций инновационного развития [36, с. 581].

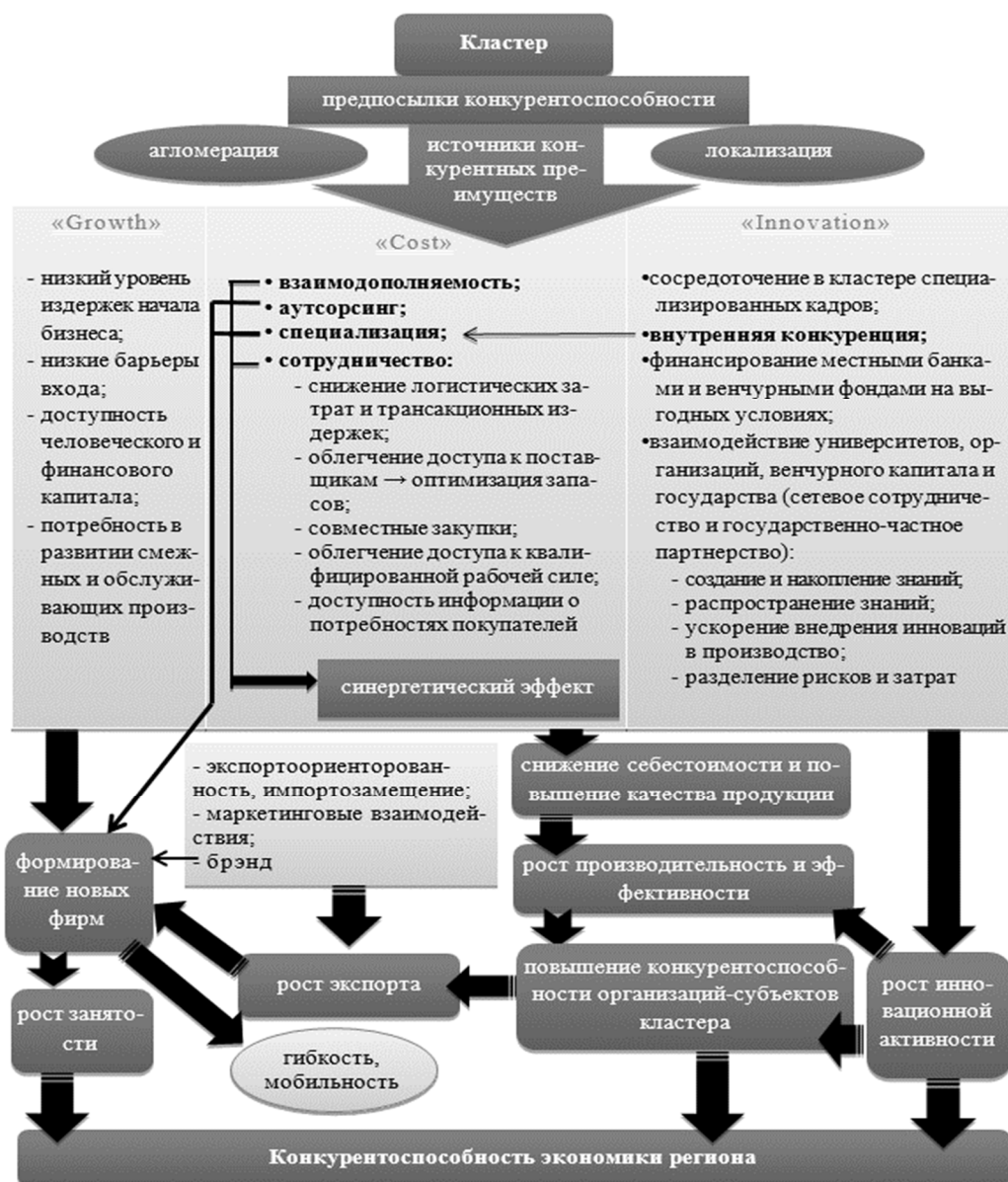


Рисунок 3. – Модель влияния кластеризации на повышение конкурентоспособности

Источник: собственная разработка на основе [6; 8; 10; 12–13; 15; 17–33].

Заключение. Обеспечение устойчивых темпов развития территории, достижение стратегических целей регионов невозможно без заинтересованного партнерства органов власти с представителями бизнеса. Кластерный подход в управлении региональным развитием является альтернативой традиционной отраслевой промышленной политике [37, с. 216; 38, с. 147]. Кластер – это реальный инструмент формирования долгосрочного конкурентного преимущества не только группы кластеризованных организаций и предприятий, но и целого региона, а в конечном итоге – всей национальной экономики. В целом, основываясь на проведенных ранее исследованиях [35; 37; 38] опыте зарубежных стран [34], следует отметить, что кластер можно представить как точку роста, как ядро инновационно ориентированной экономики. А экономика, в которой кластерам отводится главная роль, имеет все шансы стать конкурентоспособной и, что немаловажно, инвестиционно привлекательной. Региональный кластер выступает в роли инструмента, стимулирует развитие региона, формирует особую благоприятную среду для развития малого, среднего и крупного бизнеса и обладает мультипликационным эффектом, который оказывает не только положительное влияние на развитие промышленности, но и способствует повышению уровня и качества жизни населения региона.

По результатам анализа и обобщения подходов зарубежных и отечественных исследователей к вопросу о влиянии кластеризации на повышение инновационной активности и конкурентоспособности организаций, регионов и национальной экономики, была предложена модель соответствующего влияния. Модель позволяет выявить предпосылки конкурентоспособности, источники конкурентных преимуществ, сгруппированные по трем направлениям (воздействующие на «рост», «уровень издержек» и «инновации»),

а также основные факторы, оказывающие влияние на конкурентоспособность экономики региона (формирование новых фирм и рост занятости; рост инновационной активности; рост производительности и эффективности, и на этой основе повышение конкурентоспособности организаций-субъектов кластера). Кроме того, модель позволяет проследить взаимосвязь и взаимообусловленность вышеупомянутых предпосылок, источников и факторов повышения конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона / Т.В. Ускова [и др.]. – Вологда : Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН, 2010. – 246 с.
2. Романова, О.А. Потенциал кластерного развития экономики региона [Электронный ресурс] / О.А. Романова, Ю. Г. Лаврикова // Официальный сайт Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2008/4/06>. – Дата доступа: 03.03.2012.
3. Внукова, Н.Н. Концептуальные основы формирования трансграничных финансовых кластеров [Электронный ресурс] / Н.Н. Внукова // Информ.-библиотечный комплекс Урал. гос. экон. ун-та. – Режим доступа: www.lib.usue.ru/resource/free/12/s176.pdf. – Дата доступа: 07.06.2012.
4. Авдейчик, О.В. Региональный инновационный кластер: Методология формирования и опыт функционирования / О.В. Авдейчик, В.К. Пестит, В.А. Струк. – Гродно : ГГАУ, 2009. – 391 с.
5. Портер, М. Конкуренция / М. Портер ; пер. с англ. – М. : Изд. дом «Вильямс», 2005. – 608 с.
6. Войнарченко, М.П. Кластерные модели объединения предприятий в Украине [Электронный ресурс] / М.П. Войнарченко // Экономическое возрождение России. – 2007. – № 4. – С. 59-72. // Официальный сайт Северо-кавказской гос. гуманитарно-технологической академии. – Режим доступа: www.kchgt.ru/sites/default/files/u10/Zhurn-4-14%20-2007.pdf. – Дата доступа: 15.01.2012.
7. Чернявская, Т.А. Возможности и перспективы диверсификации экономики Украины в инновационные сферы предпринимательской деятельности в период мирового финансового кризиса (на примере создания и функционирования автомобильного кластера Германии) / Т.А. Чернявская // Преодоление финансово-экономического кризиса: опыт Германии и Беларуси : материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 19 окт. 2010 г. – Минск : Логвинов И.П., 2010. – С. 154–157.
8. Ефимычев, Ю.И. Промышленные кластеры и экономический рост [Электронный ресурс] / Ю.И. Ефимычев, И.В. Захаров // Официальный сайт Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – Режим доступа: [http://85.143.0.20/pages/issues/vestnik/99990193_West_econ_finans_2005_1\(7\)/4.pdf](http://85.143.0.20/pages/issues/vestnik/99990193_West_econ_finans_2005_1(7)/4.pdf). – Дата доступа: 13.12.2011.
9. Асаул, А.Н. Методологические аспекты формирования и развития предпринимательских сетей / А.Н. Асаул, Е.Г. Скуматов, Г.Е. Локтеева ; под ред. А.Н. Асаула. – СПб. : «Гуманистика», 2004. – 256 с.
10. Модели организации региональных промышленных кластеров: обзор международного опыта [Электронный ресурс] : Докл. Центра региональных экономических исследований экономического факультета УрГУ, Сер. Аналитические доклады. – № 2. – Екатеринбург, 2008. – 31 с. // Официальный сайт экономического факультета УрГУ. – Режим доступа: http://www.econ.usu.ru/ace_documents/patterns/CRES-ED-USU-Industrial-Clusters.pdf. – Дата доступа: 03.01.2011.
11. Валетко, В. Промышленные кластеры как институциональные структуры инновационного развития [Электронный ресурс] / В. Валетко // Бел. экон. портал «Экономика.by». – Режим доступа: http://www.ekonomika.by/downloads/valetka2004_clusters_innovations.pdf. – Дата доступа: 07.12.2011.
12. Яшева, Г.А. Формирование кластерной политики как направление повышения конкурентоспособности национальной экономики [Электронный ресурс] / Г.А. Яшева // Система информационно-аналитических ресурсов по инновационной и технологической тематике : официальный сайт Клуба субъектов инновационного и технологического развития России. – Режим доступа: http://innclub.info/wp-content/uploads/2011/02/яшева_236_конк_кач_д.doc. – Дата доступа: 17.11.2011.
13. Яшева, Г.А. Формирование кластерной стратегии регионального развития [Электронный ресурс] / Г.А. Яшева // Система информационно-аналитических ресурсов по инновационной и технологической тематике : Официальный сайт Клуба субъектов инновационного и технологического развития России. – Режим доступа: http://innclub.info/wp-content/uploads/2011/02/яшева2_3_конк_рег_00_ИТР_ПЕ_Г.doc. – Дата доступа: 17.11.2011.
14. Рекорд, С.И. Развитие промышленно-инновационных кластеров в Европе: эволюция и современная дискуссия [Электронный ресурс] / С.И. Рекорд. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 109 с. // Эл. библиотечный фонд. – Петерб. гос. ун-та экономики и финансов. – Режим доступа: http://elibrary.finec.ru/materials_files/357143263.pdf. – Дата доступа: 07.06.2012.
15. Яшева, Г.А. Формирование кластерного механизма активизации инновационной деятельности в Республике Беларусь / Г.А. Яшева // Белорусский экономический журнал. – 2008. – № 4. – С. 75–88.
16. Яшева, Г.А. Кластерный подход: новые методы повышения эффективности и конкурентоспособности АПК / Г.А. Яшева // Белорусская думка. – 2008. – № 9. – С. 72–78.
17. Solvell, O. The Cluster Initiative Greenbook / O. Solvell, G. Lindqvist, C. Ketels. – Stockholm, 2003. – 93p. Web-site «cluster-research.org» [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.cluster-research.org/dldocs/Greenbook_Sep03.pdf. – Date of access: 19.11.2011.
18. Sölvell, Ö. Clusters – Balancing Evolutionary and Constructive Forces: second edition [Electronic resource] / Sölvell Ö. – Ödeshög, 2009. – 136 p. // ClusterObservatory official website. – Mode of access: <http://www.clusterobservatory.eu/system/modules/com.gridnine.opencms.modules.eco/providers/getpdf.jsp?uid=9297019a-f534-4f20-bf71-6e8f884c55ab>. – Date of access: 16.12.2011.
19. Final Report of The Expert Group on Enterprise Clusters And Networks. European Commission, Enterprise Directorate-General. – 2002. [Electronic resource] // DPS official web-site. – Mode of access: http://www.dps.tesoro.it/cd_cooperazione_bilaterale/docs/6.Toolbox/13.Supporting_documents/1.Cluster_methodologies_casoni/2.Additional_doc_2/3.EU_final_rep_ExpGroup_Clusters.pdf. – Date of access: 20.07.2012.
20. Тищенко, А.Н. Теория и практика организации кластеров: зарубежный опыт [Электронный ресурс] / А.Н. Тищенко // Проблемы экономики. – 2010. – № 2. – С. 9-15. // Сайт Нац. библиотечной Украины им. В.И. Вернадского. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Pekon/2010_2/9-15.pdf. – Дата доступа: 04.02.2012.
21. Владимиров, Ю.Л. Анализ деятельности винодельческого кластера в Чили / Ю.Л. Владимиров // Наука. Инновации. Образование. – 2008. – Вып. 7 : Кластеризация предприятий: состояние и перспективы. – С. 299–308.

22. Синяк, Н.Г. Эффективная кластерная политика и развитие отраслевых кластеров. Выявление и развитие кластеров в лесопромышленном комплексе Беларуси [Электронный ресурс] / Н.Г. Синяк, В. Валетко // Кластеры в Беларуси – альянс науки, бизнеса и государства : сб. докл. совещания-семинара // Сайт «Cluster.by». – Режим доступа: http://www.cluster.by/files/Cluster_in_Belarus.pps. – Дата доступа: 18.05.2012.
23. Яшева, Г.А. Кластерная модель повышения конкурентоспособности национальной экономики [Электронный ресурс] / Г.А. Яшева // Кластеры в Беларуси – альянс науки, бизнеса и государства : сб. докл. совещания-семинара // Сайт «Cluster.by». – Режим доступа: http://www.cluster.by/files/Cluster_model.pps. – Дата доступа: 18.05.2012.
24. A Practical Guide to Cluster Development: a Report to the Department of Trade and Industry and the English RDAs by Ecotec Research & Consulting [Electronic resource] // Official web-site of The Department for Business, Innovation and Skills. – Mode of access: www.dti.gov.uk/files/file14008.pdf. – Date of access: 23.05.2012.
25. Ketels, C. Cluster-Based Economic Development [Electronic resource] / C. Ketels // EDA Annual Conference Washington, D.C., May 9, 2003. // United States Agency for International Development official web-site. – Mode of access: <http://www.caps.am/data.php/859.pdf>. – Date of access: 25.02.2012.
26. Асаул, А.Н. Организация предпринимательской деятельности : учеб. / А.Н. Асаул. – СПб. : АНО ИПЭВ, 2009. – 336 с.
27. Караева, Ф.Е. Сущностный подход к определению понятия «региональный кластер» [Электронный ресурс] / Ф.Е. Караева // Эл. науч. журн. «Инженерный вестник Дона». – Режим доступа: http://ivdon.ru/uploaddir/articles.352.big_image.doc. – Дата доступа: 09.11.2011.
28. Блудова, С.Н. Преимущества кластерного подхода в управлении экономикой [Электронный ресурс] / С.Н. Блудова // Официальный сайт Северокавказ. фед. ун-та. – Режим доступа: http://science.ncstu.ru/articles/econom/2006_03/52.pdf/file_download. – Дата доступа: 19.11.2011.
29. Петров, Р.С. Формирование инновационных кластеров как способ активизации технологического трансфера в регионе [Электронный ресурс] / Р.С. Петров, Ж.Н. Аксенова // Официальный сайт Междунар. ассоциации ученых, преподавателей и специалистов «Российская академия естествознания». – Режим доступа: www.rae.ru/zk/arj/2008/10/Petrov.pdf. – Дата доступа: 06.12.2011.
30. Алехин, Д.И. Территориальные инновационные кластеры в Беларуси: возможности формирования [Электронный ресурс] / Д.И. Алехин // Новости науки и технологий. – 2009. – № 3(12). // Официальный сайт БелИСП. – Режим доступа: http://belisa.org.by/ru/izd/stnewsmag/3_2009/art3_12_2009.html. – Дата доступа: 19.03.2012.
31. Хасаев, Г.Р. Кластеры – современные инструменты повышения конкурентоспособности региона (через Партнерство к будущему) Часть 1 [Электронный ресурс] / Г.Р. Хасаев, Ю.В. Михеев // Компас промышленной реструктуризации. – Режим доступа: <http://www.compass-r.ru/st-5-03-1.htm>. – Дата доступа: 20.08.2011.
32. Булыгина, Л.П. Применение кластерной модели для повышения инновационной активности и конкурентоспособности регионов / Л.П. Булыгина, В.П. Павловская // Вестник Брестского университета. Сер. гуманитарных и общественных наук. – 2007. – № 2. – С. 52–60.
33. Березина, Е.В. Формирование кластеров легкой промышленности : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Е.В. Березина. – М., 2011. – 148 л.
34. Костюченко, Е.А. Анализ зарубежного опыта формирования и использования кластерных структур в региональном развитии / Е.А. Костюченко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2013. – № 14. – С. 32–41.
35. Костюченко, Е.А. Кластерный подход как фактор стратегического развития Витебской области в условиях становления экономики знаний / Е.А. Костюченко // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Орехово-Зуево, 25 мая 2017 г. – Орехово-Зуево : ГГТУ, 2017. – С. 89–95.
36. Кундиус, В.А. Экономика АПК : учеб. пособие [Электронный ресурс] / В.А. Кундиус. – Барнаул : Изд-во АГАУ, 2007. – 669 с. // Эл. библиот. Twirpx. – Режим доступа: http://rc01.twirpx.net/347/347428_925D0_kundius_v_a_ekonomika_apk.pdf. – Дата доступа: 15.06.2012.
37. Костюченко, Е.А. Новополоцкий нефтехимический кластер как «драйвер» экономического роста территории [Электронный ресурс] / Е.А. Костюченко // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты : эл. сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоцкого государственного университета Новополоцк, 7–8 июня 2018 г. / Полоц. гос. ун-т. – Новополоцк : ПГУ, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) – С. 216–218.
38. Kostuchenko, E. Novopolotsk petrochemical cluster as a “driver” of innovative development of regional economic complex [Электронный ресурс] / E. Kostuchenko // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты : эл. сб. ст. III Междунар. науч.-практ. online-конф., Новополоцк, 18–19 апр. 2019 г. / Полоц. гос. ун-т. – Новополоцк : ПГУ, 2019. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM). – С. 147–150.

Поступила 20.08.2019

INFLUENCE OF CLUSTERIZATION ON INCREASING INNOVATIVE ACTIVITY AND COMPETITIVENESS OF ORGANIZATIONS, REGIONS AND NATIONAL ECONOMY

E. KOSTUCHENKO

The analysis and generalization of the approaches of foreign and domestic researchers to the question of the impact of clustering on increasing the innovative activity and competitiveness of organizations, regions and the national economy are carried out. A model of the corresponding influence is proposed. The model makes it possible to identify the prerequisites for competitiveness, the sources of competitive advantages, grouped in three areas (affecting “growth”, “cost level” and “innovation”), as well as the main factors affecting the competitiveness of the region’s economy (formation of new firms and employment growth; growth of innovation activity; growth of productivity and efficiency, and on this basis, increasing the competitiveness of cluster entities). It is concluded that the developed model allows us to trace the relationship and interdependence of the aforementioned premises, sources and factors of increasing competitiveness.

Keywords: cluster, clustering, innovative activity, competitiveness, competitive advantages.

УДК 331

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВЫХ ПРОФЕССИЙ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Н.Л. КУЛИК***(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)**E-mail: nata.kulik.80@gmail.com*

Показано, что современные тенденции развития экономики, усиление информатизации общества и экономических отношений оказывают воздействие на социально-трудовые отношения. В условиях цифровизации экономики возникает проблема несогласованности рынка труда и рынка образовательных услуг. Повсеместное распространение цифровых технологий, роботизация производства требуют новых специальностей и профессий. Автор акцентирует внимание на «профессиях будущего» и необходимости подготовки специалистов с учетом перспектив развития экономики.

Ключевые слова: *цифровизация экономики, социально-трудовые отношения, роботизация производства, искусственный интеллект, «профессии будущего».*

Введение. Глобализация, переход к новым технологическим укладам, формирование и развитие цифровой экономики сопровождаются преобразованиями в сфере труда и трудовых отношений. Основное направление изменений обусловлено технологическими инновациями и последующей перестройкой организации производства. Кроме того, усиливающаяся конкуренция на мировых рынках заставляет предприятия искать новые источники конкурентных преимуществ, причем главным образом за счет роста производительности труда, использовать новые технологии, новые формы организации производства и методы мотивации персонала. Данные изменения сопровождаются качественными преобразованиями в сфере труда.

Новая экономика формирует новые типы организаций (виртуальные, сетевые, самоорганизации и т.д.) и повышает спрос на труд в новых видах экономической деятельности. Постоянная реструктуризация экономики, развитие новых секторов и видов экономической деятельности (в частности сектора услуг) приводит к тому, что в традиционных секторах экономики рабочие места сокращаются, одновременно появляются в новых. Это требует новых знаний и компетенций. Возрастает количество рабочих мест, требующих высокой квалификации. Учитывая, что в процессе формирования новой экономики возникает потребность в новых знаниях и компетенциях, дополнительно обостряется проблема структурной несогласованности между рынком образовательных услуг и рынком труда, необходимости выработки механизмов определения перспективной потребности в кадрах с учетом задач развития экономики, приведения системы профессиональной подготовки кадров в соответствие с требованиями нанимателей.

Основная часть. Проблема возросшей необходимости согласования рынка труда и рынка образовательных услуг характерна и для белорусского рынка труда. В настоящее время необходимо обеспечить соответствие между навыками и компетенциями работников и требованиями к ним на рабочих местах. Система образования не обладает информацией о реальной потребности рынка труда, выраженной в количественных и качественных характеристиках кадров, в частности отсутствует информация о требуемых компетенциях, направлениях и масштабах подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

В условиях цифровизации экономики данный вопрос приобретает особую важность. По мнению некоторых экспертов, к 2030 г. рабочей силы будет количественно меньше, она будет старше, формально образованнее, кроме того будет наблюдаться тенденция вымирания 50% профессий. Замена людей роботами может привести к сокращению доступных рабочих мест и определенных категорий работников, появлению целого класса «лишних людей». Цифровые технологии и шестой технологический уклад в ближайшие десятилетия приведут к частичному замещению человеческого труда машинным. По данным мировых экспертов, уже к 2036 году может быть автоматизировано от 2 до 50% работы, выраженной в человеко-часах, а к 2066 году эта доля может достичь 46 – 99% [1, с. 29].

Однако многие ученые считают, что страх тотальной автоматизации сильно преувеличен. В основном роботы возьмут на себя низкооплачиваемый и рутинный труд. По мнению американского футуролога Ю.Н. Харари, исчезновение многих традиционных профессий отчасти будет компенсировано созданием новых. Вместо того, чтобы соревноваться с искусственным интеллектом, люди могут сосредоточиться на его обслуживании и совершенствовании. На рынке труда может наблюдаться сотрудничество, а не соперничество людей и искусственного интеллекта. Коллективы из людей и искусственного интеллекта могут превзойти и людей, и компьютеры. Согласно The Future of Jobs Reports 2018, к 2022 г. 75 млн нынешних рабочих мест будут ликвидированы в результате будущего разделения труда между людьми и машинами, но также будет создано дополнительно 133 млн. новых рабочих мест. Несмотря на значительные изменения, перспективы в области занятости в целом позитивны, рабочие места с ярко выраженными человеческими навыками по-прежнему будут востребованы. Роботы не смогут вытеснить ученых, инженеров, актеров, руководителей, учителей, социальных работников [1, с. 29].

Глобальные тенденции к замене человеческого труда роботами, информационными системами и искусственным интеллектом не обойдут стороной и белорусский рынок труда. В ближайшее время неизбежно значительное сокращение набора в вузы абитуриентов по специальностям, столь популярным в 90-е годы прошлого века (экономического и юридического профиля), поскольку они уже вытесняются программами с наличием искусственного интеллекта, и процесс этот будет только нарастать. Подобные специалисты должны получать комплексную, универсальную подготовку, совмещающую в себе навыки многих профессий: экономиста, бухгалтера, маркетолога и юриста в области финансового, налогового, трудового и хозяйственного права.

Повсеместное распространение цифровых технологий, роботизация производства требуют новых специальностей и профессий. Согласно международным экспертам в ТОП-10 новых востребованных профессий можно отнести:

1. Дизайнер виртуальной реальности. В настоящее время миллионы людей большую часть своего времени проводят в виртуальной реальности. Сегодня необходимы дизайнеры нового поколения, которые будут проектировать и создавать виртуальную реальность (например, виртуальные офисы для переговоров).

2. Разработчики роботэтики или адвокаты по роботэтике. Это своего рода посредники между человеком и роботом. Задача таких специалистов в разработке норм, в соответствии с которыми роботы смогут сосуществовать с живыми людьми.

3. Виртуальные экскурсоводы и digital-комментаторы. Многие эксперты полагают, что в ближайшем будущем виртуальные экскурсии могут стать достаточно популярными и вытеснить реальные культурные объекты.

4. Биохакеры. Это люди, которые проводят собственные исследования в области молекулярной биологии, опираясь на общедоступные данные научного сообщества. Многие полагают, что биохакеры смогут помочь в поиске методов лечения серьезнейших заболеваний.

5. Аналитики «Интернета вещей». Бытовая техника и электроника все чаще оснащается собственным программным обеспечением, благодаря чему устройства могут обмениваться данными между собой. В развитых странах будут востребованы специалисты, способные анализировать данные и искать новые методы интеграции бытовых приборов в единые системы для «умных домов».

6. Космический гид. Многие ученые утверждают, что через 5–10 лет космический туризм станет одним из видов туризма и будет доступным для обеспеченных людей. Как следствие станут востребованными космические гиды. На начальном этапе ими могут быть профессиональные космонавты, а в дальнейшем данной специальности будут обучать в вузах.

7. Куратор персональных данных. Уже сегодня создаются нейроинтерфейсы, объединяющие человеческий мозг с компьютером. По мнению ученых, через 3–4 года компьютеры смогут записывать мысли, планы, воспоминания и делиться ими в социальных сетях. Задачей куратора персональных данных будет объединить сведения в общий информационный поток и адаптировать их.

8. Специалист по восстановлению экосистем. Сегодня серьезно стоит вопрос об истощении природных ресурсов планеты в связи с ростом населения. В такой ситуации необходимы специалисты, которые займутся восстановлением окружающей среды и возможно возрождением некоторых видов растений и животных, используя ранее собранный генетический материал.

9. Инженер по разработке устройств постоянного питания. На территории нашей планеты активно используется энергия солнца и ветра в качестве источника питания. В ближайшие 5–10 лет может быть завершен переход к устойчивой энергетике – на всей территории планеты начнут использовать энергию солнца и ветра в качестве основного источника питания. Однако возникает проблема невозможности эксплуатации приборов в облачную и безветренную погоду, поэтому разработчики устройств постоянного питания станут особенно востребованными.

10. IT-генетик. На сегодняшний день это совсем фантастическая профессия, которая может появиться в обозримом будущем. Ученые всего мира работают над тем, чтобы бороться с тяжелейшими заболеваниями и генетическими нарушениями [3].

В Республике Беларусь в последнее время стало уделяться внимание прогнозированию наиболее востребованных и перспективных профессий в будущем. Сегодня таковыми являются:

1. Менеджеры по продажам. В настоящее время растет спрос не только на менеджеров по продажам для работы в розничной сети, но и на высококвалифицированных специалистов, работающих в сегменте B2B, где основными потребителями являются промышленные предприятия, крупные коммерческие компании, министерства и т.п. Такие специалисты должны иметь не только солидный опыт продаж, но и высшее инженерно-техническое образование. Следовательно, это должны быть люди, хорошо разбирающиеся в том оборудовании, которое продают и имеют опыт успешных переговоров с директорами, главными энергетиками, главными инженерами и т.п.

2. Маркетологи. Сегодня одной из востребованных профессий в Республике Беларусь являются маркетологи. Особенно ценится умение оперативно и гибко реагировать на изменения рынка, выдвигать новые работающие идеи, использовать каждый представившийся шанс. Однако все больше требуются маркетологи-универсалы, которые умеют и могут разобраться во всем: от проведения исследований

и брендинга до разработки стратегии продвижения и ценообразования. Одним из основных требований к таким специалистам является умение работать с большими объемами знаковой информации (графиками, диаграммами, таблицами), а также уметь получать и анализировать нужные данные.

3. Специалисты топ-уровня в строительной сфере: главный инженер проекта, главный архитектор проекта, директор строительной компании и т.п. Несмотря на трудности, которые сегодня испытывает строительная сфера, спрос на таких специалистов непрерывно возрастает. В стране начинается и продолжается огромное количество строек, а значит, необходимы и люди, разбирающиеся в системе и умеющие руководить. Сегодня особо востребованными являются специалисты, умеющие грамотно планировать городские постройки, в том числе учитывая ущерб для экологии (так называемые «урбанисты»).

4. Топ-менеджеры в области производства: начальник производственного отдела, заведующий производством и т.п. Сегодня производство постоянно модернизируется, появляются новая техника и технологии. Такие специалисты должны быть осведомлены о современном состоянии дел. Это позволит использовать новейшие технологии и как следствие снизить себестоимость продукции и услуг, повысив их конкурентоспособность. Обязательные требования к таким специалистам: высшее специальное образование, доскональное знание технологических процессов в своей сфере [4].

К профессиям, находящимся в зоне риска, в Республике Беларусь по данным кадровых агентств можно отнести следующие:

1. Юристы. Это связано с их перепроизводством (рынок просто не успевает их поглощать).
2. Переводчики. Сегодня, благодаря специальным компьютерным программам, переводчики стали менее востребованными. Машинные переводы становятся лучше и точнее. Во многих компаниях язык знают в той или иной мере все сотрудники, а те специалисты, кто еще не владеет им на необходимом уровне, активно занимаются на курсах или с репетитором.
3. Бухгалтеры. Автоматизация сферы бухучета началась уже давно. Сегодня на каждом рабочем компьютере стоит программа для ведения финансовой отчетности, а завтра компании смогут обойтись вообще без «счетоводов».
4. Кассиры. Общемировой практикой является частичное замещение кассиров автономными кассами. Для покупателя это удобно: он сам контролирует итоговый чек, а для владельца торговой сети такое технологичное вложение в перспективе будет в разы дешевле оплаты человеческого труда.

5. Почтальоны. Вскоре Белпочта закупит дроны для точечной доставки почты.

Одним из главных генераторов рабочих мест в стране является сектор ИТ. К «профессиям будущего» по мнению белорусских специалистов можно отнести следующие:

1. VR-редактор – менеджер виртуальной реальности, владеющий большим количеством программ. Он обладает навыками продакшна и постпродакшна, умеет редактировать и создавать видео и аудио, а также сводить их воедино.
2. UX-дизайнер – человек, отвечающий за простоту и удобство пользовательского интерфейса.
3. DATA-аналитик. Его главная задача – предоставлять только нужную клиенту информацию.
4. Инженер-робототехник. В Беларуси эта сфера пока развивается однобоко. Специалисты, скорее, обслуживают роботов, закупленных за границей, нежели создают что-то свое. Сегодня в белорусских вузах уже можно обучиться робототехнике (например, в БНТУ).
5. Консультант по автоматизации процессов. Его цель – внедрять достижения технического прогресса в практику производства.

На сегодняшний день на поисковом сервере rabota.tut.by уже есть вакансии для DATA-аналитиков и UX-дизайнеров. Причем количество размещенных вакансий для этих специалистов увеличилось вдвое по сравнению с 2018 годом: на 51% – для DATA-аналитиков и на 55% – UX-дизайнеров. Для консультантов по автоматизации систем вакансии на rabota.tut.by также есть, правда, называются таковые по-разному – в зависимости от специфики и наименований систем. Так, востребованы консультанты по внедрению следующих систем: управления взаимоотношениями с клиентами (CRM-системы), управления бизнес-процессами (BPM-системы), управления данными (DMP-системы) [2].

Заключение. Тенденции появления новых профессий и специальностей необходимо транслировать системе образования. Сегодня должны готовить кадры исходя из перспективных планов технологической модернизации страны. При этом необходимо учитывать, что для внедрения новой технологии иногда достаточно года, а для подготовки высококвалифицированных работников необходимо от 5 до 10 лет. В настоящее время задачей учреждений высшего образования должна быть не «штамповка» кадров для экономики, а подготовка востребованного и компетентного в своей области специалиста. Одной из серьезных проблем является то, что большое число ведомств занимается образованием, не имея связи с потребностями рынка труда.

Таким образом, преобразования, происходящие на рынке труда в связи с цифровизацией экономики должны согласовываться с рынком образовательных услуг. Необходимо прогнозирование рынка труда в профессиональных квалификационных разрезах, имеющих разные цели и предметы, в том числе по видам деятельности, краткосрочные прогнозы, которые носят, скорее, не количественный, а качественный характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Головенчик, Г.Г. Трансформация рынка труда в цифровой экономике / Г.Г. Головенчик // Цифровая трансформация. – 2018. – № 4 (5). – С. 27–43.
2. Какие профессии будут востребованы в будущем? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adukar.by/news/kakie-professii-budut-vostrebovany-v-budushchem>. – Дата доступа: 23.10.2019.
3. Наиболее востребованные профессии Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moya-belarus.ru/pub/rabota-v-belarusi.html>. – Дата доступа: 23.10.2019.
4. Какие профессии скоро исчезнут в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://42.tut.by/630412>. – Дата доступа: 25.10.2019.

Поступила 28.10.2019

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF NEW PROFESSIONS
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

N. KULIK

It is shown that current trends in the development of the economy, strengthening the informatization of society and economic relations have an impact on social and labor relations. In the context of the digitalization of the economy, the problem of inconsistency of the labor market and the educational services market arises. The ubiquity of digital technology, production robotics require new specialties and professions. The author focuses on the "professions of the future" and the need for training specialists, taking into account the prospects for economic development.

Keywords: digitalization of the economy, social and labor relations, robotization of production, artificial intelligence, "professions of the future".

УДК 332.132

**ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И СТЕПЕНИ КОНЦЕНТРАЦИИ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Д.А. ДВОРКИН***(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)*

При помощи общедоступных статистических показателей рассматриваются существующие различия в инновационном развитии регионов Республики Беларусь. Определяются факторы, косвенно, а также напрямую влияющие на наличие такой дифференциации. В числе прочего выявляется региональная асимметрия по размещению человеческой составляющей инновационного потенциала.

Ключевые слова: инновационная деятельность, региональное развитие, валовый региональный продукт, Республика Беларусь.

Введение. Региональная дифференциация является важнейшим экономическим и политическим фактором, влияющим на стабильность любого государства. Существующие региональные различия могут иметь как естественную природу (климат, недра, природные ресурсы), так и социотехническую (человеческая деятельность). На это указывают и другие авторы [1–3]. Такие различия неизбежны в больших территориальных системах. Даже при достаточно высокой естественной однородности таких систем присутствуют явления десинхронизации в размещении трудовых ресурсов, транспортной инфраструктуры, финансовых потоков, инноваций. При этом важно, чтобы существующая дифференциация регионов в уровне развития не привела к деградации и статусу депрессивности, когда процессы регресса становятся малообратимыми, когда существующая асимметрия в уровне жизни и экономического развития ведет к миграции и утечке лучших кадров. Причем «асимметричным, или дисгармоничным, называют такой тип регионального развития, при котором регионы, имеющие относительное преимущество по тому или иному показателю в начале периода, в дальнейшем его наращивают, а регионы, имеющие относительное отставание, его усугубляют» [4, с. 156].

Ни один из регионов Республики Беларусь не имеет естественных преимуществ, связанных с природно-климатическими условиями, сложившимся уровнем разделения труда, плотностью населения и другими факторами. Политика занятости, организации науки и инновационной деятельности, государственная экономическая политика, механизмы регионального и отраслевого управления не являются уникальными в разрезе областных регионов, они функционируют в русле единой государственной политики во всех областях. Естественной ренты ни один из регионов нашей страны не имеет. Это определяется не только природно-климатической однородностью, но и тем немаловажным фактором, что «Республика Беларусь – **унитарное** демократическое социальное правовое государство» (ст. 1) и «территория Беларуси **едина** и неотчуждаема» (ст. 9). Унитарный характер белорусского государства определяет единство учредительных нормативных правовых актов, нормы которого имеют верховенство на всей территории страны, т.е. для всех регионов действуют единая система законодательства [6]. Это определяет специфику механизмов управления, организации логистических и финансовых потоков, размещения производства, организации сельскохозяйственного производства и т.д.

Тем не менее, отсутствие природных и политических различий на региональном уровне не является поводом для отрицания существующей дифференциации показателей экономического развития в целом и конкретных показателей в частности. Не вдаваясь в причины имеющейся разницы, можно говорить о ее значительных размерах в некоторых случаях. Безусловно, такие региональные различия несравнимы с региональной дифференциацией больших экономик, например, России, Китая, они не несут угрозу «разрыва» единого социально-экономического пространства. Вместе с тем можно констатировать явления некоторой десинхронизации показателей экономического развития регионов Республики Беларусь, в первую очередь в промышленности. Существует региональная рента социотехнического происхождения в результате симбиоза человеческого и технико-технологического фактора. По мнению некоторых авторов, такая рента может возникнуть в силу следующих причин:

- при реализации преимуществ производства, вызванных природными условиями (климат и плодородие почвы, наличие сырья и энергоносителей, развитость коммуникаций);
- расположение в регионе предприятий, производящих продукцию ограниченной номенклатуры;
- выпуск предприятиями региона новых изделий, пользующихся спросом на рынках;
- обладание значительным человеческим капиталом, что существенно влияет на качество продукции и величину издержек;
- использование точных технологий, лучшей организации производства и труда, новой техники и инноваций при выпуске стандартной продукции;
- присутствие в регионе монопольного производства или добычи ресурсов, обладающих высоким рыночным спросом;

– удачное участие в операциях на биржах с ценными бумагами, аккумулятивное средств в большем объеме, чем требуется для расширенного воспроизводства, предоставление займов другим регионам и странам и формирование для них инвестиционных портфелей;

– доступ региона на международный рынок инвестиций, где имеются возможности для получения длинных кредитов под небольшие проценты для создания новых высокоэффективных продуктов;

– наличие в регионе высококвалифицированных научно-преподавательских кадров и системы вузов, которые ведут успешную научно-исследовательскую работу и подготовку кадров, в том числе для других регионов;

– наличие привлекательных, в частности для иностранцев, объектов туризма, [7, с. 44].

Объективны ли рентные факторы социотехнического происхождения? В истории размещения производительных сил Беларуси ранее не было депрессивных регионов, не было специальных программ развития каких-то из регионов как инструмента выравнивания экономических потенциалов. Однако по объективным причинам экономическое развитие и размещение производительных сил было ориентировано на строительство крупных промышленных производств как центров притяжения трудовых ресурсов и научно-технического потенциала. Конечно, в этих условиях нивелировать возникающие различия в силе потенциалов было очень сложно, да и вряд ли необходимо.

Основная часть. В целом по Республике Беларусь серьезной асимметрии в размещении таких центров нет, однако внутри регионов центры потенциальных и реальных различий инноваций промышленного происхождения имеются. Результатом социотехнической асимметрии являются различия в уровне заработной платы жителей административных районов страны. Так, в августе 2019 года разница в уровне заработной платы между самым «богатым» (Солигорский район) и самым «бедным» районом (Шарковщинский район) составляла 2,6 раза: соответственно 1 879,1 и 714 рублей. Больше 1000 рублей сейчас получают в 14 районах страны. Кроме Солигорского, это Минский, Речицкий, Дзержинский, Смолевичский, Мозырский, Светлогорский, Жлобинский, Логойский, Несвижский, Могилевский, Пуховичский, Островецкий и Гродненский районы. В 22 районах Беларуси средняя зарплата в августе не превысила 800 рублей, а в 75 — не дотянула до 900 рублей [16].

В этой связи можно отметить, что данные рентные факторы регионального уровня могут составлять основу и формировать структуру регионального инновационного потенциала. Для минимизации этой проблемы и решения других актуальных задач в Республике Беларусь постановлением Совета министров № 627 от 18 сентября 2019 года «Об ускоренном развитии отдельных административно-территориальных единиц» принята программа ускоренного социально-экономического развития некоторых городов и районов (Барановичи, Пинск, Новополоцк, Бобруйск, а также 6 районов – Полоцкий, Мозырский, Лидский, Борисовский, Молодечненский, Солигорский). Программа содержит целевые параметры ускоренного социально-экономического развития этих административно-территориальных единиц на 2019 – 2020 годы. К таким параметрам отнесены (в процентном измерении): номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг в расчете на одного среднесписочного работника, собственные доходы местного бюджета, инвестиции в основной капитал, численность занятого в экономике населения [17]. Достижение принятых показателей направлено на развитие экономики регионов, развитие их промышленного, а также инновационного потенциалов.

Промышленное производство является вершиной социального знания и свидетельством качества его практического применения в конкретных продуктах, технологиях, компетенциях трудовых ресурсов, конкурентоспособности организаций промышленности на мировых рынках, уровне жизни населения. Промышленное производство – это отражение уровня инновационности общества, качества его интеллекта, потому что самые зримые и значимые инновации, так или иначе, начинались и развивались в первую очередь в промышленном производстве. Поэтому ключевыми категориями в данном контексте логично будет назвать такие, как инновации, промышленность, регионы, дифференциация, потенциал. При этом важны ответы на вопросы: есть ли у нас существенная дифференциация по уровню промышленного развития, можно ли говорить о преимущественно индустриальных и преимущественно аграрных регионах, насколько актуален рейтинг регионов по этому критерию, насколько тесно связаны уровень промышленного развития и инновационный потенциал?

Это актуализирует рассмотрение проблемы региональной дифференциации в первую очередь в промышленности. В 2017 году в Республике Беларусь насчитывалось 11 976 организаций промышленности, что несколько меньше по сравнению с 2011 годом (12 619 организаций), в них было занято 882,1 тыс. человек, что составляло 23,5% от среднегодовой численности населения, занятого в экономике [8; 9]. Удельный вес добавленной стоимости промышленности в валовом внутреннем продукте Республики Беларусь изменился с 25,9% в 2013 году до 26,8% в 2017 году.

Вместе с тем, региональные промышленные комплексы развивались неодинаково в последние 7-8 лет. Показатель увеличения объемов регионального промышленного производства варьировал за период 2011 – 2017 гг. от 2,18 раза по Минску и 2,27 раза по Витебской области до 3,66 раза по Брестской области

(таблица 1). Это значит, что динамика региональных изменений общих объемов промышленного производства варьировалась за указанный период в диапазоне 0 – 70%, что достаточно много.

Если учесть человеческий фактор как основной в инновационной деятельности и достижении ее результатов, т.е. рассчитать объем производства на одного жителя региона, получим более «чистые» параметры результативности работы организаций промышленности по регионам.

Таблица 1. – Объем промышленного производства по областям и г. Минску (млрд руб.)

Наименование региона/показателя	2011 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2017 в % к 2011
Республика Беларусь – объем производства	34,8	60,7	67,4	74,0	81,8	94,3	2,7 р.
численность населения, тыс. чел.	9482,2	9463,8	9468,2	9480,9	9498,4	9504,7	100,2
объем производства на 1 жителя тыс. руб.	3,7	6,4	7,1	7,8	8,6	9,9	2,7 р.
Брестская область – объем производства	2,9	6,1	7,0	7,8	9,5	10,6	3,7 р.
численность населения, тыс. чел.	1394,7	1390,4	1388,6	1388,9	1387,0	1386,4	99,4
объем производства на 1 жителя тыс. руб.	2,1	4,4	5,0	5,6	6,8	7,6	3,6 р.
Витебская область – объем производства	6,1	9,6	10,6	11,7	11,5	13,7	2,3 р.
численность населения, тыс. чел.	1221,8	1208,0	1202,1	1198,5	1193,6	1188,0	97,3
объем производства на 1 жителя тыс. руб.	5,0	8,0	8,8	9,8	9,6	11,5	2,3 р.
Гомельская область – объем производства	7,6	12,6	14,1	15,4	15,6	18,6	2,5 р.
численность населения, тыс. чел.	1435,0	1427,6	1425,5	1424,0	1422,9	1420,7	99,0
объем производства на 1 жителя тыс. руб.	5,3	8,9	9,9	10,8	11,0	13,1	2,5 р.
Гродненская область – объем производства	3,1	6,3	7,0	7,7	8,9	9,7	3,2 р.
численность населения, тыс. чел.	1066,0	1058,4	1054,9	1052,6	1050,1	1047,5	98,2
объем производства на 1 жителя тыс. руб.	2,9	5,9	6,6	7,3	8,5	9,3	3,3 р.
г. Минск – объем производства	6,8	10,5	10,8	11,3	13,2	14,9	2,2 р.
численность населения, тыс. чел.	1864,1	1901,0	1921,8	1938,3	1959,8	1974,8	106,0
объем производства на 1 жителя тыс. руб.	3,7	5,5	5,6	5,8	6,7	7,5	2,1 р.
Минская область – объем производства	5,3	9,6	11,8	13,7	15,4	18,0	3,4 р.
численность населения, тыс.чел.	1411,5	1401,9	1402,7	1407,9	1417,3	1423,0	100,9
объем производства на 1 жителя тыс. руб.	3,8	6,8	8,4	9,8	10,9	12,6	3,4 р.
Могилевская область – объем производства	3,1	6,1	6,1	6,4	7,6	8,8	2,9 р.
численность населения, тыс.чел.	1 088,1	1076,5	1072,5	1070,7	1067,6	1064,4	97,8
объем производства на 1 жителя тыс. руб.	2,8	5,7	5,8	6,0	7,1	8,3	3,0 р.

Источник: [8, с.38].

Региональная разница в динамике показателя **среднедушевого промышленного производства** станет еще значительнее: диапазон динамики данного показателя равен 0 – 78%. По годам анализируемого периода разница в уровне среднедушевых показателей промышленного производства существенно сокращается, хотя она остается значительной. В 2011 году разница между максимальным и минимальным показателем составляла 2,53 раза, в 2017 году – 1,75 раза. В течение всех взятых для анализа 6 лет Гомельская область является лидером по объему промышленного производства на одного жителя региона. По данным за 2017 год на одного жителя области было выпущено промышленной продукции на 13,1 тыс. рублей, что в 1,32 раза больше среднереспубликанского и в 1,75 раза больше, чем в Минске (самый низкий показатель). Гомельская область – самая индустриальная из областей Республики Беларусь, если судить по показателю среднедушевого промышленного производства. Причем это характерно для всего рассматриваемого периода.

Об этом же свидетельствуют и показатели удельного веса областей без корректировки на численность населения (таблица 2). В приведенной ниже таблице отражено, что в течение всего периода (2011 – 2017 гг.) Гомельская область обеспечивала примерно пятую часть всех объемов промышленного производства страны (вариация показателя удельного веса – от 19,1 до 21,8%). В то же время, удельный вес в общем количестве организаций промышленности Гомельской области составляет всего лишь 9,7%, основное число их сосредоточено в Минске и Минской области – соответственно 26,6% и 23,2% в 2017 году. Это значит, что промышленное производство в Гомельской области отличается высокой концентрацией в нефтехимической области вокруг крупных предприятий в Мозыре и Речице.

Во-вторых, промышленная организация – это не обязательно предприятие с непосредственным производством. По методологии национальной статистики число организаций приводится по юридическим лицам, включая малые и микроорганизации, и обособленным подразделениям юридических лиц, имеющим отдельный баланс, независимо от формы собственности, основным видом экономической деятельности которых является производство промышленной продукции, а также осуществлявшим производство промышленной продукции (работ, услуг) в соответствующем году.

Таблица 2. – Удельный вес областей и г. Минска в общем объеме промышленного производства

Наименование региона	2011 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
Республика Беларусь	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Брестская область	8,4	10,0	10,4	10,5	11,6	11,2
Витебская область	17,5	15,8	15,7	15,9	14,1	14,6
Гомельская область	21,8	20,8	20,9	20,8	19,1	19,7
Гродненская область	8,7	10,3	10,4	10,4	10,9	10,3
г.Минск	19,6	17,3	16,0	15,3	16,1	15,8
Минская область	15,2	15,7	17,5	18,5	18,9	19,1
Могилевская область	8,8	10,1	9,1	8,6	9,3	9,3

В этом количестве промышленных организаций (2017 год по Республике Беларусь в целом) 88,1% – это промышленные малые и микроорганизации. Их удельный вес в общем объеме промышленного производства составил в 2017 году 10%.

В-третьих, логично, что концентрация таких «офисных» организаций будет выше в столице и вокруг нее. Именно поэтому объем промышленного производства в расчете на одну организацию промышленности, например, по Минску в 2017 году составлял всего 4,7 млн руб., по Минской области – 6,5 млн руб., а по Гомельской области – 16,0 млн руб., что в 3,4 и 2,5 раза больше. По сравнению со средним по республике – это в два раза больше. Ближайший к этому показатель Витебской области – 12,5 млн руб. – на 22% ниже (рисунок 1). В среднедушевых показателях промышленного производства такой дифференциации не наблюдается.

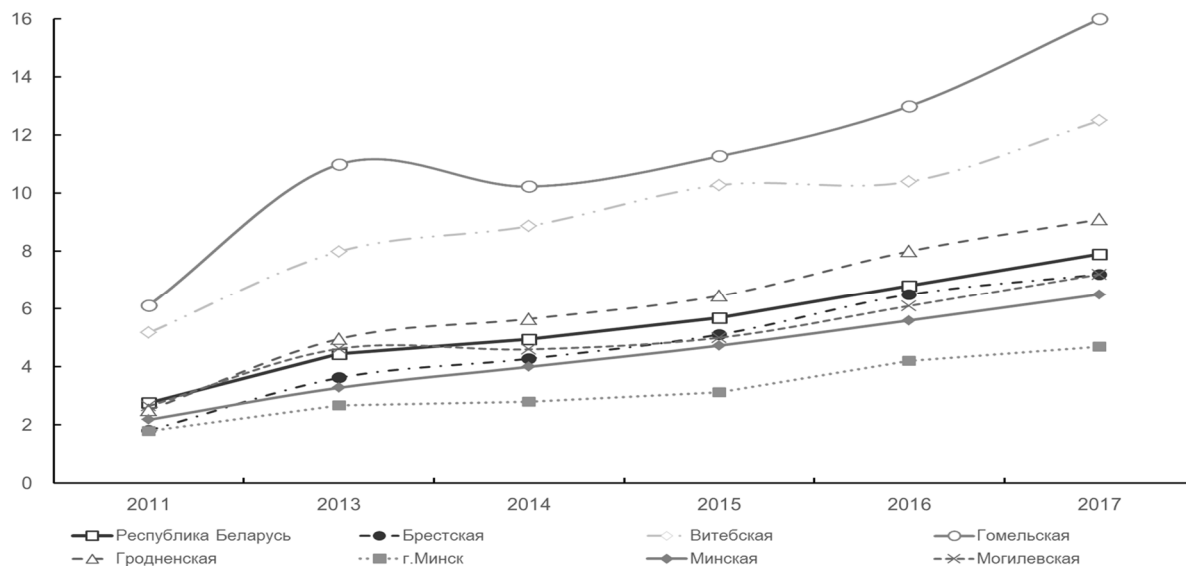


Рисунок 1. – Динамика объемов промышленного производства в расчете на одну промышленную организацию по регионам Республики Беларусь за 2011–2017 гг.
Источник: [8, с. 29].

Для Гомельской области характерна концентрация промышленного производства вокруг двух промышленных подсистем – производство продуктов нефтепереработки (42 – 47% в объеме обрабатывающей промышленности в период 2010 – 2017 гг.), а также металлургическое производство (16 – 17%) [5, с. 398–399]. Такова же концентрация в Витебской области, где производство продуктов нефтепереработки занимало в структуре обрабатывающей промышленности 50–53%.

Для оценки степени региональной дифференциации уровня промышленного производства в связи с оценкой инновационных возможностей в этом секторе национальной экономики практически важно сопоставить его с объемом валового регионального продукта по областям Республики Беларусь (таблица 3). Что это даст для целей данного исследования? В первую очередь, соотношение ВРП и промышленного производства дает возможность оценить промышленный потенциал с другой стороны – с позиций его общей роли в формировании создаваемого регионального продукта. Кроме того, это косвенное свидетельство уровня индустриализации региона. Такие показатели, в принципе, отражают не только реальную часть промышленного потенциала, но и ту, которая еще не реализована. По своей сути валовой региональный продукт (ВРП) – это сумма валовых добавленных стоимостей по видам экономической деятельности отдельного региона. Данный показатель идентичен по происхождению и роли в национальной экономике валовому внутреннему продукту страны (ВВП). Следует отметить высокий уровень региональной

концентрации валового регионального продукта: в 2017 году г. Минск и Минская область обеспечивали 41,5% всего ВВП (без нераспределенной части – 14,3%) [5, с. 341].

Таблица 3. – Валовой региональный продукт Республики Беларусь в сопоставлении с объемами промышленного производства регионов, млрд руб.

Наименование региона	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2017 к 2011, %
Республика Беларусь	30,7	54,8	67,1	80,6	89,9	94,9	105,2	342,4
в т.ч. на 1 руб. ВРП	1,13	1,13	0,91	0,84	0,82	0,86	0,90	79,6
Брестская область	2,8	5,0	6,3	7,8	8,4	9,1	10,5	377,7
в т.ч. на 1 руб. ВРП	1,07	1,16	0,97	0,91	0,94	1,05	1,00	93,5
Витебская область	2,6	5,3	5,6	6,8	7,5	7,5	8,3	314,4
в т.ч. на 1 руб. ВРП	2,35	2,11	1,71	1,56	1,56	1,53	1,65	70,2
Гомельская область	3,4	6,2	7,5	8,9	9,4	9,4	11,2	332,3
в т.ч. на 1 руб. ВРП	2,23	2,05	1,70	1,60	1,64	1,66	1,66	74,4
Гродненская область	2,3	4,3	5,7	6,9	7,1	7,7	9,0	384,6
в т.ч. на 1 руб. ВРП	1,30	1,32	1,11	1,01	1,08	1,15	1,08	83,1
г. Минск	8,3	13,6	17,0	21,0	23,7	26,3	28,3	340,6
в т.ч. на 1 руб. ВРП	0,82	0,84	0,62	0,52	0,48	0,50	0,54	65,9
Минская область	4,5	7,9	9,3	12,2	13,6	13,8	15,3	338,5
в т.ч. на 1 руб. ВРП	1,18	1,18	1,03	0,97	1,00	1,26	1,17	99,2
Могилевская область	2,2	4,0	5,0	5,8	6,4	6,7	7,5	342,5
в т.ч. на 1 руб. ВРП	1,43	1,45	1,24	1,05	1,00	1,26	1,17	81,8
Нераспределенная часть	4,6	8,5	10,7	11,2	13,8	14,4	15,0	328,2

Источник: [5, с. 340].

Проведенные расчеты показывают, что соотношение объемов промышленного производства и объемов валового регионального продукта по областям сильно различается как по регионам, так и во времени. Если в целом по Республике Беларусь в 2011 году на один рубль валового регионального продукта приходилось 1,13 рубля промышленной продукции, то в 2017 году – 0,90 рубля. Этот показатель есть **производственная детерминанта**, характеризующая значимость промышленного производства в ВРП. Условно можно говорить, что роль промышленности в создании ВРП постепенно снижается. Удельный вес чистой продукции, например, обрабатывающей промышленности, основной отрасли в промышленном секторе (88,3% в 2017 году), в ВВП изменился с 26,4% в 2011 году до 20,2% в 2016 году и до 22,2% в 2017 году. [8, с. 27–30].

Анализ изменения этого показателя за последние годы позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, по всем регионам очевидна тенденция снижения роли промышленности в формировании валового регионального продукта. Во-вторых, можно выделить три группы регионов по близости трендов снижения. В первой группе с наибольшим уменьшением такой производственной детерминанты – г. Минск. Вторая группа – Брестская, Гродненская и Могилевская области. Третья группа, которую можно отнести к наиболее индустриальным регионам нашей страны, – Витебская и Гомельская области.

В целом такие же выводы подтверждаются и результатами анализа структуры ВРП по видам экономической деятельности за ряд последних лет (таблица 4). Во всех регионах снижается удельный вес обрабатывающей промышленности в формировании валового регионального продукта, кроме Брестской области, где отмечается небольшое увеличение. Во всех регионах, кроме Минска и Минской области, фактическая роль обрабатывающей промышленности в 2017 году оценивается на уровне 24,8 – 29,6%.

Снижение роли промышленности в формировании ВРП происходит при одновременном увеличении вклада «прочих видов деятельности», в которые статистика включает все виды коммерческих услуг: медицинских, образовательных, информационных, коммуникационных, транспортных, рекламных и других. Так в Минске доля этих видов деятельности в формировании ВРП увеличилась с 32,5 до 48,5%.

Сегодня услуги в механизме формирования ВРП прямо конкурируют с промышленным производством. Происходит «переливание» добавленной стоимости из промышленности в сферу услуг. Закономерность такова, что чем больше удельный вес услуг, тем меньше удельный вес промышленности в составе ВРП. А в сумме они составляют примерно 60% в составе ВРП (рисунок 2).

И, тем не менее, тенденция снижения роли промышленности в формировании ВРП не относится к исключительно позитивной тенденции, хотя роль сферы услуг в создании ВВП большинства развитых стран становится доминирующей. Нельзя игнорировать тот факт, что именно в промышленном секторе всегда возникали передовые технико-технологические инновации, которые всегда были двигателем инновационного развития общества. Машиностроение, металлургия, обрабатывающая, химическая и электронная, космическая и оборонная промышленность, а также другие подотрасли всегда были источником, катализатором и потребителем всех известных и радикальных инноваций. Причем не только технико-технологического содержания, но и экономико-управленческого. Поэтому инновационный потенциал промышленного

комплекса по определению актуален, составляя основу экономического развития любой страны. В 2018 году 27,3% списочной численности работников, выполнявших научные исследования и разработки в Республике Беларусь, работали в промышленности, из которых 98,8% – в обрабатывающей промышленности [10, с. 11].

Таблица 4. – Структура валового регионального продукта по видам экономической деятельности (в % к итогу по региону).

Наименование региона	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2017 к 2011, п.п.
Брестская область	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–
секция А (сельское, лесное и рыбное хозяйство)	15,3	16,0	12,5	13,5	12,4	13,5	14,0	-1,3
секция С (обрабатывающая промышленность)	25,1	25,8	24,5	22,4	22,5	25,4	28,2	+3,1
Витебская область	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–
секция А	14,4	12,5	11,2	11,3	10,2	11,5	12,4	-2
секция С	30,7	31,5	25,9	23,7	22,8	21,3	24,8	-5,9
Гомельская область	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–
секция А	10,7	11,3	10,0	11,1	10,0	11,4	12,7	+2,0
секция С	32,0	30,3	26,5	24,0	23,0	21,7	26,1	-5,9
Гродненская область	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–
секция А	15,6	15,2	12,3	13,6	12,8	13,1	15,0	-0,6
секция С	31,3	29,9	29,2	26,3	25,0	27,0	29,6	-1,7
г. Минск	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–
секция А	0,2	0,2	0,3	0,1	0,1	0,1	0,2	0,0
секция С	24,7	21,9	19,2	16,9	16,1	16,9	17,5	-7,2
Минская область	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–
секция А	13,0	13,2	11,4	11,0	8,9	10,7	11,5	-1,5
секция С	47,6	42,0	36,6	38,9	42,5	37,0	38,2	-9,4
Могилевская область	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–
секция А	14,4	14,2	11,8	13,2	11,8	12,8	14,7	+0,3
секция С	30,6	32,6	31,9	26,6	25,3	27,8	29,2	-1,4

Источник: [8, с. 344–345].

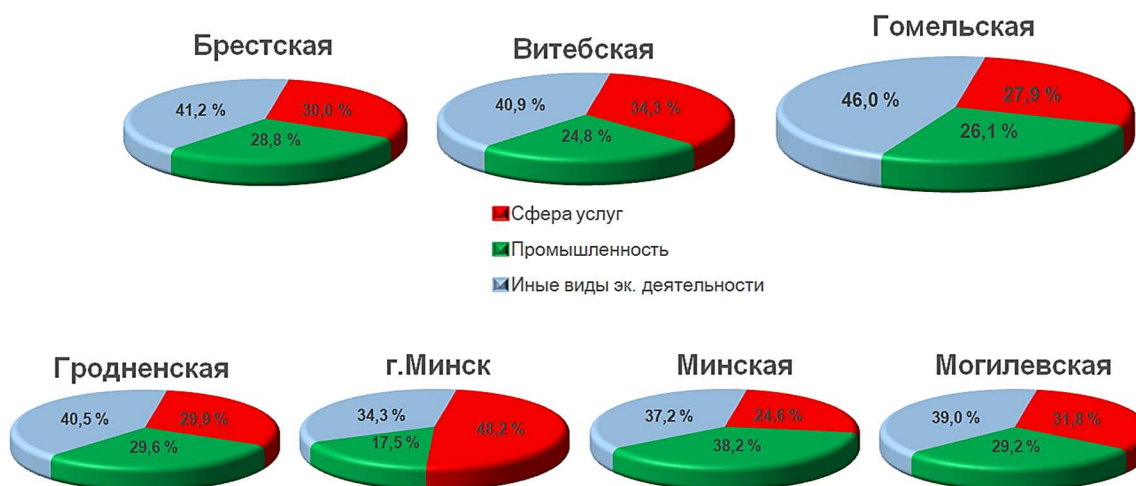


Рисунок 2. – Данные о структуре валового регионального продукта регионов Республики Беларусь в 2017 году, %

Источник: собственная разработка

Проведенный выше анализ показал, что по уровню развития регионального промышленного комплекса в Республике Беларусь лидирует Минский регион, что объективно по многим причинам, а среди других регионов – Гомельский. Последний установленный факт для предмета данного исследования имеет не последнее значение. Инновационный потенциал это, прежде всего, люди. Сегодня ситуация такова, что в Минске и в Минской области сосредоточено 82,6% численности работников, выполнявших в Республике Беларусь в 2018 году научные исследования и разработки. Налицо серьезная асимметрия. Причем она еще выше по количеству исследователей в регионах, т.е. людей, имеющих для этого соответствующую квалификацию – 83,1%. В расчете на 10000 жителей на Минск в 2018 году приходилось 63 исследователя, а на

Гродненскую область – три человека. Среди областных регионов в Гомельской области этот показатель составлял в два-три раза больше, чем в других (кроме Минского) – 9 человек. Однако это значительно меньше, чем в Минске. В 2018 году из всего количества докторов наук, выполнявших научные исследования и разработки, 90,6% работало в Минске и Минской области (рисунок 3).

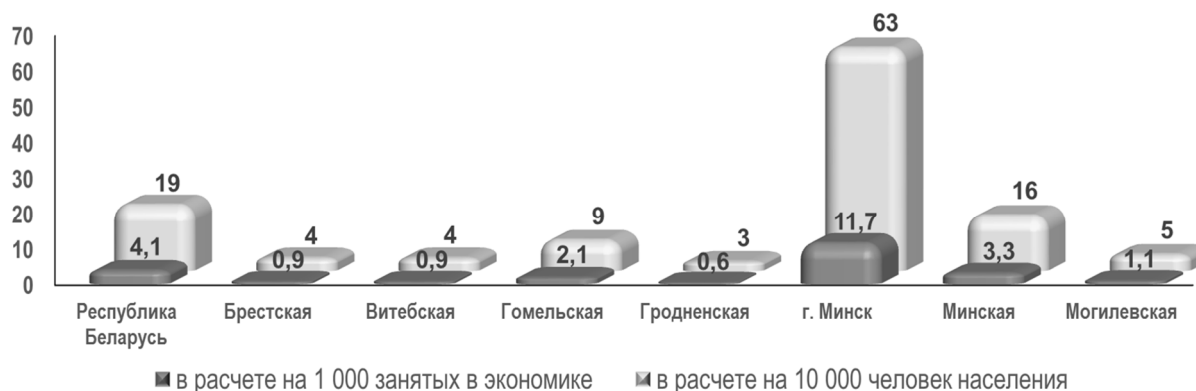


Рисунок 3. – Соотношение численности исследователей, занимающихся научными исследованиями и разработками к численности проживающего и экономически активного населения в 2018 году в разрезе регионов Республики Беларусь

Источник: [10, с. 11].

В международной сравнительной практике для оценки уровня научно-исследовательской и инновационной деятельности применяется показатель численности исследователей в расчете на 1000 занятых в экономике. Мировым лидером по этому показателю является Израиль – 17,4 чел. (2012 г.), а также Финляндия – 15,3 чел., Южная Корея – 13,5 чел., Тайвань (Китай) – 12,9 чел., Япония – 10,5 чел. [11]. Наша страна имеет показатель 4,1 чел., что значительно ниже приведенных показателей. По регионам страны, если исключить Минск и Минскую область, самый высокий показатель количества исследователей на 1000 занятых в экономике имеет Гомельская область – 2,1 чел., что значительно выше, чем в других областях.

Очень важным показателем инновационной деятельности и критерием уровня инновационного потенциала организаций промышленности, отражаемым в национальной статистике, является объем отгруженной инновационной продукции. Он значительно дифференцирован по регионам Беларуси, что очевидно из данных таблицы 5.

Так, в 2018 году 37,8% общего объема отгруженной инновационной продукции обеспечила Гомельская область, Витебская – 28,6%. Это существенно больше, чем в других регионах, в том числе и в Минском. Такая ситуация дает возможность для заключения о значительно более высоком уровне коммерциализации результатов инновационной деятельности промышленности в Гомельской и Витебской областях по сравнению с другими. Однако ни в Витебской, ни в Гомельской областях не было в составе отгруженной продукции новых по мировым критериям продуктов или услуг. Лишь по Гомельской области признаны новыми для внутреннего рынка 88,7% отгруженной инновационной продукции [10, с. 49]. Следовательно, несмотря на высокие показатели отгруженной инновационной продукции, например, по Гомельской области, эта продукция является инновационной только по критериям внутреннего рынка, чего очевидно недостаточно для выхода на мировые рынки.

По-прежнему сохраняется низкий уровень наукоемкости ВРП. В статистической методологии наукоемкость ВВП – отношение внутренних затрат на научные исследования и разработки к валовому внутреннему продукту (ВВП) в процентах. В 2018 году доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в валовом региональном продукте составила по Республике Беларусь 0,70% (без нераспределенной части). Минимальное значение по Гродненской области – 0,08%, максимальное – по Минску (1,84%). Все областные регионы по показателю наукоемкости ВРП находятся в критической зоне ниже порогового значения в 1% (таблица 6).

Данный показатель является важнейшим индикатором научно-технического и инновационного развития, в рамках государственной политики неоднократно ставилась задача по доведению его до уровня не ниже 1%. Однако поставленная цель так и не была достигнута, что в настоящее время создает значительные ограничения для дальнейшего развития и реализации научного и научно-технического потенциала Республики Беларусь [12, с. 54]. Если взять этот показатель относительно ВВП, то динамика значений доли расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в отношении к ВВП (в %) будет следующей: 2011 г. – 0,68; 2013 г. – 0,65; 2014 г. – 0,51; 2015 г. – 0,50; 2016 г. – 0,50; 2017 г. – 0,59 [13, с. 33]. Это значительно ниже, чем в ведущих экономиках мира.

Таблица 5. – Объем отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) и оказанных услуг инновационного характера организаций промышленности, информационных технологий и деятельности в области телекоммуникаций и информационного обслуживания, по областям и г. Минску в 2018 году

Наименование региона	Объем отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) и оказанных услуг инновационного характера, тыс. руб	Удельный вес в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) и оказанных услуг, %
Республика Беларусь	16 219 325	17,3
Брестская область	366 350	4,0
Витебская область	3 803 471	28,6
Гомельская область	7 524 903	37,8
Гродненская область	307 851	3,2
г. Минск	1 969 995	10,1
Минская область	1 802 307	11,9
Могилевская область	444 448	6,1

Источник: [10, с. 43].

Таблица 6. – Показатели наукоемкости валового регионального продукта в Республике Беларусь в 2018 г.

Наименование региона	Количество исследователей, чел.			Затраты на научные исследования			Наукоемкость ВРП, %
	2011 год	2017 год	темп роста, %	Всего, млн руб.	в т.ч. собств. средства, млн руб	уд. вес собств. средств в затратах, %	
Республика Беларусь	19668	17089	86,9	739,3	217,5	29,4	0,70
Брестская область	421	484	115,0	11,1	9,1	82,0	0,12
Витебская область	707	428	60,5	19,1	2,3	12,0	0,23
Гомельская область	1439	1236	85,9	39,6	19,2	48,5	0,35
Гродненская область	310	223	71,9	6,9	1,9	27,5	0,08
г. Минск	14880	12322	82,8	520,3	106,0	20,4	1,84
Минская область	1608	1879	116,9	125,1	67,0	53,6	0,80
Могилевская область	303	517	170,6	17,4	11,8	67,8	0,23

Источник: [3, с. 53; 10, с. 20, 49, 28].

Мировыми лидерами по этому показателю являются: Израиль – 4,25%, Республика Корея – 4,24%, Швейцария – 3,37%, Швеция – 3,25% и Тайвань – 3,16%. США и Китай, имеющие наибольший объем внутренних затрат на ИР, по их доле в ВВП занимают, соответственно, 11-е и 15-е места (2,74 и 2,12%) [14]. Мировой опыт показывает, что при значении этого показателя ниже 0,4% наука может выполнять в государстве лишь социально-культурную функцию. Только при значении выше 0,9% можно рассчитывать на какое-то влияние науки на экономическое развитие. В Европейском союзе критической считается наукоемкость ВВП в 2% [15].

К числу важных параметров научно-инновационного развития регионов следует отнести и долю расходов на науку за счет собственных средств. В 2018 году этот источник составил по Республике Беларусь 29,4%, а 40,7% – бюджетные средства. Но этот показатель внутреннего финансирования сильно дифференцирован по регионам: от 12,0% по Витебской области до 82,0% по Брестской области. Для стран Европейского союза характерна несколько меньшая доля правительственного финансирования исследований и разработок. Так, для ведущих стран ЕС этот показатель составляет в среднем 34,3%; для новых стран ЕС – 35,8%.

Закключение. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Для Республики Беларусь характерна весьма значительная социотехническая дифференциация региональных промышленных комплексов из-за сложившегося разделения труда, размещения производительных сил, территориальной разницы в наличии научных и промышленных центров. Такая региональная дифференциация является важным фактором уровня инновационного потенциала и степени его реализации. Рентные факторы регионального уровня, в свою очередь, составляют основу и формируют структуру региональных инновационных потенциалов.

2. Гомельская область выступает лидером по объему промышленного производства на одного жителя региона. В течение 2011 – 2017 гг. Гомельская область обеспечивала примерно пятую часть всех объемов промышленного производства страны. Объем промышленного производства в расчете на одну организацию промышленности в Гомельской области в 2017 году в 3,4 раза больше, чем в Минске и в 2,5 раза больше, чем в Минской области. Так, в 2018 году 37,8% общего объема отгруженной инновационной продукции обеспечила Гомельская область, Витебская – 28,6%. Это существенно больше, чем в других регионах, в том числе и в Минском. Однако ни в Витебской, ни в Гомельской областях не было в составе отгруженной продукции новых по мировым критериям продуктов или услуг. По удельному весу инновационно активных организаций, осуществлявших затраты на технологические инновации, в общем числе обследованных организаций промышленности Гомельская область вместе с Минской областью уступают всем другим регионам (15,2%). Роль промышленности в создании ВРП по всей стране постепенно снижается при одновременном увеличении вклада «прочих видов деятельности», в которые статистика включает

все виды коммерческих услуг медицинских, образовательных, информационных, коммуникационных, транспортных, рекламных и других видов деятельности.

3. Имеется серьезная региональная асимметрия по размещению человеческой составляющей инновационного потенциала. В Минске и в Минской области сосредоточено 82,6% численности работников, выполнявших в Республике Беларусь в 2018 году научные исследования и разработки. Все областные регионы по показателю наукоемкости ВРП находятся в критической зоне ниже порогового значения в 1%. Самый высокий показатель среди регионов, кроме г. Минска и Минской области, имеет Гомельская область – 0,35%. Мировой опыт показывает, что только при значении показателя наукоемкости ВВП выше 0,9% наука может влиять на экономическое развитие.

4. Инновационная деятельность промышленных предприятий практически не связана с улучшением существующих и применением новых современных технологий производства, управления и маркетинга. В 2018 году в Республике Беларусь лишь 380 организаций промышленности, информационных технологий и деятельности в области телекоммуникаций и информационного обслуживания осуществляли затраты на технологические инновации, отнесенных к инновационно активным. В Гомельской области 38 организаций были отнесены к инновационно активным, что составляет 3,3% от всего числа организаций промышленности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Плотников, В.А. Оценка уровня региональной дифференциации в Российской Федерации [Электронный ресурс] / В.А. Плотников, Е.А. Лисина // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технология. – № 201. – С. 5–15. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-regionalnoy-differentsiatsii-v-rossiyskoy-federatsii>. – Дата доступа: 02.06.2019.
2. Krugman, P. Geography and trade / P. Krugman. – Cambridge, MA : MIT Press, 1991.
3. Зубаревич, Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания / Н.В. Зубаревич // SPERO. – 2008. – № 9. – С. 7–22.
4. Жабрев, А.А. Региональная дифференциация - фактор социально-экономического развития регионов [Электронный ресурс] / А.А. Жабрев, Н.М. Межевич // Экономика и управление. – 2011. – № 5. – С. 156–158. – Режим доступа: <http://naukarus.com/regionalnaya-differentsiatsiya-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov>. – Дата доступа: 02.06.2019.
5. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели, 2018. [Электронный ресурс] // Статистический сборник. – Т. 1. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 03.06.2019.
6. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya>. – Дата доступа: 02.06.2019.
7. Клюня, В.Л., Методологические аспекты определения валового регионального продукта и региональной эффективности / В.Л. Клюня, С.С. Балюк // Веснік БДУ. Сер. 3, Эканоміка. – 2012. – № 2. – С. 42–47.
8. Промышленность Республики Беларусь, 2018 [Электронный ресурс] // Статистический сборник. – Минск, 2018. – С. 24. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 02.06.2019.
9. Труд и занятость в Республике Беларусь, 2018 [Электронный ресурс] // Статистический сборник. – Минск, 2018. – С. 20. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 02.06.2019.
10. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году : стат. бюл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 02.06.2019.
11. Руднев, Ю.А. Тенденции научно-технологического развития стран мира и национальные интересы России [Электронный ресурс] / Ю.А. Руднев. – Режим доступа: <https://gigabaza.ru/doc/190949.html>. – Дата доступа: 02.06.2019.
12. Пашкевич, И. Сравнительный анализ научного, научно-технического и инновационного потенциала Республики Беларусь / И. Пашкевич // Банкаўскі веснік. – 2018. – Крас. – С. 53–59.
13. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2018 [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 02.06.2019.
14. Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку [Электронный ресурс] // Ин-т стат. исследований и экономики знаний. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/221864403.html>. – Дата доступа: 02.06.2019.
15. По силам ли Беларуси high-tech? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naviny.by/rubrics/economic>. – Дата доступа: 02.06.2019.
16. Власти хотят заметно поднять зарплаты в некоторых районах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news655004.html>. – Дата доступа: 02.06.2019.
17. Установлены целевые параметры ускоренного социально-экономического развития отдельных административно-территориальных единиц на 2019–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/sepember/39964/>. – Дата доступа: 02.06.2019.

Поступила 14.08.2019

ASSESSMENT OF REGIONAL DIFFERENTIATION AND CONCENTRATION OF INNOVATION ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

D. DWORKIN

Annotation. Using publicly available statistical indicators, the article examines the existing differences in the innovative development of the regions of the Republic of Belarus. Factors are determined that indirectly and directly affect the presence of such differentiation. Among other things, regional asymmetry is revealed in the distribution of the human component of innovative potential.

Keywords: Innovative activity, regional development, gross regional product, Republic of Belarus.

УДК 330.336

EFFECTIVE INNOVATION POLICY AS A FACTOR SUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT

K. PAVLOV

*(Russian University of cooperation, Izhevsk)**e-mail: kvp_ruk@mail.ru*

O. NOSOVA, T. NOSOVA

*(Kharkiv national University V.N. Karazina)**e-mail: olgano59@gmail.com; e-mail:tasya.n@gmail.com*

The aim of paper is devoted to the analysis of the impact of innovation policy on effective regional development in Ukraine. The main goal is the definition of the causes of regional disparities', and estimation of the role of innovation policy for regional development. The adoption and application of innovation policy measures provides the basis for inequalities smoothing and competitiveness increase in Ukraine's regions.

Keywords: *innovations, development, input factors of production, innovation policy.*

Introduction. The aim of paper is devoted to the analysis of the impact of innovation policy on effective regional development in Ukraine. The main goal is the definition of the causes of regional disparities', and estimation of the role of innovative policy for regional inequalities smoothing. The emergence of a global knowledge economy requires a radical transformation of innovation strategy in East European countries. Innovation considers as a basic driving force in the process of narrowing gaps with developing countries in global economy. Innovation defines as important precondition towards a transition into self-sustaining innovation led- growth economy. Effective innovation system includes firms, research centers, R&D institutions that provides new knowledge creation, new goods, processes development.

The concepts of technological accumulation and creative destruction are the core of J. Schumpeterian theory. The author emphasizes the distinctness of R&D from other investments in physical or human capital. The Schumpeter's approach provides a detailed account of the economic and institutional determinants of long-run growth and to conceive of the possibility that growth can be sustainable in an economy with limited natural input resources.

The Ukraine's regional economic performance assessment includes the estimation of the significant factors influencing the existence of disproportions between the sectors. The basic problems of regional development relate to the lack of capital investments, old capital assets, and high share of unprofitable enterprises, enterprise's indebtedness, low level of innovations, and insufficient infrastructure level in Ukraine.

The assessment of Ukrainian competitiveness shows the markets concentration at national level and inadequate finance and human capital distribution in regions. The competition is still weaker at regional level. Concentration has a negative and highly significant effect on labor productivity growth. The financial shortage causes the reduction of the quantity of enterprises applied the innovations. Ukraine scored 56.99 points out of 100 on the 2018 Global Competitiveness Report published by the World Economic Forum, which confirm the low efficiency and labour productivity. Ukraine is ranked 71 among 190 economies in the ease of doing business, according to the latest World Bank annual ratings. The rank of Ukraine improved to 71 in 2018 from 76 in 2017. Ease of Doing Business in Ukraine averaged 112.36 from 2008 until 2018, reaching an all-time high of 152 in 2011 and a record low of 71 in 2018 [1].

The authors used general scientific and special methods of cognition: structural-logical method – to build the general structure of the research; content analysis and bibliographic search – to study of innovative policy in regions; hierarchical cluster analysis – to compare the regions of Ukraine in terms of innovative development; economic and statistical method – to assess the level of innovative development in Ukraine's regions; graphic method – to visualize the results of the study; scientific generalization – to justify the conclusions.

Results of the research. 1. Economic performance in Ukrainian regions in transition. The late and incomplete reforms impede the economic development in Ukraine. It creates numerous market distortions and arbitrage opportunities that generated highly concentrated rents for powerful special interest groups. The modern spatial development of Ukraine characterizes by such main transformational tendencies as:

- strengthening interregional socio-economic differentiation;
- combination processes of interstate interregional integration and disintegration;
- transition from economic downturn to economic growth with significant regional peculiarities.

Disproportionate development of the regions negatively affects the development of the country. It should be noted an increase in disproportions between regions in many indicators, both economic and social in Ukraine's regions in transition [2].

The consequences of crisis of 2008-2009 significantly affect the economic development in Ukraine. Global growth dropped to almost 3 percent in 2012, which indicates that about a half a percentage points shaved off the long-term trend since the crisis emerged [3]. The global financial crisis drop in GDP is about 4 percent and at least Latvia and Ukraine are likely to face double - digit decline [4]. The fixed exchange rate evokes the speculative motives for short-term lending from European banks, and results in increase the balance of payments deficits in East Europe. The slowing global trend stipulates the rise of inequalities and imbalances within Ukraine. The number of depressed regions increases, and as a result regional disparity are accumulated. GDP showed a positive dynamic starting from 2000 until 2009 when the GDP dropped by 15.1 percent which was a direct consequence of the world financial crisis (Figure 1). Inflation in Ukraine remains relatively high (10-20 percent increase annually with the lowest level in 2002 (0.7 percent) and the highest ones in 2000 (28.2 percent) and 2008 (25.2 percent). The value of the current account balance had a surplus during 1999-2005 period with the highest value in 2004 (6.9 billion US dollars) and a deficit during 2006-2009 with the lowest value in 2008 (12.8 billion US dollars).

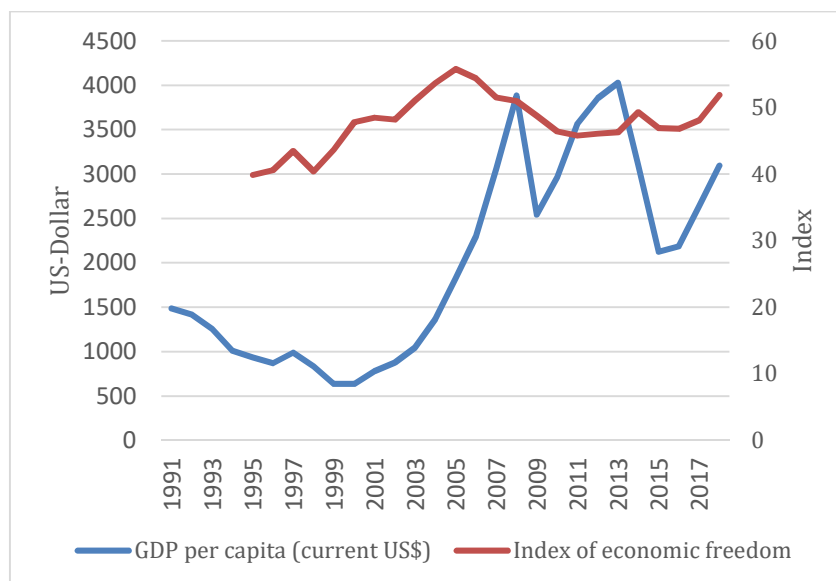


Figure 1. – Index of economic freedom and GDP in Ukraine 1991–2017

Source: [6].

The period from 2009-2015 characterizes by financial and economic instability that discourage capital formation, and could be seen in the falling part of the curves GDP and index of economic freedom (See Figure 1). The dramatic depreciation of the Hryvnia had a devastating effect on the balance sheet of enterprises. The analysis of Ukrainian macroeconomic data depicts on the tendency of industrial production shortage in heavy industry, including metallurgy and coal-mining industry. It explains through the high production costs, inefficient labor organization, and undeveloped infrastructure. The analysis of economic assessment of Ukrainian competitiveness in 2012 shows the market concentration at national level and the high degree between regional markets. The competition is still weaker at regional level. Concentration has a negative and highly significant effect on labor productivity growth [5].

Following at the latest updates of the overall situation in Ukraine we can say that it has overcome the heavy crisis caused by armed conflict in eastern part of country. At the same time, 200 % devaluation of Ukrainian national currency (hryvnia) in 2014-2015 made Ukrainian goods and services cheaper and more competitive. In 2016, for the first time since 2010, the economy grew more than 2 %. Ukraine's GDP amounted to approximately 93.26 billion U.S. dollars in 2016.

The regional competitiveness estimation of 12 Ukraine's regions based on the methodology of Global Competitiveness Index (GCI) examines that Kyiv, Dnepropetrovsk, Sumy, Donetsk. These indicators demonstrate the low labor productivity per capita in the Ukraine comparing to world competitiveness estimation in 55 countries. Lvov ranked on the first tier of regions between Croatia and behind Vietnam in 2005. The second tier of regions includes Poltava, Crimea and Vinnitsa regions. It takes positions below Ukrainian average but ahead of Argentina. The third group Kherson and Cherkassy occupies a very low position between Uruguay and behind Bosnia and Herzegovina (Table 1) [7]. The scores of the best and worst performing regions make up 5 percent above or below the national average. The estimation results point out the lower level divergence in terms of GRP per capita. Hanouz, Geiger and Panov (2008) [7] make a conclusion that the degree of economic divergence between Ukrainian regions is moderate comparing to other countries. Gross regional product (GRP) per capita is the most significant index characterizing the regional potential for producing goods and services. Innovation activities in countries behind the technology frontier, such as Ukraine, focus mainly on the adaptation of machinery, equipment and software [8].

Table 1. – Competitiveness of Ukraine's regions

Rank	Country/ Economy/ Region	Score	Rank	Country/ Economy/ Region	Score
52	Croatia	4,25	74	Donetsk	4,07
53	Kyiv	4,25	75	Ukraine	4,07
54	Dnepropetrovsk	4,24	76	Botswana	4,07
55	Cyprus	4,23	77	Egypt	4,06
56	Kazakhstan	4,23	78	Poltava	4,02
57	Zakarpattia	4,22	79	Philippines	4,02
58	EL Salvador	4,20	80	Romania	4,00
62	Russian Federation	4,14	81	Crimea	3,99
63	Lvov	4,14	82	Vinnitsa	3,98
64	Jamaica	4,14	83	Argentina	3,98
68	Costa Rica	4,10	90	Uruguay	3,91
69	Khmelnytsky	4,10	91	Kherson	3,90
70	Brazil	4,10	92	Bosnia and Herzegovina	3,86
72	Vietnam	4,08	93	Cherkassy	3,85
73	Sumy	4,07	94	Armenia	3,82

Source: [7].

Ukraine scored 56.99 points out of 100 on the 2018 Global Competitiveness Report published by the World Economic Forum in 2018. Covering 141 economies, the Global Competitiveness Index measures national competitiveness – defined as the set of institutions, policies and factors that determine the level of productivity. Competitiveness Index in Ukraine averaged 16.02 Points from 2007 until 2019, reaching an all time high of 57.03 Points in 2018 and a record low of 3.90 points in 2011 [9; 10]. The report draws attention to various areas in which Ukraine's competitiveness has faltered on regressed. Macroeconomic stability has dropped two places.

Matteo et al. [11] proves that without complementary investments, it will not be possible fully benefit from the advantages of ICT capital for productivity growth.

The deteriorated domestic and external demand affects the output decrease in the major sectors of Ukrainian economy. The volume of industrial production, fixed capital investment, exports and imports of goods and services have decreasing tendency. The consumer price index is increased. The current account and financial account deficit is covered by the interventions of the National Bank of Ukraine. The regional development illustrates an increase in territorial unevenness and aggravation of socio-economic and political problems in the country.

2. The model of the regional innovation development in Ukraine. Considering the regional innovation development, we apply hierarchical clustering analysis of Gross Regional Product (GRP) from the employment, industrial production index, fixed capital investment index, the number of organizations, conducting scientific research, total value of innovation costs per one thousand employed workers and foreign direct investment (FDI). The hierarchical clustering analysis is conducted using the SPSS Statistics program. The employment defines labor in the region. Industrial production index, and fixed capital investment index determine regional capital. The number of organizations, conducting scientific research, total value of innovation costs per one thousand employed workers and FDI in region denote total factor productivity. We test the following hypothesis: the dependence of regional cluster classification on the input factors of production combination in regions. The data of State Statistics Service of Ukraine used for assessment GRP from variables defining regional development for 27 Ukrainian regions in 2013 [12].

We assess calculating distances between the most developed regions and the undeveloped regions in hierarchical clustering. We estimate the single linkage criteria, showing the distance between the closest neighboring points. The estimation results outline that the Kyiv region is distinguished from other regions. Capital Kyiv is considered outlier from other Ukrainian regions for all estimated periods of time.

The strong specialization by regions producing specific kinds of heavy industry products caused to the division between highly industrialized developed regions with high urbanization and backward rural regions with agrarian orientation in the Ukraine. The centralized industrial organization and the inefficient regional structure formation resulted in the disproportionate regional division in the former Soviet Union. Low demand and liquidity problems remained the major impediments for business development for Ukrainian industrial enterprises in 2013. Other important barriers to development were excessive taxation (which includes tax rates and tax administration) and unfavourable regulatory climate. Enterprise managers assessed investment climate in 2013 as unfavourable. The share of the enterprises that considered the year 2013 to be “unfavourable for the purchase of equipment”, the indicator that measures investment environment, increased by 13.9% to 71% in 2013. According to the results of the survey conducted in the 1st quarter of 2014, among major obstacles that hampered investment activity of companies in 2013 were insufficient income (45.5%), unstable political situation (34%), and high cost of capital (28.7%). [13].

The present structure does not consider the geographical location, the economic endowment, and regional specificity. The application Ward's method calculates the simple Euclidean distances from each case in a cluster

to the mean of all variables. The graphical analysis of the line of the significant coefficients Ward's method proves the basic three clusters determination. The three clusters differ in particular in regarding to the levels of industrial development and scientific potential. It should be noted the increase of heterogeneity with every step of econometric analysis. A hierarchical clustering model of 27 regions is graphically represented at the dendrogram of regional cluster c classification on the input factors of production combination in regions.

Classification on the input factors of production combination in regions demonstrates that each region has various distributions. It is evident that the first cluster includes the cities of Kyiv, Kharkov, Dnepropetrovsk and Donetsk (Figure 2).

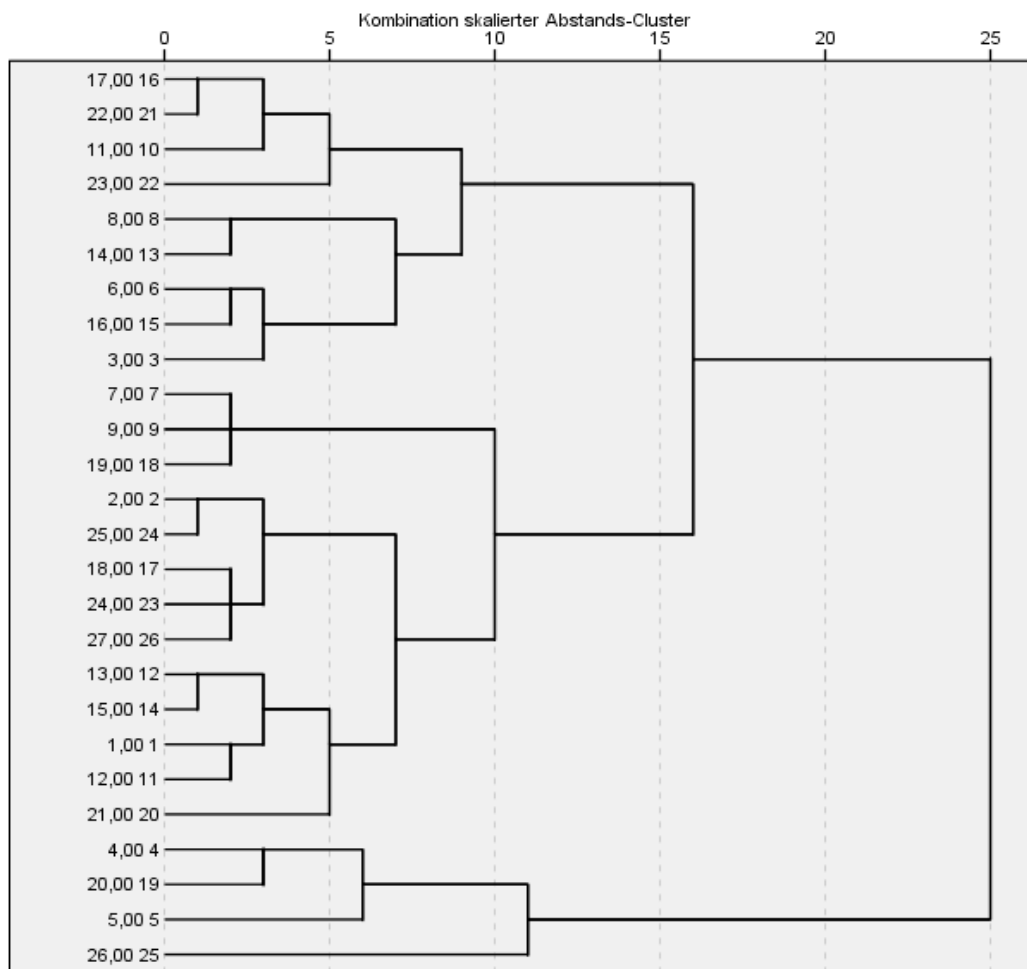


Figure 2. – Dendrogram of regional cluster classification on the input factors of production combination in regions

The application of hierarchical cluster analysis for 27 Ukrainian regions in 2013 demonstrates the presence of significant differences in the level of economic, scientific potentials, and confirms the low convergence between three clusters. The sufficient industrial and scientific endowment inheritance creates opportunities to exploit potentials and to improve position in cluster 2 in the rest regions. The research

The assessment of GRP from variables of the employment, industrial production index, fixed capital investment index, the number of organizations, conducting scientific research, total value of innovation costs per one thousand employed workers and FDI strengthens the dependence of regional cluster classification on the input factors of production combination in Ukrainian regions.

The first cluster shows relatively higher than average level of economic estimation in comparison with two others. It distinguishes via the biggest industrial production concentration, the attraction of the significant financial flows of capital, the highest innovation capacity within regions, and more than average per capita income in comparison to Ukraine. Within this period, there was the structural break, which could be seen in the given assessment. The real GDP index decreases, inflation (consumer price index), public debt, unemployment rate increases in 2013. The current account balance was negative. The business activity decreases, macroeconomic instability and insufficient quality of institutions constitute a major impediment to Ukraine's regional economic performance as reflected in the regional indicators for 2013 [14]. The regional content of the cluster 2 and the cluster 3 shows as unstable and changeable for all estimation

periods. The industrial, scientific potential of these regions are significantly low in comparison to the cluster 1. The cluster 2 and cluster 3 include some regions, which are specialized in agrarian production. The cluster mobility shows the low spread in economic development between regions.

The estimation results prove the necessity of applying effective regional policy at the state level of innovative development. Strategic tasks of the state policy for regional development of Ukraine: increasing the competitiveness of the regions and strengthening their resource potential; ensuring the development of human resources; determination of spheres innovative breakthrough, development of interregional cooperation; creation of institutional conditions for regional development.

3. The regional policy: development and implementation options. The Ukraine's regional policy has a priority tasks reflecting the solution uneven development of regions, urban development, restructuring of rural areas, rehabilitation of areas affected by industrial decline and natural disasters. The solution of the basic goals and tasks of regional policy needs the mechanism for implementation of regional programs in Ukraine at the level of cities and villages. The Republic Poland experience of modernization regional policy mechanism demonstrates the establishment of the special coordinating authorities, the so-called intra-regional policy, which implemented by the voivodship self-government bodies in order to achieve its own objectives based on its own funds, and under its own responsibility, but with financial support from the state budget and the European Union. The main implementation tool is regional operational programs.

The urgency for further development and implementation of the National Strategy for Regional Development of Ukraine is creation central coordinating body in the system of executive bodies to ensure effective formation and implementation of the state regional policy. The Ministry of Regional Development, Construction, Housing and Communal Services of Ukraine fulfills the functions of coordinating the development and state registration of agreements on regional development, scientific and methodological support of activities in this area of executive power bodies and local self-government bodies, as well as development within their powers and ensuring. In accordance with the Ukrainian legislation, the implementation of the state regional policy simultaneously entrusted to the Ministry of Economy of Ukraine. The determination priorities of the state policy and appropriate scientifically based spheres of investment are the economic and social components for innovative regional development. The regulatory mechanism of effective adoption and implementation of regulatory acts aimed at ensuring and accelerating domestic regional development.

The innovative regional policy includes the active and comprehensive state, special and regional authorities' policy of financial support of newly created structures and their potential creators of techno parks, technical development centers and other innovative institutions for R&D application and implementation innovative projects. The development of attractive labor force policy for young and highly skilled specialists suggest creation new working places based on joint ventures, foreign companies and their affiliates in Ukraine.

The innovative breakthrough in regional development considers the active state policy, building up administrative capacity at local and regional levels, comprehensive regulatory support of innovative activity, and formation favorable institutional environment.

Summary and conclusions. The implementation of regional economic policy provides necessity to paying attention to the innovative component. Clusters' creation of innovation development in the form of technology parks is the strategy for innovative development in regions. The mechanisms of technology parks implementation consider based on zones with attractive innovation climate. The favorable law legislation, tax exemptions, access to financial sources, availability of office production infrastructure, telecommunications, conditions for comfortable living standards are vivid components for analyzed mechanism.

In the process of cluster model application, it should be noted the crucial role of forms of private public partnership. State is responsible for legal initiatives in providing policy for innovative environment formation. Entrepreneurs are the basic innovators who apply innovative ideas, and implement innovative projects.

REFERENCES:

1. Ease of Doing Business in Ukraine, 2019 Ease of Doing Business in Ukraine (2019) [Electronic resource]. – URL: <https://tradingeconomics.com/Ukraine>.
2. Nosova, O.V. The Effects of Industrial Policy on Regional Development in Ukraine / O.V. Nosova // Zarządzanie Publiczne. – 2017. – № 4(42). – P. 90–101.
3. OECD Global Economic Outlook. November 2013 [Electronic resource]. – URL: <https://www.oecd.org/economy/oecd-global-economic-outlook.htm>
4. Aslund, A. Implications of the Global Financial Crisis for Eastern Europe / A. Aslund // Development & Transition. – Issue 13. – 2009. – July 2 – 3.
5. 2019 Index of Economic Freedom (2019). World Heritage Foundation [Electronic resource]. – URL: [heritage.org/index/about](https://www.heritage.org/index/about)
6. OECD Annual Report 2007. OECD (2007) 2.

7. Hanouz, M.D. The Ukrainian Competitiveness Report 2008 / M.D. Hanouz, T. Geiger // Towards Sustained Growth and Prosperity : World Economic Forum, 2008. Geneva, Switzerland, 2008. – P. 47-109
8. Majcen, B. Nature and Determinants of Productivity Growth of Foreign Subsidiaries in Central and East European Countries / B. Majcen, S. Radosevic, M. Rojec // Economic Systems. – 2009. – Vol. 33(2). – P. 168–184.
9. Ukraine Competitiveness Index [Electronic resource]. – URL: <https://tradingeconomics.com/ukraine/competitiveness-index>.
10. Schwab, K. The Global Competitiveness Report 2019 / K. Schwab // World Economic Forum Editor, 2019.
11. Vrontis, D. Merges and Acquisitions in the Hightech Industry: A Literature Review / D. Vrontis, M. Rossi. // The International Journal of Organizational Analysis. – 2012.
12. Statistical publication. Regions of Ukraine [Electronic resource]. – Part 2. – Kyiv, 2013 // Ukraine Competitiveness Rank, 2019. – URL: <https://tradingeconomics.com>Ukraine>competitiveness-rank>.
13. Institute for Economic Research and Policy Consulting. – Kiev. 2013. – 22 p.
14. O. Nosova. The Impact of Globalization on Financial Institutions' Development. Europa Regionum. Tom XXX. Household Finance. Uniwersytet Szczecinski. № 1. (2017) P. 99 -119.

Поступила 25.09.2019

ЭФФЕКТИВНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

*д-р экон. наук, проф., К.В. ПАВЛОВ
(Российский университет кооперации, Ижевск)*

*д-р экон. наук, проф. О.В. НОСОВА; канд. экон. наук, доц. Т.Ю. НОСОВА
(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)*

Приведен анализ влияния инновационной политики на эффективное региональное развитие в Украине. Определены причины региональных диспропорций, дана оценка роли инновационной политики в региональном развитии. Принятие и применение мер инновационной политики создает основу для сглаживания неравенства и повышения конкурентоспособности регионов Украины.

Ключевые слова: инновации, развитие, входные факторы производства, инновационная политика.

УДК 331.101

**ТРУД И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ****Т.В. КУЗЬМИЦКАЯ***(Белорусский национальный технический университет, Минск)*

Рассмотрена сущность труда и трудовых отношений в условиях становления и развития информационного общества. Показаны особенности труда и трудовых отношений на современном этапе, проявляющиеся в усложнении и увеличении многообразия видов трудовой деятельности, кооперации и разделения труда, управления и технологий, а также перераспределении их значимости с точки зрения обеспечения технического и социального прогресса в обществе.

Ключевые слова: *труд, трудовые отношения, кооперация и разделение труда.*

Введение: В настоящее время для изучения социально-экономических реалий современного общества и выработки прагматических рекомендаций для органов государственного управления уже недостаточно рассмотрения эволюции экономической системы, как явления определяемого главным образом трансформацией отношений собственности. Под воздействием информационной революции, главная роль от средств производства, представляющих собой комплекс машин и оборудования, переходит к компьютерным системам, что приводит к радикальным изменениям в характере производственных отношений и отношении собственности. В современном мире частная собственность на средства производства и другие материальные элементы общественного богатства уже не обеспечивает ее владельцу такой экономической власти, как в период становления капитализма. Сегодня успешность и эффективность работы предприятия определяется не только наличием высокотехнологичного оборудования, но и грамотностью организации производственного процесса и управления. Поскольку довольно редко в крупных предприятиях руководитель и собственник является одним и тем же лицом, управляющие превращаются в собственников части находящегося под их контролем производственного процесса, а также навыков выстраивания стратегической политики, обеспечивающей развитие и конкурентоспособность предприятия, т.е. ими сформированной и эффективно функционирующей организации. При этом под организацией понимается «исключительно многообразное и сложное явление, включающее в себя не только внутренние производственные технологии, но также управление персоналом и концепцию поведения компании во внешней конкурентной среде» [1]. Подобные изменения касаются не только высших руководителей и менеджеров предприятия, но и всех работников, занятых интеллектуальной деятельностью. Уже в конце прошлого века социологи отмечали, что «контроль над средствами производства жестко ограничен тем, в какой мере они являются информационными, а не физическими по своему характеру. Там, где роль интеллекта очень высока, контроль над орудиями труда оказывается рассредоточенным среди работников» [2]. В результате наблюдается переход от характерного для индустриального общества противостояния между капиталистом и наемным работником как владельцами средств производства и рабочей силы, к взаимодействию и сотрудничеству. Как отмечает по этому поводу П. Друкер, сегодня «ни одна из сторон (корпорации: ни работники, ни предприниматели) не является ни "зависимой", ни "независимой"; они взаимозависимы» [3].

Происходящие изменения порождают многообразие взглядов о том, что же является объектом собственности современного интеллектуального работника. Некоторые полагают, что это готовый продукт творческой деятельности – знания или информация, другие – что это труд, обладающий уникальными характеристиками, третьи – что это собственность на организацию производственных процессов. Так же в публикациях встречаются точки зрения, что в современном мире собственность утрачивает свою важность и переходит к знаниям и информации, контроль над которыми может быть лишь весьма ограниченным, а права владения – достаточно условными. Обобщая вышесказанное можно утверждать, что в информационном мире, «новые собственники предлагают крупным компаниям и корпорациям не свой труд, а его результат, не рабочую силу, а потребительную стоимость, воплощенную в том или ином информационном продукте или новой производственной технологии» [1]. При этом необходимо отметить, что как «собственность работников на знания и средства информационного производства, так и собственность менеджеров на инфраструктуру производства не являются частной собственностью в традиционном смысле данного термина» [1].

Под влиянием роста самостоятельности и свободы деятельности, независимости от собственников средств производства, у работников начинается переосмысление своей роли в производственном процессе, поиск потенциальных возможностей выхода за пределы существующей структуры, что приводит к тому, что творческие личности не могут более управляться традиционными методами. Тем более, что общий рост благосостояния в мире и решенная в целом проблема удовлетворения основных материальных потребностей, снижает значимость материальных стимулов к труду. Таким образом, становление и развитие информационного общества требует по-новому взглянуть на сущность труда и трудовых отношений, переосмыслить их роль и место в экономической системе общества.

Основная часть. Исторически интерес к исследованию труда и трудовых отношений обусловлен тем, что существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда. Еще К. Маркс отмечал, что в общем виде труд – это «...вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» [4, с. 195]. При этом под трудом К. Маркс понимал «целесообразную деятельность человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует её в целях создания потребительных стоимостей, необходимых для удовлетворения потребностей» [4, с. 195]. Труд и трудовые отношения изучаются многими научными дисциплинами. Собственно, в рамках экономической теории исследуется не сам труд (или точнее, прежде всего, не сам труд) как целенаправленное орудийное воздействие на некие материальные природные объекты (предметы труда), а отношения между людьми в процессе трудовой деятельности (социально-экономические отношения). Как известно, процесс труда – это не только воздействие человека на природу, а также определенные социально-экономические отношения, так как именно через различные формы разделения труда люди создают экономические блага, обеспечивающие материальную базу существования человеческого общества. «Труд, – пишет по этому поводу С.Ю. Солодовников, – представляет собой особый вид субъектно-предметных отношений, а также содержит в себе специфическую совокупность внутрисубъектных отношений» [5, с. 65–66].

В современной литературе под трудом традиционно понимается целесообразная орудийная деятельность индивида, в процессе которой человек воздействует на природу и использует ее блага в целях создания потребительных стоимостей, необходимых для удовлетворения потребностей людей или социальных общностей. Если обратиться к этимологии, то выясняется, что у слова «труд» [6] множество значений, которые можно сгруппировать в пять блоков, выделив в названии каждого следующие конституирующие слова: «создание ценностей», «занятие», «усилие», «результат деятельности», «привитие умения». Слово восходит к древнерусскому слову «трудь» – *рвение, забота, страдание, скорбь, болезнь, горе*. Праславянское слово «троудь» принадлежит к гнезду славянского слова «*terti*» – русское «тереть». Родственные слова есть в литовском, латышском, верхненемецком языке в значении «работа, хлопоты, тягота, досада». Выделяют как родственное латинское слово «*trudo*», -*ere* – *толкать, теснить*. Отмечают, что значение «труд, работа» не могло быть первоначальным значением общеславянского слова «трудь». Это слово значило примерно то же, что и средневерхненемецкое «*droz*» – *тяжелая ноша, досада, печаль*.

Английское слово «*labour*» связано с латинским «*labor*» – *боль, изнурение*. Отсюда круг значений «*labour*» – *усилие, страдание, тревоги* и даже *родовые муки*. Практически во всех индоевропейских языках слово «трудиться» первоначально означает «остаться без родителей» и потому быть обреченным на нужду, тяготы, тяжелое существование, боль, трудности. И в русском языке слова «труд», «трудно» и «трудности» являются однокоренными. «Трудить кого-либо, утруждать» – заставлять что-либо делать, беспокоить, тревожить, докучать. Как видно во всех значениях слова «труд» наличествует оттенок принудительности, внешнего обязательства. Однако также присутствует и целеполагание, и преобразование, а значит, элементы творчества и свободы. Таким образом, существует внутренняя дихотомия труда, на которой формируется весь комплекс трудовых отношений. Необходимо дополнить, что труд – это не любая целесообразная деятельность, так как труд это в первую очередь сознательная целесообразная орудийная деятельность, ориентированная на достижение конкретного результата, т.е. не рефлексивная деятельность, не игра и не творчество. Из этого следует, что труд всегда подчинен цели, которая сознательно сформулирована, придумана сознанием, т.е. внешняя. Базовое свойство человека – ставить себе цели, но цель труда ставит внешняя принудительная сила. Вторая важнейшая характеристика труда относится к его орудийно-предметным свойствам, – это способ применения определенных технических средств, т.е. технология, под которой принято понимать способы, методы, или программы преобразования вещества, энергии или информации с использованием определенного оборудования из заданного начального состояния. Так как характер труда обусловлен доступными технологиями, то технология вносит дополнительный элемент ограничения при поставке целей труда. Технология труда связывает идеальное с реальным, человека с окружающим материальным миром. Ранее умственный труд не был собственно трудом, это скорее было свободное мышление, творчество. На современном этапе умственный труд трансформировался в предметно-орудийный и ему так же стало присуще внешнее целеполагание. Так, в настоящее время, ученый занимается не тем, чем ему хочется, а ориентирован на конкретный результат с использованием определенной техники и приборов, а врач при постановке диагноза, использует современное оборудование. Иными словами, специфика труда по сравнению с другими видами деятельности заключается в том, что «труд» это не «свободная деятельность», не «творчество», так как труд – это орудийная и предметная деятельность и обусловлена целеполаганием труда.

Как отмечалось выше, в самом общем плане под трудовыми отношениями традиционно понимают совокупность реально сложившихся межсубъектных отношений по поводу осуществления процесса труда. Как известно важнейшими составляющими трудовых отношений (видовыми группами) являются: функционально-технологический способ соединения рабочей силы со средствами производства; разделение и кооперация труда; перемена труда [7, с. 26]. А «...основными видами трудовых отношений являются общественное разделение и кооперация...» [7, с. 66]. Необходимо отметить, что главное в труде – даже не способ осуществления

целесообразной деятельности, т.е. непосредственно труд, а его цель. Цели труда социальные, это вытекает из социального характера человеческой жизнедеятельности. Координация трудовой деятельности – основная и обязательная характеристика труда, так как простая координация существует в любом труде. Даже фермер, при планировании работ на своем личном поле, вынужден учитывать какие-то общие планы и совместные работы на селе. При этом всегда одни люди ставят цели другим. Поэтому в основе формирования трудовых отношений лежит место субъектов по отношению к целеполаганию – разграничение на тех, кто определяет цели труда, и тех, кому ставят эти цели, т.е. классификация на управляющих и управляемых. Эволюция производственных отношений находит отражение в целях и технологиях труда, а значит трансформирует трудовые отношения. В простом традиционном труде, пока человек сам решает, что делать и как, сам формулирует цель труда, трудовые отношения существуют, прежде всего, как внутрисубъектные. С использованием средств и предметов труда, т.е. когда деятельность становится орудийной, трудовые отношения становятся субъектно-предметными, а если орудия используются совместно, то и межсубъектными. С появлением и развитием классического товарного хозяйства труд становится преимущественно наемным, цель труда определяется уже не самим производителем, а потребителем, т.е. спросом. Поэтому в наемном труде цели всегда внешние, так как задаются руководителем, и для их достижения предоставляются средства и предметы труда, т.е. отношения становятся межсубъектными и субъектно-предметными. Другими словами, трудовые отношения – это отношения по целеполаганию того что, как и для кого производить, которые образует комбинация факторов (т.е. предметность и орудийность) и организация труда (т.е. содержание отношений).

Исторически общественный труд становится все более разнообразным, обуславливая тем самым усложнение общественного разделения и кооперации труда, что усиливает тенденцию воплощения в конечном продукте труда все большего количества индивидов. Естественно, что это сопровождалось и продолжает сопровождаться появлением все большего количества профессий.

Под общественным разделением труда в настоящее время принято понимать исторически определенную качественную дифференциацию трудовой деятельности, приводящую к обособлению и существованию различных ее видов. Общественное разделение труда возникает при следующих условиях, «...во-первых, наличие различных видов деятельности и персонификацию труда, во-вторых, производство законченных продуктов относительно обособленными субъектами и, в-третьих, потребность у одних субъектов в продуктах деятельности других субъектов» [5, с. 67]. Из качественной дифференциации трудовой деятельности возникает необходимость согласованности совместных действий индивидов в процессе общественного производства. Существование развитой системы общественного разделения труда неизбежно порождает относительное закрепление места субъектов в системе общественного производства, в зависимости от различных функциональных возможностей индивидов. Это обусловлено тем, что различия в стартовых условиях для развития своих трудовых способностей порождают неодинаковую степень их участия в управлении общественным производством, а также дифференциацию среди индивидов по размерам и источникам получаемых благ, что ведет к существованию у различных профессиональных групп специфических экономических интересов. Общественное разделение труда находит отражение в профессиональном и квалификационном разделении труда. «В первом случае – это качественная дифференциация отличных видов человеческой деятельности (т.е. деление на отдельные профессии), а, во-вторых – это качественная дифференциация внутри одного вида деятельности, в соответствии со степенью развития у индивида производственных навыков и сложностью выполняемых им работ» [5, с. 68].

В свое время С.Ю. Солодовников предложил в классово-дифференцированном обществе, при рассмотрении разделения труда условно выделять в последнем две взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны: материально-вещественную и собственно-общественную (социальную). «Материально-вещественная сторона разделения труда представляет собой специализированные средства производства, которыми человек осуществляет свое активное воздействие на природу. Социальная сторона общественного разделения труда представляет собой персонификацию его материально-вещественной стороны (т.е. социально-субъектное отражение процесса соединения со специализированными средствами производства индивида, обладающего соответствующими способностями, для их производственного потребления)» [5, с. 67–68]. Указанный автор предложил, наряду с выделением двух сторон разделения труда, разграничивать такие его виды, как технологический и социальный. Названный подход, на наш взгляд, обладает значительным эвристическим потенциалом.

При этом, технологическое разделение труда представляет собой такую систему общественного разделения труда, «...которая складывается в результате дифференциации трудовой деятельности, исходя из чисто (только) технологической структуры производственного процесса... Труд с технологической стороны – это целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи определенных орудий труда воздействует на природу и использует ее для создания потребительных стоимостей» [5, с. 68]. Само по себе технологическое разделение труда требует технологической кооперации людей на основе технологической структуры производственного процесса, исходя из выполняемых индивидами трудовых функций. Уже при узком (технологичном) рассмотрении разделения труда в современном обществе необходимо выделять в последнем: управленческий и исполнительский, умственный и физический, квалифи-

цированный и неквалифицированный и так далее. Развитие производственных отношений приводит к появлению новых видов трудовой деятельности и перераспределению ролей с точки зрения того, за счет чего обеспечивается технический и социальный прогресс в обществе. Так, на современном этапе важнейшее место занимает новый вид деятельности – информационная деятельность, связанная с получением, реорганизацией, накоплением и передачей информации, включающая в себя сбор, обработку, передачу, хранение, поиск и защиту информации.

Классификация современных видов трудовой деятельности представлена на рисунке 1.

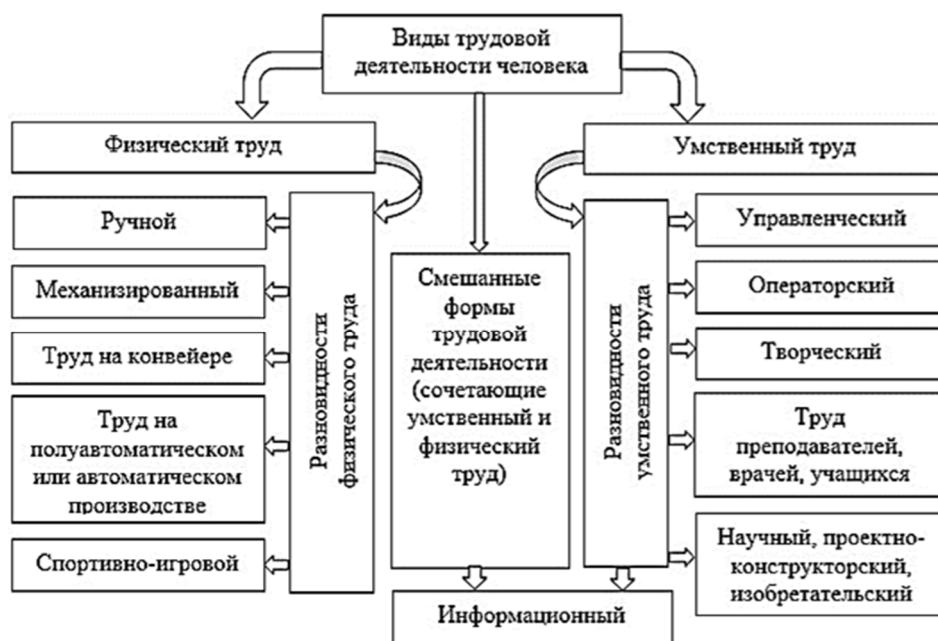


Рисунок 1. – Классификация современных видов трудовой деятельности

В эпоху доминирования крупной машинной индустрии преобладал физический труд, при чем с развитием тейлоризма, фордизма и использования конвейеров, происходит расчленение рабочих процессов на элементарные операции, что приводит к максимальному упрощению труда. Выполнение такой работы не требует квалификации и образования, соответственно понижается ценность труда и социальный статус рабочего. «Наемный работник в современном массовом производстве не имеет статуса и функции», – отмечал по этому поводу П. Друкер. «Работник конвейера выполняет две-три операции, которые осваиваются до автоматизации за один день. Он легко заменяем и поэтому его просто уволить. Тем самым как экономический индивид он перестает существовать» [8, с. 60]. Указанные черты позволили Форду характеризовать внедренную им систему организации труда и управления как «террор машины» [9, с. 76]. Стоимость и инвестиционная привлекательность предприятия в этот период определялась в основном через оценку его как имущественного комплекса.

В индустриальную эпоху работники умственного труда (инженеры, управляющие) продавали владельцу предприятия свою способность к труду, наряду с рабочими. Однако, размер их заработной платы был значительно выше, поскольку далеко не каждый мог позволить себе получить хорошее образование и специальные знания, количество таких работников было небольшим. Между тем, развитие технологий и информатизации производства ведет к росту значимости умственного труда и повышает статус работников, занятых интеллектуальной, творческой, управленческой деятельностью. Современные высококвалифицированные специалисты, имея всё необходимое для своей деятельности в личной собственности (например, компьютер и программное обеспечение), могут производить информационные продукты как работая в какой-либо компании, так и вне ее структуры. Они продают не способности к труду, а конкретные результаты интеллектуальной деятельности, которые неотрывно привязаны к личности работника. Это порой приводит к ситуациям, когда востребованные, талантливые сотрудники меньше нуждаются в компании, чем компания в них, так как при их увольнении предприятие теряет интеллектуальный капитал, ранее выступавший основой их инвестиционной привлекательности, что ведет к падению фондовой стоимости акций и снижению конкурентоспособности. Сегодня перспективы и дальнейшая успешность современной креативной корпорации в значительной мере зависят от интеллектуального капитала ее работников, что серьезно влияет на оценку ее стоимости.

Для учета многообразия социально-экономических и иных интересов субъектов с целью в полной мере использовать трудовые способности последних для производства благ, обеспечивающих материальную основу жизнедеятельности общества, на основании достигнутого технологического уровня наиболее экономичным способом необходимо использовать такой экономический институт, как социальное разделение труда. Последнее возникает в результате исторически обусловленной социально-классовой дифференциации субъектов. Социальное разделение труда закрепляет существующее в обществе в данный исторический период технологическое разделение труда. «Социальное разделение труда, – отмечает С.Ю. Солодовников, – может вести как к более или менее жесткому персонифицированному или персонифицированному закреплению за людьми их места в системе общественного производства, так и к усилению социальной мобильности в обществе. Здесь методологически очень важно различать действительно жесткое (для каждого данного промежутка времени) безличностное закреплению с точки зрения потребностей функционирования производительных сил, которое определяется технологической и организационно-управленческой структурой производства – с одной стороны. А с другой – персонифицированное закреплению за людьми их места с точки зрения интересов конкретной общественной группы или социального класса» [5, с. 71–72] При чем, если в период становления индустриализма преобладало безличностное закреплению за людьми их места в системе общественного производства (например, как за представителем определенной профессиональной группы), то сейчас, по мере роста требований к квалификации, оно становится все более личностным, так как ее уровень необходимо подтверждать наличием соответствующего образования, опытом работы, профессиональными достижениями, репутацией и др. Естественно, что это закреплению осуществляется не только через систему трудовых отношений, но и через иные экономические отношения. Следует также отметить, что различные функциональные возможности и трудовые способности, обусловленные функциональным подчинением индивидов, порождают за собой социальные и социально-классовые различия. Как отмечает по этому поводу С.Ю. Солодовников, «...проистекает из существования разделения и кооперации труда, и будет всегда сопутствовать им, т.е. такое положение субъектов объективно предопределено самой структурой общественного производства» [5, с. 76] В качестве иллюстрации правильности данного научного подхода можно привести высказывание А.П. Моровой, которая отмечает, применительно к смешанному обществу, что в последнем «меняются сами основы формирования социальной структуры, она в значительной мере формируется как структура социально-функциональная. Эта структура построена <...> на социально-функциональной дифференциации людей (по их способностям, трудовым функциям, интересам)» [10, с. 11].

При описании феномена социального разделения труда необходимо особо упомянуть появление нового класса – «класса интеллектуалов» [11]. В 1940 году Ф. Знанецким в эссе «Социальная роль человека знаний» был использован термин «человек знаний», критерием выделения которого служила его социальная роль в качестве технологического лидера, эксперта и независимого изобретателя [8, с. 59]. Далее, в 1962 году П. Друкер использует понятие «работник знаний» (knowledge worker) в книге «Новое общество» [8, с. 59]. В этом же году в работе «Производство и распространение знаний в США» Ф. Махлуп выделил особую профессиональную группу, обозначенную им как «работники, производящие знания» (knowledge-producing workers), социальная роль которых определялась не только созданием, но и распространением знаний, «не только открытие, изобретение, конструирование и проектирование, но также распространение знаний и коммуникация (сообщение знаний и обмен ими)». А в состав работников, производящих знание, «помимо исследователей, конструкторов и проектировщиков <...> включены администраторы, секретари, а также все другие «передатчики» знаний в экономике», например, работники системы образования. Отметим, что «производитель знания» Ф. Махлупа – это работник умственного труда, что несколько отличается от «работника знаний» П. Друкера, соединяющего в себе функции «белых» и «синих» воротничков. Ф. Махлуп не видит смешанную (умственно-физическую) форму труда, характерную для работника знаний, который не обязательно создает знание или участвует в его трансляции [8, с. 63].

Между тем, постепенно формируется работник, отличающийся ориентацией на производство знаний и информации; автономностью и слабой привязкой к собственности на средства производства; высокой мобильностью; стремлением к самореализации и самовыражению. Именно такой работник определяет развитие нового типа общества. Д. Белл, считающийся основателем теории постиндустриализма, отмечал по этому поводу, что «если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, то сегодня «новыми людьми» являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии» [12, р. 344]. Обособление класса интеллектуалов основано в первую очередь на доступности информационной техники и технологий, что позволяет все более широкому кругу интеллектуальных работников приобретать их в личную собственность, и поставлять на рынок не свою рабочую силу, а готовый продукт, зачастую уникальный и невозпроизводимый, а также делает их независимыми от владельцев средств производства – класса буржуа. Результатом этих процессов является не только изменение структуры рынков труда, но и трансформация его сути. Таким образом «в современном обществе тенденция к отделению капитала от работника сменяется противоположной – к их слиянию» [13]. При осмыслении данного явления западными авторами, наиболее известен из которых Г. Беккер [14], возникают предположения о появлении человеческого, интеллектуального, структурного и «других видов капитала, не воплощенных в материальных объектах, а лишь персонифицированных в их конкретных носителях». [11, с. 70].

Необходимо добавить, что в западном постиндустриальном обществе статус работника, а также его принадлежность к «классу интеллектуалов», зависит не от уровня его образования, а от того, насколько этот уровень превосходит средние показатели в данный момент времени. Так в 60-е и 70-е годы высококвалифицированными специалистами считались выпускники колледжей по сравнению с теми, кто закончил только среднюю школу. Затем они стали проигрывать получившим степень бакалавра, а те в свою очередь – обладателям докторских степеней. Это проявляется в динамике роста доходов, самые высокие темпы которых у наиболее образованных категорий, и замедляющиеся, а порой и отрицательные, у категорий с худшим уровнем образования, что обуславливает то, что «класс интеллектуалов» никогда не сможет расширяться до размеров общества в целом [11, с. 71]. Таким образом, интеллектуальное расслоение превращает «класс интеллектуалов» в один из наиболее материально обеспеченных слоев современного общества, который все более обособливается в своем кругу, и становится основой всякого иного социального расслоения, поскольку значительные социальные группы, ранее игравшие важную роль в развитии производственных сил и социальном прогрессе, фактически оказываются не нужными. Считается, что на информацию невозможно установить монополию, поскольку она общедоступна, при этом, в отличие от других конечных и истощимых ресурсов, не расходуется в традиционном понимании, и поэтому является наиболее демократичным источником власти. Между тем, доступ к ресурсу информации лимитирован специфическими личностными качествами, которые нельзя купить или отобрать: мироощущением, психологическими характеристиками, аналитическими способностями, памятью и т.д., т.е. всем тем, что в совокупности подразумевают под интеллектом, который и является формой существования знаний и информации. Другими словами, возможности вхождения в «класс интеллектуалов» ограничиваются не правом распоряжения благом, а сконцентрированными в относительно узком круге людей способностями воспользоваться этим благом. Благодаря этому в современных условиях социальная роль этого класса не может быть оспорена ни при каких обстоятельствах [11, с. 73–74].

Значительная часть устойчивых, регулярно повторяющихся и до известной степени в современном обществе институционально регулируемых трудовых отношений находит свое субъектное воплощение в профессиональной структуре. Под профессией принято понимать обычное длительное занятие индивида, основной род его трудовой деятельности и источник получения средств к существованию. Данное профессиональное занятие, как правило, является и главной деятельностью. Иначе говоря, «... источник дохода и социальная функция индивида связаны друг с другом и образуют в своей совокупности профессию» [15, с. 149]. Квалификационно-профессиональная дифференциация неизбежно порождает социальное неравенство. Именно различные специальности, различная квалификация в трудовом процессе ведут к социальным различиям между субъектами.

Как уже отмечалось выше, трудовые отношения представляют собой межсубъектные отношения по поводу осуществления процесса труда, а соответственно относятся, как и любые межсубъектные отношения, к социальным. Таким образом, исходя из системного подхода, правомерно говорить о том, что совокупность сущностных, неслучайных, регулярно повторяющихся трудовых отношений в каждом реальном социуме может быть зафиксирована при помощи категории «социально-трудовая структура общества». Понятие социально-трудовой структуры будет шире категории «профессиональная структура», поскольку в первую включаются такие отношения и субъекты, как их носители, которые по той или иной причине не заняты профессиональной деятельностью, и в то же время выполняющие какие-то трудовые функции, в ряде случаев необходимые для нормального функционирования общества. В качестве примера такой трудовой деятельности можно назвать труд матерей по воспитанию собственных детей, аналогичную деятельность бабушек и дедушек и так далее. Социально-трудовая структура общества с точки зрения сфер применения труда включает в себя наемный труд, самозанятость и домашний труд.

На рисунке 2 представлена модель формирования трудовых отношений с точки зрения сфер применения труда и определения целей труда.

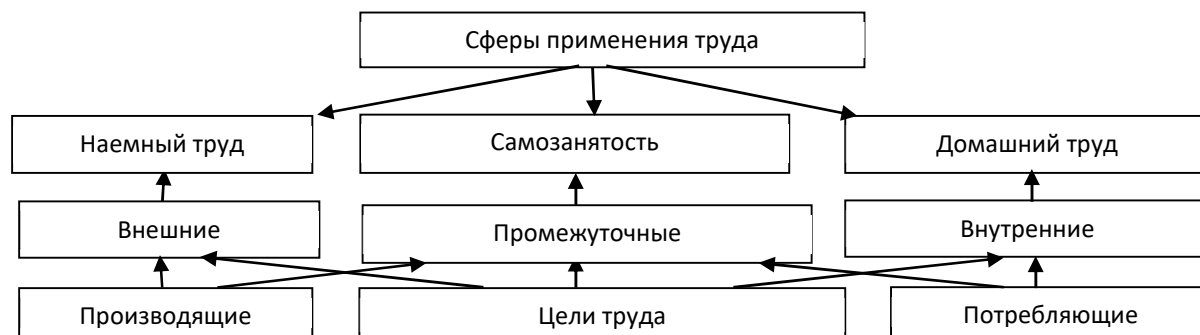


Рисунок 2. – Модель формирования трудовых отношений

Наемный труд, представляет собой передачу (продажу) работником своей рабочей силы во временное пользование собственнику средств производства в обмен на заработную плату. В отличие от наемной

работы, самозанятость является формой получения необходимого для жизни вознаграждения за результаты своего труда непосредственно от его заказчиков. Под домашним трудом принято понимать форму трудовой деятельности, связанную с уходом за детьми, домом и приусадебным участком. В современном мире главную роль в экономическом развитии играет наемный труд, так как именно он по своим характеристикам наиболее соответствует рыночному товарному хозяйству, и при исследовании труда и занятости основное внимание посвящено рынкам труда. Между тем, по мере становления постиндустриального общества, растет доля и значение самозанятости, а домашний труд, не смотря на повсеместное использование и разнообразие бытовой техники, по-прежнему отнимает существенное время. В основе наемного труда лежат межсубъектные и субъекто-предметные отношения, самозанятость может базироваться как на внутри-субъектных, так и межсубъектных субъектно-предметных отношениях, а домашний труд – как правило на внутри-субъектных субъектно-предметных отношениях.

Основными компонентами трудовых отношений являются организация труда и рынок труда. Организацию труда на современном этапе формируют: 1) государство; 2) предприятия; 3) домашние хозяйства; 4) некоммерческий сектор (обучение, отдых, рекреация – воспроизводство труда).

Естественной основой живого труда и источником человеческих ресурсов для экономики является население, под которым понимается совокупность людей, проживающих на той или иной территории. Вся совокупность трудоспособного населения определенной территории (страны, региона) может быть определена, с точки зрения экономической теории, как трудовые ресурсы. Под последними нами будет пониматься такая часть населения, которая обладает физическим здоровьем и развитием, интеллектуальными способностями и знаниями, трудовыми навыками и опытом, необходимым для занятия той или иной экономической деятельностью. Категория «трудовые ресурсы» неразрывно связана с понятием «трудовой потенциал». Под последним обычно понимается «...наиболее полная характеристика всех способностей к труду, которыми располагает индивид, коллектив и общество в целом» [16, с. 13]. Нетрудно заметить, что при таком подходе количественно трудовой потенциал совпадает с величиной трудовых ресурсов.

В настоящее время, на наш взгляд, трудовой потенциал качественно может быть охарактеризован по следующим параметрам: здоровью и физическому развитию; через социально-демографический состав населения; интеллектуально-культурному и нравственному уровням. При этом принимается во внимание характеристика духовной культуры социальных субъектов и общества в целом, применительно к экономически активному индивиду и его трудовым способностям. Названный параметр включает в себя такие социальные атрибуты, как образованность и развитие интеллекта, квалификацию, нравственность, культурность в широком смысле, личностные характеристики человека и так далее. До известной степени все эти составляющие, а также исторические традиции тех или иных обществ воплощаются в трудовом менталитете. Д.П. Богиня и М.В. Семикина, указывают, что «трудовой менталитет – это социально-экономическая категория, которая обобщенно отражает уровень национального трудового сознания общества, социальных групп и слоев населения, отдельных индивидов, восприятия (ими) смысла трудовой деятельности, ценностные ориентации, интересы. Потребности, которые обуславливают побудительные мотивы определенного трудового поведения» [17, с. 36].

Нравственность (мораль) сегодня выступает важным параметром при оценке трудового потенциала, поскольку непосредственно влияет на большинство параметров вовлечения индивидов в экономическую деятельность. Остановимся на последнем более подробно.

Как известно «в самом общем виде... под моралью (нравственностью) традиционно понимается особая форма общественного сознания и вид моральных (нравственных) отношений, выступающие одним из основных способов регуляции действий субъекта в социуме» [5, с. 152] Нравственные нормы воплощаются в формировании идеалов и образцов справедливости, доброты и так далее. Отметим, что морально-нравственные нормы имеют национально-культурную специфику и исторически конкретны, другими словами не существует единой для всех времен и народов морали, и гуманизация общества находит отражение в изменении приличествующих нравов и норм поведения, при этом новые правила вводятся не законодательным путем, а через авторитет общественного мнения и воспроизводятся силой привычки масс. Влияние нравственных отношений на формирование экономической системы в целом и на трансформацию трудовых отношений в частности (при этом ученые используют зачастую различные категориальные ряды) признавалось и признается сегодня многими отечественными и зарубежными исследователями (У. Ллойд Уорнер, Инжелис, Росси, Ходжс, Зигель и некоторые другие) [18, с. 23]. Моральные отношения и моральное сознание в обществе решают комплекс задач, наиболее важной из которых считается необходимость регуляции поведения. «Разумеется, нормативно-регулирующий момент не исчерпывает все содержание нравственности, все ее функции в обществе, – пишет А.А. Гусейнов, – но он является основным и существенным; он пронизывает собой все ее многообразные проявления, сводит их к одному общему знаменателю» [19, с. 23]. Необходимо отметить, что противоречия в экономических отношениях осознаются через систему нравственных норм, в которых закрепляются также желательные способы разрешения данных

противоречий. В сфере трудовых отношений нравственность выступает одним из действенных институтов гуманизации социальных отношений в процессе осуществления экономической деятельности.

Заключение. Особенности труда и трудовых отношений в XXI веке заключаются в усложнении и увеличении многообразия видов трудовой деятельности, кооперации и разделении труда, управлении и технологиях, а также перераспределении их значимости с точки зрения обеспечения технического и социального прогресса в обществе. В современном обществе место субъектов в трудовых отношениях определяют разные стартовые условия индивидов для развития своих способностей, что дифференцирует размеры и источники получаемых благ и приводит к существованию специфических экономических интересов различных групп. На современном этапе труд и трудовые отношения играют важнейшую роль в экономической системе, поскольку: во-первых, значительная часть ценностей в обществе создана трудом, а потому в основе всех других родов экономических отношений, возникающих по поводу производства, обмена и потребления этих ценностей, лежат экономические отношения по поводу труда и, во-вторых, уровень развития производительных сил и экономических отношений общества в условиях становления постиндустриального общества во многом зависят от уровня развития информационного труда в нем и характера трудовых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество – природа, противоречия, перспективы : учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей / В.Л. Иноземцев. – М. : Логос, 2000. – 302 с.
2. Crook, S. Postmodernization. Change in Advanced Society / S. Crook, J. Pakulski, M. Waters. – L.-Newbury Park, 1993. – P. 114–115.
3. Drucker, P.F. Post-Capitalist Society / P.F. Drucker. – N.Y., 1995. – P. 66.
4. Маркс, К., Капитал. Критика политической экономии. – Т. 1. ; Кн. 1: Процесс производства капитала / К. Маркс, Ф. Энгельс / Сб. соч. : в 50 т. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23.
5. Солодовников, С.Ю. Трансформация социально-классовой структуры общества переходного периода: методология, теория, практика / С.Ю. Солодовников. – Минск : Право и экономика, 2003. – 274 с.
6. Фокин, Н.И. Труд / Н.И. Фокин // Экономика: В начале было Слово – URL: <http://dictionary-economics.ru/word/Труд>. – Дата обращения: 05.05.2016.
7. Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л.П. Васюченко [и др.] ; под науч. ред. А.П. Моровой. – Минск : Наука и техника, 1992. – 191 с.
8. Карпов, А.О. Работник знаний в генезисе социально-экономической концепции общества знаний / А.О. Карпов // Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 57–68.
9. Токарская, Н.М. Социология труда : учеб. пособие / Н.М. Токарская, И.С. Карпикова ; Под ред. М.А. Винокурова. – М. : Университетская книга, Логос, 2006. – 208 с.
10. Морова, А.П. Смешанная экономика – путь к выживанию, к социальному обновлению / А.П. Морова // Ликантроп. – 1993. – № 1. – С. 11.
11. Иноземцев, В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе / В.Л. Иноземцев // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 67–77.
12. Bell, D. The Coining of Post-Industrial Society / D. Bell. – N.Y., 1976.
13. Sakaiya, T. The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future / T. Sakaiya. – Tokyo- N.Y., 1991. – P. 66.
14. Becker, Gary S. Human Capital / S. Gary Becker. – N.Y. : Columbia University Press, 1964.
15. Сорокин, П.А. Система социологии : в 2 т. / П.А. Сорокин. – СПб. : «Колос», 1920. – Т. 2. – 464 с.
16. Ким, М.Н. Трудовой потенциал: формирование, использование, управление / М.Н. Ким. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2003. – 247 с.
17. Богиня, Д.П. Основы экономики труда / Д.П. Богиня, О.А. Гришнова. – Киев : Знания-пресс, 2001. – 313 с.
18. Осипова, О.С. Социальная стратификация и политика / О.С. Осипова. – Гомель : Белорус. ин-т инженеров ж.-д. транспорта, 1993. – 163 с.
19. Гусейнов, А.А. Социальная природа нравственности / А.А. Гусейнов. – М. : Из-во Моск. ун-та, 1974. – 157 с.

Поступила 12.08.2019

LABOR AND LABOR RELATIONS IN THE XXI CENTURY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL UNDERSTANDING

T. KUZMITSKAYA

The essence of labor and labor relations in the conditions of formation and development of the information society is considered. The features of labor and labor relations at the present stage are shown, which are manifested in the complication and increase in the diversity of types of labor activity, cooperation and division of labor, management and technology, as well as the redistribution of their significance in terms of ensuring technical and social progress in society.

Keywords: labor, labor relations, cooperation and division of labor.

УДК 339.924

**ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТОРГОВЫХ ПЛАТФОРМ:
ВНЕДРЕНИЕ МЕХАНИЗМА «ЕДИНОГО ОКНА» ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС****А.В. ШИМАНСКАЯ**
(Минская региональная таможня)

В статье обозначена тенденция организации непрерывного торгового процесса как результат формирования «связанной» цифровой экономики. Проанализирован опыт некоторых стран по построению цифровых торговых платформ на базе интеграции автоматизированных таможенных систем и систем «Единого окна» в целостную цифровую экосистему, объединяющую все вовлеченные во внешнюю торговлю стороны. Выявлено, что для интеграции на базе единой цифровой платформы ЕАЭС (основу которой составит Интегрированная информационная система) с целью эффективного взаимодействия государственных органов государств-членов ЕАЭС необходимо объединить информационные ресурсы национальных систем «Единого окна». Отмечен положительный экономический эффект от перехода на электронное взаимодействие государственных органов государств-членов ЕАЭС. Выделены некоторые проблемы внедрения механизма «Единого окна» во внешнеэкономическую деятельность стран ЕАЭС, отмечены достижения в данном направлении. Предложено первоочередное построение цифровой торговой платформы ЕАЭС, учитывая наибольшую проработанность внешнеторговых вопросов на наднациональном уровне в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая торговая платформа, автоматизированные таможенные системы, Единое окно, ЕАЭС.

Введение. Современное общество живёт в эпоху бурного развития цифровых технологий. Массовое внедрение цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности приводят к их постепенной полной цифровой трансформации. Цифровые технологии содействуют перетоку информации из одной сферы в другую, стирая таким образом границы между ними, делая их взаимосвязанными. В результате развиваются межотраслевые направления, т.е. направления «на стыке» отраслей и сфер экономики. Так возникает понятие «связанной» экономики. Вместе с тем формируется и понятие цифровой экономики, под которой понимается смена экономического уклада, вызванная масштабным внедрением цифровых технологий, изменяющих традиционные рынки, социальные отношения, государственное управление [1]. Цифровой актив (совокупность информации в цифровой форме (совокупность цифровых продуктов) о физическом или виртуальном объекте, процессе, субъекте деятельности, физическом лице, которая представляет ценность и может быть использована для извлечения добавленной стоимости [1]) представляет собой одну из важнейших характеристик цифровой экономики. Однако возникает проблема объединения цифровых активов для эффективного их использования потребителями в ходе тех или иных процессов. Данная проблема может быть решена за счет создания цифровых платформ, специализированных площадок в виде информационных систем, которые поддерживают комплекс автоматизированных процессов, необходимых для потребления цифровых товаров и услуг заинтересованными потребителями на цифровых рынках [1]. Формирование цифровых платформ – это сложная задача, которая стоит перед государствами и бизнес-сообществом, желающими оставаться конкурентоспособными, поскольку в будущем их конкурентоспособность будет зависеть от возможности правильно извлекать выгоду от использования цифровых технологий. Осознавая данный факт, многие государства, желающие занимать лидирующие позиции на мировой арене, разрабатывают стратегии и программы по развитию цифровых экономик.

Целью статьи является выявление предпосылок формирования цифровых торговых платформ и определение необходимых элементов для построения подобной платформы в ЕАЭС с учётом мирового опыта.

Основная часть. Для государств-членов ЕАЭС вопрос о формировании цифровых платформ и цифровой трансформации экономики государств-членов имеет особое значение ввиду принятия ещё в 2016 г. проекта стратегии формирования и развития цифрового пространства в перспективе до 2025 г., что повлекло за собой принятие Основных направлений реализаций цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г., а также утверждение национальных проектов по цифровой трансформации экономики:

- проекты Фонда «Цифровая Армения»;
- Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества Беларуси на 2016 – 2020 гг.;
- программа «Цифровой Казахстан»;
- кыргызский проект «Таза коом»;
- российская программа «Цифровая экономика».

Таким образом, страны ЕАЭС, поставив задачу формирования цифрового пространства ЕАЭС, взяли на себя обязательства по цифровой трансформации. ЕАЭС, как высшая стадия межгосударственной интеграции, предполагает объединение стран в единое экономическое, правовое и информационное пространство. Тем не менее, в основе экономической интеграции лежат особые торговые взаимоотношения. В условиях создания цифровых экономик, перехода мирового сообщества к новому экономическому укладу, вызванному масштабным внедрением цифровых технологий в различные процессы всех сфер экономики, становится популярна концепция непрерывного безбумажного торгового процесса на базе цифровых платформ. В этой связи основной целью статьи является выявление предпосылок формирования цифровых торговых платформ, а также необходимых элементов при построении подобной платформы в ЕАЭС, учитывая наилучшую мировую практику.

Если рассматривать внешнеторговый процесс, то условно можно выделить несколько этапов:

- анализ рынка и выбор заказчика,
- заключение внешнеторгового контракта и иные документальные вопросы,
- урегулирование финансовых вопросов,
- организация поставки, в том числе транспортные и логистические аспекты (с возможностью отслеживания движения груза),
- таможенная очистка,
- совершение платежей и отчетность [2].

Автоматизация процессов на любом из этих этапов существенно облегчает совершение внешнеторговых операций. Следует понимать, что каждый этап включает в себя множество отдельных процедур. Проанализируем этап таможенной очистки. Как правило, для перемещающегося через таможенную границу груза имеет значение процедура открытия и завершения таможенного транзита, а затем выпуска товара в заявленной таможенной процедуре.

Сегодня процедура таможенного транзита практически неразрывно связана с предварительным информированием. В результате развития информационных технологий в таможенной сфере большинство стран мира стали использовать технологию электронного предварительного информирования. В Рамочных стандартах безопасности и облегчения мировой торговли, разработанных Всемирной таможенной организацией, предварительное информирование отмечено одним из главных элементов, упрощающих мировую торговлю. Благодаря предварительному информированию таможенные органы ещё до прибытия груза на таможенную границу анализируют информацию о движущемся товаре и транспортном средстве, применяя систему управления рисками и другие имеющиеся данные у таможенных органов. Таким образом, таможенные органы заблаговременно принимают решение о том, какие товары могут беспрепятственно пересечь границу, останавливая внимание на грузах с высоким уровнем риска нарушения таможенного законодательства, что требует проведения таможенного досмотра. Используя технологию электронного предварительного информирования, сегодня появилась возможность автоматически на границе отправлять все необходимые данные в информационные системы по контролю за таможенной процедурой таможенного транзита, т.е. удовлетворяющая всем требованиям электронная предварительная информация становится автоматически электронной копией транзитной декларации.

Для выпуска товаров в заявленной таможенной процедуре необходимо подать таможенную декларацию, оплатить платежи, получить необходимые разрешительные документы (в случае применения нетарифных мер к определенному товару), пройти таможенный контроль. На сегодняшний день в развитых таможенных службах электронное таможенное декларирование – это неотъемлемый элемент в работе. Развитие информационных технологий привело к тому, что стали внедряться системы таможенного декларирования, позволяющие осуществлять автоматизированный выпуск товаров. Эти системы автоматически принимают решение о выпуске товаров на основе результатов обработки данных декларации высокоинтеллектуальной системой управления рисков и без участия инспектора таможенных органов, за исключением решения системы о необходимости таможенного досмотра.

Здесь хотелось бы отметить, что в процессе обработки таможенной декларации зачастую возникает вопрос о соблюдении нетарифных мер, а значит необходимости получения разрешительных документов от компетентных государственных органов. Для того чтобы ускорить данный процесс используется механизм «Единого окна» согласно Рекомендации № 33 ЕЭК ООН, когда все документы и сведения подаются один раз в стандартизированном формате в единую систему, к которой имеют доступ все государственные органы, причастные к внешней торговле. С помощью Единого окна все заявки и разрешительные документы могут быть получены в электронном виде. Безусловно, система упрощает процесс совершения внешнеторговых операций, исключая необходимость посещения различных инстанций участником внешнеэкономической деятельности. Однако, говоря о процессе непрерывной безбумажной торговли, следует отметить, что в некоторых странах на базе систем «Единого окна» и информационных таможенных систем создаются цифровые торговые платформы.

Так, в Сингапуре с 2017 г. началось создание Национальной торговой платформы на основе действующих системы Единого окна TradeNet, платформы информационного взаимодействия торгового бизнес-сообщества TradeXchange и систем электронной таможни eCustoms. Национальная торговая платформа Сингапура рассматривается, как торгово-логистическая ИТ-экосистема, которая объединит бизнес-

сообщество, общественные системы и платформы, а также государственные системы (импортеров/экспортеров, транспортные компании, воздушных/морских перевозчиков, агентов комплексного обслуживания на берегу, портовых операторов, финансовые учреждения, организации, оказывающие услуги, сопряженные с добавленной стоимостью, разработчиков приложений, агентов-декларантов, контролирующие органы, торговые государственные учреждения и объединения, компетентные органы) [2].

В США формируется подобная платформа – Автоматизированная коммерческая среда ACE. Она является глобальной цифровой платформой, объединяющей всех участников внешней торговли и таким образом обеспечивающей непрерывный торговый процесс. Все импортные и экспортные операции торговое сообщество США проводит в Автоматизированной коммерческой среде, в том числе там же происходит выдача соответствующих разрешительных документов компетентными органами. ACE модернизировала и упростила обработку всех торговых бизнес-операций, включая подачу декларации, выпуск товаров, операции, связанные с постаможенным контролем, выдачу разрешений правительственными агентствами [3].

В Южной Корее также создана платформа безбумажной торговли на базе механизма «Единого окна». В основе такой платформы лежат две системы: национальное Единое окно UtradeHub и Единое окно таможенных органов UniPass. UtradeHub позволяет декларантам торговых компаний предоставлять более 600 типов электронных документов, электронные заявки на сертификацию и лицензирование, получать уведомления о результатах рассмотрения таких заявок государственными органами. UtradeHub, национальное Единое окно Южной Кореи, объединяет государственные ведомства, ответственные за различные вопросы внешней торговли, а также различные торговые сообщества: авиакомпания, морских перевозчиков, таможенных брокеров, экспедиторов, владельцев складов, банки, страховые компании. UtradeHub связан с автоматизированной системой таможенного оформления UniPass. Например, если в ходе таможенного оформления необходимо соблюдать нетарифные меры, заявка из системы UniPass отправляется в национальное Единое окно для подтверждения наличия соответствующего разрешения, лицензии или сертификата. Работа этих двух систем обеспечивает процесс бесперебойной безбумажной торговли: от заключения трансграничной сделки до электронных платежей [4].

Здесь хотелось бы отметить проект создания безбумажной торговой среды в Республике Беларусь. В стратегиях, а также государственных программах отмечается, что цифровая экономика среди прочего предполагает «бесшовность» экономических процессов. В этой связи касательно внешней торговли становится популярна концепция непрерывного безбумажного торгового процесса.

Процесс внешней торговли включает в себя множество процедур, формальностей (документальные, транспортные, логистические, таможенные, финансовые аспекты и т.д.), а также большое количество участников (продавцы, покупатели, регулирующие органы, перевозчики и т.д.). Их объединение на единой цифровой платформе на основе электронного обмена данными создаст безбумажную торговую среду.

В Республике Беларусь на государственном уровне принято решение о создании системы Единого окна, основанной на международных стандартах и рекомендациях по упрощению процедур торговли. Ассоциацией группы белорусских компаний «Инфопарк» при поддержке Корейской государственной компании KTNET предложена концепция построения торгового информационного пространства в Республике Беларусь, которая станет цифровой торговой платформой в Республике Беларусь, что поможет интегрироваться в цифровое пространство ЕАЭС.

Модель ООН предполагает пять стадий организации бесшовной безбумажной торговли:

- электронная таможенная система,
- система выдачи сертификатов и лицензий компетентными органами, регулирующими вопросы внешней торговли,
- логистические платформы,
- интегрированная национальная платформа,
- региональное информационное взаимодействие.

В Республике Беларусь предложена модель общенациональной системы электронной торговли, которая включает как внешнюю, так и внутреннюю торговлю. За основу предполагается взять общегосударственную автоматизированную информационную систему и использовать Национальный центр электронных услуг в качестве регулятора электронного обмена данными. Услуги на портале внешнеторговой деятельности, предположительно, будут следующие: поиск торговых партнёров, заключение внешнеторговой сделки, формирование и подписание электронной цифровой подписью документов, сопровождающих внешнеторговую сделку, взаимодействие участников внешнеторговой деятельности с государственными органами, информирование участников о законодательной базе внешнеторговой деятельности, предоставление необходимой информации государственным органам, предоставление статистической информации о внешнеторговой деятельности, информирование о логистических услугах [5].

Следуя мировым тенденциям по созданию цифровых экономик и формированию цифровых платформ в ЕАЭС в 2016 г. было принято решение о формировании цифрового пространства ЕАЭС. Изучив мировой опыт в данной области, были выделены приоритетные направления по разработке дальнейших

предложений. Одним из таких направлений стало внедрение информационно-коммуникационных технологий для эффективного трансграничного взаимодействия между государственными органами, субъектами хозяйствования и физическими лицами.

Экспертами ЕЭК и Группы Всемирного банка отмечается, что в результате цифровой трансформации сферы услуг не только на национальном, но и региональном уровне и устранению обременяющих правовых барьеров во взаимодействии государств-членов ЕАЭС можно прийти к росту ВВП на 46,5 млрд долл. США на уровне ЕАЭС, услуги электронного правительства предоставят соответственно 3,6 млрд долл. США, а внедрение трансграничных электронных услуг – 0,5 млрд долл. США [6].

Признавая важность современных тенденций по формированию цифровой экономики с её цифровыми платформами, цифровыми активами и цифровой трансформацией сфер экономики, в ЕАЭС активно обсуждаются такие вопросы, как внедрение механизма «единого окна» во внешнеэкономическую деятельность, создание Интегрированной информационной системы ЕАЭС и формирование на её основе цифровой платформы ЕАЭС для объединения стран-участниц в единое цифровое пространство ЕАЭС. Несмотря на множество различных направлений, которые должны подвергнуться цифровой трансформации, именно таможенная сфера является отправной точкой для создания цифрового пространства, поскольку в рамках ЕАЭС именно вопросы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования наиболее проработаны на наднациональном уровне.

Достаточно много сделано в правовом поле для внедрения механизма «Единого окна» в государствах-членах ЕАЭС на наднациональном уровне. Утверждены основные направления развития данного механизма в системе регулирования внешнеэкономической деятельности, план мероприятий по реализации основных направлений его развития в системе регулирования внешнеэкономической деятельности, а также принимаются ежегодные детализированные планы. Создана методика оценки состояния развития национальных механизмов «Единого окна», организационная структура механизма, обеспечивающая выполнение плана мероприятий по реализации основных направлений развития системы. Также утверждены методические подходы к анализу документов и сведений, необходимых для осуществления внешнеэкономической деятельности, оценке степени и возможности унификации и гармонизации сведений из указанных документов, а также к оценке возможности оформления электронных документов. Установлен перечень приоритетных для унификации процедур взаимодействия заинтересованных лиц с государственными органами и (или) уполномоченными организациями государств-членов ЕАЭС в рамках функционирования национальных механизмов «Единого окна» [7].

Обширная нормативно правовая база создана и для функционирования Интегрированной информационной системы ЕАЭС. Основопологающим документом при создании Интегрированной информационной системы является Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках ЕАЭС (статья 23, Приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года). Также принята концепция использования при межгосударственном информационном взаимодействии сервисов и имеющих юридическую силу электронных документов. Утверждена методика анализа, оптимизации, гармонизации и описания общих процессов в рамках ЕАЭС, а также типовой перечень технологических документов, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной системы общих процессов и перечень общих процессов в рамках ЕАЭС. При этом понятие общего процесса для ЕАЭС является системообразующим при интеграции информационных ресурсов в единую информационную среду ЕАЭС. Под общим процессом понимают операции и процедуры, регламентированные (установленные) международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов, которые начинаются на территории одного из государств-членов, а заканчиваются (изменяются) на территории другого государства-члена. В рамках союза утверждено 76 общих процессов, при этом более 30 из них относятся к таможенно-тарифному и нетарифному регулированию [8].

Несмотря на то, что на наднациональном уровне в ЕАЭС создана нормативно правовая база для развития механизма Единого окна в системе регулирования ВЭД, а также по созданию Интегрированной информационной системы ЕАЭС, на практике существуют некоторые проблемы. В первую очередь, то, что в государствах-членах ЕАЭС в разной степени реализован механизм «Единого окна». Системы «Единого окна» на сегодняшний день функционируют в Республике Армения, Республике Казахстан и Республике Кыргызстан. В Российской Федерации действуют лишь локальные проекты, а в Республике Беларусь пока только идёт подготовка к созданию такой системы в рамках формирования национальной системы безбумажной торговли (более глобального проекта, что уже само по себе предполагает создание цифровой торговой платформы). Но даже в государствах-членах ЕАЭС, где система «Единого окна» функционирует, имеются определённые недоработки.

В целом, в результате проведенного исследования ЕЭК оценила выполненную работу государствами-членами ЕАЭС по ключевым факторам создания успешно функционирующего механизма «Единого окна», где средний показатель составил чуть более 50%. Отмечаются различные проблемы внедрения механизма: низкая заинтересованность бизнес-сообщества, требование по предоставлению бумажных экземпляров документов вместе с электронными, слабая нормативная база по внедрению электронного документооборота, слабое межведомственное взаимодействие отдельных государственных органов и т.д.

При этом, например, в Республике Беларусь, где ещё не внедрена система «Единого окна», достаточно хорошо на законодательном уровне проработаны вопросы использования электронных документов, имеются электронные сервисы взаимодействия бизнеса и государственных органов, развито электронное таможенное декларирование. В то же время, в Республике Казахстан, где система «Единого окна» функционирует, было отмечено отсутствие баз данных и реестров, позволяющих накапливать сведения из отдельных документов, выдача которых возможна в электронном виде. Всё это свидетельствует о том, что требуется ещё значительная работа для того, чтобы в полной мере реализовать запланированное [9].

Поскольку создание Интегрированной информационной системы требует взаимодействия государственных органов государств-членов ЕАЭС, её создание и полноценное функционирование также во многом зависит от успешно действующих систем «Единого окна» в государствах-членах. Объединив информационные ресурсы на национальных уровнях, появляется возможность создать общие информационные ресурсы для обеспечения общих процессов в ЕАЭС на наднациональном уровне (рисунок).

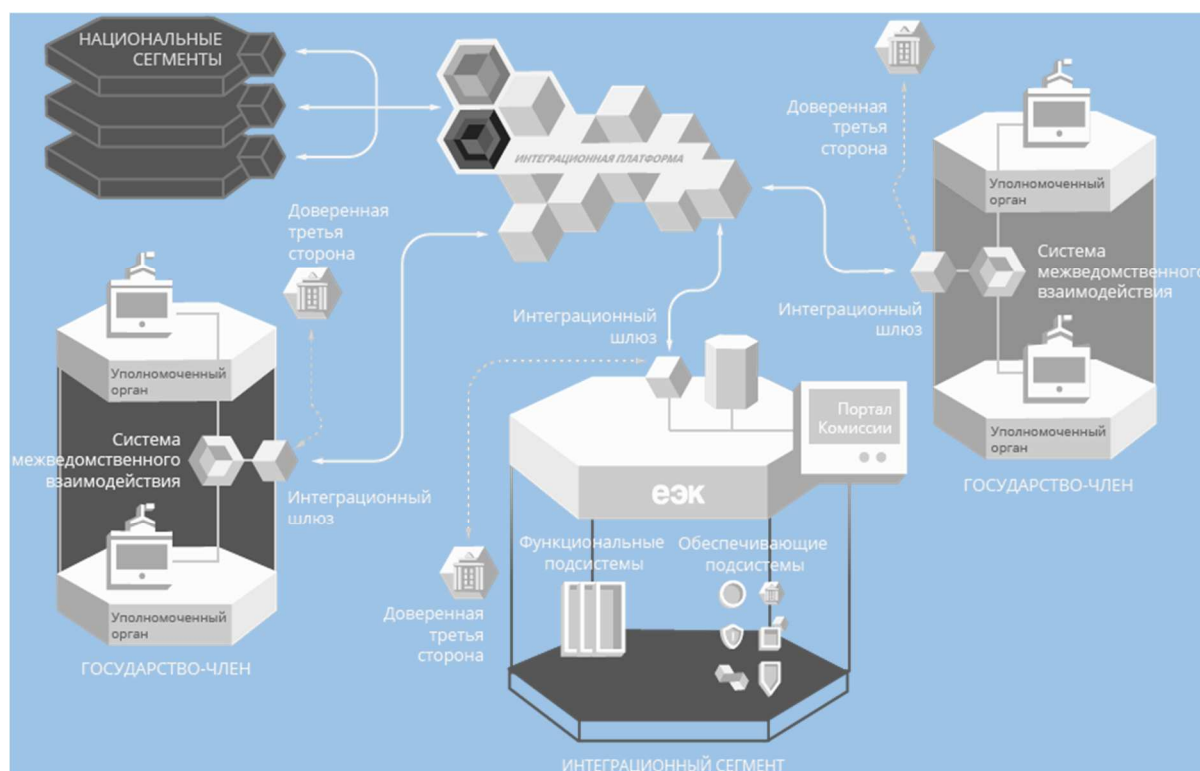


Рисунок. – Интегрированная информационная система ЕАЭС

Источник: [8].

Заключение. В заключение хотелось бы отметить, что само понятие цифровой экономики предусматривает обеспечение «сквозных» экономических процессов, поэтому в современных условиях внешняя торговля также должна трансформироваться в непрерывный процесс. На наш взгляд, это возможно при условии создания цифровых торговых платформ, обеспечивающих осуществление всех этапов внешнеторгового процесса. Опыт некоторых стран демонстрирует, что в основе формирования таких платформ, как правило, лежит концепция «Единого окна», а также таможенные информационные системы, автоматизирующие процесс таможенной очистки, являющийся одним из наиболее затратных по времени и сложных в части количества процедур этапов внешней торговли. Предполагаем, что и для ЕАЭС одной из отправных точек цифровой трансформации могло бы стать создание цифровой внешнеторговой платформы на основе объединения всех имеющихся информационных ресурсов в таможенной сфере ввиду того, что именно таможенные аспекты представляют большую часть утверждённых в рамках ЕАЭС общих процессов. Экспертами ЕАЭС подсчитан положительный экономический эффект (порядка 50 млрд долл. США дополнительно к ВВП Союза за счет мультипликативного эффекта) от организации электронного взаимодействия государственных органов государств-членов ЕАЭС, бизнеса и физических лиц на уровне Союза. Успешное создание систем «Единого окна» станет залогом успешного формирования Интегрированной информационной системы ЕАЭС для обеспечения реализации общих процессов, что может стать основой цифровой платформы ЕАЭС для организации торговых процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глоссарий ЕЭК [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/glossary.aspx>. – Дата доступа: 27.02.2018.
2. Кох, Дж. Новые подходы для развития «единого окна». Национальная торговая платформа как перспективная модель «единого окна» в Республике Сингапур [Электронный ресурс] / Дж. Кох // Единое окно на гребне нового технологического уклада : Междунар. науч.-практ. конф. по трансграничной безбумажной торговле. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/Documents/SWfuture/1_2-RU_Koh_New%20Approach%20in%20SW.pdf. – Дата доступа: 05.03.2018.
3. Automated Commercial Environment (ACE) Features [Электронный ресурс] // U.S. Customs and Border Protection. – Режим доступа: <https://www.cbp.gov/trade/ace/features>. – Дата доступа: 05.03.2018.
4. Сун Хеун Ха. Инновации в трансграничной торговле: опыт Республики Корея [Электронный ресурс] / Сун Хеун Ха // Единое окно на гребне нового технологического уклада : Междунар. науч.-практ. конф. по трансграничной безбумажной торговле. – Режим доступа: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/Documents/SWfuture/1_3_-RU_Rama_Ha_Innovations%20\(experience%20from%20KOREA\).pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/Documents/SWfuture/1_3_-RU_Rama_Ha_Innovations%20(experience%20from%20KOREA).pdf). – Дата доступа: 05.03.2018.
5. Анищенко, В. Модель участия организаций ИКТ-сектора в создании национальной системы безбумажной торговли Беларуси [Электронный ресурс] / В. Анищенко // Семинар по подходам к анализу государственных процедур и бизнес-процессов в рамках развития механизма «единого окна». – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/SiteAssets/SWBPAseminar/2-3-1606.pdf. – Дата доступа: 05.09.2018.
6. Обзор совместного исследования Всемирного банка и Евразийской экономической комиссии: Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации (полная версия) ЕЭК [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf>. – Дата доступа: 05.03.2018.
7. «Единое окно» в системе регулирования ВЭД [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/Pages/sw.aspx. – Дата доступа: 05.03.2018.
8. Интегрированная информационная система Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://system.eaeunion.org/#about>. – Дата доступа: 05.03.2018.
9. Секербаева, Д. Результаты анализа текущего состояния развития механизма «единого окна» в государствах-членах ЕАЭС [Электронный ресурс] / Д. Секербаева // Развитие взаимодействия механизмов "единого окна" : Междунар. семинар " – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/Documents/SWseminar/Rus/Session%203_1%20Ru.pdf. – Дата доступа: 05.03.2018.

Поступила 10.04.2019

**FORMATION OF DIGITAL TRADING PLATFORMS:
IMPLEMENTATION OF THE “SINGLE WINDOW” MECHANISM
IN THE FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY OF THE EAEU MEMBER STATES**

A. SHYMANSKAYA

The article outlines the tendency of the organization of the continuous trading process as the result of the formation of a "related" digital economy. It is analyzed the experience of some countries in the construction of a digital trading platform on the basis of the integration of automated customs systems and Single Window systems into an integrated digital ecosystem that unites all parties involved in foreign trade. In the article it is determined that for integration on the basis of a single digital platform of EAEU (which will be based on the Integrated Information System) with the aim of effective interaction of state bodies of the EAEU member states, it is necessary to unite the information resources of the national systems of the Single Window. The positive economic effect from the transition to electronic interaction of state bodies of the EAEU member states is noted. The article highlights some of the problems related to the implementation of the Single Window mechanism in the external economic activity of the EAEU countries, and notes the achievements in this direction. The construction of the digital trading platform of EAEU is proposed, taking into account the greatest elaboration of foreign trade issues at the supranational level of EAEU.

Keywords: digital economy, digital trading platform, automated customs systems, Single Window, EAEU.

УДК 630*6(476)

**РЕНТНЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСНЫМИ РЕСУРСАМИ БЕЛАРУСИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА***канд. экон. наук, доц. Т.В. КАШТЕЛЯН**(Белорусский государственный технологический университет, Минск)*

Автором выполнен анализ теории ренты и рентных отношений экономики лесного комплекса с акцентом на своеобразии рентно-институциональных детерминаций национальной экономики. Представлена авторская система поэтапного видения и целостного раскрытия проблемы рентной идентификации экономики, связанной с созданием и использованием лесных ресурсов. Рассмотрено отношение «хозяйство-общество» как одно из явлений, ставшее предварительным воплощением лесной ренты. Проанализированы истоки и отдельные оригинальные направления теории рентного механизма управления лесными ресурсами, которые основаны на развитии социально-экологической среды посредством финансовизации лесной ренты. Определены возможные аналитические слагаемые формирования рентного потенциала лесов. Предложено рассмотрение экономического механизма управления лесными ресурсами Беларуси как совокупности связей в национальной системе лесного (вос-)производства сквозь призму необходимости позиционирования рентной детерминации экономического поведения акторов. Это предполагает рассмотрение результатов функционирования институтов сквозь призму экономической практики и социально-экологических издержек.

Ключевые слова: *рента, рентные отношения, хозяйство-общество, детерминация, институты, факторы, финансы, присвоение, трансформационная рента, социально-экологические издержки.*

Введение. Лес представляет собой сложнейшую систему взаимодействующих экологических, социальных и экономических компонент. Его широкая функциональность в условиях стремительно нарастающих изменений климата и социально-экологических паттернов общественного развития не может рассматриваться сквозь призму некоего данного благополучия страны. Считается, что Беларусь обладает действенной экологической сетью, однако создаваемая стоимость, которая в мировой хозяйственной практике идентифицируется в качестве природной ренты, на базе отечественных практик хозяйствования не выступает правомерным источником покрытия природоохранных затрат и целенаправленной функцией воспроизводства природных ресурсов. В системе институтов лесных отношений Беларуси рента является своеобразной «персоной нон грата» – «нежелательной» категорией. Это обусловливается общей исторически сложившейся государственной системой формирования финансов макроуровня, институциональной неопределенностью (сложностью, противоречивостью выделения на уровне денежного оборота мезоэкономических субъектов) в экономике страны в целом.

Ключевые проблемы рентной идентификации экономики обусловлены совокупностью экономических интересов, стоящих за определенными группами акторов. Многие авторы отвергают непреходящее значение рентных отношений и выстраивают модели экономического развития за счет общепризнанных источников – заработной платы, предпринимательской прибыли. В то время как «процент» на вложенный капитал рассматривается преимущественно с точки зрения инвестирования в основные фонды как часть прибыли. Последняя категория является одной из «вдохновляющих», способных присвоить к отношениям труда и капитала термин «рентный доход», и, естественно, вместе взаимодействовать. Сосредоточенность на «процентных» отношениях зачастую осложняется недоисследованными свойствами природного капитала и нахождением естественной нормы его возврата, поэтому имеет место своеобразное «замещение» участия в производстве фактора «земля» динамично нарастающим процессом взаимовлияний трех составляющих – прибыли, налогов и заработной платы.

Специфику детерминации отечественных экономических отношений поставщиков и переработчиков лесных ресурсов можно сформулировать как особую, уникальную институциональную систему, основанную на позиционировании потребительной стоимости, создаваемой природой и технологиями, действиями профессиональных групп в условиях сложившейся социальной структуры общества. Как отметил О. Уильямсон, «социальный контекст, в котором реализуются транзакции – привычки, нравы, обычаи и т. п., имеет значение, и, следовательно, его необходимо учитывать при анализе контрактов, осуществляемых в условиях разных культур» [1, с. 60]. Социальный контекст рентной детерминации экономики лесного сектора Беларуси призван представить многофункциональную ресурсную парадигму на уровне обобществления производства, контрактных отношений и действующих интересов собственников в условиях мультиформатной модели лесопользования (с учетом многогранного положительного влияния леса на уровень и качество жизни населения). Функционирование лесных ресурсов, биоценозов, биосферных благ – это основа жизнедеятельности человека. Раскрытие экономических причин, обуславливающих модели социально-экономического развития регионов и государства в целом, – важнейший этап в реализации принципов устойчивого развития отдельных территорий и национальной экологической безопасности нашей страны.

Лесной сектор принадлежит к числу важнейших сегментов экономики Беларуси, создающих многозначительные подспорья для жизни граждан, их здоровья, экономической и экологической безопасности. Экономическая практика управления лесами Беларуси достаточно медленно реагирует на вызовы современности, связанные с гармонизацией отношений общества и природы, она не в силах наглядно и убедительно демонстрировать прогрессивные тенденции изменений, обеспечивающие широкое применение ресурсосберегающих способов производства, направленных и на сохранение качества окружающей среды, и на инновационность развития. Это доказала ситуация, сложившаяся с экспортом заготовленного древесного сырья весной 2019 г., когда созданная ресурсная база лесоматериалов осталась nedovostrebovannoy внутри страны. В условиях зависимости от внешних источников финансирования, функциональной связанности отраслевых и межотраслевых комплексов, ориентации на самовозрастание капитала с помощью предпринимательства важную роль приобретает «рентный механизм» управления лесными ресурсами как «феномен», соединяющий социально-экономическую структуру общественного производства и системы управления производственными комплексами и инфраструктурой.

Акценты на построение моделей развития экономики в рамках научных обоснований фундаментального характера неразрывно связаны с «событийностью» земельной ренты как одной из наиболее ранних категорий теории и практики. Рентные основы функционирования систем природопользования получили широкое применение в лесных секторах развивающихся и развитых стран. Теория ренты берет свое начало еще с середины 18 века. Такие ученые, как А. Смит, Д. Рикардо, У. Петти, К. Маркс, Д. Ворчестер и многие другие, не мыслили процессов, совершаемых в природе и обществе, без термина «рента». Среди авторов современности (конца 20 и начала 21 века), исследовавших проблемы рентных отношений в контекстах различных производственных связей России, необходимо отметить руководителей научных коллективов (Д.С. Львова, А.А. Блохина, И.А. Буданова, В.А. Волконского [2]), докторов наук аграрного профиля – Д.Д. Лукманова, Н.М. Светлова, Г.А. Ефимову и др. Что касается рентных отношений лесного сектора, то значительный вклад в теорию ренты внесен Н.А. Моисеевым, Н.М. Большаковым, А.П. Петровым, С.В. Починковым, А.В. Третьяковым и другими учеными. В литературных источниках белорусских авторов также рассматриваются способы формирования институциональной и природной ренты и позиционирование ее в рамках бухгалтерских счетов субъектов национальной экономики [3–5]. А.В. Неверовым и другими исследователями выделяются два аспекта функционирования рентных отношений в зависимости от функций, выполняемых ресурсами в отношении общества (хозяйственное назначение ресурсов и климато-инфраструктурно-обеспечивающие условия) – экономическая и экологическая ренты соответственно [3]. Что касается современных зарубежных исследований ренты, то они охватывают широчайший диапазон как формального, так и аналитического представления рентных отношений (от отображения основных различий между экономической прибылью и исследуемой категорией до выстраивания эффективных стратегий рентоориентированного поведения в многоуровневых системах экономического развития) [7–9; 12–19].

На современном этапе социально-экономического развития Республики Беларусь предпринимаются меры по формированию рыночных лесоэкономических отношений и совершенствованию законодательного обеспечения рычагов и методов регулирования отраслей как лесного сектора в целом, так и лесного хозяйства в частности. Государственная система управления природными ресурсами должна учитывать особенности функционирования отдельных отраслей и комплексов для того, чтобы грамотно оценить экологическую и экономическую безопасность, обосновывать прогнозы использования ресурсного потенциала и состояния окружающей среды, выстраивать инновационную политику развития.

Целью статьи выступает раскрытие проблемы научного обоснования рентного механизма управления лесными ресурсами Беларуси, служащего в долгосрочном периоде важнейшим направлением стабильно развивающейся экономики и социально-экологического благополучия страны.

Основная часть. Начнем с того, что любое исследование (видение проблемы) может находиться на разных уровнях абстрагирования. Утверждение в мировом экономическом пространстве рентной составляющей крайне разнообразно. Это обусловлено и естественным ходом исторических событий, и эволюционными достижениями процесса творческого мышления, и институциональными влияниями, и политическими конфликтами, возникающими в рамках процессов финансирования различных проектов и текущих расходов природопользования. Экономическая дифференциация знаний по поводу рентной идентификации общественного производства обозначается, как правило, в трех исследовательских направлениях – микро-, мезо-, макроуровень.

Согласно указанным общепринятым «векторам» экономической структуры знаний, можно выделить и теоретические подходы, объясняющие природу ренты лесного происхождения. Они зарождаются и «продвигаются» вперед в зависимости от стадий, опосредующих проблему первичного ресурсного потребления, «идут» по пути дальнейшего расширения и углубления знаний с учетом формируемых внутри производственных систем (фирм, отраслей) и заданных извне факторов и условий. На наш взгляд, существуют также три направления изучения ренты как категории национальной экономики в целом – производственное, рыночное и трансформационное.

Методологическим инструментарием производственных концепций является построение моделей ренты, связанных с историческим доминированием земельных отношений. Это – традиционные структур-

ные подходы к присвоению стоимости землевладельцем. Рыночные (лучше сказать, адаптационные) концепции сводятся к результативности всей системы факторов производства с учетом действующих финансовых механизмов экономики (взаимодействия маркетизированных и немаркетизированных отраслей), в которых характерными чертами рентных отношений являются как особенности ресурсов, так и прав на них, принадлежащих различным экономическим агентам. В рыночной интерпретации теория ренты представляется системой взглядов, ориентированных на сферу обмена, «давление» конкурентной среды, предполагает подходы к изучению накопления прибавочного продукта и др. Именно в рамках такого рода «ренто-фигурантов» объясняется «ресурсное проклятие» стран. Так, Р. Торвиком в [6] продемонстрировано, что реальная задача поиска ренты осложняется большим числом предпринимателей, и, соответственно, сокращением числа создателей прибавочной стоимости.

Теоретические исследования по рентным отношениям опосредуются огромным количеством информации. Трансформационные концепции возникли сравнительно недавно и связываются с исследованиями взаимосвязи между рентой (точнее, рентными отношениями, в которых позиционируется определенная стоимость) и экономическим развитием. Они предполагают исследования взаимодействий между рядом элементов взаимодействующих систем: государственного регулирования, рыночным и общественным секторами экономики. На пути к полномасштабным моделям ренты в русскоязычной экономической литературе, включая труды белорусских авторов, введены понятия «статусной», «административной» и «институциональной ренты» [2; 5]. Это свидетельствует о том, что рентные «эффекты» встраиваются в структуру целостного хозяйственного механизма, координирующего экономическое развитие на базе имеющегося разнообразия и своеобразия институтов. Считаем целесообразным на уровне мезоэкономики идентифицировать трансформационную ренту как экономическую категорию, основанную на сочетании отраслевого генетического и целевого подходов, связанных с функционированием активов и установлением «правил игры» их получения.

Особый научный интерес вызывает становление системы управления экономическим развитием, формируемой, прежде всего, лесными ресурсами. В конце прошлого столетия итальянскими учеными [7] выделены две концепции рентного содержания, сформированные с помощью глобальных технологий и входящими в глобальное пространство техническими системами. Экономические модели поведения акторов, которые исследовали авторы, обнаружили, что рента с ее «готовностью платить» и «рассеивающими эффектами» обуславливает потребление ресурсов социума в соответствии с «технологической» фундаментальностью. Ограниченность, невозпроизводимый характер ресурсов, права собственности – главные признаки природной ренты [7].

Систему многомерного пространства рентных отношений на отраслевом уровне можно представить в следующем векторном изображении (рисунок).

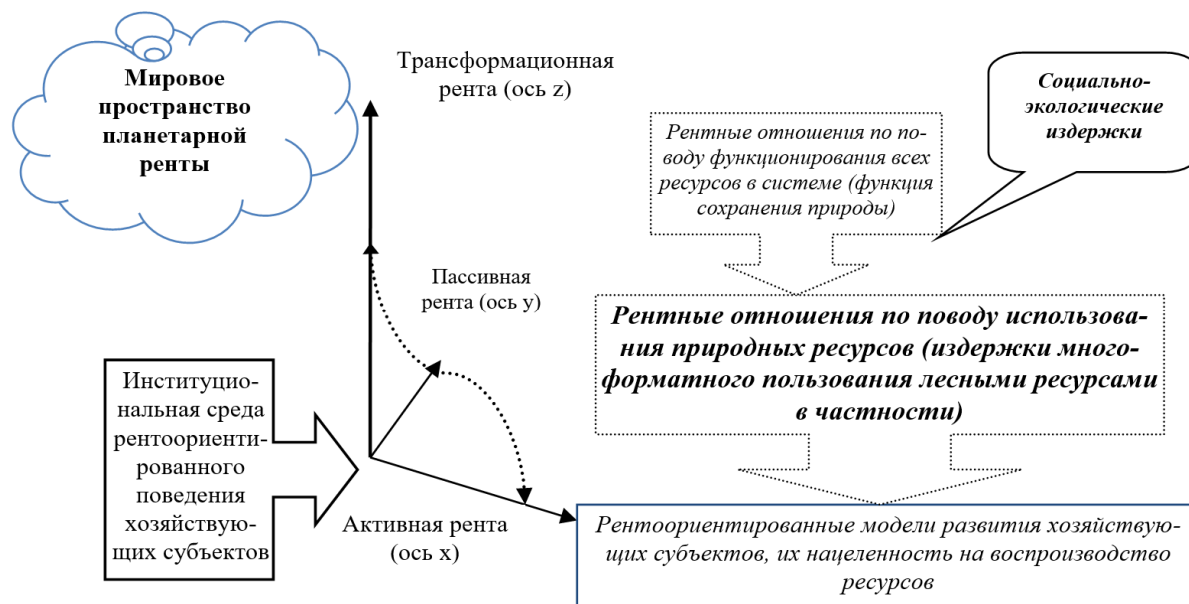


Рисунок. – Многомерное (векторное) пространство рентных отношений (отношение «хозяйство-общество»)

Рента представляет собой ни что иное как стоимость, возникающую в производственном отношении «хозяйство-общество». Она, выступая в качестве источника целенаправленности отдельно взятых от-

ношений в системе «хозяйство» и ее результата, способна «работать» в виде «проектного макета» поведения экономических агентов (встречающихся на рынке покупателей и продавцов). А на уровне общей структуры экономических отношений, объединяющих указанные элементы в единое целое (отношение «хозяйство-общество» в рамках национальной экономики), предполагает природно-ресурсную функциональность в зависимости от целей общества (общих социально-экологических издержек).

Рента – это категория институционального порядка и экономического режима хозяйствования. В этом смысле исходными пунктами в понимании механизма управления природными ресурсами вообще (в рамках национальной экономики) являются концепции поиска и существования ренты (*rent-seeking* [8] and *rent-leaving* [9]). Теория поиска ренты (*rent-seeking* концепция) выступает прообразом для исследований последствий принятия решений в области распределения и перераспределения созданного продукта, социально-экономической эффективности систем в связи с «манипулированием» финансовыми потоками и оттоками. Рента – это специфическая форма дохода и фактор динамики хозяйственного механизма одновременно, что определяет эволюционное количественное и качественное изменение взаимодействия глобальных и «встроенных» технологий. На современном этапе развития экономической теории выделено более 30 видов рент. С точки зрения функционирования экономики как единого целого и требований постоянного принятия решений в системах управления на разных уровнях хозяйственной деятельности нами выделены две формы ренты [10] – активного и пассивного направления. Если активная форма ренты фокусируется в системе хозяйствующих субъектов, то пассивная, определяемая величинами активной, направляется на решение глобальных проблем экономики, выполняет функцию сохранения природы посредством институционального распределения и перераспределения («манипулирования» финансами).

Теория поиска ренты свидетельствует о том, что соединение частных рентоориентированных политик отраслей природопользования (в контексте позиционирования природно-ресурсной ренты) является очень непростым вопросом. В лесном секторе Беларуси рентная политика характеризуется тем, что изымается часть добавленной стоимости лесной промышленности, которая (условно проходя через бюджетную систему) поступает в виде дохода на счета государственных лесохозяйственных учреждений. Отрасль лесного хозяйства представлена комплексными предприятиями, т.е. институциональными единицами, выступающими как изготовителями, так и потребителями (в небольших объемах) древесного сырья для дальнейшей переработки. При лесохозяйственных организациях переработка носит второстепенный характер, охватывает потребности местного населения, проживающего в небольших городах и селах. Основной целью указанных субъектов является выполнение лесовосстановительных, лесозащитных, лесоохранных, противопожарных и других эколого-социальных функций. Позиция менеджмента организаций лесного хозяйства определяется как направленная на получение такой части добавленной стоимости, которая характеризуется связью с природно-ресурсной составляющей. Рентный механизм управления лесными ресурсами, реализующий в строго ограниченном смысле принцип «загрязнитель платит», без плодотворного применения принципа обратной «связи» ренты в лесном хозяйстве нельзя признать исчерпывающим. Ключевую роль в экономических отношениях лесного хозяйства и лесной промышленности указанная «лесная рента» не играет, хотя при рассмотрении ее как прямой формы пофакторного дохода можно идентифицировать в виде стоимости полезной услуги «земли».

В условиях рыночной диверсификации и переплетения интересов, постоянного усложнения и интеллектуальной насыщенности управления, оппортунистического экономического поведения акторов выделены изначально две дефиниции рентоориентированности агентов, обусловленных влиянием изолированного восприятия экономической действительности преимущественно в рамках двух блоков ресурсов («труд» и «финансы»). Первый сложнейший конгломерат, имеющий отношение к ренте, рассматривался многими учеными-экономистами, главным образом, с позиций функциональности текущего периода. «Отход» от моделей признания собственности как существенной структурной связи общества, ее главенства в отношении предоставления ресурсов как конкурентных преимуществ хозяйствующих субъектов, способствовал «централизации» ренты как нетрудового излишка. В контексте трудовой теории К. Маркса о земельной ренте можно сказать то, что в стремлении собственников к ее получению (исходя из наемного труда работников) недоиспользуется описательная структура и «динамические возможности» содержания самого «стремления» (управленческих, маркетинговых, организационных стратегий). Раскрытие его («стремления»), на наш взгляд, «выходит» из систем измерения организации рынков и рыночной стоимости и объясняется, в большинстве своем, сочетанием прав собственности, транзакционных издержек (институциональное направление). Сегодня нельзя не согласиться с тем, что оппортунистическое поведение субъектов, встроенных в социальную структуру общества «пронизывает» все направления экономического анализа. Результаты отечественных исследований по лесным экономическим отношениям также указывают на подобного рода нерешенные вопросы между рыночной и нерыночной «логикой» деятельности субъектов [3, с. 149].

Дело в том, что обращение к элементу общественной системы «финансы», ориентированный на достижение определенных целей благосостояния населения, взятое вне факторов экономической среды (поведенческих паттернов и нарративов, разноуровневой конкуренции, денежно-кредитных и налогово-

бюджетных факторов) часто служило на базе отечественной практики моментом, «предупреждающим» о невозможности рентных отношений. Проще говоря, рента на базе отраслей природопользования ассоциировалась с нетрудовыми и непроизводственными отношениями, поэтому не приобрела своих особенных системообразующих характеристик и экономических возможностей. До сих пор понимание хозяйственного механизма как способа присвоения результатов экономической деятельности только «по труду» является основой философского уровня познания экономических реалий. И это вполне оправдано было на определенном уровне абстракции (в русле однофакторной теории процента с физического капитала). Не вдаваясь в полемику с некоторыми концепциями рентоориентированного поведения, корреспондирующими сугубо с системой «труд» (имеется в виду живой труд, но не овеществленный), отметим современную парадигму финансовизации, которая отражает как дифференциацию условий развития по производственным и транзакционным направлениям деятельности, так и определяет способы присвоения доходов. Оценка финансовых показателей фирм и отраслей может быть решающей проблемой управления устойчивым развитием на основе ренты, что связано и с использованием категории «справедливая цена», и с множеством других фундаментальных терминов (к примеру, издержки сохранения природных ресурсов), которые предоставляют информацию для землевладельцев и пользователей.

В коллективном труде, посвященном 40-летию теории поиска ренты [8], зарубежные исследователи утверждают, что поиск ренты в широком контексте обусловлен инвестированием, которое не приносит значительных эффектов для производства и его эффективности. Начатые Г. Таллоком определения рентной детерминации экономического развития стран посвящены оценкам влияния факторов защиты прав собственности, коррупции, отраслевых тарифных политик, протекционизма, социального неравенства и другим явлениям, определяющим результаты экономической деятельности в масштабах стран и их группировок, являющихся актуальными в современных реалиях и условиях принятия управленческих решений различного уровня. Акценты на непродуктивном потреблении ренты связаны с системой государственного регулирования. Так, к примеру А. Л. Хиллманом по результатам анализа рентных практик в [8] отмечено, что следует различать трансферты, направленные на повышение доходности или других социальных положительных эффектов, так и социальные издержки «увода» финансовых средств, что отрицательно сказывается на общей эффективности экономики. Другими словами, если рентоориентированное поведение не вносит продуктивных вкладов в развитие общества, то оно «генерирует» социальные потери. Способности к продуктивной рентоориентированной деятельности закладываются посредством производительного (в широком смысле) приложения финансов и грамотным перераспределением добавленной стоимости, а не простым поиском ренты (как источником неэффективности).

Оценка предпосылок и потенциальных возможностей получения ренты и прибыли достаточно дискуссионна, многолика, дискретна во времени. Конкретика лесной ренты на базе отечественных лесохозяйственных организаций проявляется и через физическую собственность снабжения потребителей древесным сырьем, и через транзакционное направление по договорам изъятия ресурсов из природной среды (в период функционирования активной «ренто-формы»). Развернутый экономический анализ рентных отношений в экономике природопользования основывается на переходе от производственных концепций к «институциональной ренте» государства как системы реально достижимых и социально приемлемых результатов и условий экономического развития. Что касается отраслевого круга задач рентной идентификации лесного сектора и рентного механизма управления лесными ресурсами в целом, то он предполагает учет входящего параметра – состояния «рантье» (пассивная рента), динамического параметра – изменений в лесопользовании (активная рента) и институциональной трансформации как средства реализации экономической политики государства.

Институциональное реформирование отраслей и комплексов природопользования во многом определяет эффективность функционирования «живых природных систем». Согласно позиции А.В. Неверова и коллектива соавторов, соподчиненность терминов управления лесными ресурсами и лесами в общей системе лесопользования разграничиваются посредством «ухода» в социализацию природной составляющей (что является «близким» понятием к системе управления собственностью), с одной стороны, и приближением к теории фирмы, ориентированной на воспроизводство лесных ресурсов, с другой стороны [3, с. 102]. Соединение эволюционной экономики и теории фирмы имеет свое продолжение в «нормативной» концепции экономических агентов и отраслей. На наш взгляд, принятие решений по поводу ресурсов в рамках широкого организационного контекста – это «прохождение» указанной системы управления ресурсами через триаду «(вос-)производство – адаптация – развитие» [11].

В начале нынешнего столетия Р. Макадок [12] предложил различать два разнообразных подхода к тому, какими способами создается экономическая рента. В рамках так называемого механизма рентопродуктивности (создания рентного потенциала по Р. Макадоку) менеджеры конструируют организационные схемы повышения эффективности использования ресурсов, т.е. рационализируют природопользование. Другой механизм основан на статичном изъятии финансов (на попытках перехитрить рынок ресурсов при сборе финансовых средств) [12]. Рентный механизм управления лесными ресурсами – это «маржинальный» подход к экономической целесообразности и социальной значимости лесов как целостных

образований. В нем фискальная эффективность рентных отношений подлежит анализу в рамках форм активности, будь то финансирование экологических мероприятий или же незаконное происхождение средств. Анализ теоретических подходов к управлению лесными ресурсами на основе рентной парадигмы связан с разработкой систем ресурсной конфигурации лесного (вос-)производства, созданием потенциалов биоресурсного потребления (в широком смысле, т.е. по отчуждаемым и неотчуждаемым благам лесов, их потреблению, рынка экосистемных услуг и др.). Важно изучить реальную «работу» по созданию экономической ренты активной и пассивной форм, чтобы грамотно распределить «функционал» субъектов по указанным Р. Макадоком направлениям экономического поведения акторов.

Национальное лесное (вос-)производство исходит из системы земельных отношений нашего общества. Внеисторически позиционируют себя модели экономического роста и развития, выстроенные на базе факторов – труд, капитал, земля. Можно прибегнуть к масштабным экономико-математическим приемам и методом, демонстрируя конвертацию ресурсных моделей развития в инновационные. Однако все они по своей сути не антагонистичны разносторонней, многоярусной системе рентообразования. В свою очередь осмысление ее сущности в контексте институционализации рынков природных ресурсов помогает устанавливать реальную картину взаимосвязей в экономических системах. Отраслевые «финансы», возникающие в сфере производства и затем распределяемые и перераспределяемые в национальной экономике, – ключ к познанию рентопродуктивного поведения, приводящего к рационализации создания и использования природных ресурсов.

Путь к выявлению ренты лежит через создание рентных ресурсов (классический экономический анализ). Считаем, что полезным было бы выделять частные потенциалы образования лесной ренты с точки зрения институционального подхода. Образование лесной ренты должно оцениваться в рамках методологических концепций глобальных и встроенных в природу технологий [7], соответствующих целям получения почвенно-продукционного (под- и наземного) и биосферного (надземного) потенциала благ. Образование ренты – это процесс, адекватный использованию рентных ресурсов с позиций внутреннего и внешнего институционального пространства отраслей. На базе отечественных практик важно учитывать, что воплощение теоретического наследия «непроизводительного по труду» и «невоспроизводимого» характера природной среды в практической цепочке создания стоимости на базе лесных ресурсов предоставило достаточно мало возможностей для обеспечения легального получения ренты на стадии лесного (вос-)производства.

Единого подхода к определению лесной ренты до сих пор не существует. Лесопромышленная цепочка добавленной стоимости выступает категорией первостепенной значимости в процессе лесного рентообразования. Главенство в триаде «государство – человек – природа» принципов налогового управления и кодировка формируемых рыночных отношений с узконаправленным потребительным подходом, не учитывающим приоритеты производства над распределением, явились причинами смещения условных долей рентных доходов в формах субъектно-объектных лесоземельных отношений и купли-продажи лесных ресурсов. Арендная плата, широко обсуждаемая российскими учеными как стоимость воспроизводства лесных ресурсов и рента в ней, по Н.С. Большакову [13], затраты воспроизводства «плюс» лесная рента как таковая, по Н.А. Моисееву [14], подчинены выявлению истинной проблемы трансфера созданной добавленной стоимости в пользу лесоводства (безусловно нуждающегося в источниках своего существования). Ключевые проблемы «ущербной» воспроизводимости лесных ресурсов Беларуси заключаются в том, что возникшие в конце прошлого столетия дискриминационные ценовые механизмы, оказались способными выполнять только фискальную функцию. Они были не единственными инструментами в управлении биологическим потенциалом лесных земель, направленными на так называемое «антирентное» измерение функционирования лесов в экономике Беларуси. Проблемы современности заключается и в «теневых» лесных отношениях, и в адаптационных возможностях территорий, и в эффектах «обратной волны», которые связаны с переходом триады «стоимость – рента – финансы» в сферу экологических преимуществ и наоборот (когда результативность функционирования отношений природопользования не связывалась непосредственно с проблемами количественного и качественного измерения воспроизводства природных ресурсов).

Академиком Н.А. Моисеевым теория земельной ренты в отношении рынков лесных ресурсов была подвергнута критике [14]. Ее начало было разработано немецкими лесными экономистами Л. Пфайлом, И. Хундесхагеном (1828), Г. Кенигом (1864), М. Фаустманом (1849) [15]. Последний из указанных авторов основал подход к организации активной ренты собственников, ведущих оптимизацию заготовок древесины. Однако он рассматривал ренту с позиций изолированной системы – заготовленного древесного сырья. Позже была разработана модель наивысшей доходности, в которой оборот рубки выступает в качестве периода капитализации активов, представляющих более широкую «картину» лесоэкономических благ. Многообразие парадигм, характеризующих «продвижение» и «презентацию» рентоориентированного поведения делают невозможным отнесение ренты только к традиционному подходу «генерации» добавленной стоимости, основанному на арендно-рентных отношениях. Рента лесного происхождения стала термином активного, рыночного направления, связанного с поведенческими финансами отраслей лесного хозяйства и других, продуктивной составляющей координации экономических отношений общества (в пользу усиления положительных эффектов природной среды, повышения роли социально-экологических институтов).

Исследования рентного механизма в рамках трансформационной концепции связаны с «качеством» институтов. Решающая роль институтов в стимулировании финансового развития США исследована в [16; 17]. В модель природно-ресурсной ренты (основанную на капитализации природных активов) были включены показатели образования населения и промышленного развития. Авторы институционального направления исследований справедливо отмечают, что необходимо учитывать жизненно важную роль взаимодействия институционального качества с управлением доходами (рентой), т.е. с рентным механизмом управления ресурсами, особенно это важно в связи с появлением коррупционных сделок. Основные выводы зарубежных исследователей сводятся к тому, что следует обосновать «каналы», по которым природная рента может способствовать финансово-экономическому развитию, а также «следует уделить внимание эффективному распределению финансовых средств между различными секторами экономики путем исчерпывающего понимания институционального качества и его сдерживающей роли в развитии» [16].

Институциональная организация воспроизводства лесных ресурсов играет важную роль в процессе рентообразования. Она, на наш взгляд, связывает функции «владения и пользования ресурсами леса» [3, с. 103] посредством финансовых притоков и оттоков (в их основе – отчуждение-присвоение). Полная модель природной ренты отличается информационной сложностью, так как во многом обращена к социальным институтам и «рентным» ограничениям. Но она способна выступать одним из основополагающих подходов к лесной ренте. Рента от природы – это вклад, детерминированный как текущим рыночным обменом, так и возмещением потраченных расходов в системе компаундинга, когда цена земли инспирируется «вложениями» в сферу глобальных технологий. Так, академик Н.А. Моисеев, критикуя систему лесных отношений России, открыто заявил, что лесное хозяйство «... тот колодезь, в который нельзя плевать, от него зависят жизнь и благосостояние утоляющих жажду» [14]. Подчеркивая отсутствие преемственности во взглядах на рентную тематику, указанный ученый не зря приводит формулу платежей за лесные ресурсы, состоящую из двух частей – «лесной ренты, или чистого дохода, и затрат на воспроизводство используемого ресурса» [14, с. 22]. Такой подход к определению ренты, как добавочной стоимости сверх экологических затрат, объясняется сложившейся системой финансирования лесного хозяйства, которая не предполагала расширенного воспроизводства лесных ресурсов. «Ведь, природоохранный труд не противоположен ориентации на систему эффективного лесопользования, он базис последней. Лесоводство без лесопользования, есть "лесоводка"» [14, с. 22], – парирует указанный автор.

Отметим, что в теоретических воззрениях прошлого века рента как платеж системы «хозяйство» преимущественно «отрывается» от стадии «воспроизводства» факторов производства и связывается с ценами «неэквивалентного и непропорционального рыночного обмена» [7]. Теоретические идеи непродуктивности ренты и общества, ищущего ренты с позиций «экономики привилегий», представлены в издании Г. Таллока 2013 г. [18], они дополнены исследованием ренты как средства достижения целей (что для лесного комплекса в контексте успешной реализации задач экологического управления означает «инвестирование» в улучшение и сохранение базовых природных условий). Однако проблемы современного этапа развития лесных рентных отношений Беларуси заключаются в том, что рентные оценки ресурсов (древесины), которые административно устанавливались долгое время на низком уровне, пройдя через стадию рыночного обмена, приобрели «остаточно-устойчивый» характер. Следует обратить внимание не только на недооценку по стоимостному критерию «лесной ренты», но и на «поверхностный» подход к определению источников воспроизводства лесных ресурсов, и на не выверенные институциональные изменения в пользу более децентрализованной лесной политики с развитием «чувства хозяина» у директоров лесхозов. В ходе исторической смены учений о ренте консервация «остаточной» парадигмы на базе отечественной практики лесных отношений во многом способствовала пониманию исследуемой фундаментальной категории как системы безучастного отношения «хозяйство-общество» к воспроизводству лесных ресурсов. Понятия стоимости воспроизводства лесных ресурсов, на наш взгляд, должны рассматриваться в контексте рентного (финансового) потенциала лесов.

Рентный потенциал лесов с учетом траектории инноватизации развития белорусского общества в значительной мере должен опираться на финансовые и институциональные факторы, однако их нельзя сводить сугубо к целевому программному поведению экономических агентов, получающих прямые источники финансирования. Он является важнейшим элементом пространственной организации Беларуси, включает в себя систему элементов, которые могут быть сгруппированы по следующим признакам:

– по предназначению в системе «хозяйство-общество» (хозяйственные ресурсы и климато-инфраструктурно-обеспечивающие функции); их оценку стоит производить с точки зрения глобальных и «встроенных» технологий – по частным показателям, например, составляющим биоресурсного блока (растительный и животный мир), по комплексным показателям или интегральным – с учетом всего арсенала выполняемых функций (глобальные технологии), к ним относятся водоохранные, водорегулирующие, противоэрозийные, углерододепонирующие и другие функции;

– по глубине исследования с точки зрения общества (имея в виду лесные ресурсы) стоит различать оценки подземных и наземных почвенно-продукционных, а также биосферных возможностей, включая

медико-оздоровительные, рекреационные, эстетические и др. (стоит осуществлять углубленное изучение их развития в рамках страны, трансграничного сотрудничества и мирохозяйственных связей).

Рентный потенциал лесов Беларуси (в обозначенном смысле финансов) заключается, прежде всего, в формировании эффективной экономической системы, основанной на присвоении-отчуждении производственных запасов леса и потреблении социально-экологических функций. В результате динамичности, изменчивости бизнес-среды экономических агентов лесного сектора, влияния институциональных факторов как интеграционного механизма структурных изменений рентный потенциал во многом имеет «трехполюсное наполнение»: макро-, микро- и мезоэкономика. При рассмотрении рентного потенциала в контексте мезоэкономики можно охарактеризовать его в виде исторически устойчивого производственного отношения «хозяйство-общество», служащего целям благоприятного функционирования социума (благодаря взаимосвязанному решению задач повышения конкурентоспособности и инноватизации экономических агентов). Он неразрывно связан как с институциональными основами воспроизводства человеческого капитала, так и со всей остальной совокупностью факторов обновления экономики нашей страны. В конечном счете – это реализация пространственного потенциала 40% территории Беларуси.

(Вос)-производство – важный этап управления ресурсами, он предполагает как стадию производства, так и возврат ренты в экономическую систему для поддержания экологического равновесия. Любой индивид, приступая к ведению хозяйственной деятельности, задумывается об источнике воспроизводства ресурса. Рентные отношения – это диспозиция «поля битвы», согласно которой возможен переход добавленной стоимости в издержки, направляемые на «генерацию» социально-экологических «приобретений» общества и социальных потерь. Мотивы рентного содержания (выполнения рентно-воспроизводственной функции) реализуются через структуру цены. В условиях государства процессы воспроизводства не изолированы от состояния отраслей. Они взаимообусловлены противоречивым накоплением и движением финансового потенциала производства и воспроизводства страны по всем видам продукции (работ, услуг), рыночных и нерыночных ресурсов (маркетизированных и немаркетизированных секторов). Национальное воспроизводство, отражающее все аспекты рентообразования и потребления, на стадиях распределения и перераспределения не лишено «перекачек» денежной ренты от одних институтов к другим. Поэтому рентный механизм управления лесными ресурсами, основан как на рыночных обменах, так и на транзакциях, опосредующих усилия собственников по увеличению добавленной стоимости и ее рациональной локализации, потребления.

Взгляды на проблематику в рамках ренты лесного происхождения (в условиях ограниченного мезоуровневого денежного оборота лесопромышленного комплекса) нацелены, как правило, на абстрагирование от макроуровня. Они как правило: а) зависимы от характеристик ограниченности ресурсов (связаны главным образом с производством, но инициируются в сфере распределения финансов); б) формируются в условиях различных специфических контрактов (институциональных режимов собственности), что предполагает их юридическую обоснованность; в) предполагают обеспечение двух форм деятельности (относительно текущего периода) – активной и пассивной, направленных на формирование общих организационно-экономических условий осуществления рыночных обменов и инфраструктуры, позволяющей вести хозяйствование в национальном и глобальном масштабах. Лесная рента в рамках горизонтальных и иерархических взаимосвязей отчетливо проявляет себя не только как «ресурсный функционал», но и как способ осуществления стратегических и текущих функций управления экономикой для достижения целей политической экологии.

По своей сути лесная рента характеризует образование, распределение и использование той части национального дохода, который может восполнить производственные запасы леса. Отечественная таксовая стоимость древесины на корню заменяет лесную ренту лишь в строго ограниченном смысле. Она реализует принцип «загрязнитель платит» (лесопользователь платит), отражая лишь статическое состояние лесопользования (движение физической собственности в процессе материального снабжения). Транслирование задач «зеленой» экономики предполагает, на наш взгляд, не только установление стоимости рентного платежа через организационный блок управления лесными ресурсами (на уровне затрат воспроизводства), но и оценку местных институциональных стратегий, упирающихся в «пределы роста». В этом смысле рентный механизм управления лесными ресурсами – это своего рода «общение» с рынком двух контуров: мезо- и макроуровней. Кульминацией такой «коммуникации» являются определенные институциональные каналы, позволяющие выстроить образ будущего саморазвития (включая самофинансируемую и самокупаемую систему хозяйствования лесных отраслей на микроэкономическом уровне), что в перспективе позволит выйти на реализацию экологических императивов в новом политическом цикле нашей страны.

Таким образом, имея в виду ключевые противоречия рентообразования (производства и последующего извлечения), отражающие как материально-вещественную, так и нематериальную структуру общественного производства, следует констатировать, что рентный механизм представляет собой систему связей хозяйственной деятельности, которую можно причислить к природно-дивидендной в соответствии с маргинальным подходом интерпретации отношения «хозяйство-общество». Нами представляется рентный механизм управления лесными ресурсами Беларуси в социальном контексте с присущим ему явлением трансформационной ренты, зависящим от внутренних преобразований в экономических отношениях

лесного хозяйства и лесной промышленности, оптимизации участия государства в экономической деятельности отдельных отраслей и в целом национального лесного воспроизводства, информационной состоятельности рынков, создающих стимулы к саморазвитию. Можно сказать, что у «институциональной ренты» государства имеется ее отраслевой аналог «трансформационная рента». Гипотеза данной категории базируется на формально-неформальных институтах, правилах «игры», где есть высокая договороспособность и ответственность за экономико-экологическое развитие страны (восполнение потраченных природных богатств и их приумножение на инновационной основе).

Заключение. Теория ренты в институциональном контексте содержит обобщения социализации природных ресурсов, предполагает формирование контуров саморазвития экономики на основе прав собственности и транзакций. Очевидно, что для практики лесного хозяйства Беларуси характерно относительное абстрагирование от рентного механизма управления лесными ресурсами в смысле концепций (*rent-seeking, rent-leaving*), что не содействует гармоничному развитию экономики и экологии. Лесная рента как пофакторный доход общества представляется «оторванным от жизни» умозаключением, и только экономические механизмы управления ресурсами позволяют осознать рентную детерминацию экономического поведения акторов.

Общая теория ренты, способствующая долгосрочным положительным результатам социально-экономического развития, – это одно из фундаментальных направлений исследований, призванных ответить на вопросы о стимулах к производственной деятельности и так называемому рентопродуктивному потреблению через перераспределение доходов от одних акторов к другим (с помощью правил и норм, т.е. посредством институтов). «Живучесть» экономических принципов рентного присвоения обусловлена функционированием институтов собственности, политическими и экологическими предпосылками многокомпонентной экономики, в которой развиваются отношения общества. В этой связи особое практическое значение приобретает концепция лесной ренты как основы функционирования общественной стоимости, инспирируемой разнообразными факторами живой и искусственно созданной человеком среды, ее социально-экологическими издержками. Рентный механизм управления лесными ресурсами исходит из использования маржинального подхода и определенных границ ресурсов и групп пользователей, а также соответствий между правилами присвоения, способностей изменять правила и нормы на основе мониторинга и прогнозов, обеспечивать необходимые инвестиции и транзакции и решать социальные конфликты.

Природная (лесная) рента – это экономическая категория, определяющая проведение экономико-экологической политики через государственные институты, несущие социально-экологические издержки, в то время как права собственности на землю и ресурсы обеспечиваются нормативной базой государства. Согласно высказываниям А. Лофтуса и его партнеров [19] рентные механизмы управления природными ресурсами возвращаются новой «волной». Стоит согласиться с этим утверждением, так как «уход» экономики в систему социальных потерь общества без поиска компромисса в рамках рентных «приобретений» лесов Беларуси (институциональных ценностей и смыслов) неминуемо ведет к системным сбоям в развитии, общественным конфликтам, природным катаклизмам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма / О. И. Уильямсон. Науч. ред. и вступ. ст. к. э. н. В.С. Катыкало ; пер. с англ. – СПб. : Лениздат SEV Press, 1996. – 702 с.
2. Эффекты институциональных различий и институциональной ренты в российской экономике : докл. / А.А. Блохин [и др.] // Ин-т народнохозяйств. прогнозирования РАН. – Режим доступа: ecfor.ru/publication/effecty-institutsionalnyh-razlichij-i-institutsionalnoj-renty-v-rossijskoj-economike/. – Дата обращения: 15.05.2019.
3. Лесное управление / А.В. Неверов [и др.] ; под общ. ред. А.В. Неверова. – Минск : Пачатковая школа, 2014. – 400 с.
4. Вегера, С.Г. Развитие методологии бухгалтерского учета земли в контексте современной теории ренты / С.Г. Вегера. – Новополоцк : ПГУ, 2011. – 464 с.
5. Лемещенко, П.С. Экономический кризис как институциональная форма и ступень отрицания капитала / П.С. Лемещенко // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8 (№ 4). – С. 72–86.
6. Torvik, R. Natural resources, rent seeking and welfare / R. Torvik // *Journal of Development Economics*. – 2002. – Vol. 67, Issue 2. – P. 455–470.
7. Curzio, A. Q. Rent, Resources, Technologies / A. Q. Curzio, F. Pellizzari. – Berlin : Springer – Verlag Berlin Heidelberg GmbH, 1999. – 253 p.
8. Congleton, R. D. 40 Yers of Research on Rent Seeking 2. Applications: Rent Seeking in Practice / Roger D. Congleton, Arye L. Hillman, Kai A. Konrad. – Berlin : Springer – Verlag Berlin Heidelberg GmbH, 1999. – 253 p.
9. Bohnet, I. Rent Leaving / I. Bohnet, S. Frey Bruno // *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)*. – 1997. – Vol. 153, No. 4 – P. 711–721.
10. Каштелян, Т.В. Рентные отношения в лесном хозяйстве: институциональная парадигма / Т.В. Каштелян // Труды БГТУ. – 2018. – № 2. – С. 46–51.
11. Каштелян, Т.В. Проблемы разграничения институциональных сдвигов в экономике и оценка перспектив развития лесного сектора Беларуси / Т.В. Каштелян // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2018. – № 5(110). – С. 133–139.
12. Makadok, R. Toward a synthesis of the resource-based and dynamic-capability views of rent creation / R. Makadok. // *Strategic Management Journal*. – 2001. – Vol. 22, Issue 5. – P. 387–401.

13. Большаков, Н.М. Методологические основы формирования рентных платежей в лесопользовании [Электронный ресурс] / Н.М. Большаков // Научно-технический прогресс в лесном комплексе : материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-20 апр. 2000 г., Сыктывкар. СЛИ. – URL: sli.komi.com/bolshakov/science_speech.asp?c11. – Дата обращения: 19.01.2019.
14. Моисеев, Н.А. Лесная экономика в системе лесопользования в теории и на практике / Н.А. Моисеев. // Лесн. журнал. – 2015. – № 6. – С. 9–30. (Известия высших учебных заведений).
15. Viitala, E.-J. Faustmann formula before Faustmann in German territorial states / E.-J. Viitala // Forest Policy and Economic. – 2016. – Vol. 65. – P. 47–58.
16. Abdulahi, M. E. Resource rents, economic growth, and role of institutional quality: a panel threshold analysis / M. E. Abdulahi, Yang Shu, M. A. Khan // Resources Policy. – 2019. – Vol. 61. – P. 293–303.
17. Kolstand, I. Corruption in NRM: application of policy / I. Kolstand, T. Soreide // Resources Policy. – 2009. – Vol. 34, Issue 4. – P. 214–226.
18. Tullock, G. The Economic of Special Privilege and Rent Seeking / G. Tullock. – Berlin : Springer Science Business Media, LLC, 2013. – 103 p.
19. Loftus, A. The Political economy of water infrastructure: An introduction to financialization [Electronic resource] / A. Loftus, H. March, T. F. Purcell // Wiley Interdisciplinary Reviews: Water 6 (1) : e1326. – Режим доступа: WileyLibrary. – Дата обращения 15.05.2019.

Поступила 17.05.2019

RENTAL MECHANISM OF FOREST-RESOURCES MANAGEMENT IN BELARUS: THEORY AND PRACTICE

T. KASHTELIAN

The author analyzes the theory of rent and rental relations, the practice of the functioning of the forest complex economy with an emphasis on the peculiarity of rent-institutional determinations of the national economy. The author presents a system of phased vision and holistic disclosure of the economy rental identification problem, associated with the creation and use of forest resources. The relationship «farm–society» is considered as one of the phenomena that has become a preliminary real embodiment of forest rent. The sources and some original directions of the rent mechanism of forest resource management are analyzed, which are based on the development of the socio-ecological environment through the forest rent financialization. The possible analytical components of the forests rental potential formation are determined. It is proposed to consider the economic mechanism of forest resource management in Belarus as a set of connections in the national system of forest production and reproduction through the prism of the need to position the rent determination of the economic behavior of actors. This involves consideration of the institutions functioning results, the practice of economic and socio-environmental costs.

Keywords: *rent, rental relations, «farm–society», determination, institutes, factors, finances, assignment, transformational rent, socio-environmental costs.*

ФИНАНСЫ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

УДК 336.719

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО БАНКИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И.А. СТРОГАНОВА, В.Д. РУДАК
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается сущность инвестиционного банкинга, его роль в становлении финансового рынка. На основе анализа современной экономической литературы и белорусского законодательства сделан вывод об отсутствии единого определения термина «инвестиционный банкинг». В результате теоретического исследования предложено авторское определение понятия «инвестиционный банкинг». Исследованы главные – пассивные и активные – инвестиционные стратегии коммерческого банка. На основе анализа современного состояния инвестиционного банкинга, развития рынка производных финансовых инструментов в Республике Беларусь показаны основные факторы, замедляющие развитие инвестиционного банкинга, и определены основные направления его дальнейшего развития.

Ключевые слова: депозитарная деятельность, инвестиционный банкинг, производные финансовые инструменты, финансовые инструменты, хеджирование, ценные бумаги.

Введение. Актуальность вопроса развития инвестиционного банкинга в Республике Беларусь обусловлена рядом внутренних и внешних факторов. В условиях сокращения внешнего спроса на основные экспортные товары Республики Беларусь резко сократилась доходная часть государственного бюджета, произошло снижение реальных доходов, что обусловило снижение внутреннего спроса. Для стабильного развития экономики сформированные в Беларуси международные резервы недостаточны. В современных условиях банковская система Республики Беларусь не может в полной мере отвечать требованиям активного взаимодействия с реальным сектором экономики, что обуславливает актуальность исследования процесса активизации инвестиционной деятельности банков и проблем, тормозящих этот процесс.

В новых экономических условиях наиболее востребованной и одновременно сложной для банков сферой становится инвестиционный банкинг. Следует заметить, что поскольку в белорусском законодательстве на сегодняшний день не закреплено понятие «инвестиционный банкинг», в представляемой работе под инвестиционной деятельностью принимаем банковскую деятельность, причисляемую к таковой регулятором – Центральным банком Республики Беларусь. Национальный банк Республики Беларусь включил в инвестиционный банкинг следующие *виды деятельности банков*:

- корпоративное финансирование клиентов – комплекс услуг по организации эмиссии, размещению и обслуживанию обращения ценных бумаг клиентов на международном и внутреннем рынке;
- коммерческая, посредническая, депозитарная деятельность банков, доверительное управление ценными бумагами;
- доверительное управление денежными средствами (индивидуальное и коллективное);
- инвестиционное финансирование (в том числе проектное финансирование, консорциальное и синдицированное кредитование);
- оказание услуг по проведению операций с финансовыми инструментами срочных сделок на организованном и неорганизованном рынках.

В рамках данного исследования под инвестиционным банкингом понимается деятельность финансовой организации, основными функциями которой являются содействие клиентам в реализации их инвестиционных намерений, в том числе на рынке ценных бумаг, производных финансовых инструментов, структурированных финансовых продуктов, на рынке слияния, поглощения и реструктуризации, консультационных и аналитических услуг. В мировой практике различают два вида инвестиционной стратегии банка – пассивная (выжидательная) и агрессивная (направленная на максимальное использование благоприятных возможностей рынка) [1, с. 192].

Основная часть. Рассмотрим основные характеристики так называемой пассивной политики лестницы, или равномерного распределения. Инвестиционные средства банки вкладывают в ценные бумаги таким образом, чтобы в течение ближайших нескольких лет ежегодно истекал срок погашения определенной части портфеля инвестиций. В результате такой ступенчатости в сроках погашения ценных бумаг инвестиционного портфеля средства, высвобождающиеся по истечении срока погашения, смогут реинвестироваться в новые виды ценных бумаг с самыми длительными сроками погашения и, соответственно, с наибольшей нормой доходности.

Политика краткосрочного акцента также относится к выжидательной инвестиционной политике. Другая распространенная, особенно среди коммерческих банков, стратегия – покупка только краткосрочных ценных бумаг и размещение всех инвестиций в пределах короткого временного промежутка. Этот подход рассматривает инвестиционный портфель, прежде всего, как источник ликвидности, а не дохода.

Следует также остановиться на политике долгосрочного акцента. Подход подчеркивает роль инвестиционного портфеля как источника дохода. Банк, придерживающийся так называемой стратегии долгосрочного акцента, может принять решение инвестировать в облигации с диапазоном сроков погашения в несколько лет. Для удовлетворения требований, связанных с ликвидностью, этот банк, возможно, будет в значительной мере опираться на заимствование на денежном рынке.

Объединение краткосрочных и долгосрочных подходов к инвестированию составляет стратегию «штанги» – ещё один метод пассивной стратегии. Он заключается в концентрации инвестиций в бумагах полярной срочности («штанга»). Банк инвестирует основную часть средств в бумаги с очень коротким и очень длительным сроком и лишь небольшую часть портфеля держит в среднесрочных ценных бумагах. Таким образом, вложения концентрируются на двух концах временного спектра. При этом долгосрочные бумаги обеспечивают банку более высокий доход, а краткосрочные – ликвидность [1, с. 198].

Иные стратегии используются банком при осуществлении так называемой агрессивной политики – подход процентных ожиданий и метод операций «своп».

Подход процентных ожиданий предполагает сокращение сроков погашения ценных бумаг, когда ожидается рост процентных ставок и, напротив, увеличение сроков при ожидаемом их падении. Подобный подход увеличивает возможность значительных капитальных приростов, но также возможность существенных капитальных убытков. Он требует глубокого знания рыночных факторов, сопряжен с большим риском, если ожидания оказываются ошибочными, и связан с большими транзакционными издержками, так как может потребовать частого выхода на рынок ценных бумаг.

Метод операций «своп» заключается в обмене одних облигаций на другие в ожидании изменения процентных ставок или просто для обеспечения сиюминутного более высокого дохода. Для проведения таких операций требуется иметь специальный счет по торговле ценными бумагами. Доходы или убытки от этих операций показываются отдельной статьей в отчете банка. Одна из разновидностей «свопа» – обмен облигаций с низкодходными купонами на высокодходные. Еще одна разновидность «свопа» – обмен облигаций с неодинаковым риском. Для проведения таких операций требуется, чтобы на рынке преобладали ненормально низкие или ненормально высокие ставки. Банк будет продавать бумаги, которые переоценены из-за низких процентных ставок, или покупать ценные бумаги, которые недооценены из-за высоких ставок, а затем будет покупать (продавать) бумаги, правильно оцененные рынком. Однако, когда на рынке наступит равновесие, банк осуществит обратные покупки (продажи) и получит прибыль [1, с. 205].

Главная цель инвестиционной политики коммерческого банка заключается в формировании инвестиционного портфеля, который представляет собой диверсифицированную совокупность вложений в различные виды активов. В банковском деле инвестиции обозначают средства, вложенные в ценные бумаги предприятий и государственных учреждений на относительно продолжительный период времени. Главная цель управления инвестиционным портфелем – увеличение банковской прибыли.

В жестких условиях конкуренции одной из важнейших функций в деятельности коммерческих банков выступает их инвестиционная деятельность. Инвестиционный портфель коммерческого банка состоит из ценных бумаг. Банку для обеспечения нормального функционирования необходимо правильно управлять портфелем ценных бумаг, проводить правильную инвестиционную политику. Доход от инвестиционного портфеля складывается из следующих компонентов:

- поступления в форме процентных платежей;
- доход от повышения капитальной стоимости бумаг, находящихся в портфеле банка;
- комиссия за оказание инвестиционных услуг.

Существуют следующие основные *виды рисков по инвестициям*: кредитный риск, риск изменения курса, риск несбалансированной ликвидности, риск досрочного отзыва, деловой риск [2, с. 142].

Кредитный риск связан с уменьшением финансовых возможностей эмитента ценных бумаг, когда он оказывается не в состоянии выполнить свои финансовые обязательства, а также с обязательствами и способностями правительства государства или его учреждений погашать долги по сделанным им у населения займам, в частности по выпускаемым правительством облигациям общего характера [2, с. 143].

Риск изменения курса ценных бумаг связан с обратной зависимостью между нормой процента и курсом твердопроцентных ценных бумаг: при росте процентных ставок курсовая стоимость бумаг снижается и наоборот. Это порождает большие проблемы для инвестиционных отделов банков, так как при смене экономической конъюнктуры часто возникает необходимость в мобилизации ликвидности и приходится продавать ценные бумаги в убыток. Рост процентных ставок снижает рыночную цену ранее эмитированных ценных бумаг, причем выпуски с максимальными сроками погашения обычно претерпевают наибольшее падение цены. Более того, периоды роста процентных ставок обычно отмечены нарастанием

спроса на кредиты. А поскольку главным приоритетом банка является выдача кредита, многие ценные бумаги должны быть распроданы в целях получения наличности для предоставления ссуд [2, с. 145].

Риск несбалансированной ликвидности связан с невозможностью быстрой конверсии некоторых видов ценных бумаг в платежные средства без определенных потерь. Банки располагают двумя источниками обеспечения ликвидности – внутренними и внешними. Внутренние источники ликвидности воплощены в определенных видах быстрореализуемых активов, в том числе и ценных бумагах, для которых имеется устойчивый рынок и которые являются надежным объектом помещения денег. Ликвидными ценными бумагами, по определению, являются те инвестиционные инструменты, которые характеризуются готовым рынком, относительно стабильной во времени ценой и высокой вероятностью возврата первоначально инвестированного капитала банка. Примером высоколиквидных ценных бумаг могут служить краткосрочные государственные бумаги, которые легко реализуются на денежном рынке [2, с. 148].

Риск досрочного отзыва ценных бумаг. Многие корпорации и некоторые органы власти, эмитирующие инвестиционные ценные бумаги, оставляют за собой право досрочного отзыва этих инструментов и их погашения. Такое погашение разрешается, если прошел минимально допустимый срок и если рыночная цена облигации не ниже её начальной курсовой стоимости. Банки обычно стараются минимизировать этот риск отзыва, приобретая облигации, отзыв которых не может быть произведен в течение нескольких лет, или просто избегая покупки ценных бумаг с возможностью отзыва [2, с. 151].

Деловой риск. Все банки сталкиваются со значительным риском того, что рыночная экономика, которую они обслуживают, может прийти в упадок со снижением объемов продаж, а также ростом банкротства и безработицы. Эти неблагоприятные явления именуется деловым риском. Они очень быстро отражаются на кредитном портфеле банка, где по мере роста финансовых затруднений заемщиков увеличивается объем невозвращенных займов. Поскольку вероятность делового риска достаточно высока, многие банки, чтобы компенсировать воздействие риска кредитного портфеля, в значительной мере опираются на свои профили ценных бумаг. Это связано с тем, что многие ценные бумаги, покупаемые банками, эмитированы заемщиками, находящимися за пределами их кредитного рынка. Таким образом, банк будет стремиться купить большее количество ценных бумаг других регионов [2, с. 153].

Анализ банковских систем различных стран свидетельствует о том, что параллельно с развитием универсализации усиливается тенденция к специализации деятельности коммерческих банков. В странах с развитой рыночной экономикой, в том числе и тех, которые имеют универсальную структуру кредитной системы, важное место (несмотря на некоторое снижение их числа) занимают специализированные банки. Из них наибольший интерес представляют инвестиционные банки и кредитные институты с особыми задачами, связанными с реализацией национальных интересов.

Различие основных моделей построения кредитно-банковских систем, как показывает изучение опыта международной практики, определяет особенности форм взаимосвязи промышленного и финансового капитала. При использовании американской модели удовлетворение потребностей промышленных компаний в капитале происходит преимущественно путем размещения ценных бумаг на финансовом рынке. Долгосрочные кредиты коммерческих банков играют менее важную роль в финансировании промышленных компаний. Участие коммерческих банков в собственности промышленных корпораций законодательно ограничено. Для германской модели характерно преобладание кредитного метода, при этом основным способом, обеспечивающим эффективное использование кредитных ресурсов, является установление банками непосредственного контроля над заемщиком путем значительного участия в собственности.

Основными тенденциями развития рынка инвестиционных услуг становится концентрация капитала и власти в инвестиционно-банковской сфере, стирание граней между коммерческими и инвестиционными банками. Сегодня банки стараются предоставлять как можно больше услуг своим клиентам в рамках инвестиционного банкинга. Рассмотрим один из видов предоставляемых услуг в рамках инвестиционного банкинга – корпоративное финансирование (таблица 1).

Таблица 1. – Организация корпоративного финансирования клиентов в Республике Беларусь за 2017–2019 годы

Период	2017	2018	2019	Темп роста, %	
				2018/2017	2019/2018
Количество клиентов	74	70	77	94,60	110,00
Общий объем эмиссии, млн руб.	3579,40	3276,90	3676,70	91,55	112,18

Источник: собственная разработка по данным [3].

На основании данных таблицы 1 можно сделать вывод, что за 3 года произошло увеличение обслуживаемых клиентов в рамках корпоративного финансирования в Республике Беларусь на 3 клиента. В 2018 году произошло снижение на 4 клиента, но в 2019 году их количество увеличилось на 7, т.е. по сравнению с 2017 годом произошло увеличение на 3 клиента (4,05%). Общий объем эмиссии за анализируемый период постоянно изменяется, снижаясь или увеличиваясь. Так, на 2018 год объем эмиссии снизился на

302,50 млн руб., или на 8,45%. В 2019 году по сравнению с 2018 годом общий объем эмиссии увеличился на 399,80 млн руб., или на 12,18%. Таким образом, корпоративное финансирование как одно из направлений инвестиционного банкинга в Республике Беларусь развивается, идет тенденция к увеличению обслуживаемых клиентов и, соответственно, увеличению суммы объема эмиссии.

В рамках инвестиционного банкинга банки Республики Беларусь осуществляют посредническую (брокерскую) и коммерческую (дилерскую) деятельность с ценными бумагами (таблица 2).

Таблица 2. – Посредническая и коммерческая деятельность банков в Республике Беларусь за 2017–2019 годы

Вид профессиональной деятельности по ценным бумагам	Объем сделок банков, млн руб.			Темп роста, %	
	2017	2018	2019	2018/2017	2019/2018
Количество брокеров	57	57	57	100,00	100,00
Посредническая (брокерская) деятельность	7573,38	8048,22	8724,19	106,27	108,40
Количество дилеров	57	58	58	101,75	100,00
Коммерческая (дилерская) деятельность	4906,36	5006,49	5497,64	102,04	109,81

Источник: собственная разработка по данным [3].

Посредническая и коммерческая деятельность банков в Республике Беларусь успешно развивается. Объем сделок по оказанию брокерских услуг растет. В 2018 году отмечается увеличение на 6,27%, в 2019 году – на 8,40% по сравнению с 2018 годом, т.е. за 3 года объем сделок банков по оказанию брокерских услуг увеличился на 14,67%. Количество брокеров за 3 года не изменялось. Объем сделок банков в рамках дилерской деятельности за 2017–2019 годы увеличился на 591,28 млн руб. В 2018 году отмечается увеличение на 2,04%, в 2019 году – еще на 9,81%, т.е. за анализируемый период объем сделок в рамках дилерской деятельности увеличился на 11,85%. Отмечается увеличение дилеров в 2018 году на 1.

К инвестиционной деятельности банков относится также и депозитарная деятельность. Наименования банков, осуществляющих депозитарную деятельность, а также количество обслуживаемых клиентов представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Депозитарная деятельность банков Республики Беларусь за 2017–2019 годы

Банки	Количество обслуживаемых клиентов			Абсолютное изменение, +/-		Относительное изменение, %	
	2017	2018	2019	2018/2017	2019/2018	2018/2017	2019/2018
ОАО «АСБ Беларусбанк»	424157	436694	456978	12537	20284	2,96	4,64
ОАО «Белагропромбанк»	150343	149026	148952	-1317	-74	-0,86	-0,05
ОАО «БПС-Сбербанк»	116345	115987	116000	-358	13	-0,31	0,01
ОАО «Белинвестбанк»	65894	65756	67892	-138	2136	-0,21	3,25
ОАО «Приорбанк»	1250	1321	1975	71	654	5,68	49,51
ЗАО «МТБанк»	477	460	492	-17	32	-3,56	6,96
ОАО «Банк БелВЭБ»	559	681	724	122	278	21,82	40,82
ОАО «Белгазпромбанк»	330	446	691	116	245	35,15	54,93
ОАО «Технобанк»	2913	3445	4189	532	744	18,26	21,60
ОАО «Банк Дабрабыт»	140	162	308	22	146	15,71	90,12
ЗАО «Альфа-Банк»	274	334	319	60	-15	21,90	-4,49
ЗАО «РРБ-Банк»	92	91	91	-1	0	-1,09	0,00
«Франсабанк» ОАО	29	25	27	-4	2	-13,79	8,00
ЗАО «Абсолютбанк»	69	33	31	-36	-2	-52,17	-6,06
Итого	762872	774461	798669	11589	24208	1,52	3,13

Источник: собственная разработка по данным [3].

По данным таблицы 3 можно сделать вывод, что количество обслуживаемых клиентов белорусскими банками в рамках депозитарной деятельности увеличивается. В 2018 году данный показатель увеличился на 1,52%, в 2019 – на 3,13%. Этому способствует значительное увеличение числа обслуживаемых клиентов в ОАО «АСБ Беларусбанк» как в 2018 году, так и в 2019. Так, число обслуживаемых клиентов увеличилось на 2,96% и 4,64% соответственно. Также значительного увеличения достиг ОАО «Приорбанк». В 2019 году число обслуживаемых клиентов в рамках депозитарной деятельности увеличилось по сравнению с 2018 годом на 43,38 п. п. К банкам, у которых снижаются показатели по данному виду услуг, можно отнести ОАО «Белагропромбанк», ЗАО «Альфа-Банк», ЗАО «Абсолютбанк». У данных банков в 2019 году количество обслуживаемых клиентов за анализируемый период снизилось на 1393, 45 и 38 клиентов соответственно.

Одним из важнейших направлений инвестиционного банкинга выступает доверительное управление денежными средствами. Доверительными управляющими среди белорусских банков являются [37]: ОАО «АСБ Беларусбанк», ЗАО «Альфа-Банк», ОАО «Приорбанк», ОАО «БПС-Сбербанк», ОАО «БанкБелВЭБ», ОАО «Белгазпромбанк», ОАО «Паритетбанк». На рисунке 1 проиллюстрирован объем денежных средств, находящихся у банков в доверительном управлении.

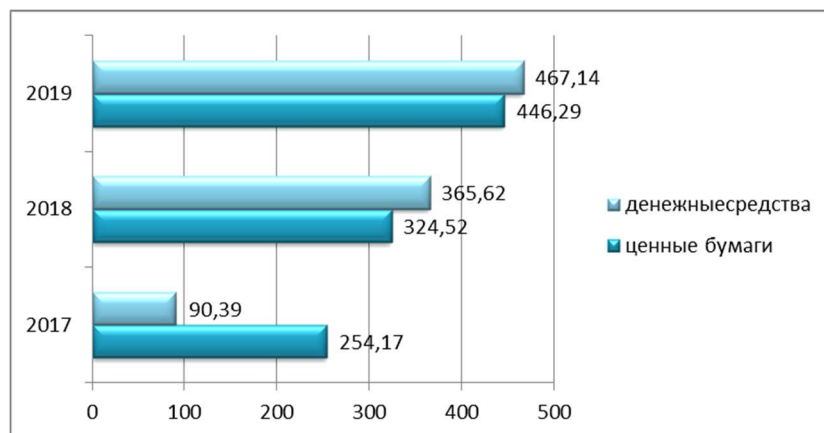


Рисунок 1. – Объем ценных бумаг и денежных средств, переданных в доверительное управление в 2017–2019 гг., млн руб.

Как видим, на конец 2017 года объем денежных средств, отображенных на рисунке 1 составил 90,39 млн руб., на конец 2018 – 365,62 млн руб., на конец 2019 года – 467,14.

Инвестирование денежных средств, переданных в доверительное управление, происходит в основном в ценные бумаги – 70%; вклады (депозиты) – 30%.

В Республике Беларусь производные финансовые инструменты обращаются на биржевом рынке в Секции срочного рынка Белорусской валютно-фондовой биржи [4]. В данном сегменте совершаются операции с фьючерсами на курс RUB, USD, EUR, EUR/USD. По состоянию на 01.04.2019 г. членами Секции срочного рынка являлись 27 юридических лиц, из них 21 банк и 6 иных профессиональных участников.

На внебиржевом рынке в 2017 – 2019 годах в составе инвестиционно-банковских услуг банки осуществляли для клиентов сделки с производными финансовыми инструментами на неорганизованном рынке. Это форвардные сделки на продажу и конверсию валюты, сделки «совп» с драгоценными металлами и иностранной валютой. Объем сделок с производными финансовыми инструментами (далее – ПФИ), а также количество сделок представим в таблице 4.

Таблица 4. – Торговля производными финансовыми инструментами (форвардами) на внебиржевом рынке в 2017–2019 годах

Показатель	Период			Темп роста, %	
	2017	2018	2019	2018/2017	2019/2018
Количество сделок	453	468	496	103,31	105,98
Объем сделок с ПФИ на неорганизованном рынке, млн руб.	1612,65	1676,63	1729,48	103,97	103,15

Источник: собственная разработка по данным [3].

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что количество сделок с ПФИ постоянно увеличивается. Так, в 2018 году произошло увеличение на 3,31%, в 2019 – на 5,98%. Следовательно, растет и объем сделок с ПФИ. В 2019 году объем сделок с производными финансовыми инструментами на неорганизованном рынке увеличился на 63,98 млн руб. (3,97%), в 2019 – на 52,85 млн руб. (3,15%). В 2019 году произошло незначительное (на 0,82 п. п.) замедление темпа роста.

Рассмотрим чистые доходы банков от операций с производными финансовыми инструментами и представим в таблице 5.

Доходы банков Республики Беларусь от совершаемых операций с производными финансовыми инструментами за 3 года значительно возросли – на 99114,73 тыс. руб. Если в 2017 году большинство банков получало убытки от операций с ПФИ, то уже в 2019 году таких банков осталось несколько, и их объемы сделок с ПФИ являются незначительными по сравнению с другими банками.

Таблица 5. – Чистые доходы банков от операций с производными финансовыми инструментами за 2017–2019 годы, тыс. руб.

Банки	Количество обслуживаемых клиентов			Абсолютное изменение, +/-		Относительное изменение, %	
	2017	2018	2019	2018/2017	2019/2018	2018/2017	2019/2018
ОАО «АСБ Беларусбанк»	-134,04	-3317,95	232,00	-3183,91	3085,95	-2375,34	93,01
ОАО «Белагропромбанк»	3672,17	1912,42	2523,00	-1759,75	610,58	-47,92	31,93
ОАО «Банк-Дабрабыт»	1253,97	595,58	3042,00	-658,39	2446,42	-52,50	410,76
ОАО «Паритетбанк»	7,75	0,00	140,00	-7,75	140,00	-100,00	100,00
ОАО «БПС-Сбербанк»	-35906,41	33736,03	37825,00	69642,44	4088,97	193,96	12,12
ОАО «Белгазпромбанк»	-45,42	-8939,04	3288,00	-8893,62	12227,04	-19580,85	136,78
ОАО «Банк БелВЭБ»	-157,30	-79,20	3081,00	78,13	3160,20	49,67	3989,90
«Приорбанк» ОАО	-4713,45	5017,06	571,00	9730,51	-4446,06	206,44	-88,62
ЗАО «Альфа-Банк»	-1244,00	15351,07	4172,00	16595,07	-11179,07	1334,01	-72,82
ЗАО «Банк ВТБ»	-5968,52	-2944,13	1006,00	3024,39	3950,13	50,67	134,17
ЗАО «МТБанк»	-139,57	311,52	-147,00	451,09	-164,52	232,20	-52,81
ОАО «Технобанк»	-29,91	-8,45	-23,00	21,46	-14,55	71,75	-172,19
Итого	-43404,73	41634,91	55710,00	85039,64	14075,09	195,92	33,81

Источник: собственная разработка по данным [3].

В 2018 годы доходы от операций с ПФИ увеличились у всех рассматриваемых банков, кроме ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Белгазпромбанк» и ОАО «Паритетбанк». ОАО «АСБ Беларусбанк» еще больше увеличил свои убытки, как и ОАО «АСБ Беларусбанк», а ОАО «Паритетбанк» не получил в 2018 году ни прибыли, ни убытков от операций с ПФИ. Значительного увеличения достигли доходы по операциям с ПФИ, в частности ОАО «БПС-Сбербанк» – на 193,96% по сравнению с 2017 годом. Также значительных успехов в области работы с ПФИ в 2018 году достиг и ЗАО «Альфа-Банк» – его доходы увеличились на 1334,01%.

По итогам 2019 года наблюдается положительная тенденция. Многие банки еще больше увеличили свои доходы, а многие банки перестали получать убыток по операциям с ПФИ и начали получать прибыль. Впервые за 3 года прибыль начал получать ОАО «АСБ Беларусбанк». Еще больше прибыли от операций с ПФИ получил ОАО «БПС-Сбербанк», несмотря на и так большой объем прибыли в 2018 году и ее резкий рост.

В целом, можно сказать, что практика использования ПФИ банками в своей деятельности с каждым годом набирает обороты. Представляется, что в скором времени это будет весомой частью осуществления деятельности каждого банка. Однако в Республике Беларусь еще имеет место неразвитость рынка ПФИ, которая в определенной мере объясняется недостаточным развитием иных финансовых институтов и, как следствие, отсутствием предложения их услуг субъектам экономики. Кроме того, к проблемам белорусского рынка ПФИ следует отнести слабую инфраструктуру фондовой торговли и низкую информированность участников рынка. В этой ситуации значительную роль играет низкий уровень инвестиционной культуры юридических и физических лиц, которые еще не готовы выступать инвесторами и становиться кредиторами на финансовом рынке. Недостаточная информированность и незнание данного рынка «отпугивает» субъектов хозяйствования от использования такого финансового инструмента, как производные ценные бумаги. Отсутствие официальной статистики по объемам, составу и структуре внебиржевого рынка производных инструментов создает определенные трудности в его регулировании. Низкая ликвидность других составных частей финансового рынка препятствует расширению спектра заключаемых сделок и привлечению иностранных инвестиций в реальный сектор экономики Республики Беларусь.

В рамках инвестиционного банкинга банки и другие участники рынка ценных бумаг осуществляют выпуск ценных бумаг и совершают сделки с ценными бумагами. Без ценных бумаг невозможно было бы осуществить брокерскую и дилерскую деятельность банков, корпоративное финансирование, которые являются составными частями инвестиционного банкинга. Следовательно, возникает необходимость анализа развития рынка ценных бумаг в Республике Беларусь.

Одним из видов ценных бумаг, с которыми совершаются операции, служат акции. Количество эмитентов и выпусков акций представлено в таблице 6.

Таблица 6. – Количество эмитентов и выпусков акций на дату

Ак-ции	Количество эмитентов, шт.		Абсолютное изменение, +/-	Относительное изменение, %	Количество выпусков, шт.		Абсолютное изменение, +/-	Относительное изменение, %
	01.01.2018	01.01.2019			01.01.2018	01.01.2019		
ОАО	2392	2338	-54	-2,26	2429	2374	-55	-2,26
ЗАО	2160	2073	-87	-4,03	2195	2108	-87	-3,96
Итого	4552	4411	-141	-3,10	4624	4482	-142	-3,07

Примечание: собственная разработка по данным [5].

Как видим из данных таблицы 6, количество эмитентов акций за 2018 г. снизилось: количество эмитентов ОАО снизилось на 2,26%, количество эмитентов ЗАО – на 4,03%. Наибольший удельный вес в структуре эмитентов акций занимают открытые акционерные общества, соответственно, они выпускают больше акций. Однако и у тех, и у других снижается объем эмиссии: ОАО снизили количество выпусков акций на 2,26%, ЗАО – на 3,96%.

Вызывает интерес объем выпущенных акций в 2017 – 2018 годах в стоимостном выражении (таблица 7).

Таблица 7. – Объем выпусков акций, находящихся в обращении на дату, в стоимостном выражении

Акции организаций	Объем выпусков, тыс. руб.		Темп роста, %
	01.01.2018	01.01.2019	
ОАО	29589182,82	29421321,85	99,43
ЗАО	3073275,13	3288356,27	107,00
Итого	32662457,96	32709678,12	100,14

Источник: собственная разработка по данным [5].

Данные таблицы 7 свидетельствуют о том, что объем выпусков акций в 2018 году увеличился на 47220,16 тыс. руб., или на 0,14%. Несмотря на незначительное снижение объема выпуска акций на 0,57%, общий объем выпуска акций увеличился. Этому способствовало увеличение объема выпуска акций ЗАО на 215081,71 тыс. руб., что составило увеличение на 7,00%.

Далее (таблица 8) рассмотрим, в каких объемах совершались сделки с акциями в Республике Беларусь в 2017–2018 годах.

Таблица 8. – Динамика состава и структуры объема сделок с акциями в Республике Беларусь за 2017–2018 годы

Акции	Объем сделок, тыс. руб.				Темп роста, %
	2017	уд. вес, %	2018	уд. вес, %	
Купля-продажа, в том числе:	413447,82	48,01	471050,10	65,60	113,93
- акции ОАО	202570,92	49,00	111889,80	23,75	55,23
- акции ЗАО	210876,90	51,00	359150,30	76,25	170,31
Иные операции с акциями	447690,23	51,99	246962,10	34,40	55,16
Итого:	861138,05	100,00	718012,20	100,00	83,38

Источник: собственная разработка по данным [5].

Объем сделок с акциями в 2018 году уменьшился на 16,62%, несмотря на то, что купля-продажа акций в 2018 году повысилась на 13,93%. Снижению объема сделок с акциями способствовало снижение иных операций с акциями практически в два раза. Увеличению (на 70,31%) объема купли-продажи акций способствовал значительный рост купли-продажи акций закрытых акционерных обществ. Объем купли-продажи акций открытых акционерных обществ снизился на 44,77%.

В структуре объема сделок с акциями наибольший удельный вес в 2017 году занимали иные операции с акциями, однако их превышение над куплей-продажей акций было невелико. В структуре купли-продажи акций отмечалось примерное равенство между куплей-продажей акции ОАО и куплей-продажей акций ЗАО. В 2018 году произошли существенные изменения. Здесь значительную долю в структуре объема сделок с акциями заняла купля-продажа акций, увеличившись по сравнению с 2017 годом на 17,49 п. п. В структуре купли-продажи акций также произошли некоторые изменения. Объем сделок с акциями ЗАО значительно возрос и уже прочно стал занимать лидирующие позиции по объемам совершаемых сделок по сравнению с акциями ОАО.

Одним из видов ценных бумаг, с которыми осуществляются операции в рамках инвестиционного банкинга, являются облигации, поэтому возникает необходимость рассмотреть количество эмитентов облигаций, количество выпусков облигаций, а также объем совершаемых сделок с облигациями.

В таблице 9 рассмотрим количество эмитентов и количество выпусков акций в Республике Беларусь за 2017–2018 годы.

Таблица 9. – Количество эмитентов и выпусков облигаций в Республике Беларусь за 2017–2018 годы

Облигации	Количество эмитентов, шт.		Темп роста, %	Количество выпусков, шт.		Темп роста, %
	01.01.2018	01.01.2019		01.01.2018	01.01.2019	
Облигации местных займов	66	67	101,52	174	177	101,72
Облигации банков	23	23	100,00	151	171	113,25
Облигации предприятий	158	183	115,82	426	546	128,17
Итого	247	273	110,53	751	894	119,04

Источник: собственная разработка по данным [5].

Видим, что количество эмитентов облигаций увеличивается, причем в основном увеличению способствует увеличение количества эмитентов-предприятий облигаций, их количество в 2018 году возросло на 15,82%. Количество эмитентов-банков облигаций в 2018 году относительно 2017 года не изменилось – их осталось 23. Количество выпусков в 2018 году также увеличилось. Существенного увеличения (28,17%) достиг объем выпуска облигаций предприятий. Объем выпущенных банками облигаций увеличился на 13,25%. В целом объем выпущенных облигаций повысился на 19,04%.

Далее (таблица 10) рассмотрим, какой объем облигаций был выпущен в Республике Беларусь в стоимостном выражении в 2017–2018 годах.

Таблица 10. – Объем выпусков облигаций, находящихся в обращении на дату

Облигации	Объем выпусков, тыс. руб.				Темп роста, %
	01.01.2018	уд. вес, %	01.01.2019	уд. вес, %	
Государственные ценные бумаги	9629915,53	30,02	8887207,66	29,07	92,29
Облигации Национального банка	4828696,77	15,05	2254067,56	7,37	46,71
Облигации местных займов	3770307,60	11,75	3427602,00	11,21	90,91
Облигации банков	7548832,47	23,53	8494522,16	27,78	112,53
Облигации предприятий	6304465,35	19,65	7511707,65	24,57	119,15
Итого	32082217,73	100,00	30575107,03	100,00	95,30

Источник: собственная разработка по данным [5].

Исходя из данных таблицы 10, можно сделать вывод – объем выпусков облигаций в 2018 году снизился по сравнению с 2017 годом на 4,7%. Снижение (на 53,29%) вызвано в основном уменьшением количества выпускаемых облигаций Национального банка. Также на 7,71% снизились объемы выпускаемых государственных ценных бумаг и на 9,09% облигаций местных займов. Увеличили объемы выпускаемых облигаций банки и предприятия на 12,53% и 19,15% соответственно.

В структуре выпущенных облигаций наибольшая доля принадлежит государственным ценным бумагам, облигациям банков и предприятий. В 2018 году здесь также произошли некоторые изменения. Так, увеличилась доля облигаций предприятий на 4,92 п. п., более чем в два раза уменьшилась доля облигаций Национального банка в общем объеме выпущенных облигаций в 2018 году (7,68 п. п.).

В таблице 11 приведены места, занимаемые банками Республики Беларусь среди участников биржевого рынка Центрального банка за период с 01.01.2020 по 31.05.2020.

Таблица 11. – Рейтинг банков Республики Беларусь по количеству и объему сделок, совершаемых на рынке ценных бумаг

Наименование участника	Рейтинг по количеству сделок	Наименование участника	Рейтинг по сумме сделок
ОАО «АСБ Беларусбанк»	2	ОАО «Банк развития Республики Беларусь»	1
ОАО «Паритетбанк»	3	ОАО «АСБ Беларусбанк»	2
ЗАО «МТБанк»	7	ОАО «Паритетбанк»	3
ЗАО «БСБ Банк»	8	ОАО «Белинвестбанк»	4
ОАО «Банк развития Республики Беларусь»	9	ОАО «Белагропромбанк»	5
ОАО «Белинвестбанк»	10	ЗАО «МТБанк»	7
ОАО «Банк БелВЭБ»	12	ОАО «Приорбанк»	8
ОАО «Белагропромбанк»	14	ЗАО «БСБ Банк»	9
ЗАО «ТК Банк»	15	ОАО «СтатусБанк»	10
ОАО «Банк Дабрабыт»	16	ОАО «Банк БелВЭБ»	11
ОАО «БПС-Сбербанк»	19	ОАО «БПС-Сбербанк»	13
ЗАО «Банк «Решение»	23	ЗАО «БТА Банк»	14
ОАО «Белгазпромбанк»	24	ОАО «Белгазпромбанк»	15
ОАО «Технобанк»	26	ОАО «Технобанк»	16
ОАО «СтатусБанк»	28	ЗАО «РРБ-Банк»	17
ЗАО «Альфа-Банк»	30	ЗАО «Банк «Решение»	18
ОАО «Франсабанк»	36	ЗАО «Абсолютбанк»	19
ЗАО «БТА Банк»	36	ОАО «Банк Дабрабыт»	20
ЗАО Банк ВТБ	40	ОАО «Франсабанк»	23
ЗАО «Абсолютбанк»	41	ЗАО «Альфа-Банк»	24
ОАО «БНБ-Банк»	44	ЗАО «ТК Банк»	26
ЗАО «Цептер Банк»	47	ОАО «БНБ-Банк»	28
ЗАО «Идея Банк»	48	ЗАО «Цептер Банк»	30

Источник: собственная разработка по данным [5].

Можно сделать вывод, что лидером среди белорусских банков по количеству совершаемых сделок является ОАО «АСБ Беларусбанк», а по сумме сделок – ОАО «Банк развития Республики Беларусь». Также среди лидеров как по количеству совершаемых сделок, так и по их объему являются ОАО «Паритетбанк», ЗАО «МТБанк», ОАО «Белинвестбанк».

Заключение. Среди основных факторов, замедляющих развитие инвестиционного банкинга, отмечается малая заинтересованность белорусских инвесторов в размещении своих средств на внутреннем рынке ценных бумаг. Это обусловлено ограниченным предложением со стороны отечественных эмитентов ценных бумаг с высокой ликвидностью. Можно сказать, что *перспективными задачами инвестиционного банкинга в Беларуси* выступают расширение участия банков в инвестиционном посредничестве и инвестиционном консалтинге.

Следует отметить, что инвестиционный банкинг обеспечивает банкам более высокие по сравнению с традиционными банковскими операциями прибыли, которые образуются за счет постоянного внедрения инноваций в эту сферу деятельности и ее распространения на новые сегменты, где возможно достижение конкурентных преимуществ. Сейчас таким сегментом служит сектор малых и средних предприятий, которые заинтересованы в получении дешевого финансирования с открытого рынка. Представители этого сектора всегда относились к традиционным партнерам банков в части кредитной деятельности. Отвечая на их новые запросы, банки во всех странах активизируют деятельность по организации, сопровождению и поддержке эмиссий ценных бумаг этой группой предприятий, расширяя тем самым сферу своей деятельности. Однако и в инвестиционном банкинге конкуренция за клиентов становится все более жесткой, а затраты на совершенствование его информационной инфраструктуры и подготовку кадров постоянно возрастают. Для того чтобы они окупались, необходимо постоянно расширять масштабы операций инвестиционного банкинга, чем большинство банков успешно и занимается в последние годы, полагая, что этот вид деятельности – будущее банковского бизнеса.

В целях активизации процессов развития рынка производных финансовых инструментов (срочного рынка), его полноценной инфраструктуры и инструментария в соответствии с международными тенденциями видится целесообразным выделить меры, ориентированные на стимулирование развития института хеджирования валютных рисков посредством оптимизации срочного рынка как составляющего финансового рынка; совершенствования налогообложения операций хеджирования; повышение уровня финансовой грамотности и осведомленности о возможностях рынка ПФИ среди участников срочного рынка.

Инвестиционный банкинг обеспечивает банкам более высокие по сравнению с традиционными банковскими операциями прибыли, которые образуются за счет постоянного внедрения инноваций в эту сферу деятельности и ее распространения на новые сегменты, где возможно достижение конкурентных преимуществ. Сейчас таким сегментом является оказание услуг по проведению операций с финансовыми инструментами срочных сделок на организованном и неорганизованном рынках, осуществляемое в рамках хеджирования валютного риска предприятиями экспортерами-импортерами. Банкам надлежит активизировать работу по предоставлению клиентам услуг инвестиционного банкинга, в том числе по хеджированию валютных рисков путем осуществления сделок с производными финансовыми инструментами в торговой системе ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа» и на внебиржевом рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пупликов, С.И. Фондовый рынок: операции с ценными бумагами / С.И. Пупликов. – 3-е изд. – Минск : МНУ, 2012. – 271 с.
2. Яковец, Ю.В. Инвестиционный бизнес : учеб. пособие / Ю.В. Яковец. – М. : РАГС, 2015. – 342 с.
3. Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/>. – Дата доступа: 20.10.2019.
4. Официальный сайт белорусской валютно-фондовой биржи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcse.by/>. – Дата доступа: 20.10.2019.
5. Официальный сайт Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minfin.gov.by/ru/securities_department/reports/. – Дата доступа: 24.04.2020.

Поступила 23.10.2019

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF INVESTMENT BANKING IN THE REPUBLIC OF BELARUS

I. STROGANOVA, V. RUDAK

There is no single definition of the term "investment banking" in the modern economic literature and Belarusian legislation. The article considers the essence of investment banking and its role in the formation of the financial market. As a result of theoretical research, the author's definition of the concept of "investment banking" is proposed. We study the main passive and active investment strategies of a commercial Bank. Based on the analysis of the current state of investment banking in the Republic of Belarus, development of the derivatives market in the Republic of Belarus the article shows the main factors slowing the development of investment banking and the main directions of further development of investment banking in the Republic of Belarus.

Keywords: *depository activities, investment banking, derivative, financial instruments, hedging, stock.*

УДК 336.221:004.78

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

д-р экон. наук, проф. Е.Ф. КИРЕЕВА, Я.В. ВАНКЕВИЧ
(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Рассмотрены направления развития электронных услуг в деятельности налоговых органов Республики Беларусь. Изучен зарубежный опыт организации электронных сервисов налоговых органов, основными характеристиками которого являются повышение прозрачности оказываемых услуг, доступности и удобства пользования благодаря использованию ИКТ и сети Интернет, выработка схожих моделей оказания электронных услуг налоговыми органами, независимость от специфики страны, изменение общественного представления о роли фискальной политики и налоговых органов в национальной экономике. Проведен анализ организации электронного декларирования налоговыми органами Республики Беларусь. Выявлены проблемы электронного декларирования. Обоснованы перспективы расширения сферы электронных услуг налоговых органов в Республике Беларусь, к которым отнесены: создание программного продукта, позволяющего фиксировать разные виды доходов, получаемых физическим лицом, и понесенные им расходы; расширение перечня подготавливаемых электронных документов; взаимодействие с разработчиками бухгалтерских программ в целях предоставления информации из бухгалтерских программ.

Ключевые слова: *налоговое декларирование, электронные услуги, фискальная политика, электронные документы, налоговые органы Республики Беларусь.*

Введение. Успешная работа современного бизнеса связана с применением цифровых технологий. С их помощью появляется реальная возможность существенно сократить затраты времени на осуществление многих процедур и во многом упростить отношения между субъектами хозяйствования и органами государственного управления.

Целью статьи является определение направлений развития электронных услуг в деятельности налоговых органов в Республике Беларусь, что обусловило решение следующих задач: изучение зарубежного опыта организации электронных сервисов налоговых органов и возможностей его использования в отечественной практике; определение особенностей организации электронного декларирования налоговыми органами Республики Беларусь и выявление перспектив расширения сферы электронных услуг белорусских налоговых органов.

В исследовании использовались методы компаративного анализа и синтеза, а также иные методы.

Основная часть. Изучение зарубежного опыта развития электронных сервисов в деятельности налоговых служб позволяет сделать вывод об их широком распространении, а также о большом количестве разработанных приложений, используемых налоговыми органами и плательщиками. Например, сайт Службы внутренних доходов США (IRS) содержит много полезной информации для налогоплательщиков, транслируемой в том числе через различные интернет-ресурсы (Youtube, Twitter и пр.), чтобы учесть интересы всех целевых аудиторий. Учитывая непростой официальный язык документов государственных органов, в поисках общего языка с налогоплательщиками IRS на своем сайте предлагает таблицу, в левой колонке которой дается текст письма налогового органа, содержащего какое-то требование к налогоплательщику, а в правой колонке – пояснение, в чем суть этого требования, на понятном для обычного налогоплательщика языке. Сайт налоговой службы Испании (Agencia Tributaria) на главной странице содержит опцию «Быстрый доступ» с перечислением всех функций сайта и гиперссылками на них: календарь налогоплательщика, статистика и практические руководства. Для формирования позитивного отношения налогоплательщиков к налоговой службе в Венгрии специально создаются иллюстрации, плакаты и даже короткометражные фильмы, которые размещаются на сайте. Здесь есть даже компьютерные игры для детей, тематически связанные с налогами, через которые налоговые органы выполняют воспитательную функцию [1]. На сайте налоговой службы Венгрии размещен Кодекс этики служащего налогового органа, в который входит более 100 статей с правилами поведения сотрудников на работе и в быту. Этот кодекс стал примером для разработки подобного Кодекса этики налогового инспектора в Российской Федерации и Кодекса профессиональной этики налогового консультанта в Республике Беларусь.

Эффективной платформой электронного правительства является электронный сервис Министерства финансов Австрии Finanz Online. Он позволяет плательщикам подавать декларации в форме электронного документа 24 часа в сутки, заказывать и получать в течение нескольких дней электронные налоговые извещения, уплачивать налог на добавленную стоимость, подоходный налог или налог на прибыль.

На сайте налоговой администрации Дании имеется онлайн-сервис TastSelv, для пользования которым необходимо получить TastSelv-код. Сервис позволяет подавать налоговые декларации в форме электронного документа, делать предварительный и окончательный расчеты налоговых обязательств, изменять свой код доступа. В стране также реализован проект eIncome initiative (электронный доход), в рамках которого создана база, содержащая полную информацию обо всех доходах каждого физического лица.

На сайте налоговой администрации Ирландии имеется два электронных сервиса – Revenue On-Line Service и PAYE Anytime. Revenue On-Line Service (онлайн-сервис службы доходов) – сервисы, предоставляющие плательщикам постоянный доступ к их личным счетам, возможность подать декларации в форме электронного документа и уплатить налоги.

На сайте налоговой администрации Италии есть раздел «Онлайн услуги», который содержит четыре группы электронных услуг для плательщиков: услуги, доступные без регистрации; услуги, доступные при условии регистрации (сервисы «Fisconline» и «Entratel», позволяющие исполнить основные налоговые обязательства в электронном виде: подать декларации, совершить уплату налогов, оформить аренду и т.д.); услуги организациям для электронного сотрудничества (доступны после подписания специального соглашения с налоговыми органами на оказание специализированных услуг информационного взаимодействия: предоставление консультаций в режиме онлайн, обмена информацией между информационными системами и т.п.); «Электронные услуги по НДС» – новый сервис Службы доходов Италии для поставщиков-нерезидентов ЕС, которые осуществляют сделки с покупателями, проживающими в странах ЕС, посредством электронных средств связи.

Во Франции активно ведется борьба с неплательщиками налогов, формируется соответствующее общественное мнение. На сайте французской налоговой службы (www.impots.gouv.fr) очень популярна рубрика «Подходный налог: ваши 5 наиболее часто задаваемых вопросов».

Таким образом, проведенный анализ зарубежного опыта организации электронных сервисов в деятельности налоговых служб позволяет констатировать следующее:

- расширение использования Интернета и информационно-коммуникативных технологий в деятельности налоговых органов всех стран приводит к повышению прозрачности их услуг, доступности и удобства пользования,

- в условиях глобализации вырабатываются схожие модели оказания электронных услуг налоговыми органами, независимо от национальной специфики страны,

- изменяется общественное представление о роли фискальной политики и налоговых органов в национальной экономике – от нигилизма к осознанию необходимости уплаты налога как неотъемлемой части своего гражданского долга, повышается финансовая грамотность населения, охват в качестве целевых аудиторий не только взрослого населения, но и детей способствует формированию общественного мнения и позитивного отношения к фискальной политике и налоговым органам в стране, созданию реальных возможностей для эффективного взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов.

В Республике Беларусь уделяется большое внимание развитию электронных услуг государственных органов. Закон Республики Беларусь от 28.12.2009 № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» устанавливает правовые основы применения электронных документов, условия использования электронной цифровой подписи. Налоговая служба Республики Беларусь начала предоставлять электронные сервисы в 2009 году с внедрением системы электронного декларирования. С тех пор спектр электронных услуг значительно расширился и стал доступен не только субъектам хозяйствования, но и физическим лицам. Сегодня в сети Интернет Министерство по налогам и сборам (МНС) представлено рядом сайтов и порталов (сайт <http://www.nalog.gov.by/>; портал <http://www.portal.nalog.gov.by/>; портал электронных счетов-фактур <http://vat.gov.by/mainPage/>; канал МНС на популярном видеохостинге YouTube) [2].

На главной странице официального сайта МНС в разделе «Электронные сервисы» представлен достаточно широкий перечень электронных сервисов:

- e-НДС;
- личный прием;
- государственный реестр плательщиков;
- реестр коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей с повышенным риском совершения нарушений в экономической сфере;
- системы контроля торговых автоматов;
- налоговый калькулятор;
- нормативные и методические материалы налоговых органов для организаций и индивидуальных предпринимателей;
- мобильные приложения (например, подача заявки на получение документов ИМНС);
- запись на личный прием к руководству инспекций и просмотр личной истории записи;
- получение извещений ИМНС на уплату земельного налога и (или) налога на недвижимость;
- получение информации ИМНС по объектам налогообложения, др.;

- сведения о задолженности по налоговым платежам в бюджет;
- базы данных контролирующих органов;
- заявка на доступ к личному кабинету;
- поиск заявления в базе данных МНС Республики Беларусь (ЕАЭС);
- сервис для поиска информации о ставках;
- предоставление заявлений в электронном виде на лицензию по игорному бизнесу;
- налогообложение физических лиц и ответы на актуальные вопросы налогоплательщиков;
- проверка электронного сертификата налогового резидента, выданного в Республике Беларусь;
- электронные сервисы сторонних организаций;
- форма электронного обмена документами, электронными накладными, между организациями через EDI-систему ТОРВУ, др. [3].

Кроме данных электронных сервисов на сайте Министерства по налогам и сборам предусмотрена услуга «Личный кабинет плательщика» в виде ссылок на «Личный кабинет юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и «Личный кабинет плательщика для физического лица», где пользователям предоставлен широкий перечень услуг и актуальная информация [4]. Государственные органы переходят на организацию работы по принципу «электронного правительства», которая подразумевает взаимодействие с гражданами и организациями с использованием Интернет-технологий.

В мире с каждым годом увеличивается число граждан и организаций, представляющих декларации в налоговые органы в электронном виде. Система представления налоговых деклараций с использованием Интернет-технологий развивается в США, Австралии, Франции, Бельгии, Люксембурге, Литве, Эстонии и других государствах. В некоторых из них до 75% граждан представляют налоговые декларации в электронном виде. Результатами перехода к налоговой онлайн-системе являются:

- уменьшение затрат времени на подготовку и предоставление налоговой отчетности, улучшение контроля правильности ее заполнения;
- оперативное обновление форматов представления отчетности в случае изменения форм бухгалтерской отчетности и налоговых деклараций;
- возможность оперативного контроля выполнения налоговых обязательств.

В Республике Беларусь организована система электронного декларирования, с 2009 г. – подача налоговой декларации по электронной почте, с 2011 г. функционирует система учета налогов с использованием электронных документов плательщиков. Для работы с системой электронного декларирования плательщикам необходимо выполнить ряд процедур: регистрация, установка программного обеспечения (АРМ – «Плательщик») [5], что позволяет сократить время подготовки и подачи налоговых деклараций для плательщиков и время, затрачиваемое налоговыми органами на администрирование налогов; минимизировать влияние человеческого фактора на качество предоставляемой информации, повысить уровень ее защиты. Это формирует основу для более качественной и углубленной аналитики налоговой информации с использованием электронных методов ее обработки. С 2013 г. функционирует персональный кабинет плательщика [6; 7]. Кроме того, подключившиеся к системе электронного декларирования, получают возможность отправлять отчеты в «Белгосстрах», а также в органы государственной статистики, организации электронного взаимодействия с Министерством юстиции Республики Беларусь [8].

В настоящий момент электронное декларирование становится, как свидетельствуют данные (таблица 1), наиболее распространенным способом коммуникации с государственными органами.

Таблица 1. – Динамика абонентов системы электронного декларирования по г. Минску, 2011–2018 гг.

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество абонентов, из них:	17 000	19 333	33 786	52 043	73 000	88 700	93 367	97 241
Организации, ед.	10743	12 559	23 952	34 192	39 000	41 500	44 567	45 828
Доля организаций, %	63,19	64,96	70,89	65,70	53,42	46,79	47,73	47,13
Индивидуальные предприниматели, ед.	6 257	6 774	9 834	17 851	34 000	47 200	48 800	51 413
Доля ИП, %	36,81	35,04	29,11	34,30	46,58	53,21	52,27	52,87

Источник: собственная разработка на основе [9].

Анализ данных таблицы 1 позволяет сделать выводы о том, что в исследуемый период количество абонентов национальной системы электронного декларирования возросло в 5,7 раз, что составило 81,6% от общего числа плательщиков, зарегистрированных в инспекциях столицы. Наиболее активно прирастало количество индивидуальных предпринимателей в качестве пользователей данного сервиса.

Сравнение данных с динамикой удельного веса населения и организаций, использующих ИКТ в Республике Беларусь показывает (таблица 2), что число абонентов системы электронного декларирования прирастало за этот период более активно, что свидетельствует о расширении предоставления данной услуги среди населения.

Таблица 2. – Динамика использования информационно-коммуникативных технологий населением и организациями Республики Беларусь, 2013–2018 гг.

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Удельный вес населения, использующего сеть Интернет, в общей численности населения, %	58,4	63,6	67,3	71,1	74,4	79,1
Удельный вес населения, использующего сеть Интернет для осуществления финансовых операций (для оплаты товаров, услуг, перевода денег и так далее), в общей численности населения, %	7,3	11,2	16,1	21,0	26,7	32,2
Удельный вес организаций, использующих стационарный доступ в сеть Интернет, в общем числе обследованных организаций, %	84,6	86,6	88,6	89,4	...	96,7

Источник: составлено на основе [10, с. 23].

Также правомерно отметить более высокую готовность сектора финансовых услуг страны к работе в новых условиях, поскольку в сфере финансовой и страховой деятельности Беларуси намного выше удельный вес организаций, использующих максимальные скорости передачи данных через Интернет (рисунок 1).

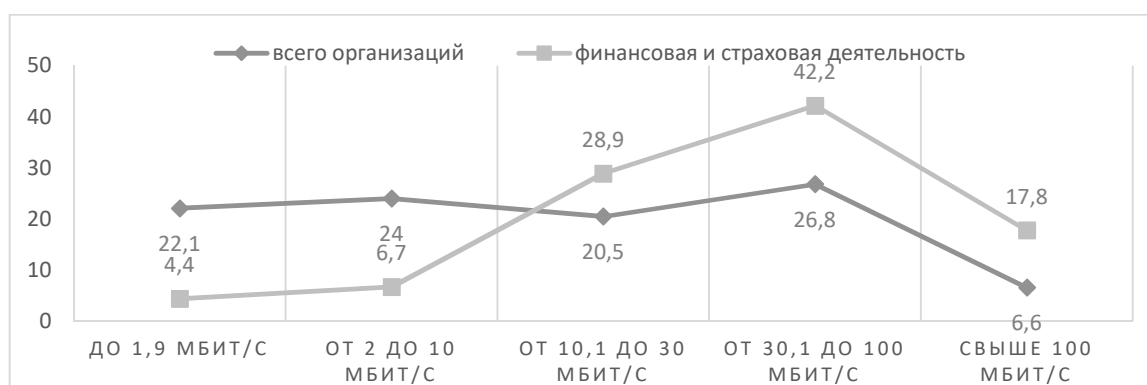


Рисунок 1. – Удельный вес организаций по максимальной скорости передачи данных через Интернет, в % к общему числу организаций, имеющих доступ к сети Интернет, в 2018 г.

Источник: составлено на основе [10, с. 70].

Причем для предоставления государственной статистической отчетности, налоговых, таможенных и других документов 96,8% организаций Республики Беларусь использовали в 2018 г. Интернет [10, с. 77].

Опыт показывает, что система электронного декларирования приносит ощутимые преимущества для всех участников (субъектов хозяйствования, физических лиц и налоговых органов). С точки зрения государства, создание и совершенствование электронных сервисов выводит органы государственного управления на качественно новый уровень взаимодействия с плательщиками. С позиции налоговой службы происходит оптимизация трудовых и временных ресурсов, заметно повышается эффективность анализа и возможности контроля. Плательщику в числе бонусов дается возможность упростить проведение наиболее востребованных административных процедур, выполнять налоговые обязательства быстро и просто, уверенно работать, не опасаясь вмешательства контролирующих органов извне.

В настоящее время Республика Беларусь переживает этап расширения сервиса государственных электронных услуг. Вместе с тем, в данном процессе специалисты [11–14] выделяют ряд проблем:

1. Наличие устаревшего программного обеспечения, обрабатывающего налоговые декларации. Основные учетные автоматизированные информационные системы, в рамках которых осуществляется ввод информации из деклараций, представленных на бумажных носителях, установлены в районных инспекциях МНС. Они разработаны в 1993–1998 годах и не обеспечивают возможности дистанционной работы с распределенными базами данных, электронными документами и IT-технологиями. Поэтому актуальна проблема перевода АИС на новые «клиент-серверные» технологии, позволяющие осуществить прием и обработку электронных документов. Для этого также необходима более современная компьютерная техника, обеспечивающая работу в корпоративной сети в удаленном режиме с использованием криптографических средств защиты информации.

2. Частое обновление программы без соответствующей системы оповещения плательщиков, что приводит к затруднению в эксплуатации со стороны пользователей. Несмотря на наличие возможности уплаты налогов непосредственно на портале с использованием функционала «Личный кабинет» при помощи Интернет-банкинга, фактическое применение данной услуги возможно лишь в том случае, если плательщик является клиентом ОАО «АСБ Беларусбанк» или ОАО «Белгазпромбанк». Поэтому дальнейшее развитие и совершенствование отечественных услуг является необходимым фактором достижения целей внедрения электронных сервисов в Республике Беларусь и развития информационного общества.

В национальной системе электронного декларирования случаются ошибки и сбои. Например, в начале 2017 г. ряд белорусских компаний попал в «черный список» налоговых органов из-за некорректной формулы автоматического округления суммы налога. Специалисты отмечают, что несмотря на то, что ситуация не привела к финансовым потерям или штрафным санкциям, она потребовала времени на урегулирование. Система электронного декларирования в Беларуси неоднократно подвергалась критике, в том числе и со стороны специалистов в области информационной безопасности, главным образом за то, что для всех юридических лиц республики в системе электронного декларирования установлен один общий логин и пароль [11]. Одним из важнейших условий успешного развития информационного общества является укрепление доверия и безопасности при использовании информационно-коммуникационных технологий. Приоритетными направлениями деятельности в области обеспечения информационной безопасности являются развитие правового обеспечения информационной безопасности и совершенствование правоохранительной деятельности в этой сфере, разработка и внедрение эффективных программных и программно-аппаратных средств защиты информационных ресурсов, информационных и телекоммуникационных систем, а также создание централизованно управляемой информационно-коммуникационной инфраструктуры, необходимой для обеспечения деятельности государственных органов, включая соответствующий уровень защиты информации.

В последнее время быстрыми темпами развивается технология блокчейн, которая благодаря заложенной в ней структуре взаимодействия сторон направлена на устранение проблемы недоверия. Блокчейн создает среду, в которой невозможна подмена данных без ведома и согласия участников. Но с точки зрения налоговой неопределенности наиболее принципиальным нововведением является смарт-контракт, функционирование которого обеспечивается технологией блокчейна. Смарт-контракт – это программный код. По его функциональной составляющей смарт-контракт можно квалифицировать как соглашение двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Специалисты отмечают, что создание информационной среды без создания структуры, которая будет заниматься внедрением и развитием этой среды, затруднительно. Для реальной поддержки деятельности органов управления Беларуси необходим общегосударственный информационно-аналитический центр, который мог бы не только накапливать разрозненные данные (такие процессы ведутся и сейчас в различных министерствах и ведомствах, но без ощутимого результата), но и анализировать полученную информацию, не только обрабатывать запросы населения и организовывать форумы, но и предоставлять органам управления аналитику и консультации [12].

Учитывая современные тенденции и зарубежный опыт применения компьютерных технологий [13–18] правомерно предложить следующие направления развития электронных услуг, предоставляемых налоговыми органами Республики Беларусь:

– Создание программного продукта, позволяющего фиксировать разные виды доходов, получаемых физическим лицом, и понесенные им расходы. Реализация данной системы возможна только в случае высокого удельного веса безналичного денежного оборота. Данный продукт позволит контролировать денежные потоки плательщиков, выявлять физических лиц, уклоняющихся от уплаты налогов, а также сократить трудовые и временные ресурсы на осуществление налогового контроля. Функционирование программы может заключаться в сопоставлении задекларированных доходов граждан с их расходами (на недвижимость, транспортные средства, досуг, другие цели) на основании сведений, полученных из различных источников информации. Наличие значительных расхождений в полученных сведениях позволит налоговым органам выявить и наказать нарушителей.

– Дальнейшее расширение перечня подготавливаемых электронных документов.

– Взаимодействие с разработчиками бухгалтерских программ в целях предоставления информации (декларации) из бухгалтерских программ.

Заключение. Создание комфортных условий для добровольного исполнения плательщиками налоговых обязательств стало приоритетным направлением в работе отечественных налоговых органов. Реализация поставленных задач предполагает развитие электронного взаимодействия с плательщиками и расширение спектра оказываемых плательщикам электронных услуг. Это приносит пользу всем участникам, задействованным в системе налогообложения: государству, налоговой службе, налогоплательщикам. Электронное декларирование позволяет автоматизировать процесс ввода и представления в инспекцию Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь налоговых деклараций в электронном виде, сокращает временные затраты на подготовку налоговой отчетности и предоставление ее в налоговые органы, позволяет снизить издержки плательщиков и повысить эффективность деятельности налоговых органов.

В настоящее время Министерством по налогам и сборам Республики Беларусь проводится активная работа по устранению существующих проблем, созданию, внедрению, продвижению и максимальному использованию электронных услуг. Приоритетным направлением такой работы является расширение и улучшение качества предоставляемых плательщикам электронных сервисов, которые позволяют пользователям без визита в налоговую инспекцию взаимодействовать с налоговыми органами. Таким образом, спектр электронных налоговых услуг в Беларуси постоянно расширяется и совершенствуется, что способствует своевременному информированию плательщиков и создает благоприятные условия для добровольного исполнения ими налоговых обязательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Взаимодействие налоговых служб с налогоплательщиками: международный опыт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nalogoved.ru/art/324.html>. – Дата доступа: 13.11.2019.
2. Электронные сервисы налоговых органов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vitebsk-region.gov.by/ru/actual-ru/view/elektronnye-servisy-nalogovykh-organov-respubliki-belarus-13982-2016/>. – Дата доступа: 09.11.2019.
3. Электронные сервисы налоговых органов: инструменты виртуальные – польза реальная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by/ru/el-dekl-vitebsk/view/elektronnye-servisy-nalogovykh-organov-instrumenty-virtualnye-polza-realnaja-31075/>. – Дата доступа: 05.11.2019.
4. Электронные сервисы налоговых органов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edinstvo.by/ru/news/obshchestvo/item/1979-elektronnye-servisy-nalogovykh-organov>. – Дата доступа: 12.11.2019.
5. Государственная целевая программа по разработке программно-технического комплекса по автоматизации процесса расчета подлежащих уплате в бюджет сумм налогов, сборов (пошлин) и представлению в налоговые органы налоговых деклараций (расчетов) в электронном виде на 2008 – 2011 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by/ru/article63/>. – Дата доступа: 07.11.2019.
6. Личный кабинет плательщика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by/ru/article63-1/>. – Дата доступа: 17.11.2019.
7. Электронное декларирование: технологии будущего на вашем рабочем столе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novopolotsk.by/content/view/3651/>. – Дата доступа: 17.11.2019.
8. Система электронного декларирования в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nalog.gov.by/ru/edec/>. – Дата доступа: 16.11.2019.
9. Аналитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nalog.gov.by/ru/analytics_ru/. – Дата доступа: 10.11.2019.
10. Информационное общество в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2019.
11. Электронные услуги налоговых органов и их развитие в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/17842/1/Solovtsova_K_A_str_172_176.pdf. – Дата доступа: 12.11.2019.
12. Последствия ошибки в национальной электронной системе декларирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-gov.by/ivents/v-rezultate-sboya-v-sisteme-elektronno-go-deklarirovaniya-kompanii-popali-v-spisok-neplatelshhikov>. – Дата доступа: 15.11.2019.
13. Зенкова, М.В. Развитие налогового учета в системе управления коммерческой организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук / М.В. Зенкова. – Ростов-на-Дону., 2014.
14. Потеев, Н.В. Налоговое администрирование в Республике Беларусь: общие подходы к оценке эффективности / Н.В. Потеев // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2016. – № 13. – С. 92–97.
15. Сяо, Л. Перспективная модель электронного налогового документооборота / Л. Сяо // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экономика. – 2017. – № 2. – С. 46–52.
16. Дмитриев, А.А., Проблемы и перспективы налогового администрирования в Российской Федерации на современном этапе экономического развития / А.А. Дмитриев // Молодой ученый. – 2017. – № 25. – С. 144–147.
17. Богатырев, О.Г. Проект модернизации налоговых органов / О.Г. Богатырев // Налоговый вестник. – 2011. – № 5. – С. 8–12.
18. Киреева, Е.Ф., Электронные технологии в налоговой системе Республики Беларусь как основа повышения качества налоговых услуг / Е.Ф. Киреева // Современная налоговая система: состояние, проблемы и перспективы развития : сб. тр. / Уфим. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа : УГАТУ, 2017. – С. 45–48.

Поступила 22.11.2019

MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF ELECTRONIC SERVICES OF THE TAX AUTHORITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

E. KIRIEVA, YA. VANKEVICH

The article deals with the development of electronic services in the activities of tax authorities in the Republic of Belarus. We have studied the foreign experience of organizing electronic services of tax authorities, the main characteristics of which are increasing the transparency of their services, accessibility, and ease of use through the use of ICT and the Internet, developing similar models for providing electronic services by tax authorities, independence from the specifics of the country, changing the public perception of the role of fiscal policy and tax authorities in the national economy. The analysis of the organization of electronic Declaration of the tax authorities of the Republic of Belarus. Problems of electronic declaration are revealed. The article substantiates the prospects for expanding the scope of electronic services of tax authorities in the Republic of Belarus, which include: creating a software product that allows you to record different types of income received by an individual and expenses incurred by them; expanding the list of prepared electronic documents; interacting with developers of accounting programs in order to provide information from accounting programs.

Keywords: tax Declaration, electronic services, fiscal policy, electronic documents, tax authorities of the Republic of Belarus

УДК 657

СУЩНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ И ОСОБАЯ СИСТЕМА ЕЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

И.В. МАТЮШ

(Полоцкий государственный университет)

Исследуются вопросы теоретического обоснования целесообразности и возможности выделить модернизацию производства в качестве особого объекта бухгалтерского учета и анализа. На основании сформулированных выводов предлагается создание особой информационной подсистемы и базовый алгоритм бухгалтерского учета модернизации производства.

Ключевые слова: модернизация производства, отчетность, бухгалтерский учет, анализ.

Введение. Одним из решающих условий обеспечения высокого уровня конкурентоспособности является модернизация производственных процессов. В классическом понимании модернизация (англ. modern – обновленный, современный, быстрый рост научных знаний) представляет собой обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества [1]. Именно за счет модернизации производства предприятия могут поддерживать современный уровень технико-технологического потенциала, обеспечивать качество продукции, достигать высокой производительности труда, успешно выходить на внешние рынки.

Объективная необходимость модернизации белорусской экономики обусловлена требованиями выживания в условиях все более возрастающего уровня конкуренции и технологического превосходства отдельных стран, выбравших инновационный путь развития.

Важнейшей задачей государства и предприятий является повышение экономической эффективности проводимой модернизации, так как вложение средств и рациональное их использование обуславливает эффективное функционирование и успешное развитие в данной области.

Модернизация подразумевает создание способности генерировать передовые научно-технические идеи, экспортировать результаты НИОКР и быстро переключать производство на использование новых информационных технологий и выпуск конкурентоспособной продукции.

Модернизация предприятия в целом может быть осуществлена структурно, в форме системной модернизации определенных свойств и подсистем. Структурно-системный подход к модернизации предприятия как единого целого можно выразить в виде взаимодействующих и взаимосвязанных направлений:

- выпуск новой продукции и/или продукции с улучшенными характеристиками;
- повышение эффективности парка технологического оборудования;
- сокращение трудоемкости производственных процессов и, как следствие, оптимизация численности операционного персонала;
- сокращение длительности производственного цикла изготовления продукции;
- сокращение потерь (производительных и непроизводительных);
- сокращение себестоимости изделия (за счет применения прогрессивных технологий, материалов, экономии энергетических и трудовых ресурсов).

Главным вопросом при реконструкции производства выступает оценка предполагаемой эффективности мероприятий, которая, в свою очередь, зависит от проработки вопросов технико-технологической и логистической инфраструктуры:

- наличия и необходимости модернизации логистической инфраструктуры (агрегатов, технологических линий, складов, путей и пр.);
- выбора новой технологии или модернизации существующей;
- выбора состава технологического оборудования;
- проектирования и изготовления специальных устройств [2].

Модернизация предприятий должна рассматриваться как главное направление повышения эффективности производства. Эффективность производства представляет собой комплексное отражение конечных результатов использования всех ресурсов производства за определенный промежуток времени. Она характеризуется повышением производительности труда, наиболее полным использованием производственных мощностей, сырьевых и материальных ресурсов, достижением максимальных результатов при наименьших затратах. Для оценки проводимой модернизации необходим анализ системы показателей экономической эффективности деятельности предприятия.

Оценка эффективности модернизации предприятия – наиболее ответственный этап в принятии решения о целесообразности осуществления инвестиционного проекта. От того, насколько объективно и всесторонне проведен анализ, зависят сроки возврата вложенного капитала, его доходность и темпы развития предприятия. Качественный анализ невозможен без достоверной и полной информации о наличии, структуре и динамике ресурсов, участвующих в бизнес-процессах, обусловленных модернизацией производства.

В процессе хозяйственной деятельности формируются информационные потоки, характеризующие основные экономические параметры работы предприятия: состав и величина активов, собственного капитала, обязательств, доходов и расходов предприятия. Бухгалтерский учет выполняет задачу организации этих информационных потоков и представление данных в виде итоговых отчетов.

Несмотря на то, что модернизация является важнейшим аспектом деятельности любого предприятия, до настоящего времени она не рассматривается как специальный объект бухгалтерского учета и анализа. Традиционная система учета и анализа не позволяет в достаточной степени глубоко и комплексно раскрывать всю совокупность причинно-следственных связей, обусловленных модернизацией предприятия. Одним из основных недостатков современного анализа хозяйственной деятельности является его фрагментарность и отсутствие методик, позволяющих оценивать непрерывный процесс движения средств.

Существующая в настоящее время система учета и отчетности главным образом ориентирована на отражение агрегированных данных по оценке активов, капитала, обязательств, доходов и расходов субъектов хозяйствования. При этом применение традиционных методов учета и анализа эффективности предпринимательской деятельности не позволяет получить информацию по достоверным данным в разрезе упомянутых выше реально протекающих бизнес-процессов и видах деятельности субъектов хозяйствования. Из информации, содержащейся в типовых формах финансовой отчетности, стандартизированных в соответствии с установленными требованиями (форма 1 «Бухгалтерский баланс», форма 2 «Отчет о прибылях и убытках», форма 4 «Отчет о движении денежных средств») нельзя сделать никаких выводов относительно условий, размеров и источников финансирования модернизации предприятия, а также об экономической эффективности ее осуществления, рентабельности производимой на модернизируемом оборудовании продукции, о тех денежных потоках, которые сопутствовали модернизации, целевом использовании ресурсов, которые выделялись и направлялись на модернизацию. Такое положение дел снижает востребованность учетно-аналитической функции в системе принятия управленческих решений. Можно констатировать, что в настоящее время тот серьезный потенциал, который заложен в бухгалтерском учете и отчетности, как важнейшей информационной системы менеджмента, используется крайне незначительно.

Для устранения указанных недостатков представляется целесообразным выделение модернизация производства в качестве самостоятельного объекта бухгалтерского учета и экономического анализа с присущими ему системой счетов и стоимостными оценками активов, которые являются непосредственным предметом модернизации, а также доходов и расходов, формируемых на предприятии в ходе использования модернизированных объектов.

Основная часть. Проведенное исследование экономической сущности понятия «модернизация производства» позволило установить, что в процессе модернизации улучшаются полезные свойства модернизируемых объектов, т.е. увеличивается производительность оборудования и труда рабочих, повышается качество и снижается себестоимость продукции, тем самым непосредственно влияя на капитал и величину получаемой предприятием прибыли.

Измерение эффективности модернизации предприятия предполагает установление критерия экономической эффективности. Для собственников организации, равно как и для пользователей финансовой отчетности, важна динамика изменения таких показателей, как вложенный капитал и прибыль. Поэтому, на уровне предприятия формой единого критерия эффективности его деятельности может служить максимизация прибыли и сохранение первоначально вложенного капитала.

Исследованию механизмов поддержания капитала предприятия посвящено большое количество работ. Одним из первых о важности установления корректных критериев для оценки эффективности деятельности предприятия с точки зрения доходов и расходов, и конечных финансовых результатов заговорил Дж. Р. Хикс (1946 г.): «цель расчетов дохода в практических делах состоит в том, чтобы дать людям представление о том, сколько они могут потратить, не обедняя себя. Согласно этой идее мы должны определить доход человека как максимальную ценность, которую он может потребить в течение недели, оставаясь в конце недели столь же состоятельным, как и в ее начале». Т.е., необходимо не просто определение величины дохода, полученного предприятием в отчетном периоде, но и определение сумм и средств, которые могут быть использованы в будущем для поддержания и наращивания деловой активности.

В связи с переходом на международные стандарты финансовой отчетности в последнее время резко возрос интерес к применению отдельных положений на практике. Одной из ключевых теоретических конструкций, лежащих в основе методологии учета, определяемой МСФО, являются так называемые концепции капитала. Их идея состоит в определении возможных трактовок прибыли предприятия и ее капитала, базирующихся на экономической концепции создания бухгалтерской информации.

В МСФО при определении трактовок прибыли предприятия основываются на концепциях капитала. Принципы подготовки и составления финансовой отчетности позволяют предприятиям выбрать в качестве базы учетной методологии одну из двух концепций поддержания капитала – финансовую или физическую:

Концепция поддержания финансового капитала состоит в том, что за отчетный период прибыль считается заработанной только в том случае, если стоимость чистых активов на конец периода превышает стоимость чистых активов на начало периода после перечислений собственникам.

Концепция поддержания физического капитала предполагает, что за отчетный период прибыль считается заработанной тогда, когда физическая производительность (или операционная способность) компании в конце отчетного периода превышает физическую производительность в начале отчетного периода после вычета всех вкладов собственников и распределений между ними в течение отчетного периода.

Концепция поддержания капитала позволяет проводить различия между прибылью предприятия на вложенный капитал и поддержанием капитала. В этом смысле под прибылью (прибыль на вложенный капитал) понимается только увеличение стоимости активов, которые превышают суммы, необходимые для поддержания капитала. Основные условия, при которых принято считать, что величина заработанной предприятием прибыли достаточна для поддержания финансового и физического капитала, представлены в таблице 1 [4].

Таблица 1. – Условия прибыльности физического и финансового капитала

Концепция поддержания финансового капитала	Концепция поддержания физического капитала
Поддержание финансового капитала измеряется в номинальном денежном исчислении или по постоянной покупательной способности. Если финансовые (денежные) доходы превышают расходы, то первоначально инвестированный капитал поддерживается. Если расходы превышают доходы, то имеет место убыток, означающий потерю (истощение) финансового (денежного) капитала. Прибыль признается, если сумма чистых активов в конце отчетного периода превышает начальную прибыль.	Поддержание физического капитала измеряется в единицах физической производительности, а прибыль считается увеличением этого капитала за отчетный период. В частности, доход можно измерить относительно поддержания покупательной способности инвестиций собственников. Прибыль признается, если физическая производственная мощность предприятия в конце отчетного периода выше, чем в начале.

На практике концепция поддержания финансового капитала получила наибольшее распространение, т.к. она носит более универсальный характер и не привязана к конкретным видам физических активов предприятия.

Концепция физического поддержания капитала обусловлена целесообразностью сохранять и развивать производственную мощность предприятия, которая выражается в определенном выпуске натурального количества продукции. С этой точки зрения, генерирование чистого потока денежных активов определяется производением производственной мощности в единицах выпущенной продукции на сумму прибыли, приходящейся на единицу продукции.

Так как в процессе модернизации улучшаются полезные свойства модернизируемых объектов, т.е. увеличивается производительность оборудования и труда рабочих, повышается качество и снижается себестоимость продукции, то тем самым она непосредственно влияет на капитал. С точки зрения физической концепции, влияние на капитал проводимой модернизации заключается в увеличении производительности оборудования, а с точки зрения финансовой – это максимизация прибыли. Поэтому предлагается рассматривать модернизацию производства в качестве одной из форм обеспечения практической реализации концепций поддержания финансового и физического капитала, и как общий критерий эффективности деятельности предприятия.

Учитывая вышесказанное, жизненный цикл модернизации производства не должен ограничиваться только бизнес-процессами по улучшению полезных свойств объектов. Он также должен включать как бизнес-процессы по дальнейшему использованию модернизируемых объектов в предпринимательской деятельности, так и бизнес-процессы по извлечению доходов от использования этих объектов и состоять из следующих основных этапов:

- 1) формирование источников финансирования модернизации;
- 2) преобразование ресурсов и улучшение полезных свойств модернизируемых объектов;
- 3) использование модернизируемых объектов в предпринимательской деятельности для получения дохода.

Таким образом, представляется целесообразным отслеживать все бизнес-процессы, связанные с модернизацией, на всех этапах кругооборота капитала.

На примере промышленного предприятия рассмотрим схему прохождения модернизации производства, представленную на рисунке. Кругооборот капитала включает пять последовательных стадий: финансирование, снабжение, производство, реализацию, перераспределение финансовых ресурсов.

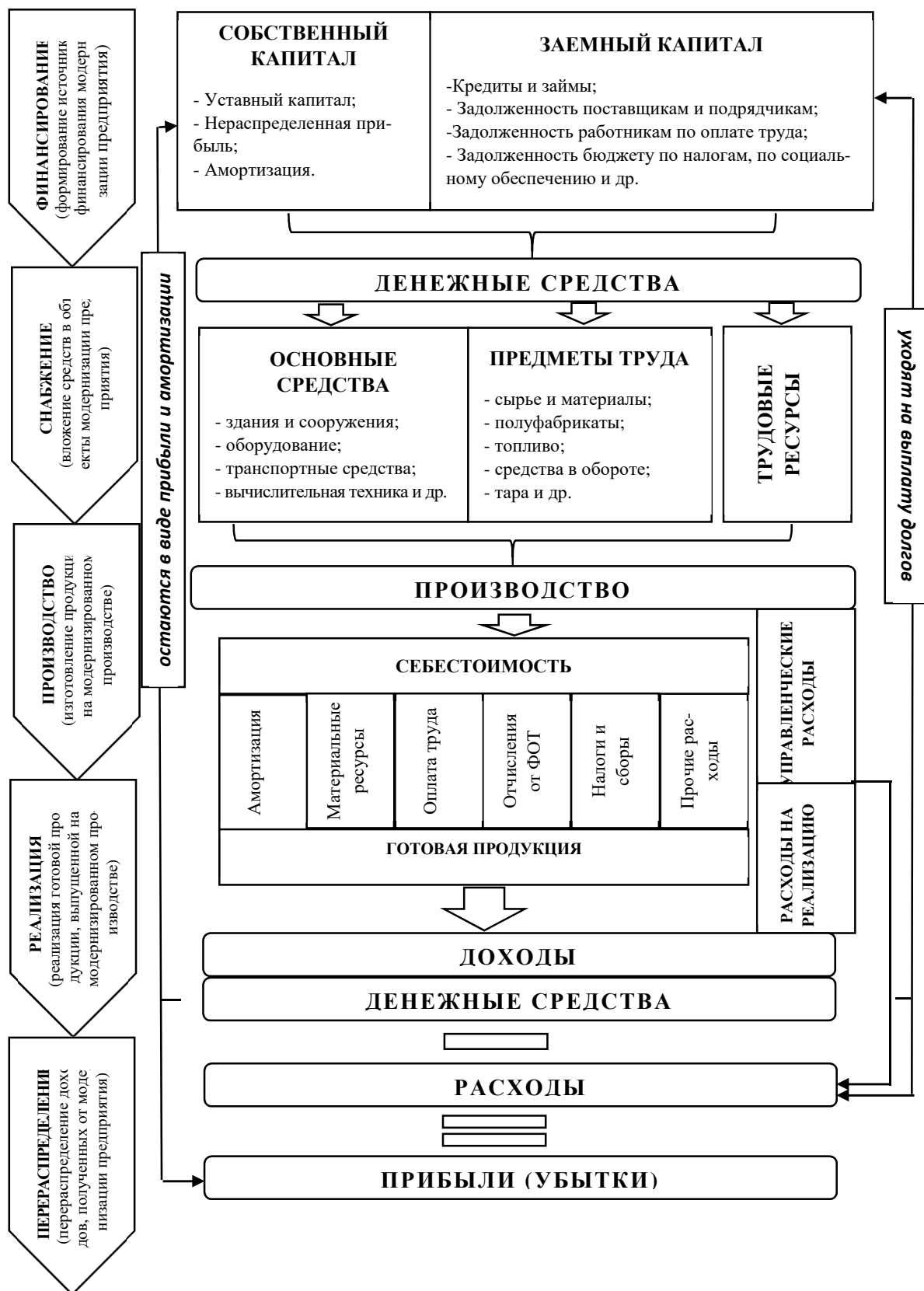


Рисунок. – Схема прохождения модернизации производства по стадиям кругооборота капитала

На стадии «Финансирование» формируется собственный и заемный капитал, который предприятие планирует использовать на модернизацию. В дальнейшем суммы собственного капитала будут формироваться за счет приращения прибыли, полученной от модернизации, а также возмещения стоимости модернизированных основных средств в виде суммы амортизации.

На стадии «Снабжение» предприятие направляет имеющиеся в его распоряжении денежные средства по основным процессам модернизации – обновление оборудования, разработку новых видов продукции, улучшение системы маркетинга и сбыта и усовершенствование технологий работы с персоналом.

На 3-й стадии происходит формирование производственной себестоимости с учетом проведенной модернизации. При этом производственная себестоимость наряду с обычными затратами будет включать и часть затрат по модернизации предприятия в виде амортизации модернизированных основных средств или списания части расходов по разработке и внедрению новых видов продукции, технологий, улучшению системы маркетинга и сбыта, усовершенствованию технологий работы с персоналом.

На стадии реализации происходит продажа выпущенной из модернизированного производства продукции. На данном этапе формируется цена реализации продукции – выручка от реализации (доход, полученный в рамках проведения модернизации предприятия). Она представляет собой сумму задолженности покупателей за отгруженную им продукцию, которую предприятие ожидает получить в виде денежных средств. При этом часть получаемых средств формирует собственный капитал в виде прибыли от модернизации предприятия и возмещенной суммы амортизации модернизированных основных средств, а часть средств направляется на погашение кредитов и займов, привлекаемых для финансирования модернизации. Помимо этого, на данном этапе происходит формирование расходов предприятия. В качестве таковых также выступают входящие в состав себестоимости реализованной продукции затраты на модернизацию. Данный этап завершает формирование финансового результата деятельности, связанной с модернизацией предприятия, который представляет собой разницу между полученными доходами и понесенными расходами.

На стадии «Перераспределение финансовых ресурсов» происходит распределение и перераспределение заработанных предприятием в виде денег чистых доходов от модернизации. Данные средства могут быть направлены на другие инвестиционные проекты, либо на выплату дивидендов или иные цели по усмотрению собственника [3].

Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным рассматривать модернизацию как обособленный объект бухгалтерского учета с необходимостью выделения присущих ей бухгалтерских записей и стоимостных оценок тех активов, которые являются непосредственным предметом модернизации, а также доходов и расходов, которые формируются на предприятии в ходе использования модернизированных объектов. Для создания особой информационной подсистемы бухгалтерского учета модернизации производства предлагается использовать базовый алгоритм:

1. Наличие проекта и комплекса специальных организационно-технических и финансово-экономических мероприятий проведения модернизации производства.
2. Выработка критериев признания хозяйственных операций, относящихся к модернизации производства.
3. Создание системы первичного документирования хозяйственных операций, относящихся к модернизации производства.
4. Разработка системы аналитических индикативных счетов для отражения бизнес-процессов и хозяйственных операций, обусловленных модернизацией производства.
5. Разработка типовой системы учетных записей в виде корреспонденций индикативных счетов в рамках единого замкнутого цикла кругооборота капитала, обусловленных модернизацией производства.
6. Разработка системы аналитической отчетности о ходе и результатах осуществления модернизации производства.

Данная идея послужит предпосылкой для разработки специальной системы счетов, методик учета и показателей финансовой и управленческой отчетности, которые позволят формировать базы данных, отражающие влияние модернизации на стоимостную оценку всех основных объектов учета и показателей финансовой отчетности в рамках кругооборота капитала. Анализ таких баз данных, а также их количественная и качественная оценка дадут возможность принимать своевременные и обоснованные управленческие решения по обеспечению эффективности модернизационных процессов в интересах собственника, государства и потребителей.

Заключение. Проведено исследование сущности, форм и методов модернизации промышленного производства в современной системе рыночной экономики и в этом контексте теоретически обоснована целесообразность и доказана правомерность трактовки модернизации производства в качестве особого объекта бухгалтерского учета и анализа в рамках фундаментальной общеметодологической концепции поддержания физического и финансового капитала организации для обеспечения ее устойчивого развития.

В исследовании научно обоснованы и сформулированы методологические предпосылки и разработан базовый алгоритм эффективного инструментария бухгалтерского учета и анализа модернизации предприятия на основе целевой структуризации бизнес-процессов по критерию их принадлежности к организационно-техническим мероприятиям, обусловленным модернизацией предприятия. Предложена система информационной идентификации и маркировки хозяйственных операций, отражающих ход и результаты модернизации.

Таким образом, теоретически доказано, что в рамках применения системы двойной записи и выделения бизнес-процессов, связанных с модернизацией производства, можно формировать специальные базы данных, отражающих влияние модернизации на стоимостную оценку всех основных объектов учета и показателей финансовой отчетности в рамках полного жизненного цикла модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Модернизация (Modernization) [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.forexaw.com/TERMs/Industry/Technology/1810_Модернизация. – Дата доступа: 09.05.2015;
2. Модернизация производства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://corsari.ru/mod> – Дата доступа: 09.05.2015.
3. Панков, Д.А. Бухгалтерский анализ модернизации / Д.А. Панков, И.В. Матюш, – Минск 2015. – 200 с.
4. Пятов, М.Л., Концептуальные основы международных стандартов финансовой отчетности / М.Л. Пятов, И.А. Смирнова – М. : 1С-Паблишинг, 2008. – 198 с.

Поступила 04.10.2019

THEORETICAL BACKGROUND OF REFLECTION IN ACCOUNTING AND REPORTING OF BUSINESS PROCESSES ON MODERNIZATION OF PRODUCTION

I. MATSIUSH

The article examines the issues of theoretical justification of expediency and the possibility of highlighting the modernization of production as a special object of accounting and analysis. Based on the conclusions formulated, the creation of a special information subsystem and the basic accounting algorithm for modernization of production are shifted.

Keywords: *production modernization, reporting, accounting, analysis.*

УДК 65.011.8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ЦЕПИ ПОСТАВОК ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Т.С. ПАЛЬЧЕВСКАЯ

(Полоцкий государственный университет)

Изучаются определения понятий «цепь поставок» и «инновационный процесс», анализируется взаимосвязь этих двух определений, рассматриваются основные этапы построения цепей поставок промышленных предприятий, описывается состав звеньев цепей поставок и процесс построения для каждого из них, выявляются особенности внедрения инноваций при построении цепи поставок в целом и на каждом из звеньев.

Ключевые слова: инновации, инновационный процесс, цепь поставок, управление цепями поставок.

Введение. Появление концепции управления цепями поставок неразрывно связано с научно-техническим прогрессом и внедрением инноваций в процесс обмена информацией между участниками цепи. Информация об изменениях спроса и предложения на конечных этапах цепи поставок (распределение) влияет на производственные планы (производство) и графики закупок (поставщики). Именно внедрение информационных технологий, что является технологической инновацией, позволило организациям быстро и эффективно обмениваться необходимой информацией, что, в свою очередь, повлекло за собой появление концепции управления цепями поставок. Поэтому можно сказать, что эффективное управление цепями поставок невозможно без внедрения инноваций. Вместе с тем, вопросы внедрения инноваций на стадии построения цепи поставок на данный момент остаются недостаточно проработанными.

1. Сущность и взаимосвязь понятий «цепь поставок» и «инновационный процесс». В первую очередь необходимо проанализировать понятие «цепь поставок» и выявить точки соприкосновения цепи поставок с инновационным процессом.

В отечественной литературе термин «цепь поставок» появился только в 2000–2001 гг. [1] и до сих пор не получил широкого практического применения. Можно выделить несколько подходов к определению сущности цепей поставок.

При объектном подходе цепь поставок рассматривается как совокупность субъектов (организаций), обеспечивающих поставки продукции от производителя к потребителю. Данного подхода придерживаются Аникин Б.А., Бабенкова Т.Ю., Гаджинский А.М., Григорьев М.Н., Дыбская В. В., Сергеев В.И., Иванов Д.А., М. Кристофер, Ковалев М.Н., Лапковская П.И., Ментцер Дж., Маликов О.Б., Родкина Т. А., Сумец О.М., Шапиро Дж., Щербаков В.В. и Парфенов А.В., Уваров С.А., Умирзакова Д.К. и Н. Мегитс [1].

Процессный подход определяет цепь поставок как совокупность потоков и процессов на пути от производителя к потребителю. Данный подход к определению цепей поставок практикуют М.Н. Григорьев, Д.А. Иванов, Д. Ламберт и Дж. Сток, Ж.Г. Михайлова, А.В. Парфенов, В.И. Сергеев, В.В. Щербаков. На основе процессного подхода термин «цепь поставок» трактуется и Советом Управления Логистикой, Ассоциацией Операционного менеджмента, а также в ГОСТ Р 53663-2009: Система менеджмента безопасности цепи поставок [1]. М. Кристофер, О.Б. Маликов, Д.К. Умирзакова и Н. Мегитс, а также Европейская логистическая ассоциация рассматривают цепь поставок с позиции философии и методов менеджмента – как планирование, организацию, контроль и управление потоками от поставщика до конечного потребителя [1].

Можно заметить, что недостаточное внимание уделяется совершенствованию цепей поставок на основе внедрения инноваций для слаженной работы каждого участника цепи. В данном случае, игнорирование необходимости внедрения инноваций в экономических системах приводит к противоречию развития любой экономики на инновационной основе, к которой относится и логистическая система.

Среди проанализированных источников, только М. Кристофер в своей работе «Logistics & Supply Chain Management» отмечает, что организации в цепи поставок работают в том числе и для улучшения материальных и информационных потоков. Он утверждает, что цепь поставок – это сеть связанных, но независимых организаций, совместно и координировано работающих для того, чтобы организовать, управлять и улучшать материальный и информационный потоки от поставщика до конечного потребителя [8]. Очевидно, что в таком понимании цепи поставок, хоть и опосредовано, но выделяется значение инноваций в логистической цепи, поскольку процесс улучшения движения потоков в ней является результатом новаций.

В связи с этим возникает необходимость в уточнении понятия «цепь поставок», в котором должны учитываться качественные изменения в логистической цепи под воздействием инновационных процессов, и, в частности влияние на составляющие ее элементы. Для уточнения данного понятия необходимо, в первую очередь, рассмотреть категорию «инновационный процесс», поскольку в логистической цепи протекают процессы (закупка, транспортировка, складирование, производство, распределение, сервис), в которых должны внедряться инновации с целью ускорения движения материальных и финансовых потоков.

Для решения данной научной проблемы сгруппировано несколько подходов к определению понятия «инновационный процесс».

Д.В. Арутюнова, Д.Н. Журавлева, А.Ю. Михалко рассматривают инновационный процесс как совокупность состояний инноваций, сменяющих друг друга в процессе преобразования начального состояния в конечное [1].

В работах Дорофеева В.Д., Дресвянникова В.А., Евграфова И.Ю., Красникова Е.О., Олешкова М.Ю., Степаненко Д.М., Сулова В.И., Уварова В.М., Эскиева М.А., а также в Модельном Законе Об Инновационной Деятельности инновационный процесс описывается как совокупность видов деятельности или работ, связанных с разработкой новшеств и осуществлением нововведений [1].

В работах В.Л. Абушенко, А.А. Грицанова, В.В. Жарикова, И.А. Жарикова, Г.М. Евелькина, А.И. Евсейчева, С.Д. Ильенковой, Н.П. Иващенко, С.А. Денисовой, В.В. Курбатова, М.И. Круталевич, В.А. Миусова, Е.В. Вашкевич, Л.Я. Куницкой, Г.А. Маховиковой, Н.Ф. Ефимовой, В.Г. Однолько, В.С. Протасени, А.А. Румянцева, Т.Б. Сергеевой, Г.Н. Соколова, Д.М. Степаненко, В.И. Сулова, Терещенко О.В., Хайруллина Р.А., Черникова А.Е., Эскиева М. А., Яголковского С.Р., а также в Постановлении Правительства Москвы от 02.09.2008 г., № 781-Пп «О Городской целевой комплексной программе создания инновационной системы в городе Москве на 2008–2010 гг.» инновационный процесс рассматривается как цепь событий, процесс по разработке новых продуктов и их реализации и распространению [1].

Очевидно, что в разных подходах можно заметить некую схожесть с определением цепи поставок. Единым для понимания двух категорий («цепь поставок» и «инновационный процесс») является то, что в них учитывается временной отрезок – то есть период от производства продукта до его доставки конечному потребителю. Но в инновационных процессах объектом являются инновации, а в цепи поставок – логистические потоки. Таким образом логичным является необходимость конкретизации понятия «цепь поставок» с учетом инноваций.

В связи с вышеизложенным можно дать следующее определение: *цепь поставок – это совокупность организаций, совместно работающих для планирования, организации и контроля за материальными (информационными, финансовыми, сервисными) потоками, в которых скорость прохождения информации и материалов зависит от полученного эффекта за счет внедренных инноваций, а сам процесс управления заключается в адаптации каждого элемента цепи (или же функциональной области логистической системы) к стадиям инновационного процесса с целью получения экономического эффекта.*

В нашем случае данный эффект заключается в ускорении процесса доставки материалов (товаров и ресурсов) от поставщика до конечного потребителя.

Таким образом, на основе уточненного определения перспективным направлением дальнейших исследований можно считать поиск необходимых видов инноваций (организационных, технологических, продуктовых, маркетинговых и др.), на основе которых может быть получен определенный выше эффект на каждой стадии логистической цепи.

2. Изучение процесса внедрения инноваций при построении цепи поставок. Далее рассмотрим процесс построения цепи поставок. Можно выделить следующие основные этапы построения структуры цепей поставок товаропроводящей сети [2, с. 115]:

Этап 1. Анализ определяющих особенностей и ограничений, влияющих на построение структуры каналов, цепей поставок.

Этап 2. Составление обоснованных, реальных характеристик.

Этап 3. Определение структуры, конфигурации и параметров товаропроводящей сети в рамках выбранной логистической сети.

Этап 4. Формирование структуры каналов товаропроводящей сети.

Этап 5. Анализ функционирования структуры каналов товаропроводящей сети.

Этап 6. Реструктуризация и модернизация каналов товаропроводящей сети.

В целях дальнейшего исследования процесса внедрения инноваций в цепи поставок рассмотрим шестой этап. В первую очередь необходимо проанализировать значения терминов «реструктуризация» и «модернизация».

В Современном экономическом словаре дается следующее определение понятию «модернизация»: это усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества [3]. Как видно из представленного определения, на данном этапе можно косвенно выделить процесс модернизации как часть инновационного процесса предприятия. Во внешнеэкономическом толковом словаре понятие «реструктуризация» толкуется как изменение производственной и организационной структуры компании, отрасли или национальной экономики в целом [4]. Реструктуризация компании может происходить в том числе и в результате внедрения инноваций, в частности, организационных инноваций.

Говоря о реструктуризации цепей поставок, необходимо упомянуть о составе звеньев цепи. Цепь поставок состоит из следующих основных звеньев: поставщики, производители, потребители, 3PL- и 4PL-

провайдеров. Организации в цепи поставок могут владеть несколькими звеньями. Ярким примером являются транснациональные корпорации, управляющие предприятиями в разных странах мира, а также владеющие собственными складами и парком транспортных средств.

Структура звеньев определяется и формируется на третьем и четвертом этапе построения цепи поставок. Каждый из звеньев отличается своими особенностями построения. Если рассматривать предприятие-производителя как фокусную компанию, с позиции которой рассматривается процесс построения цепи, то данный процесс можно описать этапами, представленными в таблице 1.

Таблица 1 – Процесс построения звеньев цепи поставок для предприятия-производителя

Звено	Процесс построения
Закупки [5, с. 83]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Определение и оценка требований покупателей к количеству, качеству, срокам поставки и сервису, прилагаемому к товару. 2. Определение типа закупок 3. Анализ поведения рынка. 4. Идентификация всех возможных поставщиков и их предварительная оценка. 5. Реализация процесса поставок конкретной номенклатуры товаров от поставщика до посреднической фирмы. 6. Контроль и оценка выполнения закупок
Производство (фокусная компания) [6]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Устанавливается состав цехов предприятия, их мощность в размерах, обеспечивающих заданный выпуск продукции. 2. Рассчитываются площади для каждого цеха и склада, определяются пространственные расположения их в генеральном плане предприятия. 3. Планируются все транспортные связи внутри предприятия, их взаимодействие с общегосударственными (внешними для предприятия) путями. 4. Намечаются кратчайшие маршруты межцехового передвижения предметов труда по ходу производственного процесса. 5. Вырабатываются различные виды энергии для технологических целей и др.
Распределение [7]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выявление предполагаемых мест расположения торговых посредников. 2. Сбор информации об организациях, располагающих возможностью реализовывать продукцию данного предприятия. 3. Проведение анализа, способствующего выявлению лидирующей группы организаций (две-четыре организации), наиболее подходящих для выполнения функций торгового посредника. 4. Проведение детального анализа возможностей организаций, определение размера капитальных вложений и расчет экономической эффективности посреднической деятельности. 5. Выбор организации и оформление договора о сотрудничестве. 6. Обеспечение технической, информационной и финансовой поддержки организации на период подготовки к эффективному выполнению функций торгового посредника
3PL- и 4PL-провайдеры [8, с. 15–16]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выделение перечня необходимых логистических услуг (закупка, транспортировка, хранение) и, исходя из этого, выбор типа ЛП. 2. Обоснование необходимости аутсорсинговых услуг (решение задачи «сделать или купить»). 3. Оценка состояния рынка в данной сфере (поиск потенциальных провайдеров). 4. Выбор посредника и формы кооперации с ним. 5. Определение стандарта услуг и контракта. 6. Оценка результатов работы с провайдерами

Как видно из таблицы 1, ни на одном из этапов изначально не предполагается внедрение механизмов управления инновациями. Управление инновациями может происходить лишь после создания цепи и выбора посредников, в процесс контроля и оценки их работы.

В работе Д. Кима, С. Т. Кавусгила и Р. Дж. Калантоне отмечается, что для достижения наилучшего результата от технологических инноваций необходима работа посредника, способного повлиять на процесс обмена информацией. Авторы провели анкетирование в нескольких организациях из различных областей промышленности, в результате которого выяснили, что технологические инновации сами по себе не приносят значительных улучшений в конкурентоспособности организаций. Только когда инновации подстроены под нужды цепи поставок и управляются неким посредником – только тогда у организаций появляется конкурентное преимущество [9]. А использование посредника для управления инновационным процессом само по себе является организационной инновацией.

Заключение. На основании вышеперечисленного можно сделать вывод, что несмотря на взаимосвязь цепей поставок и инновационного процесса, в процессе формирования структуры цепи поставок не предполагается внедрение инноваций. Инновации появляются на последнем, шестом этапе построения цепи поставок, уже при реструктуризации и модернизации построенной цепи. Для эффективного функционирования цепей поставок необходимо внедрение механизма управления инновациями еще в процессе

построения цепи, при определении структуры цепи поставок и формировании звеньев. При этом инновационным процессом необходимо управлять как на каждом из звеньев, так и в процессе взаимодействия этих звеньев. Поэтому можно сказать, что для эффективного управления инновациями в цепях поставок в первую очередь необходимо внедрить организационные инновации. Перспективным направлением дальнейших исследований является выявление механизмов построения системы управления инновациями при непосредственном формировании структуры цепи поставок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пальчевская, Т.С. Уточнение понятия «цепь поставок» с учетом эффекта от внедрения инноваций / Т.С. Пальчевская // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты : электрон. сб. ст. III Междунар. науч.-практ. online-конф., Новополоцк, 18–19 апр. 2019 г. / Полоц. гос. ун-т. – Новополоцк : ПГУ, 2019. – С. 904–907. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Исправникова, О.Ю. Разработка алгоритма проектирования цепей поставок автодилеров и дилеров спецтехники на разных уровнях планирования / О.Ю. Исправникова // Изв. Санкт-Петерб. гос. экон. ун-та. – 2013. – №2 (80). – С. 113–117.
3. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
4. Внешнеэкономический толковый словарь / Под ред. И.П. Фаминского. – М. : ИНФРА-М, Термика. – 2001. – 502 с.
5. Королева, В.Л. Методы выбора поставщиков / В.Л. Королева // Экономика, управление, финансы : материалы V Междунар. науч. конф. Краснодар, август 2015 г. – Краснодар : Новация, 2015. – С. 83–84.
6. Бондарец, А.В. Экономика организаций (предприятий) : учеб. пособие / А.В. Бондарец, Н.П. Скосырева. – Волгоград : ВолгГТУ, 2006. – 214 с.
7. Тяпухин, А.П. Логистика. Теория и практика / А.П. Тяпухин. – Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2014. – 596 с.
8. Живицкая, Е.Н. Последовательность выбора логистического провайдера / Е.Н. Живицкая, О.И. Швед // Новости науки и технологий. – 2008. – № 2 (8). – С. 15-22.
9. Kim D., Cavusgil S.T., Calantone R.J. Information System Innovations and Supply Chain Management: Channel Relationships and Firm Performance // Journal of the Academy of Marketing Science. – 2006. – Volume 34, No. 1. – P. 40-54

Поступила 14.08.2019

THEORETICAL ASPECTS OF INNOVATION MANAGEMENT IN FORMATION OF A SUPPLY CHAIN OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

T.S. PALCHEVSKAYA

The article studies definitions «supply chain» and «innovation process», analyzes the connection between these two definitions, reviews the major stages of supply chain implementation at industrial enterprises, describes the composition of links in supply chains and build process for each of them, identifies the features of innovation in the implementation of a supply chain in general and of each of the links

Keywords: *innovation, innovation process, supply chain, supply chain management.*

УДК 657.631

СИСТЕМА ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ОПЕРАЦИЙ С ДЕРИВАТИВАМИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

*канд. экон. наук, доц., Л.В. МАСЬКО, П.И. ПАНЬКОВ
(Полоцкий государственный университет)*

Проведено исследование международной практики системы внутреннего контроля операций с деривативами. Установлено, что собственники субъекта хозяйствования, их представители заинтересованы в высоком уровне системы внутреннего контроля, которая, однако, не может быть абсолютно эффективной в части операций с деривативами, так как при наличии таких операций будет подвержена влиянию внутренних и внешних факторов. Обоснован вывод о том, что по операциям с деривативами необходимо учитывать ряд специфических факторов. Предлагаемые методика и процедуры системы внутреннего контроля по операциям с деривативами позволяют формировать достоверную информацию в бухгалтерском учете, устанавливать законность, целесообразность и эффективность данных операций.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, методика контроля, операции с деривативами, внутренние факторы, внешние факторы.

Введение. В настоящее время деятельность субъекта предпринимательства должна обеспечиваться системой внутреннего контроля, направленной на максимальное устранение рисков его хозяйственной деятельности и повышение уверенности в том, что деривативы не станут источником колоссальных убытков, а реализуемая стратегия хеджирования рисков не будет источником повышенного риска. Как показывает практика, низкая вовлеченность руководства в проведение сложных сделок с деривативами, недобросовестные действия или ошибки сотрудников финансового департамента, спекулятивные операции под предлогом хеджирования и ряд других факторов могут привести к краху, либо крупным финансовым потрясениям, что в большинстве случаев вызвано неэффективной системой внутреннего контроля [1, с. 26]. В связи с этим система внутреннего контроля нефинансовой организации должна находиться на максимально высоком уровне и ориентироваться на установление законности, эффективности и целесообразности совершенных операций с деривативами.

Для нефинансовых организаций экономические результаты должны в основном отражать их основной бизнес-риск и не должны быть подвержены большим колебаниям из-за посторонних факторов, например, таких как изменение цен на нефть или процентных ставок. До появления рынков деривативов управление побочными рисками было довольно обременительным. «Обеспечение соответствия фактического уровня риска желаемому требовало участия в сделках с базовыми активами, в то время как деривативы решают эти проблемы очень эффективно: они позволяют торговать риском, при этом не торгуя сам базовый актив» [2, с. 37]. То есть деривативы обеспечивают эффективный метод передачи риска от сторон, которые не хотят быть подвержены данному риску, тем участникам рынка, которые готовы принять его на себя. К ним можно отнести хедж-фонды, профессиональных трейдеров и иного рода спекулянтов, которые готовы принять на себя риск с целью получить прибыль от краткосрочного изменения рыночных переменных [3, с. 40].

Целью данной работы является разработка направлений совершенствования системы внутреннего контроля операций с деривативами для установления законности, эффективности и целесообразности совершенных операций. Для этого будут решены следующие задачи:

- выявлены и охарактеризованы факторы, повышающие риск применения деривативов нефинансовыми организациями;
- разработаны направления совершенствования системы внутреннего контроля операций с деривативами для нефинансовых организаций Республики Беларусь.

Основная часть. Национальными правилами аудиторской деятельности «Понимание деятельности, системы внутреннего контроля аудируемого лица и оценка риска существенного искажения бухгалтерской (финансовой) отчетности» определено, что «система внутреннего контроля – совокупность методов управления, организационных мер, методик и процедур, принятых и осуществляемых собственниками, руководством и другими работниками аудируемого лица, для обеспечения:

- эффективности, результативности и соответствия законодательству хозяйственных операций;
- сохранности активов;
- выявления, исправления и предотвращения искажений информации на уровне бухгалтерской (финансовой) отчетности в целом и на уровне предпосылок ее подготовки;
- достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица» [4].

Важно отметить, что собственники субъекта хозяйствования или их представители заинтересованы в высоком уровне системы внутреннего контроля. Вместе с тем аудиторская организация должна учитывать, что система внутреннего контроля аудируемого лица не может быть абсолютно эффективной, так как на нее могут оказывать влияние различные факторы.

Считаем, что в этой связи необходимо исследовать специфические свойства деривативов, которые повышают риски компании при использовании данных инструментов. Поэтому обратимся к аудиторской практике. Так в Положении по международной практике аудита 1012 «Аудит производных финансовых инструментов» (где предоставляется практическое руководство по планированию и выполнению аудиторских процедур с целью подтверждения утверждений, на основе которых подготовлена финансовая отчетность, в отношении производных финансовых инструментов) выделяются следующие факторы, которые увеличивают риски применения деривативов [5, ст. 7]:

- незначительное или полное отсутствие оттоков/притоков денежных средств, необходимость в которых появляется с наступлением срока исполнения сделки;
- отсутствие минимального остатка и другой фиксированной выплаченной или полученной суммы;
- потенциальные риски или вознаграждения могут намного превысить в конечном итоге текущие расходы;
- стоимость активов или обязательств субъекта может превысить сумму, если таковая имеется, признанного в финансовой отчетности производного инструмента, особенно для субъектов, которые не должны отражать производные финансовые инструменты по справедливой рыночной стоимости в финансовой отчетности.

Как отмечает Ph. Jorion, одним из первых шагов эффективного риск-менеджмента является оценка активов и обязательств по справедливой стоимости. На протяжении длительного периода деривативы отражались в учете на забалансовых счетах, следовательно, не фигурировали в балансе и отчете о прибылях и убытках. Рост рынков производных инструментов и ряд финансовых потрясений из-за убытков по деривативам способствовали принятию в 1998 году стандарта SFAS 133 «Accounting for Derivative Instruments and Hedging Activities» в США (далее SFAS 133), и международного стандарта финансовой отчетности IAS 39 «Financial Instruments: Recognition and Measurement», которые установили требование по обязательной оценке и переоценке справедливой стоимости деривативов с отнесением результатов на прибыль или убыток [6, с. 20]. С 1 января 2019 года в Республике Беларусь введен аналогичный Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Финансовые инструменты», поэтому при наличии операций с деривативами позиции по ним должны будут переоцениваться по справедливой стоимости.

В Международном отчете о практике аудита (МОПА) 1000 «Особенности аудита финансовых инструментов» отмечается, что финансовые инструменты используются [7, ст. 14]:

а. Для целей хеджирования (то есть, чтобы изменить существующую структуру рисков организации). К ним относятся:

- форварды на покупку/продажу валюты с целью зафиксировать будущую обменную ставку;
- конвертация будущих процентных ставок в фиксированные или плавающие ставки за счет использования свопов;
- покупка опционных контрактов с целью защитить организацию от конкретного изменения цены, в том числе контракты, которые могут содержать встроенные производные финансовые инструменты;

б. Для целей торговых операций (например, чтобы организация могла открыть рисковую позицию для извлечения выгоды из краткосрочных колебаний рынка).

с. Для инвестиционных целей (например, чтобы организация могла получить выгоды в форме доходов от долгосрочных инвестиций).

Сложность, присущая некоторым финансовым инструментам, может стать причиной повышенного риска. Бизнес-риск и риск существенного искажения финансовой отчетности повышаются в том случае, когда руководство и лица, отвечающие за корпоративное управление [7, ст. 17]:

- не в полной мере осознают риски, связанные с использованием финансовых инструментов, и их квалификации и опыта недостаточно для управления этими рисками;
- не обладают знаниями и опытом, необходимыми для проведения их надлежащей оценки в соответствии с применимой концепцией подготовки финансовой отчетности;
- не внедрили в организации эффективную систему контроля над операциями с финансовыми инструментами;
- ненадлежащим образом хеджируют риски или проводят спекулятивные операции.

В Международном отчете о практике аудита 1000 «Особенности аудита финансовых инструментов» перечислены следующие виды рисков, характерных для финансовых инструментов [7, ст. 18].

– Кредитный риск (риск неисполнения договорных обязательств контрагентом) – это риск неисполнения одной из сторон финансового инструмента своих обязательств, в результате чего другой стороне будет нанесен финансовый ущерб. Этот риск часто связан с дефолтом. Кредитный риск включает в себя

риск непроведения расчетов, который возникает в том случае, если одна сторона сделки выполнила свои обязательства, а платеж от клиента или контрагента получен не был.

– Рыночный риск – это риск колебаний справедливой стоимости или будущих потоков денежных средств по финансовому инструменту в связи с изменением рыночных цен. В качестве примера можно представить уже ставший классическим пример компании Metallgesellschaft на североамериканском рынке энергоносителей, который рассмотрен многими авторами, например Edwards and Canter (1995), Saha, D. (2011), Evans, R. J. and L. L. Jacque (2004) [8–10]. На первый взгляд, стратегия хеджирования Metallgesellschaft stack-and-roll позволяла с выгодой исключить ценовой риск с помощью синтетического форвардного контракта. В действительности она породила, по крайней мере, еще два вида рисков: риск денежного потока при переносе фьючерсных позиций и риск финансирования/ликвидности в случае крупных убытков при таком переносе. Приведенная стоимость прибылей/убытков по 10-летнему форвардному контракту значительно меньше приведенной стоимости фьючерсного контракта с исполнением через 30 или 60 дней. Другими словами, хедж по принципу «баррель за баррель» был чрезмерен и крайне спекулятивен, поскольку увеличивал зависимость фирмы от цен на нефть.

– Риск ликвидности – это риск, связанный с неспособностью своевременно купить или продать финансовый инструмент по надлежащей цене из-за отсутствия рыночных возможностей для реализации данного финансового инструмента.

– Операционный риск связан с особым порядком обработки, который требуется для финансовых инструментов. Операционный риск может возрасти по мере усложнения условий финансового инструмента. Неэффективное управление операционным риском может привести к усилению рисков других видов. Операционный риск включает в себя:

1) риск того, что средства контроля в форме подтверждения и сверки являются недостаточными, что приводит к неполному или неточному отражению финансовых инструментов в бухгалтерском учете;

2) риск ненадлежащего документального оформления операций и недостаточного мониторинга этих операций;

3) риск неправильного учета и обработки операций и ненадлежащего управления рисками, возникающими в связи с этими операциями, а следовательно, риск неверного отражения экономических аспектов торговых операций в целом;

4) риск излишнего доверия сотрудников к точности методов оценки, проводимой в отсутствие необходимых проверок, в результате чего неправильно выполняется оценка операций либо ненадлежащим образом оценивается связанный с ними риск;

5) риск недостаточного учета использования финансовых инструментов в политике организации в области управления рисками и в соответствующих процедурах;

6) риск убытков из-за недостаточно эффективных или неэффективных внутрикорпоративных процессов и систем или в результате действия внешних факторов, включая риск совершения недобросовестных действий как своими сотрудниками, так и сторонними лицами;

7) риск того, что методы оценки, используемые для измерения финансовых инструментов, применяются неправильно или несвоевременно;

8) правовой риск, который связан с убытками, полученными в результате действий законодательных органов, которые признают недействительным исполнение конечным пользователем обязательств в соответствии с условиями договора или связанных с ним договоренностей о взаимозачете.

По результатам исследования, можно сделать вывод о том, что при оценке системы внутреннего контроля организации следует ознакомиться со спецификой и масштабом ее деятельности, системой его бухгалтерского учета. В результате аудиторская организация принимает решение, может ли она при проведении аудита опираться на систему внутреннего контроля аудируемого лица на основе оценки ее надежности. По нашему мнению, существенное влияние на систему внутреннего контроля организации по операциям с деривативами будут оказывать внутренние и внешние факторы, связанные с риском их применения.

Таким образом, на основе проведенного исследования аудиторской практики и практики ведения бизнеса, обозначим в таблице 1 факторы, которые повышают риски применения деривативов в нефинансовой организации. Это, прежде всего, отсутствие четкого разделения между хеджированием и спекулятивными операциями, в результате чего финансовый департамент становится центром прибыли без надлежащих контрольных процедур, низкая вовлеченность руководства при осуществлении операций хеджирования, отсутствие переоценки внебиржевых деривативов, риски недобросовестных действий и ошибок сотрудников, например, когда открыты слишком большие убыточные биржевые позиции, по которым требуется внесение гарантийного обеспечения, превышающего доступные на данный момент денежные средства, а также ряд других факторов, которые перечислены выше. Если данные факторы потенциально могут оказать влияние на результативность работы организации, от руководства требуются ответные действия в виде разработки и осуществления соответствующей методики контроля в данной сфере.

Таблица 1. – Факторы, повышающие риск применения деривативов в нефинансовой организации

Уровень	Факторы
Внутренние	<ul style="list-style-type: none"> – Отсутствие утвержденной руководством стратегии хеджирования; – Неэффективные коммуникации между отделами при разработке стратегии хеджирования; – Неэффективный контроль соответствия заключаемых сделок стратегии хеджирования; – Отсутствие переоценки внебиржевых деривативов; – Финансовый отдел - центр прибыли за счет осуществления спекулятивных операций; – Отсутствие лимитов на объем позиций и на общий убыток (для спекулятивных операций); – Несоблюдение принципа независимости проверяемого от проверяющих; – Несоблюдение (отсутствие) порядка документооборота по операциям с деривативами
Внешние	<ul style="list-style-type: none"> – Использование внебиржевых деривативов (риск кредитоспособности контрагента); – Наличие крупных биржевых позиций (при возникновении убытка может потребоваться внесение гарантийного обеспечения, существенного превышающего доступные средства); – Неблагоприятные движения рыночных переменных при неполном хеджировании или при проведении спекулятивных операций; – Использование специфических внебиржевых деривативов, от которых при необходимости невозможно избавиться (риск ликвидности); – Чрезмерное навязывание сторонними организациями сложных стратегий хеджирования; – Законодательные ограничения на проведение операций с деривативами и расчетов по таким операциям

Таким образом, установленный перечень факторов, повышающих риск применения деривативов в нефинансовой организации, позволит повысить качество системы внутреннего контроля организации, достоверно оценить влияние на отчетность аудируемого лица операций с деривативами и будет способствовать выражению достоверного мнения в аудиторском заключении.

Следует отметить, что во многих организациях функции по определению политики в отношении объемов операций с финансовыми инструментами, ее утверждению и контролю за ее соблюдением возложены на лица, отвечающие за корпоративное управление, а роль руководства заключается в управлении рисками, которым подвергается организация в связи с этими финансовыми инструментами, и проведении мониторинга данных рисков. Руководство и, если уместно, лица, отвечающие за корпоративное управление, отвечают также за разработку и внедрение системы внутреннего контроля для обеспечения составления финансовой отчетности в соответствии с применимой концепцией подготовки финансовой отчетности. Имеющиеся в организации средства внутреннего контроля, применяемые в отношении финансовых инструментов, вероятнее всего, будут эффективными в том случае, если руководство и лица, отвечающие за корпоративное управление [7, ст. 21]:

- создали соответствующую контрольную среду, обеспечили активное участие лиц, отвечающих за корпоративное управление, в осуществлении контроля за использованием финансовых инструментов, выстроили продуманную организационную структуру с четким распределением полномочий и сфер ответственности, а также внедрили надлежащие процедуры и политику в области управления персоналом;
- внедрили процесс управления рисками с учетом размера организации и уровня сложности используемых организацией финансовых инструментов (может быть создана отдельная функция по управлению рисками);
- внедрили информационные системы, благодаря которым лица, отвечающие за корпоративное управление, могут получить полное представление о характере операций с финансовыми инструментами и связанных с этими инструментами рисках, включая надлежащее документирование операций;
- разработали, документально оформили и внедрили систему внутреннего контроля.

На основе данных о результатах проверок систем внутреннего контроля за составлением финансовой отчетности (ICFR) компаний США за период с 2004 по 2015 Lee et al.s (2018) отмечают, что правильное применение правил бухгалтерского учета для различных типов производных контрактов, полное и своевременное документирование эффективности хеджирования и соответствующие оценки деривативов достаточно часто не соответствуют статье 404 Закона Сарбанеса – Оксли (SOX 2002) в части исполнения положения по учету деривативов SFAS 133. Недостаточные технические знания и опыт в области применения SFAS 133, а также отсутствие надлежащего и периодического надзора за его применением были основными причинами отрицательных заключений по системам внутреннего контроля за составлением отчетности в отношении SFAS 133, что потребовало от компаний внесения дорогостоящих корректировок [11].

К ключевым элементам процессов управления рисками и системы внутреннего контроля, связанным с производными финансовыми инструментами организации, можно отнести следующее:

- разработка подхода к определению уровня риска, который организация готова принять на себя при проведении операций с деривативами (эту готовность иногда называют «аппетитом к риску»), включая

политику в области инвестирования в производные финансовые инструменты, а также принципы контроля, применимые в отношении деятельности, связанной с деривативами;

– внедрение процессов для документального оформления и санкционирования новых видов операций с производными финансовыми инструментами, в которых учтены бухгалтерские, нормативно-правовые, финансовые и операционные риски, связанные с такими инструментами;

– обработка операций с производными финансовыми инструментами, включая подтверждение и сверку имеющихся денежных средств и активов с данными, полученными от третьих сторон, и порядок расчетов;

– разделение обязанностей между лицами, занимающимися инвестированием в производные финансовые инструменты, и лицами, ответственными за обработку и оценку производных финансовых инструментов, и подтверждение соответствующей информации.

Реализация описанных выше действий позволит снизить риски применения деривативов в нефинансовой организации, однако остается вопрос: на какие аспекты руководству следует обратить внимание прежде всего? Ранее нами был предложен ряд критериев с соответствующими градациями уровня риска для оценки того, какие специфические факторы деривативов несут в себе повышенный риск. Данная система критериев оценки риска применения деривативов может применяться как для отдельных сделок, так и для всего портфеля деривативов [12, с. 95]. С учетом данных критериев методика внутреннего контроля операций с деривативами в нефинансовых организациях, по нашему мнению, предполагает реализацию следующих последовательных шагов, которые представлены на рисунке 1.



Рисунок 1. – Предлагаемая методика внутреннего контроля операций с деривативами в нефинансовых организациях

Предлагаемая методика внутреннего контроля предполагает последовательную оценку соответствия фактического использования деривативов утвержденной стратегии хеджирования, проверку реальности заключения и адекватности оценки позиций по деривативам, анализ соответствующих результатов и принятие итогового решения об эффективности хеджирования с помощью деривативов. При этом на каждом из этапов оценка совокупного риска текущего портфеля деривативов по предлагаемым критериям позволит лучше понимать суть и возможные наиболее вероятные риски проверяемых операций.

Данная методика в организации может быть реализована в компании в виде осуществления процедур внутреннего контроля операций с деривативами. Предлагаем выделить отдельные аспекты организации внутреннего контроля операций с деривативами с определением соответствующих функциональных областей (рисунок 2).



Рисунок 2. – Предлагаемые процедуры внутреннего контроля операций с деривативами в нефинансовых организациях

Таким образом, понимание соответствующих аспектов системы внутреннего контроля наряду с оценкой присущих контрольным процедурам видов риска и анализом выделенных ранее факторов позволят определить виды потенциальных существенных искажений по операциям с деривативами, которые могут иметь место при подготовке бухгалтерской (финансовой) отчетности, отвечающей принципам полноты и достоверности.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что при организации системы внутреннего контроля по операциям с деривативами необходимо учитывать влияние ряда специфических внутренних и внешних факторов, которые повышают риски их применения в практике. В результате последовательная реализация предлагаемых контрольных процедур позволит выявить слабые места в системе управления деривативами и принять решение о необходимости дополнительных действий со стороны руководства нефинансовой организации по доведению совокупного уровня риска по операциям с деривативами до приемлемого уровня. Предлагаемые методика и процедуры системы внутреннего контроля по операциям с деривативами позволят формировать достоверную и полную информацию в бухгалтерской (финансовой) отчетности, устанавливать законность, целесообразность и эффективность данных операций в нефинансовой организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жак, Л. Опасные игры с деривативами: Полувековая история провалов от Citibank до Barings, Société Générale и AIG / Лоран Жак ; Пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2017. – 334 с. (Серия «Сколково»)
2. Pirie Derivatives / L. P. Wendy [et.al.]. – Hoboken, New Jersey : John Wiley & Sons, 2017. – 624 p.
3. Масько, Л.В. Взаимобусловленность инвестиционной привлекательности организации и хеджирования / Л.В. Масько, П.И. Паньков // Вестник Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2018. – № 5. – С. 39-46.
4. Национальные правила аудиторской деятельности «Понимание деятельности, системы внутреннего контроля аудируемого лица и оценка риска существенного искажения бухгалтерской (финансовой) отчетности» утв. Пост. Министерства финансов Республики Беларусь от 29.12.2008 № 203 // Министерство финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.minfin.gov.by/upload/audit/rules/postmf_291208_203.pdf. – Дата доступа: 14.11.2019.
5. Положение о международной аудиторской практике 1012 «Аудит производных финансовых инструментов» // Информ. система Параграф [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30206907#pos=1;-173. – Дата доступа: 25.11.2019.

6. Jorion, P. Value at Risk: The New Benchmark for Managing Financial Risk / P. Jorion. – McGraw Hill, 2007. – 3rd edn. – 264 p.
7. Приложение № 21 Международный отчет о практике аудита (МОПА) 1000 «Особенности аудита финансовых инструментов» к приказу Министерства финансов Российской Федерации «О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации» от 24.10.2016 № 192н (ред. от 30.11.2016) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206927/. – Дата доступа: 14.11.2019.
8. Franklin, R. E. & Michael S. Canter, 1995 The Collapse Of Metallgesellschaft: Unhedgeable Risks, Poor Hedging Strategy, Or Just Bad Luck? / R.E. Franklin, S. Michael // Journal of Applied Corporate Finance. – 1995. – Vol. 8(1). – P. 86–105.
9. Saha, D. The Collapse of Metallgesellschaft (MG): Hedging or Speculation / D.Saha // SSRN Electronic Journal. – 2011. doi:10.2139/ssrn.2394915.
10. Laurent, Jacques When a Hedge is a Gamble: An Empirical Investigation (1993-2002) of Metallgesellschaft's High Stakes Debacle / L. Jacques, J. Avsen // The Financier. – 2004. – Vol. 11/12.
11. Lee, S. M. Material Weaknesses in Internal Control in Relation to Derivatives and Hedge Accounting / S. M. Lee, K. J. Park, H. Song, L. Wang // Journal of Corporate Accounting & Finance. – 2018. – № 29(3). – P. 24–31. doi:10.1002/jcaf.22341.
12. Масько, Л.В. Особенности оценки аудиторского риска операций с деривативами / Л.В. Масько, П.И. Паньков // Вестник Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2017. – № 14. – С. 91–96.

Поступила 29.10.2019

INTERNAL CONTROL SYSTEM ON OPERATIONS WITH DERIVATIVES: CURRENT STATE AND AREAS OF IMPROVEMENT

L. MASKO, P. PANKOV

The study of international practice in the internal control system of operations with derivatives has been conducted. As a result, it can be noted, that owners of the business entity and their representatives are interested in a high level of internal control system, which, however, cannot be absolutely effective in terms of operations with derivatives, since the presence of such operations the control system will be affected by internal and external factors. That's why the number of specific factors must be taken into account for operations with derivatives. The proposed methods and procedures of the internal control system for operations with derivatives will allow company to generate reliable information in accounting, establish the legality, expediency and effectiveness of these operations.

Keywords: *accounting, control methods, operations with derivatives, internal factors, external factors.*

УДК 330.341:339.923

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

*канд. экон. наук, доц. О.В. ДОДОНОВ
(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрены объективные предпосылки и преимущества для стран-участниц Евразийского экономического союза в контексте их инновационного развития, проведен критический анализ определения их рейтинга по глобальному индексу инноваций в сравнении с другими странами, определена динамика показателей, позволяющих сопоставить затраты и полученный результат в инновационной деятельности стран-участниц Евразийского экономического союза, определено место каждой из этих стран по уровню инновационного развития в данной межгосударственной организации.

Ключевые слова: *затраты на инновации, глобальный индекс инноваций, Евразийский экономический союз, инновационное развитие, результат инновационной деятельности.*

Введение. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 9 октября 2014 года «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе», страна является членом данного межгосударственного образования (далее – ЕАЭС), в состав которого по состоянию на начало 2019 г. входят также Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Армения и Кыргызская Республика [1].

Членство в этой международной организации предполагает осуществление хозяйственной деятельности стран-участниц в рамках единого экономического пространства (таможенного союза), единого рынка на основе согласованности отраслевых политик, ликвидацию барьеров, ограничений и изъятий во взаимной торговле [2]. Таким образом, синергетическим (общим макроэкономическим эффектом) для всех стран-участниц должно стать: снижение цены на товары благодаря уменьшению издержек перевозки необходимого сырья/экспорта своего готового товара; стимулирование «здоровой» конкуренции на общем рынке ЕАЭС за счёт равного уровня экономического развития; увеличение средней заработной платы благодаря уменьшению издержек и повышению производительности; наращивание производства благодаря увеличению спроса на товары; увеличение благосостояния народов стран ЕАЭС благодаря снижению цен на продукты и увеличению занятости населения в экспансирующихся производствах импорто-, экспортоориентированных фирм; повышение окупаемости новых технологий и товаров благодаря увеличенному объему рынка; увеличение объема валового внутреннего продукта (далее – ВВП) стран ЕАЭС минимум на 25% [2].

Основная часть. Одной из важнейших созданных наднациональных структур ЕАЭС является «Фонд по делам экономического и научно-технического сотрудничества», формирующийся за счет вкладов стран ЕАЭС. Основной функцией данного Фонда является финансирование перспективных наукоемких экономических и научно-технических программ стран-участниц ЕАЭС. Создание Фонда способствует инновационному развитию национальных экономик каждой из стран-участниц, без чего невозможно добиться их модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности в условиях глобальной экономики [3].

Для Республики Беларусь инновационный путь развития является безальтернативным в достижении конкурентных преимуществ в условиях глобализации. Наряду с принятием ряда законодательных актов, программ и стратегий, стимулирующих инновационную деятельность в Республике Беларусь, приоритет инновационного развития определен и в документе, заложенном в основу Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор). Так, статьей 89 Договора одними из основных направлений сотрудничества государств-членов ЕАЭС декларируется поддержка инновационного и научного развития [4, с. 44]; согласно статье 92 Договора, одной из главнейших целей сотрудничества государств-членов ЕАЭС является осуществление эффективного сотрудничества, направленного на повышение инновационной активности на основе проведения совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и стимулирования высокотехнологичных производств [4, с. 45];

Очевидно, что создание ЕАЭС является необходимой мерой достижения конкурентных преимуществ национальных экономик стран-участниц в условиях глобализации. И само развитие стран, ориентированное на интенсивный путь на основе инноваций, является для каждой из них необходимым средством противостояния вызовам стран с развитой рыночной экономикой. В то же время, среди 126 стран мира в 2018 году Республика Беларусь оказалась на 86 месте, согласно Глобальному рейтингу инноваций (Global Innovation Index-2018), улучшив свою позицию в сравнении с 2017 г. лишь на 2 пункта, но ухудшив при этом позиции 2016 г., когда занимала 79-е место, и, особенно – с 2015 г., когда занимала 53-е место [5, с. 20–25].

Если сравнивать данный показатель с 10 странами-лидерами, и 10-странами-аутсайдерами стран-участниц ЕАЭС, то можно представить данный анализ в виде таблицы 1.

Таблица 1. – Сравнительный анализ рейтинга стран-участниц ЕАЭС по Глобальному рейтингу инноваций в 2018 г.

Страна	Рейтинг (баллов)	Место в рейтинге
<i>Страны-лидеры</i>		
Швейцария	68,40	1
Нидерланды	63,32	2
Швеция	63,08	3
Великобритания	60,13	4
Сингапур	59,83	5
Соединенные Штаты Америки	59,81	6
Финляндия	59,63	7
Дания	58,39	8
Германия	58,03	9
Ирландия	57,19	10
<i>Страны ЕАЭС</i>		
Российская Федерация	37,90	46
Республика Армения	32,81	68
Республика Казахстан	31,42	74
Республика Беларусь	29,35	86
Кыргызская Республика	27,56	94
<i>Страны-аутсайдеры</i>		
Боливия	22,88	117
Нигерия	22,37	118
Гвинея	20,71	119
Замбия	20,66	120
Бенин	20,61	121
Нигер	20,57	122
Кот Д'ювар	19,66	123
Буркина Фасо	18,95	124
Того	18,91	125
Йемен	15,04	126

Источник: [5, с. 20–25].

Безусловно, однозначно судить об объективности данного рейтинга невозможно. Так, согласно данным рейтинга, даже Украина, где за последние 4 года фактически разрушена экономика и наука как отрасли, в 2018 г. оказалась на 43 месте. Все соседствующие с Беларусью государства оказались в Топ-50.

Однакостораживает тот факт, что Республика Беларусь по мнению составителей рейтинга, который ежегодно готовят Корнельский университет (США), школа бизнеса INSEAD и Всемирная организация интеллектуальной собственности на основании 81 критерия, начиная с уровня НИОКР (Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) и количества патентных заявок до объема расходов на образование, объединенных в семь основных групп, гораздо ближе к странам-аутсайдерам по баллам, чем не только к странам-лидерам, но и к странам, вошедшим в ТОП-50, среди которых на 50-м месте в 2018 г. была Турция с показателем 37,42 балла, и в которые вошли, например, такие развивающиеся страны, как Молдавия, Чили и Вьетнам.

Среди определенных семи групп, в двух из них рейтинг Республики Беларусь ниже среднего показателя: в группе «Уровень развития рынка» – 91-е место, а в группе «Творческая деятельность» – 122-е место среди 126 стран. Лишь по одной группе («Человеческий капитал и исследования») Республика Беларусь вошла в ТОП-50 стран (34 место), по одной («Уровень развития бизнеса») была близка (53 место), по трем остальным группам была соответственно на 65 месте («Знания и технологии»), 73 месте («Инфраструктура») и 81 месте («Институты»).

Среди сильных сторон Беларуси составители рейтинга указали занятость женщин, соотношение учеников и учителей, количество студентов, экспорт услуг ИКТ, процент компаний, предлагающих обучение сотрудникам, и ряд других направлений, преимущественно связанных со сферой образования. Среди слабых сторон, как и в 2017 году, были указаны нормативно-правовая база, в частности, верховенство права, недостаточная эффективность логистики, НИОКР, вопросы кредитования, творческие товары и услуги и нематериальные активы.

Эмпирические исследования, проведенные специалистами Белстата в 2017 г. на промышленных предприятиях Республики Беларусь, свидетельствуют о том, что наиболее весомыми факторами, препятствующими инновациям, являются: в группе основных и решающих – недостаток собственных денежных средств и высокая стоимость нововведений; в группе значительных – длительные сроки окупаемости нововведений, высокий экономический риск, высокая стоимость нововведений, низкий платежеспособный спрос на новые продукты, недостаток финансовой поддержки со стороны государства, низкий спрос на

инновационную продукцию (работы, услуги) – те факторы, на которые указали более, чем на 500 предприятиях из общего количества исследованных) [6, с. 133].

Анализируя мнение респондентов, можно отметить субъективность в подходах определения факторов, препятствующих инновациям. Так, само внедрение инноваций предполагает снижение затрат в процессе производства. С другой стороны, при отсутствии большого количества финансовых ресурсов на проведение инновационных исследований, альтернативой может быть мобилизация инновационного потенциала персонала предприятий, а не покупка инноваций на стороне, что требует значительно больших затрат, чем достойная оплата труда инноваторов. Парадоксальным можно считать выделения фактора «низкий платежеспособный спрос на новые продукты», что говорит о следующем: либо производят ту продукцию, которая не пользуется спросом, либо цена на данную продукцию завышена, либо и та, и другая причина, что логично, снижает спрос на инновационную продукцию.

В любом случае, сравнивая ключевые показатели инновационной деятельности Республики Беларусь с развитыми экономиками, определяются следующие проблемы: удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе организаций промышленности в Республике Беларусь колебался от 22,8% в 2012 г. до 20,4% в 2018 г. в то время, как в Ирландии он составляет 75%, Канаде и Австрии – 60%, Мексике – 46%, Эстонии – 38%, Латвии – 35%, Словении и Венгрии – 28%. Хотя внутренние затраты на исследования и разработки за счет собственных средств организаций Республики Беларусь и выросли с 12,4% в 2005 г. до 18,9% в 2016 г., они значительно меньше, чем в ведущих странах: Финляндия – 75%, Швеция – 74%, Япония – 74%, Австрия – 71%, США – 70%, Германия – 70%, Дания – 70%, Франция – 64% [7, с. 34].

Данные проблемы актуализируют вопросы совершенствования государственной инновационной политики и выработку стратегических приоритетов инновационного развития Республики Беларусь на современном этапе. При этом, если говорить о возможности взаимовыгодной кооперации на инновационной основе между странами-участницами ЕАЭС как о возможности противостоять глобальным вызовам и конкуренции с развитыми странами, логичным является проведение более глубокого сравнительного анализа уровня их инновационного развития на основе официальных статистических данных национальных органов статистики [6; 8–13].

В первую очередь целесообразно сравнить соотношение динамики затрат и полученного результата в инновационной деятельности пяти стран-участниц ЕАЭС (таблица 2).

Таблица 2. – Соотношение затрат и полученного результата в инновационной деятельности стран-участниц ЕАЭС за 2015–2017 гг.

Показатели сравнительного анализа / страны	Год			Динамика 2017 г. к 2015 г.
	2015	2016	2017	
<i>Внутренние затраты на научные исследования и разработки</i>				
Республика Беларусь, млн. руб. [6, с. 43]	449,5	475,3	617,7	1,37
Российская Федерация, млн. руб. [8, с. 39]	914669,1	943815,2	1019152,4	1,11
Республика Казахстан, млн. тенге [9, с. 5]	69 302,9	66 600,1	68 884,2	0,99
Республика Армения, млн. драмов [10, с. 154]	11 929,9	11 074,4	11 867,6	0,99
Кыргызская Республика, тыс. сомов [11, с. 140]	509 986,0	527 711,9	566 277,4	1,11
<i>Затраты на технологические инновации</i>				
Республика Беларусь, млн. руб. [6, с. 88]	1061,7	774,6	1222,6	1,15
Российская Федерация, млн. руб. [8, с. 66]	735757,7	777518,6	848045,9	1,15
Республика Казахстан, млн. тенге [9, с. 28]	29 618,3	30 193,4	31 459,4	1,06
Республика Армения, млн. драмов	–	–	–	–
Кыргызская Республика, тыс. сомов [11, с. 140]	104 943,0	111 210,1	115 423,1	1,09
<i>Объем выполненных научно-технических работ</i>				
Республика Беларусь, млн. руб. [6, с. 84]	544,3	596,6	725,7	1,33
Российская Федерация, млн. руб. [8, с. 66]	3258254,6	3723693,4	3403055,2	1,04
Республика Казахстан, млн. тенге [9, с. 53]	377 196,7	445 775,7	844 734,9	2,24
Республика Армения, млн. драмов [10, с. 155]	12 634,2	12 100,5	12 228,3	0,97
Кыргызская Республика, тыс. сомов [11, с. 139]	473 879,2	500 300,9	531 592,9	1,12
<i>Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности, процентов</i>				
Республика Беларусь [6, с. 13]	13,1	16,3	17,4	+4,3
Российская Федерация [8, с. 66]	7,9	8,4	6,7	-1,2
Республика Казахстан [9, с. 43]	1,8	1,8	3,2	+1,4
Республика Армения [10, с. 156, 263]	0,9	0,8	0,7	-0,2
Кыргызская Республика [13, с. 15–16]	0,5	1,2	0,2	-0,3

Очевидно, что за проанализированный период среди стран-участниц ЕАЭС Республика Беларусь увеличила внутренние затраты на научные исследования и разработки на 37,0%, что в сравнении с другими

странами – максимальный темп роста. При этом, в Республике Казахстан и Республике Армения эти затраты имели тенденцию к сокращению.

При отсутствии официальных статистических данных по показателю «Затраты на технологические инновации» в Республике Армения, можно сказать, что четыре оставшиеся страны-участницы ЕАЭС увеличивают данный вид затрат. При этом за проанализированный период Республика Беларусь и Российская Федерация обеспечили прирост данного вида затрат на 15,0% – в максимальном объеме.

Отличительной же особенностью Республики Беларусь по данному показателю является то, что данный вид затрат превышает по объему показатель «Внутренние затраты на исследования и разработки», что говорит о существенной поддержке инновационного развития промышленности в стране, с одной стороны, а с другой – ориентированность данной поддержки на практическую целесообразность – инновационное развитие промышленности.

Сравнивая страны-участницы ЕАЭС по динамике показателя «Объем выполненных научно-технических работ», можно отметить, что лишь в Республике Армении данный показатель ухудшился за проанализированный период. По темпам прироста данного показателя Республика Казахстан значительно опередила все страны. Республика Беларусь была на втором месте, опередив Российскую Федерацию и Кыргызскую Республику, демонстрируя 33,0% прироста анализируемого показателя.

Среди всех стран-участниц ЕАЭС Республика Беларусь является лидером по динамике показателя «Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности» за 2015–2017 гг., где ее прирост составил 4,3%. Также Республика Беларусь имеет самый большой процент по этому показателю среди пяти стран, который в два раза превышает его значение в Российской Федерации, где его динамика в 2017 г. ухудшилась на 1,2%. В Республике Казахстан доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной промышленной хоть и увеличилась на 1,4%, однако значительно уступает как Российской Федерации, так и Республике Беларусь. В то же время, при очень низком значении данного показателя в Республике Армения и Кыргызской Республике, его значение в этих странах ухудшилось за исследуемый период.

Проведенный анализ соотношения затрат и полученного результата в инновационной деятельности стран-участниц ЕАЭС за 2015–2017 гг. (см. таблица 2) позволяет поставить под сомнение объективность данных рассчитанного рейтинга специалистами Корнельского университета (США), школы бизнеса INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности (см. таблица 1). Необъективным можно считать сравнительно низкое место Республики Беларусь по отношению к другим странами-участницами ЕАЭС.

Для доказательства данного утверждения целесообразно проанализировать соотношение двух показателей – «Объема выполненных научно-технических работ» к «Внутренним затратам на научные исследования и разработки». В данном соотношении можно определить эффективность использованных средств в области инновационной деятельности, где при превышении первого показателя над вторым (т.е. > 1,0), можно считать, что эти затраты были эффективными (таблица 3).

Таблица 3. – Эффективность затрат инновационной деятельности стран-участниц ЕАЭС за 2015–2017 гг.

Страны	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Динамика 2017 г. к 2015 г.
Республика Беларусь	1,21	1,25	1,17	-0,04
Российская Федерация	3,56	3,94	3,33	-0,23
Республика Казахстан	5,44	6,69	12,26	+6,82
Республика Армения	1,05	1,09	1,03	-0,02
Кыргызская Республика	0,93	0,95	0,94	+0,01

Бесспорным лидером среди стран-участниц ЕАЭС можно считать Республику Казахстан, где результат от инновационной деятельности значительно превышал затраты на протяжении всего проанализированного периода, и улучшился в 6,82 раза. Российская Федерация и Республика Беларусь имеют так же положительный результат в инновационной деятельности, однако темп прироста за 2015–2017 гг. ухудшился, как и в Республике Армении. Среди всех стран-участниц ЕАЭС лишь в Кыргызской Республике результат в инновационной деятельности имел отрицательное значение на протяжении всего проанализированного периода, что объективно отражает и самый низкий рейтинг данной страны по оценкам специалистов Корнельского университета (США), школы бизнеса INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности (см. таблица 1).

Заключение. Таким образом, на основе проведенного сравнительного анализа инновационного развития стран-участниц ЕАЭС можно сделать следующие выводы:

– объединение пяти стран в ЕАЭС безусловно является эффективным средством их инновационного развития и повышения конкурентоспособности в условиях глобальной экономики; в то же время, с учетом того, что странами создан Фонд по делам экономического и научно-технического сотрудничества, необходимо учитывать реальное состояние результативности инновационной деятельности в странах-участницах, и выделять средства из него с учетом эффективности использования затрат и результативности инновационной деятельности;

– проведенные исследования показали, что глобальный рейтинг инноваций, формируемый специалистами Корнельского университета (США), школы бизнеса INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности искажает реальную ситуацию с уровнем инновационного развития стран-участниц ЕАЭС, где среди них лишь рейтинг Кыргызской Республики можно считать объективным с учетом проведенных эмпирических исследований;

– среди стран-участниц ЕАЭС Республика Беларусь имеет преимущества по росту внутренних затрат на научные исследования и разработки, который можно считать объективным на фоне положительного соотношения между затратами и результатами в инновационной деятельности; таким образом данный вид затрат можно увеличивать, как и затраты на технологические инновации, что обусловлено существенным приростом удельного веса инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности, ко которому Республика Беларусь также имеет лидирующие позиции среди стран-участниц ЕАЭС;

– существенным ориентиром для Республики Беларусь является опыт Республики Казахстан в выполнении научно-технических работ и повышении результативности инновационной деятельности – показателей, по которым Республика Казахстан имеет преимущества перед остальными странами-участницами ЕАЭС.

Резюмируя вышеизложенное, можно говорить о том, что создание ЕАЭС имеет свои преимущества в контексте обмена опытом между странами-участницами в сфере инновационной деятельности, что дает возможность повысить уровень их инновационного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://pravo.by>. – Дата доступа 07.02.2019.
2. Евразийский экономический союз [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/ru/test13-1-ru>. – Дата доступа 07.02.2019.
3. Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа 07.02.2019.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе, 24 окт. 2014 г., № 3/3050 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа 07.02.2019.
5. Global Innovation Index 2018. – WIPO. – 430 p.
6. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 136 с.
7. Додонов, О.В. Инновационный менеджмент: электронное средство обучения (ЭСО) для студентов технических специальностей / О.В. Додонов, А.Р. Лавриненко. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – 350 с.
8. Наука. Технологии. Инновации: 2019: крат. стат. сб. / Н.В. Городникова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2019. – 84 с.
9. Наука и инновационная деятельность Казахстана : стат. сб. ; гл. ред. Н.С. Айдапкелов. – Астана : Мин-во нац. экономики Респ. Казахстан ; Комитет по статистике, 2018. – 69 с.
10. Statistical Yearbook of Armenia = Статистический ежегодник Армении 2018. – Ереван, Комитет по статистике, 2019. – С. 118–160.
11. Образование и наука в Кыргызской Республике, 2013–2017 : стат. сб. – Бишкек : Нац. стат. комитет Кыргызской Республики, 2018. – 144 с.
12. Статистический ежегодник Кыргызской Республики / Под ред. А. Султанова. – Бишкек : Нац. стат. комитет Кыргызской Республики, 2018. – 466 с.
13. Промышленность Кыргызской Республики 2013-2017. - Б.:Нацстатком Кырг. Респ., 2018. – 330с.

Поступила 11.02.2019

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INNOVATION DEVELOPMENT OF THE PARTICIPATING COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

O. DODONOV

In the article objective prerequisites and advantages for the participating countries of Eurasian economic union in the context of their innovation development are examined, is carried out the critical analysis of the determination of their rating from the global index of innovations in the comparison with other countries, the dynamics of the indices, which make it possible to compare expenditures and obtained result in the innovation activity of the participating countries of Eurasian economic union, is determined, is determined the place for each of these countries according to the level of innovation development to this intergovernmental organization.

Keywords: *expenditure for innovation, global index of innovations, Eurasian economic union, innovation development, result of the innovation activity.*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347.77

**СООТНОШЕНИЕ ДОМЕННОГО ИМЕНИ
С ОБЪЕКТАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ****Т.В. СЕМЁНОВА***(Полоцкий государственный университет)*

Выделены свойства доменного имени и обосновано, что они однородны свойствам средств индивидуализации. Установленные свойства, тождественные со свойствами средств индивидуализации, демонстрируют обоснованность применения сходной модели регулирования отношений, связанных с использованием доменных имен, взаимоувязанной с правовыми режимами иных средств индивидуализации в единую систему.

Ключевые слова: *домен, доменное имя, объект интеллектуальной собственности, объект гражданского права, патентное право, авторское право, средство индивидуализации, интернет-ресурс, гражданский оборот, правовой режим.*

Введение. Согласно ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) объектами интеллектуальной собственности являются охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (далее – СИ). К результатам интеллектуальной деятельности можно отнести произведения науки, литературы и искусства, исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хау). К СИ участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг причислены фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания.

Существуют и другие результаты интеллектуальной деятельности и СИ участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг в случаях, которые предусмотрены ГК и иными законодательными актами Республики Беларусь.

Доменные имена, которые на сегодняшний день не имеют четко прописанного на законодательном уровне режима, по всей видимости, из всех объектов гражданского оборота ближе всего стоят именно к данной категории объектов права. По этой причине следует акцентировать внимание на сходствах и различиях между доменным именем и объектами интеллектуальной собственности в целях определения места доменного имени в гражданском сегменте законодательного комплекса Республики Беларусь.

Основная часть. Прежде всего, доменные имена нельзя отождествлять с объектами патентного права – изобретениями, промышленными образцами и полезными моделями.

По своей природе доменное имя не является «техническим решением в любой области, относящимся к продукту (устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), которому предоставляется правовая охрана, если оно является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо» (п. 2 ст. 1000 ГК); «техническим решением, относящимся к устройству, которому предоставляется правовая охрана, если оно является новым и промышленно применимым» (п. 3 ст. 1000 ГК); «художественно-конструкторским решением изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства, определяющим его внешний вид, которому предоставляется правовая охрана, если по своим существенным признакам оно является новым и оригинальным» (п. 4 ст. 1000 ГК).

Несмотря на то, что из-за технических особенностей регистрации доменные имена неспособны повторять друг друга в рамках национального домена или домена общего пользования, в целом, они не являются ни техническим решением, ни художественно-конструкторским решением, а также не имеют ни изобретательского уровня, ни промышленной применимости. Кроме того, по своей сути доменные имена по определению вряд ли могут считаться изобретениями в правовом смысле. Еще один довод в пользу различия между доменным именем и объектом патентного права состоит в том, что последний может неоднократно воспроизводиться, повторяться, копироваться (с разрешения правообладателя), тогда как доменное имя существует в единственном экземпляре.

Таким образом, доменные имена не являются объектами патентного права.

Цивилисты М.В. Батынов и И.В. Кисельников рассматривали возможность отнесения доменного имени к объектам авторского права. Они отмечают, что «само по себе доменное имя не может быть отнесено к произведениям науки, литературы и искусства, подпадающим под действие авторского права. По мнению М.В. Батынова, «однако, если доменное имя, во-первых, идентифицирует сайт, являющийся произведением науки, литературы и искусства, и, во-вторых, оно является результатом творческой деятельности, то доменное имя должно признаваться объектом авторского права как составная часть соответствующего произведения, которым в данном случае будет весь сайт целиком» [1].

Принимая во внимание объективную форму выражения доменного имени (цифровое и (или) символическое наименование) и техническую сторону его функционирования, доменное имя нельзя отнести к объектам авторского права, имеющим творческий характер.

Научными произведениями являются результаты научно-исследовательской работы, которые, например, могут быть выражены в форме отчетной научно-технической документации – «комплекте документов, отражающих объективную информацию о содержании и результатах научно-исследовательской работы» [2].

На основании изложенного можно отметить четкую связь научного произведения с проведением работ научно-исследовательского характера и обобщением полученных исследовательских результатов. У доменных имен подобная связь отсутствует.

В ГК отсутствует понятие литературных произведений. Под литературными произведениями в узком смысле профессор А.П. Сергеев предлагает понимать «художественные произведения, выраженные в словесной форме», а в широком смысле – «литературным произведением охватывается любое произведение, в котором выражение мыслей, чувств и образов осуществляется посредством слова в оригинальной композиции и посредством художественного изложения» [3].

Исследователь С.П. Гришаев указывает, что к произведениям литературы можно отнести «художественные произведения, выраженные в словесной форме, к произведениям науки – любые произведения, основное содержание которых состоит в выработке и систематизации объективных знаний об окружающей нас действительности, включая произведения научной литературы. К произведениям искусства относятся все остальные произведения художественного творчества, включая произведения живописи, архитектуры, музыки, декоративно-прикладного искусства и т.д.» [4].

Правовед В.А. Дозорцев отмечает, что «частные письма могут быть объектом авторского права, хотя бы отнесение их к произведениям науки, литературы или искусства затруднительно. То же относится и к шахматным и шашечным задачам и композициям» [5]. Кроме того, С.П. Гришаев говорит о трех признаках, которые могут способствовать признанию определенного произведения объектом авторского права: а) творческий характер; б) объективная форма; в) возможность воспроизведения тем или иным способом, при котором возможно его восприятие. При этом автор отмечает, что «творческий характер произведения по-разному толкуется юристами, однако наиболее распространенным является мнение, по которому творческой признается самостоятельная деятельность, в результате которой создается произведение, отличающееся новизной» [4]. Автору представляется, что доменные имена не могут относиться и к объектам авторского права. Согласно части 1 статьи 992 ГК, объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения: литературные произведения, драматические и музыкально-драматические произведения, произведения хореографии и пантомимы и другие сценарные произведения, музыкальные произведения с текстом и без текста; аудиовизуальные произведения, компьютерные программы и иные произведения.

Действующее законодательство Республики Беларусь также не обозначает критерии, посредством которых можно было бы определить, является ли творческое начало в произведении достаточным для того, чтобы оно охранялось в качестве объекта авторского права. Существенное значение этот вопрос имеет в тех случаях, когда встает вопрос о правовой охране названий или заголовков, афоризмов, состоящих из нескольких, а иногда из одного слова. В соответствии со сложившейся судебной практикой минимальное творческое начало в заголовке или названии, состоящем только из одного слова, отсутствует, и, соответственно, они авторским правом не охраняются. В остальных случаях вопрос решается в зависимости от конкретных обстоятельств [5, с. 28].

Отвечая на вопрос, охраняется ли объект авторским правом, и осуществляя его оценку по критерию «творчество», М.В. Лабзин в своей работе «Оригинальность объекта авторского права» предлагает «в каждом конкретном случае оригинальность искать не в самом объекте авторского права, а в проделанной при его создании работе» [6, с. 20–27].

На основании изложенного можно выделить две точки зрения на критерий «творчество»: сторонники первой считают, что произведение отвечает указанному критерию, когда является новым – неизвестным не только для лица, получившего результат, но и для остальных третьих лиц. Противники этой теории считают, что целесообразнее учитывать не конечный результат, а затраченный на его получение объем творческих работ. Что касается доменных имен, они, в некоторой степени, изначально обладают такой чертой, как относительная новизна ввиду технических особенностей их создания и функционирования. Однако, ничто не мешает технически зарегистрировать доменное имя сначала в национальных доменах, а затем такое же идентичное наименование – в разнообразных доменах общего пользования. Что касается объема творческой работы, он, несомненно, присутствует: будущему владельцу доменного имени его необходимо придумать, но вряд ли уместно сравнивать указанный объем работы с усилиями, затраченными на создание литературных или научных произведений.

Целесообразно отметить, что доменные имена не соответствуют в полной мере критерию «творческий характер», предъявляемому к произведению, претендующему на охрану авторским правом. Объекты авторского права должны быть выражены в объективной форме», допускающей возможность их восприятия. Указанные требования обусловлены тем, что «поскольку сам объект (произведение) существует нематериально, то без выражения в объективной форме произведение не может быть воспринято другими людьми и не может быть признано объективно существующим».

Согласно пункту 3 статьи 992 ГК авторские права распространяются как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме. Доменные имена в целом отвечают таким условиям, предъявляемым к объектам авторского права, как «объективная форма и возможность воспроизведения с целью восприятия» – ведь доменные имена непосредственно связаны с их восприятием пользователями сети Интернет. Они адресуют (направляют) пользователей сети Интернет на определенный ресурс (интернет-страницу) сети и индивидуализируют указанный ресурс. При этом объективной формой такого выражения (воспроизведения) является цифровая форма. Более того, если, например, изменить объективную форму доменного имени с цифровой на письменную, доменное имя утратит функцию адресации, но сохранит черты, индивидуализирующие интернет-ресурс (например: «PRESIDENT.GOV.BY», «BELARUSBANK.BY», «VAK.ORG.BY», «EDU.GOV.BY»). Доменные имена по смыслу статьи 1010 ГК не могут относиться к секретам производства (ноу-хау) [7, с. 24].

Доменное имя уникально, оно представляет собой запоминаемое имя или набор символов (цифр) и может вызывать у потребителей ассоциацию с конкретным участником хозяйственного оборота или его деятельностью. Важно также, что доменное имя не только появляется в адресном поле, когда пользователь Интернета выходит на интернет-страницу, но и обязательно фиксируется в распечатке этой страницы, указывается наряду с прочими реквизитами на фирменных бланках, визитных карточках, в рекламе и т.д. [8, с. 302]. Исследователь И.А. Долина, принимая в расчет то, что доменное имя по техническим причинам может быть только уникальным, рассматривает этот факт как основное преимущество при конкуренции с традиционными СИ, и утверждает, что «Доменное имя – самое удобное для потребителей средство индивидуализации, будущая основа товарных знаков и фирменных наименований XXI века» [9].

Говоря о СИ объекта гражданского оборота, особо стоит отметить связь товарного знака и доменного имени, которые чаще всего и становятся предметом судебных разбирательств как в отечественной, так и зарубежной судебной практике. Согласно статье 1017 ГК Республики Беларусь «товарным знаком и знаком обслуживания ... признается обозначение, способствующее отличию товаров и (или) услуг одного лица от однородных товаров и (или) услуг других лиц». Таким образом, регистрация доменного имени, схожего, созвучного или воспроизводящего зарегистрированный товарный знак, может впоследствии стать причиной судебного разбирательства. Как правило, определяющими критериями для признания нарушения прав являются следующие: доменное имя полностью аналогично вербальной составляющей товарного знака либо сходно с ним, но содержит опечатку, созвучно (что, в свою очередь, вводит в заблуждение, пользователя сайта, который может ошибочно ассоциировать доменное имя с известным ему товарным знаком). Особую важность подобная ситуация приобретает в том случае, если владелец доменного имени намеренно использует сходство с существующим товарным знаком в корыстных целях.

Согласно разъяснению Ж.Б. Шкурдюк, заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, председателя судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности, перечень в статье 3, в отличие от статьи 20 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания», не называет нарушением использование чужого товарного знака в сети Интернет, в том числе в доменном имени. Так, в соответствии со статьей 20 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» использованием товарного знака признаются его использование путем применения товарного знака на товарах, для которых он зарегистрирован, а также на этикетках, упаковках, в глобальной компьютерной сети Интернет (в том числе в доменном имени), на документации, связанной с введением товара в гражданский оборот, при выполнении работ, оказании услуг либо использование товарного знака с изменением его отдельных элементов, не влияющим на его различительную способность и не ограничивающим правовую охрану, предоставленную товарному знаку.

Использование может быть признано также применением товарного знака в рекламе, печатных изданиях, на вывесках, при демонстрации экспонатов на выставках и ярмарках, проводимых в Республике Беларусь, при наличии уважительных причин неиспользования товарного знака на товарах или их упаковке.

Согласно статье 3 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» нарушением прав владельца товарного знака признаются несанкционированные изготовление, применение, ввоз, предложение к продаже, продажа и иное введение в гражданский оборот или хранение с этой целью товарного знака или товара, обозначенного этим знаком, или обозначения, сходного с ним до степени смешения, в отношении однородных товаров, а также неоднородных товаров, обозначенных товарным знаком, признанным общеизвестным в Республике Беларусь.

Поскольку указанная норма не содержит исчерпывающего (закрытого) перечня возможных видов использования товарного знака, использование товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения в доменном имени и других способах адресации в сети Интернет можно считать иным введением в гражданский оборот товарного знака.

Следовательно, отсутствие в статье 3 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» указания, что использование в доменном имени чужого товарного знака является нарушением прав владельца товарного знака, не может являться основанием для отказа в защите права на товарный знак и не является препятствием для признания судом таких действий нарушением [10].

Столкновение прав на доменное имя и прав на товарный знак происходит по причине схожих функций данных объектов – и тот, и другой индивидуализируют товар или услугу, то есть помогают потребителю запомнить ту или иную продукцию, услугу, бренд, компанию. Существенное значение имеет имиджевая составляющая, которая присутствует, в принципе, у всех СИ, как и у доменных имен. Однако нельзя сказать о прямой связи между товарным знаком и доменным именем.

Ключевым различием доменного имени и товарного знака является то, что доменное имя представляет собой такое СИ, которое может выражаться исключительно в вербальной форме, в виде цифр или сочетания цифр и букв. Товарный знак имеет множество других форм: он может быть объемным, являться изображением, а также представлять комбинацию вышеперечисленных категорий. Отнесение доменных имен в группу товарных знаков на законодательном уровне может повлечь несоответствие законодательных норм реальным явлениям окружающей действительности и несоответствию правового урегулирования данного аспекта.

Однако существует точка зрения, что доменное имя – это, по сути, и есть товарный знак, но такой знак, который используется в рамках сети Интернет. Против приравнивания этих объектов гражданского права выступает А. Осокин, который утверждает, что, придерживаясь такой позиции, можно столкнуться с целым спектром новых проблем: «за бортом окажутся объекты «по определению» не являющиеся товарными знаками». В качестве примеров таких объектов он приводит международные непатентуемые названия фармацевтических препаратов, названия межправительственных организаций, личные имена, названия иных объектов окружающего мира и другие [11, с. 31]. Исследователь А. Осокин приходит к выводу о необходимости осознания того факта, что «наименования доменов – это самостоятельные объекты права» [11, с. 31]. Доменное имя само по себе являет ценность, не будучи зарегистрированным для определенного товарного знака. По мнению А. Осокина, сегодня Интернет больше не является каналом передачи информации из реального мира в виртуальный, он сам становится рынком осуществления сделок [11, с. 35]. При этом доменное имя является важным самостоятельным объектом данного рынка. Выявление данной проблемы показывает неизбежность дальнейшего совершенствования законодательства о средствах индивидуализации: должно быть определено место доменных имен в системе средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана и определен их правовой режим.

Стоит упомянуть также и тот факт, что право на товарный знак может принадлежать и одному лицу, и коллективу владельцев, причем возможна такая ситуация, когда товарный знак правомерно используется не только производителем данного товара, и другими его владельцами. У доменного имени, напротив, существует один владелец, а то обстоятельство, ведет ли он какую-либо предпринимательскую деятельность или нет, не имеет аналогичного значения [11, с. 60].

По мнению А.Г. Серго, с точки зрения уникальности товарный знак обладает как абсолютной, так и относительной уникальностью (в случае нового использования существующего товарного знака), а «доменное имя обладает только признаком абсолютной уникальности в связке с той доменной зоной, в которой зарегистрирован домен». Правовая коллизия доменного наименования и товарного знака разрешима в случае адекватного национального законодательного регулирования в данной сфере, включающего, помимо всего прочего, четко прописанный принцип приоритетной регистрации доменных имен для владельцев одноименных товарных знаков. Нарушение прав владельцев товарных знаков происходит независимо от уровня домена: «использование товарного знака может иметь место не только в домене второго, но и третьего, четвертого и других уровней» [12, с. 74]. Соответственно, товарный знак и доменное имя являются разными СИ, из чего следует вывод о необходимости их раздельного законодательного регулирования.

В связи с вышеизложенным актуальны следующие авторские предложения. В случае, если доменное имя полностью или частично воспроизводит, сходно до степени смешения с товарным знаком, фирменным наименованием или географическим указанием, права на которые принадлежат третьему лицу, его регистрация должна быть аннулирована принудительно в судебном порядке либо добровольно по соглашению сторон. Приоритет даты регистрации доменного имени является основанием для отказа в защите права на товарный знак, фирменное наименование или географическое указание. Такой подход подтверждается следующим.

Существенным отличием доменных имен от товарных знаков является характер используемых обозначений. Для доменного имени может использоваться практически любая буквенно-цифровая комбинация, в то время как к словесным товарным знакам предъявляются жесткие требования. Если признать, что доменное имя – это товарный знак, используемый в Интернете, то прекращение права на товарный знак неизбежно должно вести к потере права лица и на доменное имя. Норма пункта 3 статьи 3 Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания» не содержит понятия «доменное имя» и, таким образом, непосредственно не относит регистрацию и (или) использование товарного знака в доменном имени к действиям, нарушающим права его владельца. ГК также не оперирует понятием «доменное имя».

Еще один объект права, который может тем или иным образом соотноситься с доменным именем – фирменное наименование. Некоторые юристы считают, что среди всех объектов интеллектуальной собственности и СИ доменное имя ближе всего именно к фирменному наименованию [13, с. 81]. Однако понятие фирменного наименования гораздо шире понятия «доменное имя», ведь доменное имя, будучи категорией

виртуальной, не может быть перенесено в материальный мир, тогда как фирменное наименование, используемое юридическим лицом «на товарах, их упаковке, в рекламе, вывесках, проспектах, счетах, печатных изданиях, официальных бланках и иной документации, связанной с его деятельностью, а также при демонстрации товаров на выставках и ярмарках, которые проводятся на территории Республики Беларусь» (ст. 1013 ГК), чаще всего используется применительно к субъектам материальной действительности. Хотя в отличие от товарного знака, фирменное наименование выражается на словесном уровне, что, несомненно, сближает его с доменным именем, стоит также отметить, что фирменное наименование может существовать в полной и сокращенной форме, а доменное имя подобных сокращений не имеет, более того, оно постоянно «привязано» к доменной зоне и без «окончания» («.BY», «.RU», «.ORG») недействительно. Помимо этого, без указания доменного уровня доменное имя теряет часть своей идентичности, имиджевого компонента, о котором было упомянуто ранее. К примеру, сегодня большинство потребителей узнают иностранные, российские и белорусские доменные имена только в «связке»: «MAIL.RU», «OZ.BY», «TUT.BY» и т.п.

Следует отдельно отметить, что в судебной практике при совпадении, полном или частичном, доменного имени и фирменного наименования, судебные органы, как правило, учитывают сферу деятельности того веб-сайта, который идентифицируется доменным именем, воспроизводящим такое наименование.

Приоритет даты регистрации доменного имени может являться основанием для отказа в защите права на товарный знак, фирменное наименование или географического указания. В меньшей степени доменное имя схоже с географическим указанием. Хотя доменное имя второго уровня и содержит в себе указание на определенную территорию, оно никоим образом не может быть причислено к географическому указанию, являющемуся согласно статье 10-24 ГК «обозначением, которое идентифицирует товар как происходящий с территории страны либо из региона или местности на этой территории, где определенные качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением». Регистрация доменного имени в той или иной зоне может влиять лишь на его юрисдикцию в случае судебного разбирательства. Кроме того, доказательством невозможности отнести его к данной группе СИ может служить наличие доменных зон типа «.TV», которые со временем потеряли свою географическую «привязку».

Говоря о СИ и их связи с доменными именами, стоит выделить СИ, используемые физическими лицами, – имена и фамилии. Так как доменное имя может воспроизводить имя и/или фамилию лица, что может быть расценено как нарушение прав гражданина, данных ему ГК, в частности, пунктом 5 статьи 18: «Вред, причиненный гражданину в результате неправомерного использования его имени, подлежит возмещению в соответствии с законом». При этом в случае искажения либо использования «имени гражданина способами или в форме, затрагивающими его честь, достоинство или деловую репутацию, применяются правила, предусмотренные статьей 153 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» ГК [14].

Взаимосвязь этих двух категорий вытекает также из того факта, что в большинстве стран мира, в том числе и в Республике Беларусь, запрещено такое использование имени физического лица, которое создавало бы впечатление, что информация, содержащаяся на сайте с одноименным доменным именем, публикуется с одобрения носителя или самим носителем данного имени. Конечно, в связи с вышеизложенным возникает множество противоречий (к примеру, однофамильцы, граждане с идентичными именами и фамилиями), которые не могут быть предусмотрены законодательством в полном объеме и поэтому должны рассматриваться судами в индивидуальном порядке.

Исходя из указанных особенностей и существующей практики выбора доменных имен, можно заключить, что доменное имя – это, по сути, СИ, которое позволяет потребителям и пользователям просто и эффективно находить в виртуальном пространстве известные им в хозяйственном обороте наименования.

Целесообразно отметить, что В.Б. Наумов разделяет понятия «домен» и «доменное имя» и при этом справедливо указывает на тот факт, что доменное имя является объектом, который со временем сформировался в самостоятельное СИ. Позднее В.Б. Наумов в своей работе «Право и Интернет: очерки теории и практики» предлагает усовершенствованное с правовой точки зрения определение: «Доменное имя – это особый объект права, использование которого технически обеспечивается в рамках системы ОКБ-серверов, выполняющий функции индивидуализации информационных ресурсов в сети Интернет и обладающий высокой оборотоспособностью» [15, с. 196]. В указанном определении содержится вывод о том, что доменное имя не только является особым объектом права – СИ, но и способно самостоятельно участвовать в гражданском обороте. Единственная группа объектов гражданских прав, к которым можно отнести доменные имена, – это СИ, что подтверждается вышеизложенным. При этом не следует применять все правовые нормы, касаемые СИ, так как доменное имя – правовая реалья, имеющая свою четкую специфику.

Таким образом, доменное имя, несмотря на схожесть с другими объектами интеллектуальной собственности, не может быть приравнено ни к одному из них. Единственная группа объектов гражданских прав, к которым можно отнести доменные имена – это СИ [16, с. 27]. Доменные имена не только выполняют свои специфические функции, но и фактически находятся в тесной взаимосвязи с признанными средствами индивидуализации, а значит должны иметь правовой режим, взаимоувязанный с правовыми режимами иных средств индивидуализации в единую систему.

Отношения правообладателей доменного имени и правообладателей СИ, объектов интеллектуальной собственности в мире зачастую основываются на концепции добросовестности, которая подтверждается определенными критериями. Говоря об отношениях правообладателя доменного имени и других лиц, чьи права могут быть потенциально нарушены при использовании данного доменного имени, стоит отметить, что в Республике Беларусь нет отдельного правового акта, регламентирующего данный аспект правоотношений, связанный с доменными именами. По этой причине при возникновении коллизии прав на другие объекты гражданского права и прав на доменные имена следует обращаться к законодательным источникам общего порядка, таким, как, к примеру, ГК. Также возможно изучение международной законодательной и судебной практики, касающейся отношений между правообладателем доменного имени и владельцами прав на объекты интеллектуальной собственности и других объектов гражданского оборота, с целью ее последующего внедрения в белорусскую законодательную и судебную практику.

По причине отсутствия законодательно установленных обязательств владельца доменного имени по отношению к субъектам права на такие СИ, как фирменное наименование и товарный знак (а именно с данными объектами гражданского права возможны правовые коллизии), говоря об обязанностях владельца доменного имени, следует исходить из ГК Республики Беларусь, модифицируя права, применимые к СИ, однако не признавая исключительное право на доменное имя. К примеру, согласно статье 1013 ГК, юридическое лицо обладает исключительным правом использовать фирменное наименование на товарах, их упаковке, в рекламе, вывесках, проспектах, счетах, печатных изданиях, официальных бланках и иной документации, связанной с его деятельностью, а также при демонстрации товаров на выставках и ярмарках, которые проводятся на территории Республики Беларусь. Здесь целесообразны дополнения о том, что юридическое лицо, владеющее товарным знаком или фирменным наименованием, также наделяется правом приоритетной регистрации одноименного или схожего доменного имени, оформленные как в виде дополнительной статьи 1013-1 ГК, так и включенные в состав отдельного нормативного правового акта, регламентирующего права на доменное имя. Так как фирменное наименование юридического лица может быть использовано в принадлежащем ему товарном знаке (статья 1014), то отсюда проистекает и тот факт, что доменное имя, будучи СИ, также не может повторять другие СИ третьих лиц.

Несмотря на то, что признание исключительного права на доменное имя вряд ли возможно (в отличие от имущественного), тем не менее, многие обязанности и права субъектов будут схожи с правами и обязанностями владельцев СИ. Обладателю права на доменное имя как СИ участников гражданского оборота принадлежат имущественные права в отношении данного доменного имени.

Отсутствие в статье 3 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» прямого указания на то, что использование в доменном имени в сети Интернет чужого товарного знака является нарушением прав владельца товарного знака, не препятствует признанию судом таких действий правонарушением, так как указанная норма не содержит исчерпывающего (закрытого) перечня возможных видов использования товарного знака. Нарушением прав на товарный знак может быть признано не только несанкционированное применение товарного знака на самих товарах, но и иное введение в гражданский оборот, к чему может быть отнесено использование товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения в доменном имени в сети Интернет в отношении однородных товаров и услуг.

Заключение. Доменные имена не могут являться объектами патентного права. По понятным причинам доменное имя не может быть отнесено в такие категории авторского права, как фотографические и архитектурные произведения, карты, планы, эскизы, произведения живописи, декоративно-прикладного и сценографического искусства, хореографические, драматические и аудиовизуальные произведения. Наличие творческой составляющей, являющейся определяющим критерием для объектов авторского права, также практически недоказуемо. Соотнесение доменного имени с понятием «географическое указание» вряд ли возможно: доменное имя уже давно стало частью имиджа компании, оно обладает узнаваемостью и является само по себе важным параметром успешности компании. Доменные имена ближе всего соотносятся с понятием «СИ».

Если признать, что доменное имя – это товарный знак, используемый в сети Интернет, то прекращение права на товарный знак неизбежно должно вести к потере права лица и на доменное имя. Доменное имя часто ассоциируют с фирменным наименованием, однако фирменное наименование шире понятия «доменное имя», по той причине, что оно функционирует не только в виртуальном, но и в материальном мире. Но в меньшей степени доменное имя походит на географическое указание, несмотря на то обстоятельство, что доменное имя содержит указание на определенную территорию.

Обосновано, что приоритет даты регистрации доменного имени может являться основанием для отказа в защите права на товарный знак, фирменное наименование или географического указания. Доменные имена не только выполняют свои специфические функции, но и фактически находятся в тесной взаимосвязи с признанными средствами индивидуализации, а значит должны иметь правовой режим, взаимосвязанный с правовыми режимами иных СИ в единую систему.

Доменное имя по своим характеристикам тождественно СИ. Оно, как и СИ обладает коммерческой ценностью, права на него участвуют в гражданском обороте: передаются на основании определенных видов договоров; срок действия, по истечению которого право утрачивается без возникновения особых условий, отсутствует; необходимым требованием к возникновению прав является регистрация государственным органом / юридическим лицом-регистратором; доменные имена, как и СИ, обладают уникальностью для возникновения прав на них, и предусмотрена возможность проверки на уникальность; установлены

ограничения для содержания слов, входящих в объекты; и доменные имена, и СИ выполняют общую функцию идентификации продукции, работ и услуг и предприятий (в случае с доменным именем, если оно индивидуализирует ресурс с предложением товаров, работ, услуг).

Признаки, отличающие доменное имя от СИ: обладателем прав на доменное имя может быть, наряду с юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем, физическое лицо; сфера использования не ограничена применением в области предпринимательской деятельности; отсутствуют территориальные пределы в силу особенности сети Интернет; доменное имя индивидуализирует в первую очередь какой-либо интернет-ресурс, но может идентифицировать товары, работы или услуги; доменное имя в каждой отдельно взятой доменной зоне уникально; доменное имя имеет не только содержательные ограничения (принадлежность слов стоп-листу регистратора), но и технические (например, количество символов и состав символов); невозможность совместного правообладания. С иными объектами тождественных свойств не установлено.

Право на доменное имя имеет общие черты с правами на иные СИ. Доменные имена не только выполняют свои специфические функции, но и фактически находятся в тесной взаимосвязи с признанными СИ, а значит должны иметь правовой режим, взаимоувязанный с правовыми режимами иных средств индивидуализации в единую систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батынов, М.В. Доменное имя как объект авторских прав [Электронный ресурс] / М.В. Батынов, И.В. Кисельников // Восьмая конференция представителей региональных научно-образовательных сетей. – Режим доступа: http://www.ict.edu.ru/vconf/index.php?a=vconf&c=getForm&t=thesisDesc&d=light&id_sec=37&id_thesis=712. – Дата доступа: 01.10.2019.
2. Порядок выполнения научно-исследовательских работ : ГОСТ 15.101-98. – Введ. 07.01.2000. – Минск : Межгос. совет по стандартизации, методологии и сертификации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.docme.ru/doc/10187/gost15.101-98>. – Дата доступа: 10.04.2019.
3. Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник / А.П. Сергеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2000. – 752 с.
4. Гришаев, С.П. Интеллектуальная собственность / С.П. Гришаев. – М. : Юристъ, 2004. – 238 с.
5. Дозорцев, В.А. Авторское дело в суде. Научно-практический комментарий / В.А. Дозорцев. – М., 1985. – 87 с.
6. Лабзин, М.В. Оригинальность объекта авторского права / М.В. Лабзин // Патенты и лицензии. – 2007. – № 7. – С. 16–27.
7. Семёнова, Т.В. Возникновение и прекращение права на доменное имя в Республике Беларусь / Т.В. Семёнова // Право интеллектуальной собственности. – 2015. – № 3(41). – С. 23–26.
8. Пауль, И.А. Актуальные проблемы незаконного использования товарных знаков / И.А. Пауль, Е.С. Говорова // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки : сб. статей Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск, 15–16 мая 2009 г. / СибГТУ ; редкол.: Е.А. Банщикова [и др.]. – Красноярск, 2009. – С. 300–303.
9. Долина, И.А. К вопросу о правовом режиме доменных имен / И.А. Долина // Сб. науч. тр. юридического факультета СевКавГТУ. – 2004. – № 6. – С. 20–26.
10. Шкурдюк, Ж.Б. Перечень действий, предусмотренных статьями 3 Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания», свидетельствующих о нарушении прав на товарный знак [Электронный ресурс] / Ж.Б. Шкурдюк // КонсультантПлюс. Беларусь : раздел «Консультации» / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
11. Осокин, А. Правовой статус наименований доменов: соотношение наименований доменов и товарных знаков / А. Осокин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2002. – № 7. – С. 34–35.
12. Серго, А.Г. Доменные имена / А.Г. Серго. – М. : Бестселлер, 2006. – 368 с.
13. Немец, Ю. Наименование домена в Интернете: новый объект права интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Немец. – М., 2004. – 155 л.
14. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. №218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 05.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
15. Нагорный, Р.С. Доменное имя как объект гражданского права / Р.С. Нагорный // Журн. рос. права. – 2008. – № 2. – С. 122–132.
16. Пальшина, Т.В. (Семёнова, Т.В.) Доменное имя и средство индивидуализации: антагонизм или конвергенция / Т.В. Пальшина (Т.В.Семёнова) // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2010. – № 2. – С. 27–28.

Поступила 10.09.2019

RELATIONSHIP OF A DOMAIN NAME WITH INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

T. SIAMIONAVA

The author singled out the properties of the domain name and proved that they are homogeneous to the properties of means of individualization. The established properties demonstrate the validity of using a similar model for regulating relations related to the use of domain names, interconnected with the legal regimes of other means of individualization in a single system.

Keywords: domain, domain name, intellectual property object, civil law object, patent law, copyright, means of individualization, Internet resource, civil circulation, legal regime.

УДК 347.45/47:349.3

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО ТУРИЗМА

В.В. МАКСИМЕНЮК*(Полоцкий государственный университет);***Т.В. ЖУРАВЛЁВА***(Белорусский государственный университет физической культуры, Минск);***С.А. ЗАХАРОВА***(Уральский государственный университет физической культуры, Челябинск)*

С правовой точки зрения исследуется одна из значимых составляющих туризма – социальный туризм. Приводятся различные мнения и взгляды в отношении рассматриваемой категории; изучается опыт правового регулирования данного вида туризма в различных странах. Предлагается внесение изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О туризме» в части включения определения понятия «социальный туризм», а также дополнения принципов правового регулирования туризма.

Ключевые слова: *виды туризма, социальный туризм, туризм для всех, оздоровительный туризм, правовое регулирование туризма.*

Введение. В настоящее время существует множество классификаций видов туризма, которые исходят из различных базовых классификационных принципов, признаков или критериев. В частности, «Гезаурус по туристской и досуговой деятельности» Всемирной туристской организации (UNWTO) содержит около 200 терминов, отражающих сущность видов международного туризма [1].

Различные классификации туризма предлагали Ю.А. Александрова, А.В. Бабкин, И.Т. Балабанов и А.И. Балабанов, В.С. Боголюбов, М.Б. Биржаков, А.П. Дурович, И.В. Зорин и В.А. Квартальный, Н.И. Кабушкин, Е.В. Мошняга, а также В.И. Алексеева, Г.П. Бужинская, Л.В. Гракова, О.В. Горгоц, Ю.П. Грицак, В.И. Курилова, А.С. Кусков и Ю.А. Джаладян, Е.Н. Артемова и В.А. Козлова, М.А. Рындач, А.В. Урядова и Д.А. Савин, Т.П. Савостова, Т.Г. Сокол, Н.В. Сычева, Ю.М. Чеботарь. С правовых позиций данную проблематику в Российской Федерации исследовали Г.И. Калинин, Л.Е. Калинина, Н.А. Соколова; в Республике Беларусь – И.Н. Яхновец.

Вместе с тем единого подхода к делению туризма на виды по настоящее время не выработано. Как отмечает Г.И. Калинин, анализ работ в сфере права, касающихся юридического обеспечения туризма и туристской деятельности, показывает, что ни одна из таких работ не дает сколько-нибудь стройную и полную классификацию разновидностей туризма и видов деятельности в этой сфере с юридической точки зрения [2, с. 3–4].

В целом же, в различных классификациях туризма не выявляется особых противоречий в отношении того, что одним из критериев для разделения туризма на виды являются источники или формы финансирования туристического путешествия. Данный критерий позволяет выделить коммерческий и социальный туризм. Однако единое понимание социального туризма в исследованиях различных авторов отсутствует.

В Республике Беларусь с правовой точки зрения данному явлению уделяется недостаточное внимание. В то же время законодательство многих стран признает социальный туризм значимой разновидностью туризма. В настоящее время существует также необходимость отграничения социального туризма от смежных правовых институтов, поскольку первый по содержанию и форме может восприниматься в качестве гражданско-правового института, но, по сути, не является таковым.

Таким образом, предметом данного исследования выступает социальный туризм как правовое явление.

Основная часть. Первоначально вся туристическая деятельность носила коммерческий характер и осуществлялась с целью извлечения прибыли. Социальный туризм возник в противовес коммерческому.

Ссылаясь на действующие в туризме нормативные правовые акты, И.В. Зорин и В.А. Квартальный, предлагают трактовку понятия социальный туризм в четырех аспектах:

- 1) как приоритетный вид туристской деятельности – путешествия, субсидируемые из средств, выделяемых государством на социальные нужды;
- 2) как общедоступные путешествия, экскурсии и отдых;
- 3) как социальный туристский продукт, удовлетворяющий различные познавательные интересы и потребности людей, включая оздоровление, за счет разных источников финансирования, в том числе из средств, выделяемых государством;
- 4) как деятельность туристских организаций по формированию, продвижению и реализации социального туристского продукта [3, с. 282].

Авторы А.С. Кусков и Ю.А. Джаладян [4, с. 39] придерживаются мнения о социальном туризме как «социальном туристском продукте», следовательно, их взгляды совпадают с третьим аспектом приведенной выше трактовки; М.Б. Биржаков [5, с. 140] относит к рассматриваемому виду туризма любые виды

туризма, которые дотируются из государственных и иных источников. Некоторые авторы [6, с. 24] в своих работах опираются на нормативное определение социального туризма в Российской Федерации.

Несколько иной взгляд на разделение коммерческого и социального видов туризма демонстрирует Г.И. Калинин. По его мнению, коммерческий туризм, имеющий целью получение прибыли, то есть выступающий в качестве предпринимательской деятельности в соответствии с гражданским законодательством, является видом организованного туризма. Если же организация туризма преследует иную цель, чем получение прибыли, такой подвид организованного туризма считается некоммерческим; социальный туризм, по его мнению, есть разновидность некоммерческого [2, с. 5].

Социальный туризм находит последовательное закрепление в актах международных конференций. Согласно Манильской декларации о туризме 1980 года «социальный туризм – это цель, к которой общество должно стремиться в интересах менее обеспеченных граждан при использовании их права на отдых» [7]. На наш взгляд, наиболее близка к юридическому пониманию рассматриваемого понятия его трактовка Т.Г. Сокол, которая характеризует данный вид туризма как организацию туристических путешествий для слаботяжущих категорий граждан с целью реализации их права на отдых [8, с. 101].

Более подробная характеристика социального туризма дана в принятой Генеральной ассамблее Международного бюро социального туризма в 1996 году Монреальской декларации. В статье 13 данной декларации указано, что к движению социального туризма может принадлежать любая туристская организация (ассоциация, кооператив, общество взаимопомощи, фонд, федерация, бесприбыльная организация, компания и т.д.), которая в своем уставе или регламенте четко ставит задачи социального характера и цель – обеспечить доступность путешествий и туризма для максимального количества людей, не ограничивая туризм единственной целью максимального получения прибыли [9, с. 257].

В статье 7 Глобального этического кодекса туризма отмечается необходимость стимулирования и развития социального туризма при поддержке государственных властей [10].

В специальной и учебной литературе о туризме можно встретить равнозначные или близкие по значению к социальному туризму другие термины:

- туризм для всех (tourism forall);
- туризм без барьеров, или безбарьерный туризм (tourism without barriers);
- инклюзивный туризм (inclusive tourism);
- доступный туризм для всех (accessible tourism forall);
- доступный туризм (accessible tourism).

Согласно принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи UNWTO A/RES/578 (XVIII) от 2009 года Декларации по упрощению туристических поездок, содействие в путешествиях людям с инвалидностью – это основополагающий элемент политики развития ответственного туризма в любой стране» [11]. Генеральный секретарь UNWTO Талеб Рифаи отмечает: «доступность – это центральный элемент любой социально-ответственной и устойчивой политики в области туризма. Это неперемutable условие соблюдения прав человека и исключительная возможность для бизнеса. Кроме того, мы должны признать, что доступный туризм пойдет на пользу не только людям с инвалидностью или особыми потребностями, от нее выиграем все мы» [11].

UNWTO определяет инклюзивный туризм как форму туризма, которая включает в себя процесс сотрудничества между различными участниками сферы туризма, позволяющий людям с особыми потребностями в доступности, включая мобильную, визуальную, слуховую и когнитивную составляющие доступности, функционировать независимо, на равных условиях с чувством собственного достоинства через предоставление универсальных туристических продуктов, услуг и среды [11].

Из приведенного очевидно следует, что доступный (инклюзивный) туризм является разновидностью социального туризма, и в силу своей специфики имеет весьма значительные перспективы для дальнейшего развития.

Как отмечает В.А. Квартальнов, один из разработчиков концепции социального туризма, туризм – это рынок, а многоотраслевые рыночные связи – его экономическая составляющая. При этом, однако, нельзя забывать, что основная цель туризма – социальная [13]. Другие авторы, А.В. Бабкин, А.Ю. Александрова, указывают, что концепция социального туризма основана на трех основополагающих принципах:

- обеспечение отдыха всех и каждого члена общества путем широкого вовлечения в сферу туризма людей с низким уровнем доходов;
- субсидирование туризма малоимущих;
- активное участие центральных правительственных, муниципальных, общественных и коммерческих структур в его развитии [14, с. 16; 15, с. 26].

В мировой практике социальный туризм представляет собой эффективный инструмент социальной политики. Как было отмечено выше, основной целью развития данного вида туризма является предоставление широкому кругу лиц, в том числе малообеспеченным или имеющим проблемы со здоровьем, возможности пользоваться туристическими услугами.

Примером высокого уровня развития массового социального туризма может служить опыт индустриально развитых стран. По данным UNWTO, государственное финансирование национальных туристических администраций и основных программ социального туризма реализуется: во Франции (Националь-

ное агентство отпускных чеков); в Испании (программа «Туризм для старшего поколения»); в Великобритании (программа «Семейный отдых»); в Венгрии (система отпускных чеков); в Чехии (программа «Путешествия без барьеров»); в Италии (Оборотный фонд туристских ссуд и сбережений) [16, с. 81]; в Германии специальный проект именуется «Туризм для тех, кому за 50» [17, с. 59]; в Швейцарии функционирование системы отпускных чеков обеспечивается кооперативным органом – Касса путешествий РЕКА [15, с. 26]. Социальный туризм в западных странах, как правило, не имеет социально-обеспечительного характера. Граждане этих стран имеют возможность пользоваться туристскими услугами при реализации программ социального туризма, прежде всего, через систему отпускных чеков. Как отмечает Н.А. Соколова, в таком случае реализация программ социального туризма не требует бюджетных затрат и представляет собой грамотно организованную и самоокупаемую систему [16, с. 18].

Определение рассматриваемого вида туризма содержится в Федеральном законе Российской Федерации «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»: «туризм социальный – туризм, полностью или частично осуществляемый за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов (в том числе средств, выделяемых в рамках государственной социальной помощи), а также средств работодателей РФ» [18]. Дефиниции данного понятия включены в национальные законы о туризме Азербайджанской Республики [19], Республики Казахстан [20], Кыргызской Республики [21], Республики Туркменистан [22], Республики Таджикистан [23], Республики Молдова [24]. В Законе Республики Узбекистан «О туризме», принятом в 2019 году (как и в Законе, действовавшем до 2019 года), не содержится определения рассматриваемого вида туризма; однако в статье 6 данного Закона в числе основных направлений государственной политики в сфере туризма указывается создание необходимых условий для развития внутреннего туризма, включая организацию туризма и экскурсий детей, молодежи, престарелых, а также лиц с инвалидностью и малообеспеченных слоев населения в рамках развития социального туризма [25].

В Законе Республики Беларусь «О туризме» социальный туризм назван в числе видов туризма (ст. 3); одной из целей государственного регулирования в сфере туризма определено обеспечение доступности туризма (ст. 6) [26].

В названных странах постсоветского пространства, в отличие от государств западной и центральной Европы, роль государства состоит не в создании соответствующих условий для функционирования практически самоокупаемой системы социального туризма, но скорее в ее финансировании за счет государственных средств. Такому подходу предшествовал значительный опыт времени существования СССР, когда социальный туризм был основной формой массового индустриального туризма, полностью подчинялся государственному управлению и выполнял социальные функции [9, с. 257].

Однако законодательство упомянутых стран находится в определенном движении, в том числе в сторону заимствования правового опыта иных государств. В частности, кроме государственного финансирования, в национальных законах о туризме приводятся и другие субъекты, финансирующие социальный туризм:

- работодатели (Российская Федерация) [18];
- работодатели, иные третьи лица (Республика Казахстан) [20];
- юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица (Республика Туркменистан) [22];
- кассы социального страхования (Республика Молдова) [24].

Конкретные механизмы финансирования социального туризма в каждой отдельной стране не входят в предмет настоящего исследования, однако обоснованно рассмотреть определенный опыт правового регулирования некоторых стран, выходящий за содержательные аспекты национальных законов о туризме.

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года в число задач, которые необходимо выполнить для развития туризма, включает реализацию и усиление социальной роли туризма, в том числе развитие социального, лечебно-оздоровительного, детского, юношеского и молодежного туризма. Далее отмечается, что развитие социального туризма входит в число основных целей развития туризма [27]. В Концепции развития туристической отрасли Республики Казахстан до 2023 года отдельные положения посвящены социальному туризму: рассматриваются понятие, значение и планируемые меры по развитию данного вида туризма [28].

В Республике Беларусь в программных документах по туризму позиции социального туризма не нашли отражения: Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 годы, Государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы [29] не содержат положений о планировании мероприятий социального туризма. Указанные программные документы определяют в качестве целей развитие в стране туризма в целом. Также не содержится подобной информации и в Программах развития туризма в областных центрах и городе Минске на 2011–2015, 2016–2020 годы, утвержденных соответствующими решениями местных Советов депутатов.

Таким образом, сложившаяся ситуация в области правового регулирования социального туризма требует определенного анализа.

Конституция Республики Беларусь в ст. 1 провозглашает Республику Беларусь как унитарное демократическое социальное правовое государство. Согласно ст. 45 Конституции Республики Беларусь гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Государство создает условия доступного для всех граждан

медицинского обслуживания. Право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается также возможностью пользования оздоровительными учреждениями [30].

Согласно ст. 22 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» граждане Республики Беларусь имеют право получать лечение в санаториях и санаториях-профилакториях за счет собственных средств, средств государственного социального страхования, средств республиканского и местных бюджетов, средств физических и юридических лиц. Лечение детей в детских санаториях и санаториях для родителей с детьми осуществляется бесплатно [31].

Правовое регулирование предоставления путевок и направления на санаторно-курортное лечение и оздоровление осуществляется:

– *Законами Республики Беларусь:* от 11.11.1991 г. № 1224-ХП «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь»; от 17.04.1992 г. № 1594-ХП «О ветеранах»; от 22.04.1992 г. № 1605-ХП «О профессиональных союзах»; от 31.01.1995 г. № 3563-ХП «Об основах государственного социального страхования»; от 22.05.2000 г. (ред. от 19.06.2017 г.) «О социальном обслуживании»; от 23.07.2008 г. № 422-3 «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов»; от 06.01.2009 г. № 9-3 «О социальной защите граждан, пострадавших на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий»;

– *Указами Президента Республики Беларусь:* от 28.08.2006 г. № 542 «О санаторно-курортном лечении и оздоровлении населения»; от 16.01.2009 г. № 40 «О Фонде социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты»;

– *постановлениями Совета Министров Республики Беларусь:* от 02.12.1993 г. № 814 «О медицинском и санаторно-курортном обеспечении военнослужащих, лиц уволенных с военной службы, членов их семей, инвалидов Великой отечественной войны и инвалидов из числа военнослужащих»; от 26.08.2002 г. № 1155 «О некоторых вопросах оздоровления и санаторно-курортного лечения населения»; от 02.06.2004 г. № 662 «О некоторых вопросах организации оздоровления и санаторно-курортного лечения детей»; от 04.11.2006 г. № 1478 «Об утверждении Концепции санаторно-курортного лечения и оздоровления населения Республики Беларусь»; от 30.01.2016 г. № 73 «Об утверждении Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы»; от 14.03.2016 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы;

– *постановлениями Министерства здравоохранения Республики Беларусь:* от 31.05.2006 г. № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке медицинского отбора пациентов на санаторно-курортное лечение»; от 20.03.2008 г. № 53 «Об утверждении перечня медицинских противопоказаний к оздоровлению»; от 17.12.2014 г. № 99 «Об определении сроков санаторно-курортного лечения и оздоровления населения»;

– *постановлением Министерства образования Республики Беларусь* от 15.02.2016 г. «Об утверждении Концепции детского отдыха и оздоровления в Республике Беларусь»;

– *постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь* от 28.01.2014 г. № 31 «Об утверждении Инструкции о порядке обеспечения путевками на санаторно-курортное лечение и оздоровление в республиканском санаторно-курортном унитарном предприятии «Санаторий “Белая Русь” Департамента финансов и тыла Министерства внутренних дел Республики Беларусь» и пр.

Таким образом, сложившейся системе правового регулирования отношений в социальном туризме в Республике Беларусь на современном этапе присущи следующие особенности:

1) социальный туризм практически полностью интегрирован в действующую систему социального обеспечения Республики Беларусь;

2) большинство норм и правил о санаторно-курортном лечении и оздоровлении содержатся в нормативных правовых актах, не имеющих к туризму непосредственного отношения;

3) основной составляющей социального туризма является санаторно-курортное лечение и оздоровление, которые в области туризма возможно квалифицировать как разновидность оздоровительного (лечебно-оздоровительного) туризма;

4) в рассматриваемой области общественных отношений значимое место занимает государственное регулирование;

5) поездка в санаторно-курортные и оздоровительные учреждения в установленных случаях может быть полностью или частично оплачена за счет собственных средств, средств государственного социального страхования, республиканского и местных бюджетов, физических и юридических лиц, профсоюзов.

В сложившейся ситуации следует учитывать тенденцию международной конкуренции в отрасли социального и оздоровительного туризма. В частности, в Концепции развития туристической отрасли Республики Казахстан до 2023 года прогнозируется увеличение доли рынка медицинского туризма в странах Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока [28]. Структурная поддержка Евросоюза, отмечает Г.П. Бужинкас, положительно влияет на развитие лечебно-оздоровительного туризма в Литве [32, с. 15]. Активно развиваются рынки оздоровительного туризма в странах, традиционно предлагающих высококачественный сервис СПА- и оздоровительных услуг, а именно: в Германии, Венгрии, Чехии, Франции.

Проблематика социального туризма в настоящее время важна не только с экономических, но и с правовых позиций. Например, Г.И. Калинин предлагает разработать и принять в Российской Федерации единые Правила осуществления социального туризма [2, с. 6].

В Государственной программе «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы в числе наиболее перспективных видов туризма назван оздоровительный туризм [29]. Однако в законодательстве Республики Беларусь о туризме не содержится норм, которые помогают установить прямую связь между оздоровительным туризмом и социальным туризмом; более того отсутствуют легальные определения указанных понятий.

Таким образом, в связи с активно развивающимся социальным и оздоровительным туризмом в мире в целом и в рассмотренных зарубежных государствах в частности назрела необходимость выработки и принятия норм, регулирующих социальный туризм в Республике Беларусь. Прежде всего, это нормативное определение понятия «социальный туризм».

Как отмечает Л.Е. Криштапович, такой подход свойственен специфике белорусской модели развития, которая не сводится к абстрактной экстраполяции социально-экономических преобразований в других странах, а предполагает адаптацию зарубежного опыта реформирования применительно к белорусским реалиям [32, с. 173]. В целом совпадает с данными взглядами мнение Е.В. Мошняги, которая озвучивает идею «глокализации», возникшей в результате взаимодействия глобального и локального, и приводит сформированную в связи с такой идеей тенденцию: «Мысли глобально и действуй локально», которая сочетает глобальные, региональные и местные черты и особенности в едином интегрированном подходе к продвижению дестинации и разработке турпродукта [33, с. 21].

Заключение. На основании изложенного предлагается внести в Закон Республики Беларусь «О туризме» следующие изменения и дополнения:

– в статью 3 внести определение социального туризма: «социальный туризм – путешествие в соответствии с туристическими целями, в том числе поездка в санаторно-курортные и оздоровительные организации для отдыха, санаторно-курортного лечения и оздоровления лиц с нарушениями здоровья, малообеспеченных, детей, молодежи и других лиц в соответствии с законодательством о социальном обеспечении, полностью или частично осуществляемое за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов (в том числе средств, выделяемых в рамках государственной социальной помощи), а также средств нанимателей, профсоюзов и (или) других лиц»;

– в статье 5 дополнить перечень основных принципов государственного регулирования в сфере туризма принципом «обеспечение безбарьерной среды в туризме».

Нормативное закрепление определения понятия «социальный туризм» и принципа обеспечения безбарьерной среды в туризме будут способствовать развитию общественных отношений в области социального обслуживания граждан, реализации их права на отдых и охрану здоровья, обеспечению доступности пользования санаторно-курортными и оздоровительными учреждениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Thesaurus on Tourism and Leisure Activities / Secretariat of State for Tourism of France and World Tourism Organization. – Madrid : WTO, 2001. – 802 p.
2. Калинин, Г.И. Особенности классификации видов туризма с правовой точки зрения. Значение классификации видов туризма и туристической деятельности для целей государственного регулирования и публично-правовых отношений в данной сфере / Г.И. Калинин // Туризм: право и экономика. – 2017. – № 2 (61). – С. 3–6.
3. Зорин, И.В. Энциклопедия туризма : справочник / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М. : Финансы и статистика, 2014. – 368 с.
4. Кусков, А.С. Основы туризма : учебник / А.С. Кусков, Ю.А. Джаладян. – М. : Кнорус, 2008. – 400 с.
5. Биржаков, М.Б. Введение в туризм / М.Б. Биржаков. – М.–СПб. : Невский фонд, Торговый дом «Герда», 2000. – 192 с.
6. Мошняга, Е.В. Классификация туризма. Типы, виды и формы туризма / Е.В. Мошняга // Основы туризма : учеб. / кол. авторов ; под ред. Е.Л. Писаревского. – М. : Федеральное агентство по туризму, 2014. – С. 19–38.
7. Манильская декларация по мировому туризму [Электронный ресурс] : принята Всемирной конф. по туризму, Манила (Филиппины), 27 сент. – 10 окт. 1980 г. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901813698>. – Дата доступа: 21.10.2019.
8. Сокол, Т.Г. Основи туристичної діяльності: підручник / Т.Г. Сокол / За заг. ред. В.Ф. Орлова. – Київ : Грамота, 2006. – 264 с.
9. Скореев, М.М. Дифференциальная характеристика социального туризма в гуманизации экономического роста / М.М. Скореев, Д.В. Залозная // *TerraEconomicus*. CyberLeninka ; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет». – 2006. – № 4. – С. 257–264.
10. Глобальный этический кодекс туризма : Кодекс [Электронный ресурс] : принят в 1999 г. Генеральной ассамблеей ЮНВТО и утв. Генеральной Ассамблеей ООН в 2001 г. – Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/sakun_pr5.htm. – Дата доступа: 04.10.2019.
11. Рекомендации по доступному туризму: Приняты на основании резолюции A/RES/637(XX) Генеральной Ассамблеи ЮНВТО в августе 2013 г., новая редакция рекомендаций ЮНВТО по туризму от 2005 г. – Copyright 2016, Всемирная туристская организация (ЮНВТО). – Дата доступа: 04.10.2019.
12. Борисенко-Клепач, Н.М. Инклюзивный туризм: что, как и зачем? / Н.М. Борисенко-Клепач. – Минск : Просветительское правозащитное учреждение «Офис по правам людей с инвалидностью», 2016.
13. Квартальнов, В.А. Туризм : учебник // В.А. Квартальнов. – М. : Финансы и статистика, 2000. – 314 с.
14. Бабкин, А.В. Специальные виды туризма : учеб. пособие / А.В. Бабкин. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 252 с.
15. Александрова, А.Ю. Международный туризм : учеб. пособие для вузов / А.Ю. Александрова. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 470 с.

16. Соколова, Н.А. Туризм в Российской Федерации: правовое регулирование: учеб. пособие / Н.А. Соколова. – М. : ВолтерсКлувер, 2010. – 224 с.
17. Шершева, М.Ю. Туризм третьего возраста: предпочтения, требования, ограничения / М.Ю. Шершева, Е.Е. Полянская // Государственное управление : электронный вестник. – 2017. – № 61. – С. 55–75.
18. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный Закон Рос. Федерации, 24 нояб. 1996 г. № 132-ФЗ : с изм. и доп. от 02.12.2019 г. № 419-ФЗ // Банк данных «Нормативно-правовые акты Федерального Собрания Российской Федерации». – Режим доступа: <http://duma.consultant.ru/documents/1158892>. – Дата доступа: 21.09.2019.
19. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Азербайджанской Респ., 4 июн. 1999 г. № 674-IQ : в ред. Закона Азербайджанской Респ. от 03.05.2019 г. // Интернет-портал СНГ. Основные документы. – Режим доступа: <http://e-cis.info/page.php?id=25156>. – Дата доступа: 19.10.2019.
20. О туристской деятельности в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 13 июня 2001 г., № 211-П: в ред. Закона Респ. Казахстан от 02.04.2019 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1213. – Дата доступа: 15.11.2019.
21. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Респ., 25 март. 1999 г. № 34: в ред. Закона Кыргызской Респ. от 10.05.2017 г. // М-во юстиц. Кыргызской Респ. / Централизован. банк. данных прав. инф. Кыргызской Респ. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/201>. – Дата доступа: 19.10.2019.
22. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Туркменистана, 10 мая 2010 г., № 107-IV: в ред. Закона Респ. Туркменистан от 02.02.2019 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1213. – Дата доступа: 20.10.2019.
23. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан, 3 сент. 1999 г., № 824: в ред. Закона Респ. Таджикистан от 28.12.2013 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2171. – Дата доступа: 16.10.2019.
24. Об организации и осуществлении туристической деятельности в Республике Молдова [Электронный ресурс] : Закон Респ. Молдова от 24.11.2006, № 352: в ред. Закона Респ. Молдова от 27.07.2018 г. – Режим доступа: http://lex.justice.md/document_rus.php. – Дата доступа: 14.10.2019.
25. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Узбекистан, 18 июля, 2019 г. № ЗРУ-549 // Информационно-поисковые и экспертные системы «Все законодательство Узбекистана» / NORMA. Onlinebeta. – Режим доступа: https://nrm.uz/contentf?doc=594511_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana. – Дата доступа: 15.10.2019.
26. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июл. 2016 г. № 410-З // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H19900326>. – Дата доступа: 04.10.2019.
27. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 мая 2014 года, № 941-р : с изм. и доп. внесен. расп. от 21 март., 2019 г. № 297 // Техэксперт / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420200177>. – Дата доступа: 10.10.2019.
28. Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2023 года [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Казахстан от 30 июн. 2017 г., № 406 / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000406>. – Дата доступа: 10.10.2019.
29. Об утверждении Государственной программы «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23.03.2016 г., № 232 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 27 нояб. 2019, № 807 / Нац. правовой портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=C21600232>. – Дата доступа: 14.12.2019.
30. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2006 г.). – Минск : Акад. МВД, 2008. – 39 с.
31. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18.07.1993 г., № 2435-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. / Нац. правовой портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=V19302435>. – Дата доступа: 16.10.2019.
32. Криштапович, Л.Е. Зачем нам чужая история, когда у нас есть своя? / Л.Е. Криштапович // Наш современник. – 2010. – № 12. – С. 168–173.
33. Мошняга, Е.В. Основные тенденции развития туризма в современном мире / Е.В. Мошняга // Вестник РМАТ. – 2013. – № 9. – С. 20–33.

Поступила 22.10.2019

CONCEPT AND LEGAL NATURE OF SOCIAL TOURISM

V. MAKSIMENIUK, T. ZHURAVLIOVA, S. ZAKHAROVA

From a legal point of view, one of the most important components of tourism is studied – social tourism. Various opinions and views are given regarding the category in question; the experience of legal regulation of this type of tourism in various countries is studied. It is proposed to introduce amendments and additions to the Law of the Republic of Belarus «On Tourism» regarding the inclusion of the definition of the concept of «social tourism», as well as the addition of the principles of legal regulation of tourism.

Keywords: types of tourism, social tourism, tourism for all, health tourism, legal regulation of tourism.

УДК 349.42

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

В.Э. ХОЛУПКО

(Гродненский государственный университет им. Янки Купалы)

Указывается, что становление рыночных отношений в аграрном секторе экономики, многообразие направлений сельскохозяйственной деятельности свидетельствуют о развитии аграрных отношений, которое, в свою очередь, влечет усложнение правового инструментария, воздействующего на эти отношения и совершенствование нормативных правовых актов. Анализируются основные нормативные положения в сфере сельскохозяйственного производства с позиции правового обеспечения получения продукции растениеводства и животноводства. Автором дается анализ зарубежного и отечественного законодательства в сфере правового обеспечения производства сельскохозяйственной продукции. Формируется вывод о том, что существует ряд трудностей в анализе нормативов и регламентов в области производства сельскохозяйственной продукции, необходимых для соблюдения сельскохозяйственными производителями основных отраслей сельскохозяйственного производства с закреплением в нормативных правовых актах понятийного аппарата по сельскохозяйственному производству. Кроме того, автором доказывается, что сочетание хозяйственной самостоятельности и локального регулирования с государственной поддержкой сельскохозяйственного производства будет способствовать возрождению села.

Ключевые слова: *сельскохозяйственный производитель, агропромышленное производство, аграрный сектор экономики, государственная поддержка.*

Законодательство Республики Беларусь в области развития села и агропромышленного комплекса начало активно развиваться, появились новые направления правового регулирования производственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных производителей Республики Беларусь, в связи с чем и повысилась внимание правоведов к аграрному сектору экономики [1]. В настоящей статье анализируются основные нормативные положения в сфере сельскохозяйственного производства с позиции правового обеспечения получения продукции растениеводства и животноводства.

Так, в Республике Беларусь параметры развития и механизмы регулирования сельскохозяйственного производства предусмотрены программными нормативными актами: Государственной программой развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [2], Доктриной национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [3], Указом Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 года № 347 «О государственной аграрной политике [4] (далее – Указ № 347), Директивой Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 года № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» [5] (далее – Директива № 6). И это естественно, так как национальные аграрные политики и программные документы в области государственного регулирования сельскохозяйственной деятельности имеются у каждого государства – члена Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС): Армении [6], Республике Казахстан [7], Кыргызской Республике [8] и Российской Федерации [9].

В отношении отдельных отраслей сельскохозяйственной деятельности получило развитие аграрное законодательство в Республике Беларусь. Так, имеются: Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 года № 205-3 «О растительном мире» [10] (далее – Закон №250-3), Закон Республики Беларусь от 20 мая 2013 года № 24-3 «О племенном деле в животноводстве» [11] (далее – Закон № 24-3), Закон Республики Беларусь от 2 мая 2013 года № 20-3 «О семеноводстве» [12] (далее – Закон № 20-3), Закон Республики Беларусь от 2 июля 2010 года № 161-3 «О ветеринарной деятельности» [13] (далее – Закон №161-3).

С точки зрения правового обеспечения получения продукции растениеводства необходимо сказать, что статья 1 Закона № 205-3 хоть и дает понятие растительной продукции, под которой понимаются растения, их части и (или) продукты их жизнедеятельности, изъятые из среды произрастания и используемые в качестве сырья или в иных целях производства и потребления, но положения Закона № 205-3 (статья 2) не применяются в отношении объектов растительного мира, культивируемых (выращиваемых, возделываемых) в целях получения продукции растениеводства (в том числе в плодовых, плодово-ягодных садах), в оранжереях, питомниках древесных, кустарниковых и иных растений.

Таким образом, Закон №205-3 не регулирует вопросы обеспечения производства сельскохозяйственной продукции, относящейся к растительной.

Закон № 20-3 регулирует правовые вопросы семеноводства, направлен на создание условий для получения семян растений с наилучшими сортовыми и посевными качествами. В соответствии с Законом № 20-3 Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь утверждает схемы производства

и обращения семян сельскохозяйственных растений, порядок их упаковки, маркировки, хранения и транспортировки семян, а также порядок ведения реестра производителей семян сельскохозяйственных растений.

Таким образом, на уровне законодательных актов Республики Беларусь имеются первоосновы правового регулирования производства сельскохозяйственной продукции в области растениеводства, которые заложены в Законе № 20-3. Кроме того, в рамках Евразийского экономического союза имеется также правовое регулирование в области растениеводства [14], так как в достижении эффективности ведения растениеводства, успехи которого отражаются и на результатах животноводства (себестоимость и качество кормов собственного производства), неопределимое значение имеет посевное качество семян и их сортовые достоинства. Поэтому государство осуществляет непосредственное управление семеноводством и прежде всего правовое регулирование отношений, возникающих в его сфере.

С точки зрения правового обеспечения получения продукции животноводства, необходимо сказать, что Закон № 161-3 регулирует вопросы осуществления ветеринарной деятельности и профилактики болезней животных, вопросы правового регулирования производства продуктов животного происхождения в соответствии со статьей 4 Закона № 161-3 отнесены также к полномочиям Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. Под продуктами животного происхождения в статье 1 Закона № 161-3 понимается мясо и мясная продукция, молоко и молочная продукция, рыба и рыбная продукция, яйца и яйцопродукты, продукция пчеловодства, шкура, шерсть, волосы, пушнина, пух, перо, эндокринные железы и внутренние органы, кровь, кости, рога, копыта, в том числе их части, а также продукты жизнедеятельности животных. Некоторые авторы, анализируя вопросы правового регулирования производства сельскохозяйственной продукции, из вышеназванного определения предлагают исключить рыбу [1].

В соответствии с Законом № 24-3 определяются правовые и организационные основы племенного дела в животноводстве и направления на создание условий для получения и использования качественной племенной продукции (материала). В соответствии со статьей 6 Закона № 24-3 к полномочиям Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь в области племенного дела относится установление требований к содержанию и кормлению племенных животных, племенных стад, определению их продуктивности, а также государственное стимулирование племенного животноводства путем финансирования части затрат на его ведение из бюджета.

Отраслевые параметры развития и механизмы правового регулирования агропромышленной деятельности и производства сельскохозяйственной продукции в государствах – членах Союза предусмотрены программными документами [15] в Республике Армения, в Республике Казахстан, в Российской Федерации, в Кыргызской Республике. Республика Беларусь также идет в направлении развития аграрного законодательства, пересматриваются и правовые нормы по вопросам производственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных производителей. Так, в юридических нормах, закрепленных в Директиве № 6 [5] устанавливаются новые правовые ориентиры – цели дальнейшего развития не только села, но и повышения эффективности сельскохозяйственного производства.

Для достижения целей Директивы № 6 министерствам и другим заинтересованным поручено обеспечить реализацию мероприятий по государственной поддержке по соответствующим направлениям, а самим сельскохозяйственным предприятиям – выполнять поставленные задачи в агропромышленном комплексе, в том числе в сфере внедрения новых производственных и управленческих технологий, совершенствования структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур с учетом почвенно-климатических особенностей областей и специализации регионов, актуализации на постоянной основе отраслевых регламентов и нормативов при производстве сельскохозяйственной продукции с учетом модернизации и инновационного развития сельскохозяйственного производства.

В отношении повышения эффективности производства и реализации сельскохозяйственной продукции установлены направления будущего изменения правового регулирования не только на уровне законодательных актов, но и, на наш взгляд, на уровне локального правотворчества. Так, правовое направление, указанное в абзаце 2 п. п. 1.1 Директивы № 6, по поддержанию стабильности в производстве сельскохозяйственной продукции в объемах, гарантирующих продовольственную безопасность страны зависит не только от соответствующих министерств, но и от самих сельскохозяйственных организаций. Реализация правового направления, указанного в абзаце 3 п. п. 4.1 Директивы № 6, по совершенствованию научно обоснованной структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур с учетом почвенно-климатических особенностей областей и специализации регионов в животноводстве зависит, на наш взгляд, также и от самих сельскохозяйственных производителей. Так как специализация производственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных организаций зависит от природно-климатических и экономических условий, представляется важным установить механизм, закрепляющий параметры выбора сельскохозяйственной организацией направления деятельности, структуры и объема производства, с учетом государственных заданий и целевых программ по развитию отраслей.

Так, в структуре растениеводства высокий удельный вес занимают зерновые и зернобобовые культуры, а также кормовые культуры, что обусловлено специализацией сельского хозяйства республики главным образом на молочно-мясном животноводстве. Основными зерновыми культурами являются ячмень, рожь, тритикале, особое место занимают картофель и лен. Основные овощные культуры – морковь, свекла,

капуста [16]. Поэтому, на наш взгляд, необходимо усиливать и правовое направление по обеспечению функционирования основных отраслей сельскохозяйственного производства с развитием новых инновационных подходов, свидетельствующих о том, что локальное регулирование лежит в основе и будущего нормативного правового регулирования данной отрасли общественных отношений. Сочетание же хозяйственной самостоятельности и локального регулирования с государственной поддержкой в части научного обеспечения, по нашему мнению, будет способствовать возрождению села.

В целях эффективного использования научного потенциала необходимы правовые исследования не только в аграрной сфере Республики Беларусь, но и в совместно участвующих в реализации аграрной политики государствах – членах Союза. Представлялось бы важным в перечень перспективных НИОКР в сфере АПК государств – членов ЕАЭС [17] включить темы по правовым исследованиям сферы производства и реализации сельскохозяйственной продукции. В связи с этим приоритетной видится и реализация правового направления, указанного в абзаце 5 п. 1.1 Директивы № 6, по актуализации на постоянной основе отраслевых регламентов и нормативов при производстве сельскохозяйственной продукции с учетом модернизации и инновационного развития сельскохозяйственного производства.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2019 года № 314 «О комплексе мер по реализации Положений Директивы Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 года № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» [18] поручено облисполкомам, Министерству сельского хозяйства и Национальной Академии наук осуществить анализ выполнения субъектами, осуществляющими деятельность в области агропромышленного производства, технологических регламентов и нормативов при производстве сельскохозяйственной продукции, а также осуществить их совершенствование и довести до субъектов, осуществляющих деятельность в области агропромышленного производства. На наш взгляд, реализация данных мер была бы более точной при проработке формы исполнения данных мероприятий. Обязательность соблюдения отраслевых регламентов и нормативов при производстве сельскохозяйственной продукции установлена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 апреля 2014 года № 399 «О некоторых вопросах нормирования и ответственности руководителей при производстве сельскохозяйственной продукции» (далее – постановление № 399) [19], в соответствии с которым руководителям организаций, осуществляющих деятельность по производству сельскохозяйственной продукции, предписано обеспечить их соблюдение. В случае несоблюдения отраслевых регламентов и нормативов к руководителям организаций предписано применять в установленном порядке меры дисциплинарного взыскания. Приложением к постановлению № 399 утвержден Перечень отраслевых регламентов, типовых норм и нормативов, которых порядка 90.

Таким образом, обязательность соблюдения отраслевых регламентов и нормативов установлена не только постановлением № 399, но и Директивой № 6. Для понимания правового характера обязательности соблюдения того либо иного акта необходимо обратиться к Закону Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах» [20], который регулирует вопросы вступления в силу, действия, толкования и систематизации нормативных правовых актов, а также регламентирует их виды.

Сельскохозяйственным организациям предписано соблюдать типовые нормы и нормативы. В соответствии со статьей 21 Закона «О нормативных правовых актах» типовые утверждаемые нормативные правовые акты – нормативные правовые акты, определяющие единые подходы к правовому регулированию определенной сферы общественных отношений. Их юридическая сила определяется юридической силой нормативных правовых актов, которыми они утверждены. Таким образом, для сельскохозяйственных организаций типовые нормы и нормативы, должны быть утверждены нормативными правовыми актами либо ими являться, будучи отнесенными к техническим нормативным правовым актам, и в этом случае требования Директивы № 6 по их актуализацию на постоянной основе имели бы заметный правовой эффект действия норм права.

Для регулирования осуществления производства сельскохозяйственной продукции с правовой точки зрения могут быть приняты технические нормативные правовые акты, утверждающие и закрепляющие количественные и (или) качественные требования, показатели, нормативы, характеристики, правила, методики осуществления сельскохозяйственного производства, устанавливающие системы управления (менеджмента) труда. В настоящий момент Национальной академией наук Беларуси разработан и уточнен ряд отраслевых регламентов по возделыванию основных сельскохозяйственных культур, имеются сборники отраслевых регламентов [21], но так как некоторые отраслевые регламенты по нормативному обеспечению сельскохозяйственного производства начали разрабатываться еще в середине 90-х годов в соответствии с постановлениями коллегии Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь [21], они требуют определенного пересмотра и утверждения актом, который придаст им обязательную юридическую силу. Поэтому существует ряд трудностей в анализе нормативов и регламентов в области производства сельскохозяйственной продукции, необходимых для соблюдения сельскохозяйственными производителями.

Таким образом, производственно-хозяйственная деятельность сельскохозяйственных коммерческих организаций носит в настоящий момент больше публичный характер, чем частно-правовой характер.

Причем, на наш взгляд, именно для развития частно-правового регулирования сельскохозяйственного производства, государство устанавливает определенные меры государственной поддержки, являющиеся по своей сути обеспечительными в отношении сельскохозяйственного производства. Одной из таких мер является Указ Президента Республики Беларусь от 2 октября 2018 года № 399 «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных организаций» [22], в соответствии с которым устанавливается государственная поддержка, конечно же, с учетом взятых Республикой Беларусь внешних обязательств по разрешенному уровню государственной поддержки аграрной отрасли в странах Евразийского экономического союза, нарушение которых может повлечь санкции [23]. В связи с этим Государственная программа развития аграрного бизнеса [2] также устанавливает пределы предоставления средств из бюджета на развитие сельскохозяйственного производства.

Новым правовым средством помощи сельскохозяйственным производителям явился и Указ Президента Республики Беларусь от 2 сентября 2019 года № 323 [24], в соответствии с которым сельхозпроизводителей можно спонсировать по 31 декабря 2023 года без указания, на что потрачены деньги, с отнесением средств на внебюджетные расходы, в которые можно включать направленные инвесторами на приобретение сырья, сельхозтехники, зачастей, строительство и покупку зданий и другого имущества, непосредственно связанного с производством сельхозпродукции. Деньги можно также направлять, на оплату работ, услуг по своевременной подготовке и проведению полевых работ, выполненных сторонними организациями и собственными силами для сельскохозяйственных товаропроизводителей на безвозмездной основе. Таким образом, государство определило целевые установки по обеспечению продовольственной безопасности, достижение которых будет невозможно без инициативной политики сельскохозяйственных организаций – производителей.

Деятельность же в области агропромышленного производства осуществляют различные субъекты, которые производят сельскохозяйственную продукцию, осуществляют рыбоводство, заготовку и переработку сельскохозяйственной продукции, предоставляют услуги в области растениеводства и животноводства, по обслуживанию сельского хозяйства, проводят научные исследования в области сельского хозяйства, а также граждане, ведущие личные (подсобные) хозяйства. Поэтому необходимо понимать, что включает в себя агропромышленное производство с учетом нового законодательного подхода к его обеспечению. С развитием законодательства и правовых исследований определение, которое ранее было дано в учебниках по аграрному праву, например, под редакцией Г.Е. Быстрова и М.И. Козыря [25] в части того, что агропромышленное производство названо производством продуктов питания сельскохозяйственными производителями, необходимо наполнять новым содержанием. Согласно новому содержанию законодательных актов следует, что правовое регулирование и государственная поддержка направлены прежде всего на агропромышленное производство, которое включает производство и реализацию не столько продуктов питания, сколько всей сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Поэтому само понятие «сельскохозяйственного производства» и, соответственно, направления правового регулирования данной области должны быть четко раскрыты в нормативных правовых актах. Указ № 347 [4] определил государственную аграрную политику как одно из направлений внутренней политики Республики Беларусь, обеспечивающее стимулирование повышения эффективности агропромышленного комплекса на базе совершенствования специализации сельхозпроизводства и его организационно-экономической структуры, рационального использования земель и господдержки агропромышленного комплекса, а также сформулировал ее цели и принципы (п. 1–3 Указа № 347).

Представляется, что в Указе № 347 могли бы быть закреплены некоторые положения института аграрного права «Правовое регулирование сельскохозяйственного производства», а также новые принципы его правового обеспечения. В связи с этим мы предлагаем дополнить пункт 3 Указа № 347 новым пунктом в следующей редакции: «3.4. Обеспечение развития самостоятельности и инициативы сельскохозяйственных производителей в сочетании с государственной поддержкой», а пункт 1 Указа № 347 дополнить подстрочным определением о том, что «<*>Под сельскохозяйственным производством понимается вид деятельности сельскохозяйственных производителей по производству или производству и переработке сельскохозяйственной продукции собственного производства, направленный на достижение экономических и социальных результатов, обеспечивающих выполнение уставных и общегосударственных задач».

В действующем законодательстве понятие «сельскохозяйственная продукция» не раскрывается. Существуют только перечни продукции, относящейся к сельскохозяйственной, в которых названа как сельскохозяйственная продукция, так и продукты ее переработки, продовольственные товары и продукты питания. Мы соглашаемся с авторами [1], полагающими, что понятие «сельскохозяйственная продукция» является общим для обозначения всей продукции, выращенной или произведенной в сельском хозяйстве, которую в зависимости от отрасли сельского хозяйства классифицируют на продукцию растениеводства; продукцию животноводства. В свою очередь, каждый из видов включает в себя различные подвиды в соответствии с подотраслями сельского хозяйства. Также мы соглашаемся с авторами, полагающими, что ввод понятия «сельскохозяйственная продукция» путем приведения исчерпывающего перечня ее видов в приложении к закону, регулирующему аграрные отношения, либо к одному из действующих классификаторов является спорным.

В п. 1 Комплекса мер по реализации положений Директивы № 6 [18] указано, что необходимо обеспечить производство основных видов сельскохозяйственной продукции, в том числе молока, продукции выращивания скота и птицы. Таким образом, законодатель в некоторых случаях к сельскохозяйственной продукции относит не только продукцию, выращенную на земле, но и полученную в результате жизнедеятельности животных, а так же результаты ее первичной переработки.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: формирование единства нормативных правовых актов, регулирующих вопросы сельскохозяйственного производства и закрепление нового принципа правового регулирования, выраженного в сочетании государственного обеспечения сельскохозяйственного производства с самостоятельностью и инициативой сельскохозяйственных производителей, на наш взгляд будет способствовать осуществлению государственной аграрной политики и повышению эффективности производственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных коммерческих организаций – производителей сельскохозяйственной продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиж, И.М. О правовом понятии «производитель сельскохозяйственной продукции» / И.М. Чиж. – Право.by – 2009. – № 2. – С. 81–86.
2. О государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы и внесении изменений в постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 16 июня 2014 года № 585 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 11 мар. 2016 г., № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 дек. 2017 г., № 962 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. О государственной аграрной политике [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 17 июля 2014 г., № 347 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь от 4 мар. 2019 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Об обеспечении продовольственной безопасности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения от 5 июня 2002 г., № ЗР-338. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=22406. – Дата доступа: 10.10.2019.
7. О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий [Электронный ресурс] : Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 г., № 66 – Режим доступа: <https://bestprofi.com/document/521053867?jsessionid=2157D46A78C1B3C45F22A6F130431591?0>. – Дата доступа: 10.10.2019.
8. О развитии сельского хозяйства Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Республики от 26 мая 2009 г., № 166 – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27987. – Дата доступа: 10.10.2019.
9. О развитии сельского хозяйства [Электронный ресурс] : Федеральный Закон Российской Федерации от 29 дек. 2006 г. № 264-ФЗ. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902021785>. – Дата доступа: 10.10.2019.
10. О растительном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. О племенном деле в животноводстве [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 20 мая 2013 г., № 24-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
12. О семеноводстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 2 мая 2013 г., № 20-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
13. О ветеринарной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 2 июля 2010 г., № 161-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
14. Перечень единых методов определения посевных (посадочных) качеств семян сельскохозяйственных растений, применяемых государствами – членами Евразийского экономического союза при обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: Решение Совета Евразийской Экономической комиссии, 18 апреля 2018 года № 40. – Режим доступа: <https://mshp.gov.by/documents/plant/seed/eabd721402db9e9c.html> – Дата доступа: 10.10.2019.
15. Анализ мировых тенденций государственной поддержки сельского хозяйства [Электронный ресурс] : – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/sxs/Documents/ – Дата доступа: 10.10.2019.
16. Структура сельского хозяйства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aw.belal.by/russian/prof/prof.htm#Production>. – Дата доступа: 10.10.2019.
17. Перечень перспективных НИОКР в сфере АПК государств-членов ЕАЭС [Электронный ресурс] : рекомендация коллегии Евразийской экономической Комиссии от 8 июля 2015 года № 14. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/Pages/niookr.aspx. – Дата доступа: 10.10.2019.
18. О комплексе мер по реализации положений Директивы Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 мая 2019 г., № 314 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

19. О некоторых вопросах нормирования и ответственности руководителей при производстве сельскохозяйственной продукции [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28.04.2014 № 399 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
20. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г., № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
21. Организационно-технологические нормативы возделывания кормовых и технических культур : сб. отраслевых регламентов / Нац. акад. наук Беларуси, науч.-практ. центр Нац. акад. наук Беларуси по земледелию ; рук. разработ.: Ф.И. Привалов [и др.]; под общ. ред. В.Г. Гусакова, Ф.И. Привалова. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 469 с.
22. О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных организаций [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 2 окт. 2018 г., № 399 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
23. Бубен, С.Б. Углубление интерграции как фактор устойчивого развития АПК госуадрств – членов ЕАЭС / С.Б. Бубен, М. Байгот // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Серыя аграрных навук. – 2018. – Т. 56. – № 2. – С. 135–150.
24. Об изменении Указа Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 2 сентября 2019 года №323 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
25. Аграрное право : учеб. для вузов. / Под ред. проф. Г.Е. Быстрова, проф. М.И. Козыря. – М. : Юристь, 2000. – 534 с.

Поступила 17.08.2019

ON SOME ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF AGRICULTURAL PRODUCTION

V. HOLUPKO

Points out that the formation of market relations in the agricultural sector of the economy, the diversity of areas of agricultural activity indicates the development of agricultural relations, which in turn entails the complication of legal instruments affecting these relations and the improvement of regulatory legal acts. The article analyzes the main regulations in the field of agricultural production from the position of legal support for obtaining crop and livestock products. The author analyzes foreign and domestic legislation in the field of legal support of agricultural production. The conclusion is formed that there are a number of difficulties in the analysis of standards and regulations in the field of agricultural production, necessary for compliance by agricultural producers. Therefore, it is necessary to strengthen the legal direction to ensure the functioning of the main branches of agricultural production with the consolidation of the normative legal acts of the conceptual apparatus for agricultural production. In addition, the author proves that the combination of economic independence and local regulation with state support for agricultural production will contribute to the revival of the village.

Keywords: *agricultural producer, agro-industrial production, agricultural sector of economy, state support.*

УДК 342.565.4

**СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
И ИНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ****Д.И. ЧИКАТОВСКИЙ***(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)*

Рассмотрены сложившиеся в юридической науке и правоприменительной практике подходы к специализации в системе судов общей юрисдикции Республики Беларусь. Предложена модель реализации принципа судебной специализации по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Обосновано формирование углубленной специализации судей по разрешению административно-правовых споров, вытекающих из управленческих отношений в сфере исполнительной власти. Сделаны выводы о преждевременности учреждения в Республике Беларусь самостоятельной системы административных судов и о возможности подобного изменения судостроительства в перспективе при наличии к этому соответствующих условий и предпосылок. В результате поддерживается последовательное и поэтапное развитие административной юстиции через специализацию судей и совершенствование административного судопроизводства к дальнейшему созданию отдельной системы специализированных судов.

Ключевые слова: административно-правовой спор, суд общей юрисдикции, специализация, административная юстиция, судопроизводство, публичные правоотношения, административный суд.

Введение. Судебный контроль за деятельностью органов государственной власти и должностных лиц в части реализации прав, свобод и законных интересов граждан является важнейшим элементом соблюдения верховенства права в сфере публичного управления. Поэтому необходимость обеспечения высокого качества правосудия по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в условиях правового государства приобретает особую социальную значимость. Справедливое и оперативное рассмотрение судами дел данной категории, правильная оценка законности и обоснованности осуществления государственными органами публичных полномочий, своевременное снятие конфликтных ситуаций во взаимоотношениях граждан и администрации является залогом соблюдения субъективных публичных прав, показателем авторитета и доверия населения институтам государственной власти.

Специфика разрешения административно-правовых споров заключается в необходимости применения большого количества нормативных правовых актов, регулирующих различные по своей правовой природе спорные управленческие отношения. В этой связи совершенствование подходов к специализации в сфере административного судопроизводства в целях наиболее полной защиты прав и законных интересов граждан и организаций при их взаимодействии с государственными органами является актуальным направлением развития административной юстиции в Республике Беларусь.

Основная часть. Специализация наряду с принципами единства и территориальности является одной из важных основ построения системы судов, закрепленных ст. 109 Конституции Республики Беларусь и ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (далее – Кодекс).

При наличии десяти и более судей в составе районного (городского) суда в обязательном порядке введена специализация судей по рассмотрению гражданских, уголовных дел, дел об административных правонарушениях, а также иных категорий дел, в том числе возникающих из публичных правоотношений. Судьи экономических судов областей (города Минска) могут специализироваться на рассмотрении дел о банкротстве, налоговых споров, иных категорий дел, включая административно-правовые споры.

Возможность создания специализированных судебных органов в системе судов общей юрисдикции предусмотрена ст. 28 Кодекса. При этом в Верховном Суде, областных (Минском городском) судах, экономических судах областей (города Минска) могут образовываться иные судебные коллегии для специализированного рассмотрения дел.

В целях организации работы судов по введению специализации по основным направлениям судебной деятельности постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2017 г. № 8 утверждено Положение о порядке специализации судей в судах общей юрисдикции. В соответствии с п. 4 данного Положения при наличии объективной необходимости в рамках общей специализации может дополнительно предусматриваться углубленная специализация судей по рассмотрению наиболее сложных категорий дел по отдельным отраслям материального закона.

Специализированными судами в системе органов судебной власти в настоящее время являются Конституционный Суд, осуществляющий полномочия посредством конституционного судопроизводства,

судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда, которой подведомственны гражданские споры в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, а также экономические суды областей (города Минска), осуществляющие правосудие по делам, связанным с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности. До 1 июля 2014 г. в Республике Беларусь функционировала также система военных судов во главе с Военной коллегией Верховного Суда, которая была упразднена в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь».

К компетенции ряда указанных специализированных судебных органов также относятся дела, вытекающие из административных и иных публичных правоотношений. В частности, согласно ст. 359 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда рассматриваются в составе трех судей жалобы на решения Апелляционного совета при патентном органе. В соответствии со ст. 2 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь судами, рассматривающими экономические дела, осуществляется правосудие путем разрешения хозяйственных (экономических) споров, возникающих в том числе из административных, земельных, финансовых и иных публичных правоотношений. Например, о признании недействительным ненормативного правового акта или о признании незаконными действий (бездействия) государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица. Согласно ст. 43 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь в редакции, действовавшей до 1 июля 2014 г., межгарнизонным военным судам было подсудно рассмотрение дел по жалобам военнослужащих на неправомерные действия должностных лиц и органов военного управления, ущемляющие их права и личное достоинство.

Кроме того, до 2007 года в Республике Беларусь действовал институт судей по административным делам и исполнительным производствам, предусмотренный Законом Республики Беларусь от 13 января 1995 г. № 3514-ХП «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь», который не нашел своего дальнейшего закрепления и развития в принятом Кодексе. Нормами Кодекса унифицирован статус всех судей независимо от формы осуществления правосудия и категорий рассматриваемых ими дел.

В этой связи в Республике Беларусь имеется правовая основа для дальнейшего развития специализации, в том числе путем изменения судостроительства, и достаточно успешный опыт деятельности специализированных судебных органов. Поэтому в научном сообществе и среди правоприменителей продолжается активная дискуссия о целесообразности создания в Республике Беларусь самостоятельной системы административных судов. Высказываются различные точки зрения и проводятся научные исследования, связанные со структурным реформированием судебной системы в сфере административной юстиции.

Необходимость развития в Республике Беларусь административной юстиции как перспективного направления совершенствования деятельности судов определена рядом нормативных и иных актов программного характера.

Концепцией судебной-правовой реформы, одобренной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-ХП, предусматривается возможность создания в вышестоящих судах общей юрисдикции специализированных коллегий, а впоследствии при появлении соответствующих условий преобразование их в специализированные суды, в том числе административные. Подобная специализация также не исключается и в рамках Конституционного Суда. В период обсуждения данной Концепции белорусскими учеными высказывались в том числе предложения о наделении административных судов полномочиями по рассмотрению также дел об административных правоотношениях, т.е. о специализации в сфере административно-деликтной юрисдикции [1, с. 85]. В рамках Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205, поддерживается необходимость совершенствования гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь в части дополнительной регламентации производства по делам, вытекающим из административно-правовых отношений, которое следует выделить в самостоятельный вид судопроизводства – административное судопроизводство с последующей регламентацией отдельным нормативным правовым актом. При этом признано целесообразным создание в перспективе специализированных административных судов, а при необходимости – иных специализированных судов на уровне низших судов общей юрисдикции и соответствующих судебных коллегий на уровне вышестоящих судов.

В целях обеспечения дальнейшего повышения качества, оперативности и доступности правосудия п. 1 Послания о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции», предусмотрено введение обязательной специализации по категориям дел в многосоставных судах, а в перспективе рассмотрение вопроса о создании специализированных судов. Также в Послании Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь «Белорусский путь: патриотизм, интеллект, прогресс» от 8 мая

2012 г. озвучена необходимость активно двигаться к моделям, уже апробированным в мире, включая административные суды, что особенно важно для граждан, которым не придется длительно искать правду в государственных органах. Подчеркивается важность таких судов, поскольку они призваны разрешать споры между гражданами и чиновниками, а также положительный мировой опыт, который позволил сломать круговую поруку чиновников и защитить обычного, простого человека.

В целом 18 июня 2013 г. Совет по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, действующий в рамках Указа Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2011 г. № 573, (далее – Совет) признал целесообразным развитие в Республике Беларусь системы административной юстиции для обеспечения эффективной судебной защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в административных и иных публичных правоотношениях. При этом Совет решил продолжить изучение проблем, связанных с расширением подведомственности судам административно-правовых споров, введением административного судопроизводства и определением формы специализации судей по рассмотрению административных дел.

Изучение вопроса о целесообразности создания специализированного административного судопроизводства по рассмотрению споров между гражданами и государством в лице государственных органов и должностных лиц является также мероприятием п. 39 Межведомственного плана по реализации рекомендаций, принятых Республикой Беларусь по итогам прохождения второго цикла универсального периодического обзора в Совете Организации Объединенных Наций по правам человека, и рекомендаций, адресованных Республике Беларусь договорными органами по правам человека, на 2016–2019 годы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.10.2016 № 860.

В настоящее время административно-правовые споры разрешаются судами в рамках отдельных видов производств, предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (глава 29) и Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь (глава 25 и др.). Перспективы унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства посредством создания единого нормативного правового акта также предполагают необходимость научного разрешения вопроса о совершенствовании процессуального порядка рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений, и целесообразности его самостоятельного нормативного регулирования в рамках специализированного административного судопроизводства.

Так, вопрос о разработке единого процессуального кодекса по рассмотрению гражданских и экономических дел 2 ноября 2016 г. был предметом обсуждения Советом. По результатам рассмотрения данного вопроса принято решение о подготовке единого Гражданского процессуального кодекса на основе проведения сравнительного анализа действующих процессуальных институтов, определения базовой модели правового регулирования и выработки единых подходов к установлению правил судопроизводства с сохранением особенностей в отношении отдельных категорий дел. Поэтому определение перспектив развития административной юстиции обусловлено в том числе реализацией подпункта 3.1 пункта 3 протокола поручений Президента Республики Беларусь Лукашенко А.Г., данных 5 апреля 2019 г. по итогам совещания по вопросам совершенствования деятельности системы судов общей юрисдикции, от 30 мая 2019 г. № 9, которым предусмотрено разработать проект единого процессуального кодекса, регулирующего судопроизводство по гражданским и экономическим делам.

Кроме того, в 2012–2013 годах учреждением образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» реализован совместный проект Программы развития ООН, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Детского фонда ООН «Содействие совершенствованию судебной системы Республики Беларусь посредством развития специализации судов», составной частью которого являлась специализация судопроизводства в сфере административных правоотношений (административная юстиция) [2]. В результате обсуждены направления дальнейшего развития судебной специализации в Республике Беларусь с учетом передового международного опыта.

Таким образом, создание самостоятельной системы административных судов является перспективным направлением совершенствования механизма защиты прав граждан в сфере государственной управленческой деятельности. Вместе с тем создание административных судов связано с необходимостью решения комплекса организационных и материально-технических вопросов. Прежде всего требуется определение национальной модели формирования специализированных административных судов, определение роли таких судов в структуре судебной власти, создание нормативной базы их функционирования.

Специализированные суды могут создаваться как суды первой инстанции, а их постановления обжаловаться в суды общей юрисдикции. Также специализированные суды могут иметь свою подсистему, включая вышестоящие инстанции, однако входить в систему судов общей юрисдикции, завершающуюся на уровне верховного суда государства. Специализированные суды могут в том числе составлять независимую систему судов под руководством собственного высшего судебного органа [3, с. 13].

Целесообразность образования специализированных судов научным сообществом обосновывается спецификой предмета правового регулирования спорных правоотношений, наличием процессуальных особенностей дел различных категорий и потребностью в специальной подготовке судей в определенной сфере [4, с. 6]. В частности, В.В. Сердюк указывает, что специализированные суды целесообразно создавать, когда это обосновано спецификой судебных дел, в зависимости от характера правоотношений и особенностей правового статуса участников судебных разбирательств [5, с. 150].

Например, административные суды представлены в виде самостоятельной системы в Германии, Швеции, Польше, Украине. Институционально не обособлены органы административной юстиции в Норвегии, Дании, Японии и Китае. В связи с этим следует отметить, что И.И. Мартинович представляет административные суды в классическом виде как самостоятельные органы, рассматривающие споры между гражданами и государством в лице его органов [6, с. 14]. По мнению Н.А. Савановича целесообразно создание отдельной системы административных судов во главе с судебной коллегией по административным делам Верховного Суда. Первичным звеном должны быть областные административные суды, а в случае увеличения количества поступающих в суды дел возможно образование окружных административных судов. При этом обосновывается сохранение данной категории дел в компетенции судов, рассматривающих экономические дела, с одновременной специализацией судей и совершенствованием процессуальной формы разрешения административно-правовых споров [7].

В случае отнесения административно-правовых споров к рассмотрению судов различной компетенции подобная неполная форма специализации по административным делам, связанным с предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельностью, противоречит принципу равенства участников публичных правоотношений. В целях обеспечения данного принципа и единства судебной системы при принятии положительного решения о создании административных судов целесообразно отнесение к их компетенции всех категорий дел, возникающих из публичных правоотношений. Данный подход поддерживается Е.В. Дубровиным, который считает, что при оставлении в ходе образования административных судов части административно-правовых споров в компетенции других судов общей юрисдикции будет иметь место разная степень защиты субъективных публичных прав в различных судебных подсистемах [8, с. 211]. В качестве следующего шага совершенствования административной юстиции предлагается образование в областных (Минском городском) судах, Верховном Суде специализированных судебных коллегий по административным делам. Исходя из существующего уровня нагрузки, Е.В. Дубровин видит необходимым отнесение всех административных дел к компетенции указанных судов областного звена, за исключением тех, которые будут отнесены к подсудности Верховного Суда. Подобное изъятие данной категории из компетенции районных (городских) судов позволит снизить вероятность незаконного влияния со стороны органов местного управления и самоуправления на процесс их рассмотрения [8, с. 209].

Как наиболее приемлемую организационную модель административной юстиции Е.В. Смирнова видит самостоятельную систему административных судов, поскольку это обеспечивает специализацию судей при рассмотрении административно-правовых споров и их независимость от органов исполнительной власти и должностных лиц [9, с. 8].

В целях унификации судебной практики предлагается выделение административных судов в отдельную систему во главе с Высшим Административным Судом, равным по статусу Верховному Суду. При этом поддерживается целесообразность полного изъятия административных дел из подсудности других судов, а к компетенции административных судов отнесение споров физических и юридических лиц с субъектами властных полномочий [8, с. 211].

По нашему мнению, создание отдельного вышестоящего судебного органа – Высшего Административного Суда не вызывается необходимостью ввиду возможности осуществления на высоком уровне аналогичных полномочий соответствующей судебной коллегией Верховного Суда. Это позволит устранить возможные споры о компетенции двух высших судов, обеспечить единообразие при применении законодательства и не допустить усложнение судоустройства. О следовании указанным целям и конституционному принципу единства судебной власти свидетельствует принятие в 2013 году решения об образовании единой системы судов общей юрисдикции под руководством одного высшего судебного органа.

Идея создания административных судов поддерживается в том числе ввиду множественной судебной подсудности дел, возникающих из административно-правовых отношений, которые рассматриваются различными судами, загруженности судебной системы и необходимости установления дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, что должно способствовать более качественному разрешению административных споров.

Таким образом, научным сообществом предлагаются различные варианты развития специализации в сфере административной юстиции. Наряду с этим имеются мнения ученых о преждевременности учреждения в Республике Беларусь самостоятельной системы административных судов ввиду отсутствия соответствующих условий и предпосылок.

Как указывает И.Н. Колядко, незначительный удельный вес дел, возникающих из административно-правовых отношений, не позволяет ставить в практическом плане вопрос об образовании административных судов и, соответственно, административного процесса, который следует бесспорно признавать таковым лишь при наличии указанных специализированных судов [10, с. 260–261]. Т.В. Сенькова полагает преждевременным введение в существующую систему судов еще одной самостоятельной, независимой системы специализированных административных судов, поскольку это потребует значительных финансовых и организационных затрат государства. Считает более целесообразным поэтапное развитие судебной специализации в системе судов общей юрисдикции, основным критерием которой должен выступать вид юрисдикции (административно-деликтная), а не родовой или видовой объект правонарушения [1, с. 86].

В этой связи Д.В. Гвоздев отмечает, что начавшийся процесс декриминализации общественных отношений, перспектива становления и развития системы административных судов могут явиться условием отнесения всех дел об административных правонарушениях к компетенции административных судов, что в полной мере будет соответствовать положениям Конституции Республики Беларусь, содействовать дальнейшему развитию Республики Беларусь как правового государства [11, с. 283]. По мнению Е.В. Богданова, создание административных судов в системе общих судов путем передачи в их ведение дел, возникающих из административно-правовых отношений, и дел об административных правонарушениях позволит устранить возможные споры о подведомственности и сделать систему административной юстиции более приближенной к населению [12, с. 36].

Следует отметить, что административные суды не должны рассматривать также дела об административных правонарушениях ввиду отсутствия направленности таких дел на защиту субъективных публичных прав от нарушений, допускаемых в сфере управленческой деятельности, поэтому не следует отождествлять административные дела и дела об административных правонарушениях в силу их разной правовой природы. Более того, расширение компетенции специализированных судов по рассмотрению всех дел об административных правонарушениях необоснованно увеличит судебную нагрузку, потребует необходимую штатную численность судей, снизит уровень управляемости судов и нарушит оптимальное распределение полномочий государственных органов по рассмотрению дел данной категории.

На первоначальном этапе становления административной юстиции в Республике Беларусь, как справедливо считает Д.В. Гвоздев, основной задачей должно стать формирование отраслевой нормативной основы административного судопроизводства. При этом на указанном этапе административной реформы обосновывается нецелесообразность создания специализированных административных судов или коллегий в судах общей юрисдикции. Следующим этапом формирования системы административной юстиции, обусловленным развитием нормативной базы и судебной практики административного судопроизводства, указывается создание специализированных коллегий в составе областных (Минского городского) судов и экономических судов областей (города Минска) по рассмотрению административно-правовых споров. Завершить формирование института административной юстиции должно образование специализированных административных судов, процессуально независимых как от администрации, так и от судов общей юрисдикции с подчинением Верховному Суду, при котором предлагается создать коллегия по административно-правовым спорам [11, с. 282].

В качестве положительных аспектов создания в Республике Беларусь административных судов необходимо выделить следующие. Специализация судей обеспечит разрешение административно-правовых споров наиболее компетентными специалистами и создаст условия для поддержания их профессионального уровня. Наличие специализированных судов будет способствовать повышению качества рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, уменьшению судебной нагрузки на судей судов общей юрисдикции, созданию дополнительных гарантий эффективной судебной защиты гражданина в споре с властными учреждениями и в конечном итоге улучшению работы госаппарата. Подобное реформирование судебной системы позволит в том числе уменьшить нагрузку других государственных органов по рассмотрению жалоб на принятые административные решения, сконцентрировать их деятельность на выполнении основных целей и задач.

Так, Л.Н. Лисица указывает, что осуществление специализации в сфере административной юстиции повысит уровень защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, будет способствовать более качественному разрешению административных споров [13, с. 190].

Напротив, выдвигаются следующие аргументы против создания в какой-либо форме специализированных судебных органов. Образование системы административных судов повлечет значительное увеличение числа судей и работников аппаратов судов, увеличение материально-технических затрат государства на содержание еще одной системы судов, возникновение споров о подсудности дел между административными и иными судами, а также о подведомственности споров между судами и другими государственными органами. В связи с этим для граждан усложнится доступность правосудия и реализация кон-

ституционного права на судебную защиту. Также указывается на небольшое количество административных споров, рассматриваемых в настоящее время судами общей юрисдикции, в связи с чем осуществить подобного рода специализацию нецелесообразно.

На нынешнем этапе развития административной юстиции в Республике Беларусь создание административных судов, как считает Н.А. Саванович, вызовет серьезные возражения, связанные с необходимостью существенного увеличения расходов на финансирование судебной системы. В связи с этим предлагается в существующих в настоящее время судах выделить отдельных судей или судебные коллегии для рассмотрения административных споров, а в дальнейшем решить вопрос о целесообразности создания самостоятельных административных судов [7]. В целом утверждается, что в Республике Беларусь отсутствуют организационные и экономические условия для создания административной юстиции, поскольку это повлечет также необходимость изменения огромного количества нормативных правовых актов в целях устранения коллизий в законодательстве [14, с. 115]. Особенность защиты прав граждан и юридических лиц в области публичных правоотношений заключается в их подчиненности в указанных отношениях администрации – органам и должностным лицам, которыми осуществляются управленческие функции и принимаются обязательные для них решения. Надежность данной защиты должна обеспечиваться рассмотрением административных споров специализированными судебными органами, перед которым оба субъекта – и гражданин, и администрация получают равное правовое положение.

Специализация судей, и, как результат, более глубокое изучение судьями отдельных сфер правового регулирования общественных отношений и практики применения законодательства ведут к повышению качества и оперативности работы судов. Поэтому в целях всестороннего учета прав и законных интересов граждан достаточно эффективным представляется углубленное развитие в Республике Беларусь специализации в сфере административной юстиции. В то же время нельзя отождествлять функционирование административных судов с наличием либо отсутствием в государстве административной юстиции. В этой связи представляется противоречивым утверждение о том, что в Республике Беларусь отсутствует административная юстиция, которую определяют как порядок рассмотрения и разрешения в судебной процессуальной форме споров, возникающих в сфере государственного управления между гражданами или юридическими лицами, с одной стороны, и административными органами – с другой, осуществляемый юрисдикционными органами, специально созданными для разрешения правовых споров [14, с. 115].

В настоящее время судами общей юрисдикции рассматривается незначительное количество дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений [15]. Вместе с тем в случае максимально возможного расширения компетенции судов по разрешению административно-правовых споров и права граждан на обжалование административных решений в административных судах может быть обеспечена оптимальная судебная нагрузка. Это будет способствовать развитию конституционных положений о возможности обжалования в судебном порядке решений, нарушающих права, свободы и законные интересы граждан. Поэтому целесообразным представляется поэтапное развитие специализации судопроизводства в сфере административной юстиции.

На первом этапе, по нашему мнению, необходимо в рамках действующего законодательства расширение и углубление существующей специализации судей по рассмотрению дел в сфере административных и иных публичных правоотношений. В настоящее время в многосоставных судах введена специализация судей по рассмотрению дел данной категории. Вместе с тем из числа указанных судей целесообразно выделить тех, которые будут углубленно специализироваться на определенной категории административно-правовых споров. В частности, на рассмотрении административных дел, вытекающих из налоговой, избирательной, нотариальной сфер государственной деятельности.

Следующим этапом развития административной юстиции должно стать совершенствование процессуального порядка разрешения судами административно-правовых споров. Необходимо формирование отраслевой нормативной основы административного судопроизводства, а именно, принятие Кодекса административного судопроизводства, включающего нормы, направленные на регулирование порядка рассмотрения всех публично-правовых споров. При этом в него должны быть включены нормы, регулирующие судебное рассмотрение административных дел не только между гражданами и государственными органами, но и административно-правовые споры, вытекающие из экономических отношений, то есть все дела данной категории, рассматриваемые в настоящее время судами общей юрисдикции. Например, в принятый в 2015 году Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации не включены нормы о разрешении административно-правовых споров, вытекающих из предпринимательской и иной экономической деятельности, которые по-прежнему рассматриваются в рамках Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, что по нашему мнению не способствует унифицированному подходу в разрешении таких споров между равными участниками публичных правоотношений в рамках единой судебной системы. Исходя из объема подведомственности судам административно-правовых споров, предполагаемой судебной нагрузки, экономической целесообразности завершающим этапом должно стать решение вопроса о возможности образования специализированных административных судов на уровне

областей (города Минска), к компетенции которых могут быть отнесены все административно-правовые споры по первой инстанции, возникающие в соответствующем регионе. В этой связи представляется целесообразным предварительное создание судебных коллегий по административным делам в существующих судах областного звена, поскольку это необоснованно замедлит развитие специализации и повлечет необходимость создания таких коллегий как в общих судах, так и в судах, рассматривающих экономические дела, что необоснованно в том числе с организационной и экономической точек зрения. В дальнейшем в Верховном Суде следует создать судебную коллегия по административным делам, уполномоченную пересматривать решения административных судов областей (города Минска). Таким образом, соответствующие специализированные административные суды должны входить в единую систему судов общей юрисдикции с одним высшим судебным органом – Верховным Судом и быть созданы по аналогии с функционирующими в настоящее время экономическими судами.

Подобное совершенствование национальной модели административной юстиции в незначительной степени может уменьшить доступность судебной защиты, поскольку целесообразно создание лишь одного административного суда в соответствующей области. Вместе с тем, территориальное несовпадение таких судов и властных структур, нарушивших права гражданина или организации, гарантируют отсутствие давления на суд при рассмотрении административных дел, связанных с обжалованием неправомерных действий государственных органов и должностных лиц. Проблема доступности правосудия в сфере административной юстиции может быть решена закреплением в процессуальном законодательстве альтернативной подсудности путем предоставления физическим и юридическим лицам возможности выбора суда для обращения за разрешением публично-правового конфликта. В случае увеличения количества административно-правовых споров не следует исключать создание в дальнейшем и межрайонных административных судов при обеспечении оптимальной судебной нагрузки.

Заключение. Проведенный анализ нормативных и иных актов в сфере административной юстиции, предлагаемых научным сообществом вариантов развития специализации по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, статистических данных о деятельности судов общей юрисдикции, положительных и отрицательных последствий создания административных судов позволил предложить модель специализации по административно-правовым спорам. В ней учтены организационные, экономические и правовые аспекты реализации предлагаемой судебной реформы в Республике Беларусь. Изложенный подход к специализации в сфере административного судопроизводства обеспечит повышение эффективности судебной деятельности и качества административного правосудия, соблюдение конституционного права граждан на судебную защиту в сфере административной юстиции, однако может быть реализован при наличии соответствующей законодательной основы и необходимого уровня судебной нагрузки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сенькова, Т.В. Принцип специализации судебной системы и его реализация в административно-деликтном процессе / Т.В. Сенькова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – № 5 (98). – С. 82–88.
2. Специализация в судебной системе Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие : в 2 кн. / редкол.: В.П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Минск : изд-во «Четыре четверти», 2013. – Кн. 1 : Специализация в общих судах Республики Беларусь. – 349 с.
3. Аверченко, Д.Г. Специализированные суды в системе органов судебной власти: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01, 12.00.02 / Д.Г. Аверченко ; Росс. Акад. госуд. сл. при Президенте Росс. Фед. – М., 2002. – 24 с.
4. Шихата, И. Теория и практика правовой и судебной реформы / И. Шихата // Российская юстиция. – 1997. – № 10. – С. 5–7.
5. Сердюк, В.В. Юрисдикція судів України за спеціалізацією. / В.В. Сердюк. – Киев : Прецедент, 2005. – 192 с.
6. Мартинович, И.И. Унификация и развитие конституционных начал судебной власти – гарантия эффективности судебной власти / И.И. Мартинович // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 7. – С. 12–16.
7. Саванович, Н.А. Нужны ли Беларуси административные суды? [Электронный ресурс] / Н.А. Саванович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Дубровин, Е.В. Понятие административной юстиции. Административные суды / Е.В. Дубровин // Специализация в судебной системе Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие : в 2 кн. / редкол.: В.П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Кн. 1 : Специализация в общих судах Республики Беларусь. – С. 205–215.
9. Смирнова, Е.В. Становление и развитие административной юстиции в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Е.В. Смирнова ; Московск. гос. юрид. акад. – М., 2007 – 24 с.
10. Колядко, И.Н. Общая характеристика производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, в гражданском процессе / И.Н. Колядко // Специализация в судебной системе Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие : в 2 кн. / редкол.: В.П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Кн. 1 : Специализация в общих судах Республики Беларусь. – С. 259–269.
11. Гвоздев, Д.В. Административная юстиция: теоретико-правовой анализ / Д.В. Гвоздев. – Минск : Акад. МВД, 2019. – 306 с.

12. Богданов, Е.В. Проблемы теории и практики реализации судебной власти в форме правосудия / Е.В. Богданов. – Минск : Право и экономика, 2002. – 105 с.
13. Лисица, Л.Н. Выбор модели административной юстиции для Республики Беларусь / Л.Н. Лисица // Пром.-торговое право. – 2006. – № 1. – С. 181–190.
14. Человек, психология, экономика, право, управление: проблемы и перспективы : материалы XVI Междунар. науч. конф. аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 18 мая 2013 г. / Минский ин-т упр. ; редкол.: В.В. Гедранович [и др.]. – Минск : МИУ, 2013. – 154 с.
15. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа : http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 31.10.2019.

Поступила 15.11.2019

SPECIALIZATION OF COURT PROCEEDINGS IN THE FIELD OF ADMINISTRATIVE AND OTHER PUBLIC LEGAL RELATIONS

D. CHIKATOVSKY

Considers the approaches of legal science and law enforcement practice to specialization in system of courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus. The model of implementation the principle of judicial specialization in cases of public legal relations is proposed. The in-depth specialization of judges in resolving administrative disputes is justified. We came to conclusion that it was premature to establish an independent system of administrative courts in the Republic of Belarus and possibility of such a change in judicial system in future if there are relevant conditions and prerequisites for this. As a result, we support a consistent and phased development of administrative justice through the specialization of judges and improvement of administrative proceedings to further creation of a separate system of specialized courts.

Keywords: *administrative dispute, court of general jurisdiction, specialization, administrative justice, court proceedings, public legal relations, administrative court.*

УДК 343.4

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦЕЛЯХ ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В.В. ВАБИЩЕВИЧ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Проанализировано действующее и разрабатываемое законодательство Республики Беларусь в части раскрытия содержания персональных данных, критериев их определения, юридической ответственности за посягательства на них. Рассмотрена практика правового регулирования определения персональных данных в Европейском союзе, Российской Федерации. Предлагается рассматривать персональные данные как самостоятельный предмет преступного посягательства, а также при формировании состава преступления, объектом защиты которого станут общественные отношения, связанные с оборотом персональных данных, установить в качестве примечания к соответствующей статье самостоятельное определение персональных данных в целях надлежащей реализации норм Уголовного кодекса Республики Беларусь и защиты общественных интересов. Рассмотрены иные направления совершенствования законодательства, регулирующего защиту и оборот персональных данных, в целях устранения неопределенности правоприменения в этой сфере.

Ключевые слова: персональные данные; защита информации; совершенствование законодательства; конституционные права; информационная безопасность; информационные технологии; посягательства на персональные данные.

Введение. В эпоху информационного общества отмечается рост использования сведений о конкретном лице, например, в оперативно-розыскной деятельности, финансовой и налоговой отраслях, сфере пенсионного, социального, медицинского страхования, трудовых отношениях и других областях общественной жизни. Столь широкое использование персональных данных может создавать угрозу нарушений прав человека [1, с. 50–51], следовательно, необходимо учитывать фундаментальное право каждого гражданина, предусмотренное ст. 28 Конституции Республики Беларусь, на защиту от вмешательства в его личную жизнь. Некоторые исследователи [2] отмечают, что охрана персональных данных также связана с такими конституционными правами человека, как право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на неприкосновенность жилища. Названные права образуют собой конституционно-правовые рамки защиты персональных данных. В связи с этим все более актуальным становится вопрос о совершенствовании правового регулирования сбора, обработки, распространения, предоставления, удаления, обезличивания, трансграничной передачи, блокирования и оборота персональных данных.

В Республике Беларусь разрабатывается проект Закона «О персональных данных» (далее – проект закона, законопроект), в котором предложено системное регулирование оборота персональных данных, дано определение персональным данным и их видам, установлены общие и специальные требования к обороту персональных данных, регламентированы основные права и обязанности операторов и субъектов персональных данных, предусмотрен определенный контроль и надзор в сфере работы с ними [3].

Одним из важных элементов, побуждающих граждан к надлежащей реализации законодательных требований, является установление за их нарушение конкретной ответственности, тяжесть и вид которой зависит от характера правонарушений. Принимая во внимание данное обстоятельство, а также учитывая конституционно-правовые рамки защиты персональных данных, возрастающее количество преступлений, связанных, в том числе, с незаконным оборотом персональных данных, международную практику, полагаем целесообразным рассматривать персональные данные как возможный самостоятельный предмет преступных посягательств, с учетом действующих и предложенных в законопроект подходов к их определению.

Для определения грани невмешательства в личную жизнь человека необходимо правильно понимать термин «персональные данные», уметь определять, какие сведения о человеке подпадают под данную категорию, а какие нет [4]. В связи с этим целями данной статьи являются комплексное раскрытие понятия «персональные данные» с учетом действующего и разрабатываемого законодательства Республики Беларусь, анализ зарубежной практики в этой сфере, а также формирование предложений по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в части охраны персональных данных, в том числе уголовно-правовой.

Основная часть. Эффективное расследование уголовных дел, связанных с незаконным оборотом персональных данных, в значительной степени зависит от правильного понимания предмета преступного посягательства. Предмет преступного посягательства тесным образом связан с действиями преступника по достижению им своего преступного результата. С криминалистической точки зрения предмет преступного посягательства содержит в себе определенные фактические данные, по которым можно установить преступника и его пособников, средства совершения преступления, иные особенности и детали совершенного посягательства, определить степень вредных последствий.

Некоторые авторы, давая определение предмету преступления, говорят о его овеществленном характере. Иными словами, предметом преступления могут быть только объекты материального мира. В общепринятом понимании содержание предмета зависит от сферы применения данного понятия. Например, в науке «предмет» – сторона объекта, определенный его аспект, исследуемый в каком-либо конкретном случае; в юриспруденции «предмет иска» – конкретное требование (может иметь характер материального и нематериального мира); в философии – то, на что направлены мысль или действие [5].

Согласно абзацу 4 статьи 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) к объектам гражданских прав также относится нераскрытая информация. Такой информацией в соответствии со статьей 140 ГК является коммерческая и служебная тайна. Например, персональные данные перечня клиентов одной компании могут являться коммерческой тайной, а значит, подлежать определенной охране как объект гражданских прав. Персональные данные относятся к конфиденциальной информации. Именно с них начинается Перечень сведений конфиденциального характера, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 06.03.1997 № 188 «Сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях» [6, с. 77]. Нанесение вреда информации, способности человека ее воспринимать и осмысливать имеет следствием ущерб человеку как социальному и биологическому существу, существенно снижает возможность его выживания в реальном мире. Исходя из этого, информационная безопасность человека, в том числе охрана его персональных данных, заключается в невозможности нанесения вреда ему как личности, социальная деятельность которой во многом базируется на осмыслении получаемой информации, информационных взаимодействиях с другими индивидами и часто имеет информацию в качестве предмета деятельности [7, с. 52–53].

Таким образом, персональные данные могут являться предметом преступного посягательства, хотя и не имеют овеществленного характера. Видится целесообразным установить рамки нормативного определения персональных данных в целях их уголовно-правовой охраны, поскольку уголовный закон подлежит строгому толкованию, а применение аналогии не допускается, поэтому правоохранителям следует руководствоваться конкретными нормами и правилами для установления предмета преступного посягательства. Например, привлекая лицо к уголовной ответственности за разглашение коммерческой тайны (ст. 255 УК), правоохранитель обращается к Закону Республики Беларусь «О коммерческой тайне», который четко регламентирует определение термина, перечень сведений, охраняемых в режиме коммерческой тайны, порядок доступа к ней и другие значимые вопросы. Кроме этого, законодатель регламентировал уголовно-правовую охрану некоторых видов информации, находящейся в ограниченном доступе, и обеспечил им надлежащую уголовно-правовую охрану. Например, разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 177 УК), разглашение врачебной тайны (ст. 178 УК), разглашение коммерческой тайны (ст. 255 УК), нарушение тайны голосования (ст. 192 УК), нарушение тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфных и иных сообщений (ст. 203 УК), коммерческий шпионаж (ст. 254 УК), умышленное разглашение государственной тайны (ст. 373 УК), умышленное разглашение служебной тайны (ст. 375 УК).

Понятие и критерии персональных данных содержатся в разных нормативных правовых актах и имеют различные значения в зависимости от предмета регулирования тех либо иных общественных отношений. Перед тем как проанализировать предложенные в законопроекте определения и виды персональных данных, рассмотрим нормы действующего законодательства, так или иначе регулирующие оборот персональных данных, критерии их определения.

Согласно Закону Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» к персональным данным относятся основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательством внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О регистре населения» к основным персональным данным относятся: идентификационный номер; фамилия, собственное имя, отчество; пол; число, месяц, год рождения; место рождения; цифровой фотопортрет; данные о гражданстве (подданстве); данные о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания; данные о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным, а к дополнительным – данные о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке (детях) физического лица; о высшем образовании, ученой степени, ученом звании; о роде занятий; о пенсии, ежемесячном денежном содержании по законодательству о государственной службе, ежемесячной страховой выплате по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; о налоговых обязательствах; об исполнении воинской обязанности [8].

В Российской Федерации ранее к персональным данным могли относиться только те сведения, которые собирались в целях идентификации ранее неизвестного лица, в то время как информация может собираться и об уже известном лице [9, с. 77–86].

В деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь наблюдается тенденция в сторону правового усиления охраны персональной информации. Так, Конституционный Суд Республики Беларусь по инициативе Белорусской республиканской коллегии адвокатов, Министерства внутренних дел Республики Беларусь рассмотрел вопрос о правовом регулировании использования и охраны изображения гражданина и принял решение о том, что в действующем законодательном регулировании имеется правовой дефект, обусловленный отсутствием в гражданском законодательстве надлежащего правового механизма обеспечения каждому охраны его изображения, вследствие чего в процессе правоприменения это может привести к нарушению конституционных прав, свобод и законных интересов граждан [10]. Кроме этого, Конституционный суд отметил, что указанное решение принято в целях обеспечения конституционного принципа верховенства права, защиты каждого гражданско-правовыми средствами от незаконного вмешательства в личную жизнь. К охраняемым нематериальным благам относится и внешний облик человека, принадлежащий ему от рождения, не отчуждаемый и не передаваемый иным способом, а также основанное на нем право на изображение гражданина. Как самодостаточное личное нематериальное благо, изображение гражданина представляет собой его внешний (индивидуальный) облик в объективной форме, например, в произведении изобразительного искусства, на фотографии или в видеозаписи в конкретный момент времени.

Согласно Закону Республики Беларусь «О переписи населения» персональные данные – первичные статистические данные о конкретном респонденте, сбор которых осуществляется при проведении переписи населения. В программу переписи населения в обязательном порядке включаются следующие основные вопросы, касающиеся: пола; возраста; даты рождения; места рождения; владения языками; гражданства; состава домохозяйства; состояния в браке; количества детей; образования; места жительства (места пребывания); миграционной активности; жилищных условий; источников средств существования; занятости [11].

Определение персональных данных содержится во многих межгосударственных соглашениях Республики Беларусь, например, в соответствии с Соглашением между Правительством Республики Беларусь и Правительством Чешской Республики «О сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах» под персональными данными понимаются любые данные, которые могут относиться к конкретному физическому лицу, и (или) любой вывод, касающийся лица, который может быть сделан на основании этих данных [12]. Согласно Постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств «О модельном законе «О персональных данных» к персональным данным относятся биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном, социальном положении, образовании, профессии, служебном и финансовом положении, состоянии здоровья и прочие [13].

Международное и иностранное право предлагает следующие варианты определения персональных данных. В соответствии с Конвенцией Совета Европы «О защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера» под персональными данными понимается информация, касающаяся конкретного или могущего быть идентифицированным лица, в том числе особые категории данных, к которым относятся данные о политических взглядах либо иных убеждениях, а равно персональные данные, касающиеся сексуальной жизни [14].

В Европейском союзе согласно Общему регламенту по защите данных (General Data Protection Regulation) под персональными данными понимается любая информация о физическом лице, используя которую можно прямо либо косвенно его установить, в том числе онлайн-идентификатор или один, или несколько факторов, характерных для физической, физиологической, генетической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности физического лица, а также данные о состоянии здоровья, в том числе биометрические, сведения, касающиеся расовой и этнической принадлежности, уголовной судимости, политические взгляды, религиозные и философские убеждения, членство в профсоюзах. Данный подход свидетельствует о том, что даже IP-адреса могут являться персональными данными и подлежать уголовно-правовой охране [15].

Исходя из анализа вышеназванных нормативных правовых актов, национальное законодательство содержит более узкие критерии определения персональных данных, хотя и содержит такие формулировки, как «а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо». В этой связи могут возникать противоречия и неопределенности со стороны правоохранительных органов в части квалификации деяний, связанных с посягательством на информацию относительно, например, религиозных убеждений либо политических взглядов.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, правоприменитель, не сталкиваясь ранее с данной правовой категорией и не обладая пока устоявшейся традицией реализации законодательства через призму соблюдения прав и свобод человека и гражданина, не сможет обеспечить комплексную защиту персональных данных исходя только лишь из абстрактных определений [16].

Широкий подход к понятию персональных данных позволяет ответить на вопрос, занимающий многих специалистов по информационному и гражданскому праву: как соотносятся персональные данные и информация о частной жизни индивида? По этому поводу высказываются различные мнения: совпадают, не совпадают, включаются одно в другое [17].

Большинство ученых сходятся в том, что категория «частная жизнь» является более общей, оценочной. Она включает в себя право индивида на защиту от «любопытных глаз» других индивидов и подразумевает право

на анонимность и уединение: «В гражданском обществе реализация человеком частных интересов и потребностей в рамках закона не подлежит контролю со стороны государства, каких-либо организаций, в том числе и тех, с которыми гражданин связан по службе. Сведения о частной жизни, личные, семейные тайны могут быть доверены священнику, врачу, адвокату, нотариусу без опасения их разглашения, поскольку эти лица несут юридическую (врач, нотариус), корпоративную (адвокат) или религиозную (священник) ответственность» [18].

Объект защиты статьи 179 УК (незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни) вызывает много вопросов, поскольку имеет в виду сведения о частной жизни, которые касаются личной и семейной тайны другого лица. При этом законодательство Республики Беларусь не содержит определения личной и семейной тайны, в отличие от банковской, финансовой, налоговой, коммерческой, адвокатской, врачебной, архивной и т.д. Кроме этого, вопрос определения личной и семейной тайны лежит в плоскости субъективного восприятия конкретно лица, так как для одного субъекта информация об исполнении воинской обязанности может являться тайной, а для другого – нет. Более того, исполнение воинской обязанности является публичным священным долгом гражданина перед своим государством, что также закреплено в статье 57 Конституции Республики Беларусь. В этой связи возникает вопрос о правильном определении объекта посягательства по статье 179 УК и квалификации тех либо иных деяний.

В разрабатываемом законопроекте законодатель решил устранить все противоречия и дать более полное определение персональным данным, разделив их на виды по определенным критериям. Согласно проекту закона, персональными данными может быть любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано на основании такой информации. Выделены следующие виды персональных данных:

– специальные персональные данные – персональные данные, касающиеся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, судимости, а также биометрические и генетические персональные данные;

– биометрические персональные данные – сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно его идентифицировать (отпечатки пальцев, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и др.);

– генетические персональные данные – уникальные и постоянные сведения, касающиеся генетического наследия и (или) кода ДНК человека, на основании которых можно его идентифицировать.

Кроме этого, законодатель предложил регламентировать, что физическое лицо, которое может быть идентифицировано, – физическое лицо, которое может быть прямо или косвенно определено, в частности через идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности.

Относительно биометрических данных в Республике Беларусь введены биометрические паспорта и ID-карты [19]. Специалисты отмечают, что данный паспорт позволит проходить контроль на границе, а также необходим в целях упрощения визового режима со странами Шенгена. Названное новшество в очередной раз подтверждает необходимость совершенствования не только правового регулирования оборота персональных данных, но и их охраны, в том числе уголовно-правовой.

Таким образом, учитывая действующее законодательство, а также подходы, предложенные в проекте закона о персональных данных, преступным посягательством на персональные данные сможет считаться незаконное воздействие правонарушителем на следующие данные:

– идентификационный номер; фамилия, собственное имя, отчество; пол; число, месяц, год рождения; место рождения; цифровой фотопортрет; данные о гражданстве (подданстве); данные о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания; данные о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным; данные о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке (детях) физического лица; о высшем образовании, ученой степени, ученом звании; о роде занятий; о пенсии, ежемесячном денежном содержании по законодательству о государственной службе, ежемесячной страховой выплате по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; о налоговых обязательствах; об исполнении воинской обязанности;

– владение языками; состав домохозяйства; место жительства (место пребывания); миграционная активность; жилищные условия; источники средств существования; занятость;

– данные, касающиеся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, судимости, а также биометрические и генетические персональные данные;

– сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно его идентифицировать;

– уникальные и постоянные сведения, касающиеся генетического наследия и (или) кода ДНК человека, на основании которых можно его идентифицировать.

При этом следует учитывать, что не вся информация имеет одинаковое значение для идентификации того или иного лица. Если, например, фамилия, имя, отчество, дата и место рождения в своей совокупности, как правило, позволяют идентифицировать лицо, то такие данные, как семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия и другие, не позволяют этого сделать. Для того чтобы с их помощью идентифицировать лицо, нужно их «привязать» к номинативной, т.е. знаковой в этом смысле информации, а именно: к фамилии, имени, отчеству, дате и месту рождения.

Данное обстоятельство необходимо учитывать при квалификации тех либо иных деяний правонарушителя, поскольку фамилия относится к персональным данным, но ее разглашение, незаконный сбор и т.д. не позволит идентифицировать конкретное лицо (за исключением ситуаций, когда физическое лицо имеет уникальную фамилию). В таком случае нарушение законодательства о персональных данных будет иметь место, однако, по нашему мнению, такие деяния правонарушителя не могут быть преступно наказуемыми.

Например, голос физического лица является его персональной информацией и может без дополнительных сведений идентифицировать это лицо. Так, уже сегодня некоторые банки используют запись голоса своих клиентов в целях их идентификации. Как отмечают эксперты, голос каждого человека уникален. Специализированные организации проводят фоноскопию, которая позволяет определить не только личностные характеристики говорящего, но и идентифицировать человека по голосу и речи, установить количество участников разговора на аудиозаписи и многое другое [20]. С одной стороны, подобные новшества позволяют идентифицировать преступников и расследовать уголовные преступления, с другой – используемые технологии могут быть применены злоумышленниками в целях осуществления незаконных действий с персональными данными, в том числе их сбор.

Заключение. Таким образом, при определении понятия «персональные данные» следует руководствоваться рядом нормативных правовых актов Республики Беларусь. При этом некоторые критерии определения персональных данных, такие как «жилищные условия, миграционная активность, состав домохозяйства и иные», носят оценочный характер, что может вызвать определенные сложности при квалификации преступлений, связанных с посягательством на персональную информацию. В то же время нормы разрабатываемого Закона «О персональных данных» в значительной степени сближают правовое регулирование этой сферы с общеевропейской практикой, где более детально определены персональные данные, включая любые сведения и критерии идентификации конкретного лица, в том числе косвенные.

Стоит отметить, что при формировании состава преступления, объектом защиты которого станут общественные отношения, связанные с оборотом персональных данных, необходимо в качестве примечания предусмотреть самостоятельное определение персональных данных в целях реализации норм уголовного закона Республики Беларусь следующего содержания: *«Под персональными данными понимаются любые сведения о физическом лице, предусмотренные законодательными актами, которые в совокупности могут прямо либо косвенно идентифицировать такое лицо».*

Данное определение имеет ряд преимуществ. Во-первых, правовое регулирование круга сведений, составляющих персональные данные, не может быть по юридической силе ниже закона. Например, перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну согласно статье 6 Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне», не может быть дополнен либо изменен нормативным правовым актом по юридической силе ниже закона. Во-вторых, привлечь к уголовной ответственности возможно только в том случае, когда персональные данные, явившиеся предметом посягательства, в своей совокупности могут идентифицировать конкретное лицо, при этом как прямо, так и косвенно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садикова, И.С. Конституционно-правовые основы защиты персональных данных / И.С. Садикова // Закон и право. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – № 12. – С. 50–51.
2. Проскуракова, М.И. Конституционно-правовые рамки защиты персональных данных в России // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. – 2016. – Вып. 2. – С. 12–27.
3. Правовой форум Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forumpravo.by/forums/pna.aspx?forum=15&topic=10297>. – Дата доступа: 01.09.2018.
4. Симонова, Е.В. Определение понятия персональных данных в Российской Федерации / Е.В. Симонова // Молодой ученый. – 2017. – № 10. – С. 323–326.
5. Предмет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Предмет/> – Дата доступа: 01.09.2018.
6. Кузнецова, Т.В. Организация работы с персональными данными / Т.В. Кузнецова // Трудовое право. – 2011. – № 5. – С. 75–80.
7. Стрельцов, А.А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы / А.А. Стрельцов ; под ред. В.А. Садовниченко и В.П. Шерстюка. – М. : МЦНМО, 2002. – 296 с.
8. О регистре населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 418-3 // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2018.
9. Калятин, В.О. Персональные данные в Интернете / В.О. Калятин // Журнал российского права. – 2002. – № 5. – С. 77–86.

10. Конституционный суд принял решение «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/october/31081>. – Дата доступа: 20.12.2018.
11. О переписи населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2006 г., № 144-3 // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
12. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Чешской Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах [Электронный ресурс]: [заключено в г. Минске 26.04.2002 г.] // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2018.
13. О модельном законе «О персональных данных» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 16 окт. 1999 г., № 14-19 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
14. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера [Электронный ресурс]: [заключена в г. Страсбурге 28.01.1981 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.
15. GDPR – новые правила обработки персональных данных в Европе для международного IT-рынка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habrahabr.ru/company/digitalrightscenter/blog/344064/>. – Дата доступа: 20.01.2018.
16. Малюк, А.А. Замечания и предложения по законопроектам «Об информации персонального характера» / А.А. Малюк. – М., 2000. – С. 1.
17. Арешев, А.Г. Персональные данные в структуре информационных ресурсов. Основы правового регулирования / А.Г. Арешев, И.Л. Бачило, Л.А. Сергиенко. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2006. – С. 75.
18. Садовникова, Т.Д. Комментарий к Конституции РФ: постатейный / Т.Д. Садовникова. – М., 2001. – С. 21.
19. К 1 января 2019 года в Беларуси будут введены биометрические паспорта и ID-карты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/545267.html>. – Дата доступа: 20.12.2018.
20. Фоноскопия в деталях: по голосу на аудиозаписи можно установить пол, приблизительный возраст и даже профессию человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2017/march/23479/>. – Дата доступа: 20.12.2018.

Поступила 16.01.2019

THE PREDICTION OF PERSONAL DATA FOR THEIR CRIMINAL-LAW PROTECTION

V. VABISCHEVICH

The article analyzes the current and developing legislation of the Republic of Belarus in terms of disclosure of the content of personal data, criteria for their determination, legal liability for violations against them. The practice of legal regulation of personal data definition in the European Union and the Russian Federation is considered. It is proposed to consider personal data as an independent subject of criminal infringement, as well as in the formation of the crime, the object of protection of which will be public relations related to the circulation of personal data, to establish as a note to the relevant article an independent definition of personal data for the proper implementation of the criminal code of the Republic of Belarus and the protection of public interests. Other directions of improvement of the legislation regulating protection and turnover of personal data for the purpose of elimination of uncertainty of law enforcement in this sphere are considered.

Keywords: *personal data; information protection; improvement of legislation; constitutional rights; information security; information technology; attacks on personal data.*

УДК 343.152.9

**РАСХОДЫ, ВЫЗВАННЫЕ УЧАСТИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ВОЗЛОЖИТЬ НА ОБВИНЯЕМОГО ИЛИ ОТНЕСТИ НА СЧЕТ ГОСУДАРСТВА?**

*канд. юрид. наук, доц. П.В. ГРИДЮШКО, канд. юрид. наук Н.А. МАРЦЫНКЕВИЧ
(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*

Проведен анализ национального и зарубежного законодательства по вопросу правовой регламентации условий предоставления участникам уголовного процесса услуг переводчика, а также практики Европейского суда по правам человека по реализации процессуальных гарантий в отношении лиц, не владеющих языком судопроизводства, закрепленных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Это позволило прийти к ответу на вопрос о том, на чей счет должны относиться процессуальные издержки, вызванные участием переводчика в уголовном процессе. Таким образом, признавая международно-правовые стандарты в области обеспечения прав человека и доступности к правосудию посредством обеспечения государством для подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя, представителя умершего обвиняемого, защитника, гражданского ответчика и его представителя бесплатно помощи переводчика (без последующего возмещения вызванного его участием расходов), государство в лице органов, ведущих уголовный процесс, имеет международно-правовые основания для возложения на виновное лицо обязанности по возмещению процессуальных издержек, вызванных помощью переводчика в целях удовлетворения интересов стороны обвинения.

Ключевые слова: процессуальные издержки, участие переводчика, бесплатность, отнесение издержек на счет государства, возложение издержек на обвиняемого.

Введение. Реализация принципа языка, на котором ведется производство по материалам и уголовному делу, неизбежно влечет за собой затраты, относящиеся к процессуальным издержкам, которые представляют собой «расходы государства, вызванные использованием социально-коммуникативных умений и лингвистических познаний переводчика в следственных и судебных действиях» [1]. Состав этих расходов определяется ст. 162 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь. Так, в соответствии с п.п. 1, 2, 4, 5 ч.1 названной статьи содержание процессуальных издержек, вызванных участием в уголовном процессе переводчика, носит двойственный характер: с одной стороны они включают в себя суммы, выплачиваемые в качестве компенсации на покрытие переводчиком расходов, связанных с явкой к месту проведения процессуальных действий и обратно, проживанием и отвлечением их от обычных занятий; с другой стороны, они обладают «бенефициарными чертами» [1], что выражается во включении в процессуальные издержки вознаграждения, выплачиваемого переводчикам за выполнение ими своих обязанностей в уголовном процессе.

Вопрос о том, на чей счет должны относиться процессуальные издержки, порожденные участием переводчика в уголовном процессе, в настоящее время не вызывает дискуссий в среде ученых-процессуалистов, которые в своих трудах ограничиваются лишь констатацией нормативно закрепленного в ч. 2 ст. 21 УПК Республики Беларусь положения о бесплатном предоставлении услуг переводчика.

Однако при внимательном рассмотрении порядка финансового обеспечения участия переводчика в уголовном процессе становится очевидно, что это участие не является бесплатным как таковым, то есть не требующим оплаты. Плата производится, но только не теми, кто прибыл в нашу страну, совершил преступление, тем самым нарушив Конституцию, законы Республики Беларусь, но не владеет ее национальными языками, а гражданами Республики Беларусь, ежемесячно вносящими платежи в государственный бюджет, из средств которого и обеспечивается пользование указанными лицами родным языком и услугами переводчика. В современных экономических условиях с учетом действующих цен на рынке товаров и услуг данная плата образует значительные объемы расходов бюджетных средств. Например, согласно тарифам, размещенным на сайте Бюро переводов «PrimeVeda», стоимость письменного перевода за одну учетную страницу в зависимости от сложности языка составляет от 10 рублей (перевод с английского языка на русский) до 40 рублей (перевод с азербайджанского, казахского, корейского, узбекского); стоимость же устного последовательного перевода – от 75 рублей в час [2]. И здесь невольно возникает вопрос: почему граждане Республики Беларусь, часть доходов которых в качестве налоговых поступлений является одним из источников формирования бюджета страны, из которого и осуществляется возмещение расходов на переводчика, принимая на своей территории иностранных граждан, лиц без гражданства, должны претерпевать траты в связи с участием переводчика по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, не владеющими или недостаточно владеющими национальным языком страны пребывания, без последующего их возмещения государству.

Основная часть. Рассматриваемый принцип языка, на котором ведется производство по материалам и уголовному делу (ст. 21 УПК), базируется на предписании ст. 50 Конституции Республики Беларусь, закрепившей право пользоваться родным языком и выбирать язык общения, суть которого раскрывается в ст. 14 Закона Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь», устанавливающей право лиц, которые принимают участие в рассмотрении судом уголовных и гражданских дел и не владеют языком судопроизводства, знакомиться с соответствующими материалами, участвовать в судебных действиях посредством переводчика, выступать на языке, которым они владеют, а также получать следственные и судебные документы в переводе на язык, которым они владеют [3]. Таким образом, Основной Закон страны прямо не закрепляет право на безвозмездную помощь переводчика, а, следовательно, допускает возможность возложения на виновных процессуальных издержек, вызванных участием переводчика.

В этой связи следует отметить, что ряд директив Европейского Парламента и Совета Европейского Союза, закрепляя право на устный и письменный перевод в уголовном процессе, также прямо не указывают на его бесплатность [4; 5]. В то же время УПК ФРГ в § 464с закрепляет, что издержки, связанные с привлечением «для обвиняемого на стадии предварительного судебного производства, не владеющего немецким языком или имеющего нарушения слуха или речи», устного или письменного переводчика, «возлагаются на обвиняемого на стадии предварительного судебного производства, если они возникли вследствие его неявики по собственной вине или иным образом без необходимости по его вине» [6, с. 361]. Законодатель Украины возложил обязанность нести все расходы, связанные с привлечением переводчика к участию в уголовном процессе, на сторону уголовного производства, которая заявила ходатайство о вызове переводчика (ч. 1 ст. 122 УПК Украины) [7].

Вместе с этим ряд международных актов безвозмездность для участника уголовного процесса услуг переводчика предусматривают в контексте определенных условий. Так, принцип 14 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятом резолюцией 43/173 (XLIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г., определяет право лица получить на понятном языке информацию о причинах ареста или задержания, применении меры пресечения, предъявляемых обвинениях, процессуальных правах и способах их реализации и «на получение помощи переводчика, если необходимо бесплатной, в связи с юридическим разбирательством после его ареста» [8]. Также п. 6 Рекомендаций № R(81)7 Комитета министров Совета Европы относительно путей облегчения доступа к правосудию от 14 мая 1981 г. закрепляет долг государства «обеспечить, чтобы неимущие и малоимущие лица не находились в неблагоприятном положении с точки зрения доступа к суду или участия в судебном процессе в силу их неспособности говорить или понимать используемый в суде язык» [9].

Несмотря на логичность изложенных рассуждений, по законодательству нашей страны процессуальные издержки, вызванные участием переводчика ввиду незнания подозреваемым, обвиняемым языка, на котором ведется уголовный процесс, принимаются на счет государства (ч. 3 ст. 163 УПК Республики Беларусь), что является прямым следствием предписания ч. 2 ст. 21 УПК Республики Беларусь, которая, в свою очередь, испытывает существенное влияние положений международных правовых актов, в частности, п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. Так, в соответствии с предписаниями указанной нормы каждый при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум имеет правовую гарантию «пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке» [10]. Реализацию данного международного обязательства приняла на себя и Республика Беларусь, отказ от выполнения которого негативно скажется на ее имидже как демократического социального правового государства.

Кроме того, аналогичное право закрепляется нормами иных международных правовых актов. Так, согласно ч. 3 ст. 10 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы от 1 февраля 1995 г. каждое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право быть «незамедлительно информированным на языке, который он или она понимают, о причинах его или ее ареста и о характере и причине любого обвинения, выдвинутого против него или нее, и защищать себя на этом языке, при необходимости получая для этого бесплатную помощь переводчика» [11]. Аналогичный механизм реализации данного права нашел свое закрепление и в п. 3 «е» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой Советом Европы на Римском конгрессе 4 ноября 1950 г., в соответствии с предписанием которого обвиняемый имеет право быть уведомлен на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения, а также пользоваться бесплатной помощью переводчика [12]. Рассматриваемое право предусмотрено и в п. «д» ч. 3 ст. 6 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, который установил, что каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право «пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке» [13].

Международно-правовая позиция по вопросу участия переводчика в уголовном процессе, по сути, сформулирована Европейским судом по правам человека в решении по делу Людеке, Белкасем и Коч против Германии, которое растолковало целый ряд процессуальных гарантий в отношении лиц, не владеющих языком

судопроизводства, в процессе осуществления против них процедур правосудия. Своим решением Европейский суд по правам человека разъяснил, что «в контексте и в смысле предмета и цели» п. 3 «е» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод термин «бесплатно» «имеет сам по себе вполне ясное и определенное значение», означающее «даром, дающееся ни за что, безвозмездно», «чем можно пользоваться не платя», в связи с чем «этот термин не обозначает ни освобождение от оплаты на определенных условиях, ни временные льготы по оплате, ни приостановку платежа, а всеобщее и полное освобождение от необходимости платить» [14]. Исходя из этого, суд пришел к выводу, что «статья 6 п. 3 "е" наделяет каждого, кто не говорит или не понимает языка, используемого в суде, правом на получение бесплатной помощи переводчика, без последующего возложения на него возникших расходов» (п. 46 указанного решения), при этом «в контексте права на справедливое разбирательство, гарантированного статьей 6 п. 3 "е", подпункт "е" означает, что обвиняемый, который не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на нем, имеет право на бесплатную помощь переводчика для письменного или устного перевода всех документов или заявлений по возбужденному против него делу, которые необходимы ему для понимания происходящего и гарантируют соблюдение его прав» (п. 48 указанного решения) [14].

Резюмируя разъяснения Европейского суда по правам человека, необходимо отметить, что «объем помощи переводчика в рамках разбирательства по конкретному делу должен соответствовать потребностям стороны защиты», при этом «право на получение безвозмездной для субъекта уголовного судопроизводства, не владеющего языком, на котором оно осуществляется, помощи переводчика является универсальным, независимо от обстоятельств дела или процессуального статуса этого субъекта, а поэтому все расходы по обеспечению участия переводчика в процессе уголовного судопроизводства должно нести государство, осуществляющее правосудие» [15].

Таким образом, закрепленное ч. 3 ст. 163 УПК Республики Беларусь правило об отнесении на счет государства расходов, вызванных оказанием подозреваемому, обвиняемому, его законному представителю, представителю умершего обвиняемого, защитнику, гражданскому ответчику и его представителю помощи переводчика, основано на высоких правовых стандартах защищенности прав личности и отражает стремление Республики Беларусь к утверждению в законодательстве правовых принципов, соответствующих международным стандартам в области прав человека.

Однако следует заметить, что во всех приведенных международных актах говорится лишь о праве стороны защиты (обвиняемого, его законного представителя, представителя умершего обвиняемого, защитника, гражданского ответчика и его представителя (п. 41 ст. 6 УПК Республики Беларусь)) на бесплатную помощь переводчика. В таком случае возникает вопрос о возможности компенсации расходов в связи с участием переводчика в уголовном процессе, когда это участие вызвано не целями обеспечения прав лица, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу, а целями обеспечения исключительно интереса стороны обвинения. В данной связи обращает на себя внимание практика реализации того же п. 3 «е» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в рамках которого Европейский суд по правам человека по делу «Akbingol v. Germany», рассмотренному 18.11.2004, признал правомерным взыскание с осужденного стоимости перевода его телефонных разговоров на турецком и курдском языках, содержание которых положено в основу обвинительного заключения, поскольку перевод был осуществлен в целях уголовного расследования, а не для использования в интересах его защиты (виновный и так знал их содержание), то есть не для цели, предусмотренной п. 3 «е» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [16, с. 71–72].

Подобный пример правоприменения находим и в судебной практике Республики Беларусь. Так, судом Первомайского района г. Минска при рассмотрении уголовного дела по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 233 УК, было принято решение о возложении на С. обязанности возместить Департаменту финансовых расследований КГК Республики Беларусь процессуальные издержки в сумме 575 237 неденоминированных рублей, состоящие из расходов по оплате перевода на польский язык материалов об экстрадиции [17]. К расходам, вызванным участием переводчика в целях обеспечения исключительно интереса стороны обвинения, можно относить такие, как расходы в связи с переводом на русский, белорусский языки письменных доказательств, составленных на иностранном языке; расходы в связи с переводом документов, направляемых в иностранное государство для оказания правовой помощи, в том числе для экстрадиции обвиняемого, и, соответственно, полученных от него как результат исполненного поручения (просьбы) о правовой помощи; расходы, вызванные участием переводчика для оказания помощи потерпевшим, свидетелям, не владеющим языком, на котором ведется уголовный процесс. К сведению, согласно п. 8 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в качестве иных расходов, связанных с рассмотрением дела хозяйственным судом, рассматриваются «расходы, связанные с переводом на язык судопроизводства представленных в хозяйственный суд письменных доказательств, составленных на иностранном языке», возможность возмещения которых в соответствии с п. 11 определяется условиями соответствия «таких доказательств требованиям относимости, допустимости и достоверности» [18].

Действительно, возможность возложения на подозреваемого, обвиняемого обязанности по возмещению процессуальных издержек, состоящих из расходов на привлечение переводчика для целей стороны обвинения, будет способствовать реализации превентивной и компенсационной функции института процессуальных издержек, ведь эти расходы орган, ведущий уголовный процесс, несет вынужденно в значительной мере ввиду оказываемого подозреваемым, обвиняемым противодействия производству по материалам и уголовным делам. Необходимость возложения на обвиняемого, осужденного расходов, понесенных в связи с участием в уголовном процессе переводчика в интересах стороны обвинения, поддержали и 104 (42%) опрошенных из числа прокуроров и судей.

К тому же предписания приведенных выше международных документов не устанавливают запрет на получение компенсации данного рода расходов.

Приведенный подход ни в какой мере не отражается на безусловной реализации такого общепризнанного международно-правового стандарта в области прав человека, как бесплатное получение подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, представителем умершего обвиняемого, защитником, гражданским ответчиком и его представителем помощи переводчика, обеспечивающего их доступ к правосудию, поскольку за органом, ведущим уголовный процесс, сохраняется обязанность обеспечить участие переводчика за счет государства, то есть без последующего возложения на них процессуальных издержек, вызванных этим участием в целях обеспечения их прав в объеме, предусмотренном ч. 2 ст. 21 УПК Республики Беларусь.

Заключение. На основании изложенного, признавая международно-правовые стандарты в области обеспечения прав человека и доступности к правосудию посредством обеспечения государством для подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя, представителя умершего обвиняемого, защитника, гражданского ответчика и его представителя бесплатной помощи переводчика (без последующего возмещения вызванных его участием расходов), но имея при этом международно-правовые основания для возложения на виновное лицо обязанности по возмещению процессуальных издержек, вызванных помощью переводчика в целях удовлетворения интересов стороны обвинения, приходим к выводу о необходимости внесения в ч. 3 ст. 163 УПК Республики Беларусь следующих изменений: «Процессуальные издержки, вызванные получением подозреваемым, обвиняемым, их законными представителями, представителем умершего обвиняемого, защитником, гражданским ответчиком, их представителями помощи переводчика, принимаются на счет государства». Таким образом открывается возможность для распределения в общем порядке процессуальных издержек, состоящих из расходов государства на услуги переводчика в целях удовлетворения интересов органа, ведущего уголовный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов, О.Ю. Процессуальные издержки, вызванные реализацией принципа языка уголовного судопроизводства, и порядок их возмещения [Электронный ресурс] / О.Ю. Кузнецов // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
2. Бюро переводов [Электронный ресурс] // PrimeVeda. – Режим доступа: <http://primeveda.com/prices.html>. – Дата доступа: 20.05.2019.
3. О языках в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 26 янв. 1990 г., № 3094-XI : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. О праве на информацию в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза, 26 апр. 2012 г. // Права арестованных – право на информацию / Информационный бюллетень № 2. – Режим доступа: <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/arrest-rights-template-brief-right-to-information-20121212-russian.pdf>. – Дата доступа: 10.06.2014.
5. О праве на устный и письменный перевод в уголовном процессе [Электронный ресурс] : директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза, 20 окт. 2010 г. // Право Европейского Союза. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/obzor1010>. – Дата доступа: 10.06.2014.
6. Головненков, П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) : науч.-практич. комментарий и перевод текста закона / П. Головненков, Н. Спицца. – 2-ое изд. – Потсдам : Universitätsverlag Potsdam, 2012. – 404 с.
7. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України : Закон України – X // Уголовно-процессуальный кодекс Украины / пер. Л.И. Фокина. – б.г. : Одиссей, 2012. – 384 с.
8. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме [Электронный ресурс] : принят резолюцией 43/173 (XLIV) Генер. Ассамблеи, 9 декабря 1988 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml. – Дата доступа: 28.02.2017.
9. Рекомендация № R (81) 7 Комитета министров государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию [Электронный ресурс] : принята Комитетом министров Совета Европы, 14 мая 1981 г. // ОО «Сутяжник» – Режим доступа: [http://sutyajnik.ru/rus/echr/res_com_of_min/ResR\(81\)7.htm](http://sutyajnik.ru/rus/echr/res_com_of_min/ResR(81)7.htm). – Дата доступа: 28.02.2017.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : одобр. резолюц. 2200 (XXI) Генер. Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 16 дек. 1966 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств [Электронный ресурс] : [заключена в г. Страсбурге 01.02.1995 г.] // Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets157.html>. – Дата доступа: 28.02.2017.
12. Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [заключена в г. Риме 4.11.1950 г.] : в ред. протокола от 19.03.1985 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
13. Конвенция Содружества Независимых Государств «О правах и основных свободах человека» [Электронный ресурс] : [заключена в г. Минске 26.05.1995 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
14. Дело «Людеке, Белкасем и Коч против Германии» [Электронный ресурс] : постановление Европ. суда по правам человека, 28 нояб. 1978 г., серия А № 29 // Анищик Олег Олегович. – Режим доступа: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/lyudike-belkasem-i-koch-protiv-federativnoj-respubliki-germanii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>. – Дата доступа: 01.03.2017.
15. Кузнецов, О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / О. Ю. Кузнецов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
16. Вашкевич, А.Е. Право на бесплатную помощь переводчика в Европейской конвенции по правам человека и практике Европейского Суда по правам человека / А.Е. Вашкевич // Европейская Конвенция по правам человека и уголовное правосудие : сб. материалов / Правовая инициатива, Общество сравнительно-правовых исследований ; под общ. ред. В.В. Филиппова ; науч. ред. А.Е. Вашкевич ; авт. предисл. Т. Термачич. – Минск : Медисонт, 2012. – С. 67–76.
17. Архив суда Первомайского района г. Минска за 2008 г. – Уголовное дело № 1-665/08.
18. О применении Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь при распределении издержек, связанных с рассмотрением дела в хозяйственном суде [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 18 дек. 2007 г., № 13 : в ред. постановления Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь от 05.03.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Поступила 29.05.2019

THE COSTS CAUSED BY THE PARTICIPATION OF AN INTERPRETER IN CRIMINAL PROCEEDINGS: TO IMPOSE ON THE ACCUSED OR ATTRIBUTED TO THE STATE?

P. GRIDYUSHKO, N. MARTSYNKEVICH

The article is devoted to the analysis of national and foreign legislation on the legal regulation of the conditions for providing participants of the criminal process with the interpreter's services, as well as the practices of the European Court of Human Rights concerning the implementation of procedural guarantees fixed in the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in regard to the persons do not speaking the legal language. The foregoing has resulted in the conclusion that who has to recompense the procedural costs due to the participation of the interpreter in the criminal process. Thus, recognizing international legal standards in the field of the ensuring human rights and the accessibility to the justice of the suspect, accused person as well as his legal representative, the representative of the deceased defendant, the defense counsel, the civil defendant and his representative the free assistance of the interpreter provided by the state (without subsequent recompenses of costs due to the interpreter's participation), the state represented by the agencies conducting the criminal process has international legal grounds of imposing on the liable person the charge to recompense the procedural costs incurred through the assistance of the interpreter in order to satisfy the interests of the prosecution.

Keywords: *procedural costs, the participation of an interpreter, free of charge, the assignment of costs at the expense of the state, imposing costs on the accused.*

УДК 343.9:343.3

**ПРОЦДЗЕЯННЕ КАРУПЦЫІ ВА ЁМОВАХ ЛІЧБАВАЙ РЭАЛЬНАСЦІ:
ВЫКЛІКІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ**

*канд. юрид. навук, дац. Р.М. КЛЮЧКО,
(Гродненскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)*

*М.А. МАЛЧАНОВА
(Інстытут заканадаўства і параўнальнага правазнаўства
пры Урадзе Расійскай Федэрацыі, Масква)*

Разгледжаны асноўныя формы лічбавай эканомікі: тэхналогіі блокчэйн і «разумныя кантракты», даюцца характарыстыкі папулярных здзелак з выкарыстаннем пазначаных тэхналогій. Прааналізаваны станючыя і адмоўныя бакі выкарыстання лічбавых тэхналогій у сферы бізнесу, іх уплыў на міжнародна-прававую сістэму. Адзначаецца, што даследаванне магчымасцяў міжнародна-прававога рэгулявання ў ЕАЭС пытанняў распаўсюджвання антыкарупцыйных патрабаванняў на аперацыі з віртуальнымі валютамі і прадухілення выкарыстання агульнага фінансавага рынку ЕАЭС для неправамерных мэт, у тым ліку для здзяйснення карупцыйных правапарушэнняў, з'яўляецца неабходнасцю.

Ключавыя словы: карупцыя, крыпталюта, рызыкi, цыфравізацыя, лічбавая эканоміка.

Уводзіны. Глобальная лічбавая трансфармацыя стварае шырокі спектр выклікаў (новых магчымасцей і пагроз) для эканомік розных дзяржаў, гаспадарчых суб'ектаў і грамадзян, а таксама для значынных супольнасцей, якія выкарыстоўваюць віртуальныя тэхналогіі, крыпталюты, іншыя магчымасці лічбавага асяроддзя для карупцыйных практык. Ва ўмовах маштабнай «цыфравізацыі» магчымасць урэгулявання шэрагу грамадскіх адносін у межах юрысдыкцыі нацыянальнай дзяржавы становіцца вельмі адноснай, таму можна прагназаваць узростанне ролі міжнароднага права і новы віток міжнароднай стандартызацыі ў праве, якая выражаецца ва ўсталяванні прававых стандартаў рэгулявання адносін ва ўмовах «лічбавай рэальнасці».

Аналіз шырокага спектру сучасных крыніц [1–4] паказвае, што сусветная супольнасць знаходзіцца ў самым пачатку зараджэння глабальнага трэнду па пераводу сусветных, трансгранічных і іншых аперацый у лічбавы рэжым (лічбавая эканоміка). Ён будзе суправаджацца не толькі павелічэннем хуткасці камунікацый і перадачы даных (прапуская здольнасць Інтэрнэту вырасце ў сотні разоў, пашырыцца зона ахопу) [5], але таксама трансфармацыяй сусветных гаспадарчых сувязей і сусветнай фінансавай сістэмы. Паказальна, але сёння больш за 20 мільярдаў прылад і машын звязаны паміж сабой электронна-тэлекамунікацыйным спосабам, тады як па прагнозах на 2030 г. іх колькасць павялічыцца да паўтара трыльёна [6].

Так званая цыфравізацыя (тэрмін «лічбавай дваццаткі» – Digitalisation [4]) спарадзіла бізнес-мадэлі, якія ідуць за логікай гэтага рынку. З'явіліся своеасаблівыя «платформы» (лічбавыя платформы) [7] – адна-часова і віртуальныя, і рэальныя месцы, падобныя гарадскім кірмашам. Гэтыя глабальныя рынкі ў глабальнай онлайн-сетцы даюць магчымасць усталёўваць зносіны паміж людзьмі і кампаніям як з суседніх раёнаў, так і з процілеглых канцоў зямлі, абменьвацца таварамі, паслугамі, інфармацыяй.

Асноўная частка. Ключавым фундаментальным элементам і адным з галоўных фактараў трансфармацыі сусветнай фінансавай сістэмы і сістэмы сусветных гаспадарчых сувязей стане тэхналогія блокчэйн (Blockchain), а таксама «разумныя кантракты» (Smart Contracts) [8].

Біткоін (Bitcoin – англ. «біт» і «манета») – афіцыйна гэта спецыяльная плацёжная сістэма, у якой уладальнікі так званых біткоінаў (крыпталюта) могуць расплачвацца імі за што заўгодна (калі другі бок гатовы прымаць гэтыя біткоіны – сёння існуе некалькі такіх бірж і тысячы магазінаў). Пры гэтым у транзакцыях не ўдзельнічае трэці бок (напрыклад, банк), а любую здзелку пасля яе здзяйснення ніхто не можа аспрэчыць, адмяніць, заблакаваць (банк, падатковыя, судовыя і іншыя дзяржаўныя органы), гэта значыць яна незваротная. Сукупная капіталізацыя рынку біткоіна ўжо па стане на канец красавіка 2017 г. перавысіла 21,5 мільярд даляраў [9].

Крыпталюта біткоін пабудавана і функцыянуе на аснове тэхналогіі блокчэйн. Блокчэйн ўключае два кампаненты: асіметрычную крыптаграфію і размеркавальную сістэму (Distributed Ledger Technology, DLT).

Галоўныя яе перавагі і характарыстыкі заключаюцца ў тым, што яна:

- дазваляе ствараць электронныя запісы, якія не сціраюцца;
- перадаваць «каштоўнасць», робячы абнаўленне запісаў;
- дае магчымасць аўтаматызаваць абнаўленне запісаў.

Блокчэйн уяўляе сабой сеткі, прычым не цэнтралізаваныя, а дэцэнтралізаваныя. Больш таго, тэхналогія дазваляе проста паставіць электронны лічбавы подпіс пад транзакцыяй або інфармацыяй іншага

тыпу. Пры гэтым атрымліваем 100%-ю гарантыю доказа, што гэта менавіта вы здзейснілі тую ці іншую аперацыю, паколькі ўсе дзеянні фіксуюцца сістэмай. Гэтая тэхналогія павінна ў перспектыве садзейнічаць зніжэнню ролі трэціх бакоў – гарантаў здзелак, пасярэднікаў, – якія сёння ўдзельнічаюць у здзелкаабеспячэнні. Гэта тычыцца як банкаў, так і розных клірынгавых цэнтраў, паколькі пры выкарыстанні блокчэйна яны больш не спатрэбяцца.

Асобнай увагі заслугоўваюць «разумныя кантракты» – алгарытмы, у якія закладзены набор умоў, выкананне якіх служыць падставай для здзяйснення здзелкі. Усё гэта ажыццяўляецца на аснове крыптавалюты або блокчэйна. На думку Джэфа Гарзіка, аднаго з заснавальнікаў і дырэктара блокчэйн-стартапа *Block*, а таксама аднаго з распрацоўшчыкаў ядра біткоіна, «разумныя кантракты» – гэта набор правіл, які кіруе аўтаматызаванай сістэмай, усе бакі якой згодныя прытрымлівацца гэтага набору правіл. Для яго функцыянавання патрабуецца адпаведная лічбавае асяроддзе, да якога былі б далучаны ўсе ўдзельнікі здзелкі. Толькі тады закладзеныя ў іх алгарытмы дазваляць цалкам аўтаматызаваць здзелку. Блокчэйн прадастаўляе магчымасць выканаць крок праверкі таго, што ўдзельнікі здзелкі выканалі абавязацельствы «разумнага кантракту» [10].

У адпаведнасці з Дэкрэтам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 21.12.2017 № 8 «Аб развіцці лічбавай эканомікі» смарт-кантракт – гэта праграмны код, прызначаны для функцыянавання ў рэестры блокаў транзакцый (блокчэйне), іншай размеркаванай інфармацыйнай сістэме ў мэтах аўтаматызаванага здзяйснення і (або) выканання здзелак альбо здзяйснення іншых юрыдычна значных дзеянняў. Пры гэтым, вярта адзначаць, што да прыняцця дэкрэта зварот лічбавых знакаў (токенаў) не быў урэгуляваны беларускім заканадаўствам і, адпаведна, токены не з’яўляліся аб’ектам праваадносін. Палажэннямі дэкрэта вызначаюцца ўмовы для ўкаранення ў эканоміку Рэспублікі Беларусь тэхналогіі рэестра блокаў транзакцый (блокчэйн), іншыя тэхналогіі, заснаваныя на прынцыпах размеркаванасці, дэцэнтралізацыі і бяспекі здзяйснення з іх выкарыстаннем аперацый, прадастаўляюцца льготы і прэферэнцыі ўдзельнікам адносін, звязаных з ужываннем сучасных тэхналогій, вызначаюцца меры, накіраваныя на павышэнне прававой абароненасці ўдзельнікаў адносін, звязаных з ужываннем сучасных фінансавых тэхналогій.

Паводле апошніх даследаванняў [10; 11], «разумныя кантракты» ў перспектыве ахопяць практычна ўвесь спектр напрамкаў узаемаадносін насельніцтва і бізнесу, а таксама дзяржавы. Найбольш цікавыя і значныя для сусветнай эканомікі і фінансавай сістэмы сярод іх наступныя:

– «*Лічбавая ідэнтычнасць*». Гэта кіраванне сваімі ўласнымі лічбавымі ідэнтыфікацыйнымі данымі праз такія фактары, як рэпутацыя, даныя і лічбавыя актывы, звязаныя з імі.

– «*Каштоўныя паперы*». Можна закласці ў алгарытм «разумных кантрактаў», напрыклад, аўтаматычную выплату дывідэндаў. У ЗША ў штаце Дэлаўэр кампанія *Symbiont* [12] займаецца крыптаграфічнымі подпісамі на блокчэйне для каштоўных папер і карыстаецца падтрымкай урада штата.

– «*Фінансаванне гандлёвых здзелак*», уключаючы міжнародныя здзелкі з рознымі таварамі. Аўтаматызацыя рассылання акрэдытываў і ініцыяцыі гандлёвых здзелак можа стварыць больш эфектыўную, менш рызыкаўную працэдуру для пакупнікоў, пастаўшчыкоў і фінансавых устаноў.

– «*Дэрыватывы бізнэс*». «Разумныя кантракты» ў дадзеным сегменце прадастаўляюцца найбольш перспектыўнымі для фармалізацыі правіл правядзення транзакцый з вытворнымі фінансавымі інструментамі, у тым ліку для аптымізацыі пазабіржавага сектара (*Over-The-Counter, OTC*). Гэта дазволіць задаць жорсткія аўтаматызаваныя рамкі для правядзення міжнародных і іншых здзелак, а таксама дазволіць перавесці іх на платформы з магчымасцю кантролю кантрактаў у рэжыме рэальнага часу з высокай ступенню абароненасці і надзейнасці. Аднак рэалізацыя такой тэндэнцыі запатрабуе велізарных працавыдаткаў і вялікага часу, паколькі дакументазварот пазабіржавага сектара сёння заснаваны на папяровых носбітах.

– «*Запіс фінансавых даных*». «Разумныя кантракты» могуць прымяняцца для вядзення бухгалтарскага ўліку прадпрыемства праз размеркаваны рэестр, дакладна і празрыста ўлічваючы фінансавыя даныя. Гэта можа рэвалюцыйна спраасціць аўдыт арганізацыі, а таксама забяспечыць так званую падатковую празрыстасць, што стане адным з вырашальных пунктаў рэалізацыі праграмы Арганізацыі эканамічнага супрацоўніцтва і развіцця па барацьбе з вынясеннем прыбытку з падаткаабкладання (план *BEPS*) [13].

– «*Інтэкс*». «Разумныя кантракты» здольныя аўтаматызаваць здзелку «пад ключ», г.зн. уключыць у алгарытм кожную дэталю аперацыі, у тым ліку плацяжы або канфіскацыю маёмасці, якая выступала забеспячэннем здзелкі.

– «*Ланцужкі паставак*». Гэта найбольш рэвалюцыйны пункт укаранення ў жыццё «разумных кантрактаў». У гэтым выпадку ўсе вытворча-збытавыя ланцужкі стануць празрыстымі як для ўласнікаў і акцыянераў, так і для правяраючых інстанцый. *Everledger* і *IBM* ужо выкарыстоўваюць блокчэйн у такой якасці [14; 15].

Аналіз існуючых даных дазваляе казаць аб беспрэцэдэнтным уздзеянні развіцця і пашырэння практыкі прымянення тэхналогій блокчэйн і «разумных кантрактаў» на сусветную фінансавую сістэму і сістэму сусветных гаспадарчых сувязей. А гэта прывядзе да трансфармацыі Інтэрнэту і стварэння новых форм каштоўнасцей, пашырыць склад і колькасць удзельнікаў у сістэме адносін сусветных фінансаў.

Транснацыянальны буйны бізнэс будзе перараджацца ў так званыя лічбавыя платформы – адбудзецца зрошчванне вытворчасці, сферы паслуг, сацыяльных і тэлекамунацыйных сетак. Ужо цяпер, напрыклад, фінансавы холдынг BlackRock (актывы пад кіраваннем па стане на канец 2016 г. перавышаюць 4,89 трлн. даляраў [16]) мае ўласную гандлёвую платформу [17].

«Разумныя кантракты» зробіць жыццё беспрэцэдэнтна зручным, але адначасова «заклучаным у нязменліваю зададзеную сістэму» (захочаш адхіліцца ад правілаў – будзеш імгненна пакараны альбо не зможаш гэтага зрабіць зусім), а таксама адвучваючым думаць яе спажываўцоў (а гэта большасць людзей, уключаючы распрацоўшчыкаў) аб механізме прылады і ўзаемадзеяння яе складовых элементаў.

Цікавы вопыт розных дзяржаў у сферы прававога рэгулявання віртуальнай валюты, дзякуючы якому можна вылучыць суб'ектаў, што ўсталявалі прававы рэжым рэгулявання лічбавай валюты або аперацый з ёю, сярод якіх асобна вызначаны краіны, якія мусяць усталяваць статус лічбавых валют і пашырыць вобласць іх прымянення ў бегучым годзе; дзяржавы і тэрыторыі, дзе прававы статус лічбавых валют заканадаўча выразна не вызначаны, але маюцца палажэнні, якія тычацца ўстанаўлення фінансавага кантролю над імі; дзяржавы і тэрыторыі, якія не рэгулююць або забараняюць аперацыі з крыптавалютай, у тым ліку пад пагрозай крымінальнага пакарання.

У Рэспубліке Беларусь у адпаведнасці з Дэкрэтам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 21.12.2017 № 8 «Аб развіцці лічбавай эканомікі» уладальнік лічбавага знака (токена) з'яўляецца суб'ектам грамадзянскага права, якому лічбавы знак (токен) належыць на праве ўласнасці або на іншым рэчывым праве, а крыптавалюта вызначаецца як біткоін, іншы лічбавы знак (токен), які выкарыстоўваецца ў міжнародным абароце ў якасці ўніверсальнага сродку абмену. Юрыдычныя асобы маюць права валодаць токенамі і з улікам асаблівасцей, устаноўленых сапраўдным Дэкрэтам, здзяйсняць наступныя аперацыі: праз рэзідэнта Парку высокіх тэхналогій, які ажыццяўляе адпаведны від дзейнасці, ствараць і размяшчаць уласныя токены ў Рэспубліцы Беларусь і за мяжой; захоўваць токены ў віртуальных кашальках; праз апэратараў крыптаплатформ, апэратараў абмену крыптавалют, іншых рэзідэнтаў Парку высокіх тэхналогій, якія ажыццяўляюць адпаведны від дзейнасці, набываць, адчужаць токены, здзяйсняць з імі іншыя здзелкі (аперацыі). Да прыняцця Дэкрэта № 8 зварот лічбавых знакаў (токенаў) не было ўрэгулявана заканадаўствам і, адпаведна, яны не з'яўляліся аб'ектам праваадносін.

Лічбавая эканоміка вядома ж нясе ў сабе мноства пераваг як для радавога спажываўца (спажывец можа атрымаць неабходныя яму паслугі або тавар амаль імгненна, без чакання дастаўкі тавару або аказання паслугі ў матэрыяльным выглядзе, а таксама больш нізкія цэны на прадукцыю), так і для дзяржаўных і бізнес-структур. Дзякуючы ўкараненню лічбавых тэхналогій стане магчымым, у тым ліку, развіццё тэле-медыцыны, анлайн-навучання, беспілотнага транспарту, сістэм «разумны дом»; яно забяспечыць празрыстасць кіравання бізнесам і дзяржавай на ўсіх узроўнях.

Але акрамя карыснасці лічбавая эканоміка нясе з сабой і відавочныя выклікі і пагрозы, якія найпрост звязаныя з яе асаблівасцямі. Так, пашырэнне спектру і індывідуалізацыя лічбавых паслуг вядуць да таго, што кантроль у галіне лічбавых сэрвісаў зніжаецца, а магчымасці для махлярства, а таксама для здзяйснення з іх выкарыстаннем іншых злачынстваў павялічваюцца. Так, у сучасных умовах працэсы цыфравізацыі эканомікі ствараюць новыя магчымасці для злачынных супольнасцяў, якія выкарыстоўваюць віртуальныя тэхналогіі, крыптавалюты, іншыя магчымасці лічбавага асяроддзя для карупцыйных практык.

Сучасныя віртуальныя тэхналогіі банкаўскай дзейнасці дазваляюць змяніць сістэму ажыццяўлення незаконных транзакцый, павысіць іх ананімнасць, у выніку назіраецца колькасны рост крымінальнай актыўнасці. Адным са сродкаў дасягнення супрацьпраўных мэт можа з'яўляцца і крыптавалюта. Нярэдка яна становіцца інструментам замаху на бяспеку асоб, якія выкарыстоўваюць яе для рэалізацыі сваіх законных інтарэсаў прававымі спосабамі [18]. Дадзеная практыка прад'яўляе новыя патрабаванні да права і прававога рэгулявання, у тым ліку ў сферы процідзеяння злачыннасці.

У цэлым сучасныя тэарэтыка-правовыя і прыкладныя даследаванні пацвярджаюць меркаванне тых замежных навукоўцаў, якія мяркуюць, што «лічбавую будучыню» дэтэрмінуе стварэнне крос-галіновых (пранізваючых, скразных) прававых інстытутаў, такіх, напрыклад, як прававы рэжым крыптавалют [19]. Крыптавалюты – толькі адзін прыклад, але пры гэтым вельмі паказальны. Яны не ствараюцца і не кантралююцца дзяржавамі, такім чынам, могуць быць лёгка выкарыстаны для незаконных мэт. Гэты феномен не трапляе пад вызначэнне валюты, у сувязі з чым ён не апасродкаваны валютным заканадаўствам. У выніку для крыптавалют і іншых падобных інструментаў, якія спараджаюцца працэсамі цыфравізацыі, патрабуецца канструяваць новыя, навукова абгрунтаваныя прававыя інстытуты, першапачаткова закладваючы патрабаванні антыкарупцыйнай накіраванасці [20].

Можна з высокай ступенню верагоднасці прагназаваць, што азначаныя тэндэнцыі і праблемы прававога рэгулявання будуць пагаршацца па меры развіцця і распаўсюджвання фінансавых і рэгулюючых тэхналогій [21]. Замежны вопыт прававога рэгулявання фінансавых і рэгулюючых тэхналогій вельмі розны: ад ўстанаўлення тэрытарыяльных межаў функцыянавання фінансавых сэрвісаў у Кітаі і Вялікабрытаніі да прызнання плацежных уласцівасцей крыптавалют у Японіі [22]. На еўразійскай прасторы актыўна робяцца крокі па шляху прававога рэгулявання фінансавых і рэгулюючых тэхналогій. Так, цыфравізацыя

з'яўляецца адным з прыярытэтаў эканамічнай палітыкі Рэспублікі Беларусь [23; 24], Расійскай Федэрацыі [25], Рэспублікі Казахстан [26].

Укараненне паміж дзяржаўнымі структурамі дакументаабароту ў лічбавых формах будзе спрыяць павышэнню празрыстасці адміністрацыйных працэдур, мінімізацыі карупцыйных рызык пры іх ажыццяўленні. У 2018 г. у Расійскай Федэрацыі падрыхтаваны праект Федэральнага закона «Аб лічбавых фінансавых актывах» [27], мэтай якога з'яўляецца ўрэгуляванне выкарыстання лічбавых фінансавых актываў у Расіі, а таксама правоў і абавязкаў па смарт-кантрактах.

Пры рэалізацыі мер, накіраваных на фарміраванне лічбавай эканомікі, развіццё інфармацыйнага грамадства, варта ўлічваць магчымыя рызыкі, якія могуць паўстаць пры нарошчванні тэмпаў цыфравізацыі. Адзін з іх – сыход асобы дзяржслужачага ў віртуальную рэальнасць. У сістэме застаюцца логіны, паролі і коды. У выніку карупцыянер можа карыстацца матэрыяльнымі выгодамі ананімна, не раскрываючы сваёй асобы. Выявіць яго і пакараць ўяўляецца дастаткова складаным працэсам. Іншая рызыка – здзяйсненне карупцыйных дзеянняў з выкарыстаннем крыптавалют. Міністэрства працы і сацыяльнай абароны Расійскай Федэрацыі паведаміла, што чыноўнікам дазволена не паказваць крыптавалюты ў даведках аб даходах [28]. Гэта павышае верагоднасць ўзнікнення карупцыйных злачынстваў. Адсутнасць належнага прававога рэгулявання грамадскіх адносін, звязанага з іх выкарыстаннем, непазбежна пацягне як рызыкі шкоды інтарэсам грамадзян, бізнесу, дзяржавы, так і зніжэнне эфектыўнасці выкарыстання традыцыйных метадаў процідзеяння карупцыі [29].

З мэтай мінімізацыі названых рызык і пераадолення негатыўнага ефекту ад узмацнення існуючых тэндэнцый уяўляецца мэтазгодным паставіць пытанне аб сістэматызацыі нарматыўных прававых актаў у галіне процідзеяння карупцыі [30], актывізаваць працу па запаўненні прабелаў у заканадаўстве з улікам тэндэнцый цыфравізацыі, перанесці акцэнт у нарматыўным прававым рэгуляванні грамадскіх адносін у галіне процідзеяння карупцыі на выкарыстанне гнуткіх інструментаў (падзаконных актаў), якія забяспечваюць аператыўнасць рэгулярнага ўздзеяння і заканадаўчую эканомію. Свайго роду «лічбавая прышчэпка» будзе зроблена грамадзянскай, працоўнай, адміністрацыйнай, крымінальнай і шматлікім іншым галінам права, а таксама нарматыўным комплексам, якія рэгулююць грамадскія адносіны ў розных сферах, у тым ліку і ў сферы процідзеяння карупцыі.

Прымаючы пад увагу, што ва ўмовах маштабнай цыфравізацыі магчымасць урэгулявання шэрагу грамадскіх адносін у межах юрысдыкцыі нацыянальнай дзяржавы становіцца вельмі адноснай, можна прагназаваць узростанне ролі міжнароднага права і новы віток міжнароднай стандартызацыі ў праве, выяўленай ва ўсталяванні прававых стандартаў рэгулявання адносін у «лічбавай рэальнасці», якія будуць паслядоўна імплементавацца ў заканадаўства нацыянальных дзяржаў [31]. Асобныя дасягненні ў гэтай частцы, вядома ж, маюцца, напрыклад, у дачыненні антыкарупцыйных стандартаў [32].

Неабходна прызнаць, што глабальная лічбавая трансфармацыя стварае шырокі спектр выклікаў для Еўразійскага эканамічнага саюза (далей – ЕАЭС), эканомік дзяржаў-членаў, іх гаспадарчых суб'ектаў і грамадзян. У рашэнні Вышэйшага Еўразійскага эканамічнага савета ад 11 кастрычніка 2017 № 12 «Аб асноўных напрамках рэалізацыі лічбавага парадку Еўразійскага эканамічнага саюза да 2025 года» пазначаны такія пагрозы як, напрыклад, абясцэньванне традыцыйных актываў дзяржаў-членаў і гаспадарчых суб'ектаў дзяржаў-членаў, якія не прайшлі лічбавы пераўтварэнні і трансфармацыю [33].

Дзяржавы-члены ў сваіх стратэгіях і праграмах развіцця эканомік ужо вырашаюць шэраг задач па выпрацоўцы адказу выклікам лічбавай трансфармацыі эканомікі. Аднак інтэграцыйны фактар забеспячэння дадатковай устойлівасці і магчымасцей для маштабавання эканомік дзяржаў-членаў у адказ на глабальныя выклікі лічбавай трансфармацыі задзейнічаны не ў дастатковай ступені.

Правое забеспячэнне процідзеяння карупцыі ва ўмовах развіцця лічбавай эканомікі ў Расійскай Федэрацыі і Рэспубліке Беларусь [34] плануецца ажыццяўляць шляхам удасканалення прававога рэгулявання, стварэння механізму прававога рэгулявання новых грамадскіх адносін, гарманізацыі заканадаўства дзяржаў-удзельніц ЕАЭС.

Адсутнасць узгодненай палітыкі дзяржаў-членаў у лічбавай сферы можа стаць перашкодай для дасягнення сінэргетычных ефектаў у развіцці лічбавай эканомікі дзяржаў-членаў і лічбавай прасторы ЕАЭС. Пачынаць варта з вызначэння прыроды новых лічбавых сутнасцей, якія ўжываюцца ў фінансавай сферы, у прававым вымярэнні, а таксама з устанавлення прававых рэжымаў новых інавацыйных фінансавых тэхналогій (блокчэйн, крыптавалюты) і фарміравання адзінага фінансавога рынку ЕАЭС.

Даследаванне магчымасцей міжнародна-прававога рэгулявання ў ЕАЭС пытанняў распаўсюджвання антыкарупцыйных патрабаванняў на аперацыі з віртуальнымі валютамі і прадукцыйнага выкарыстання фарміруючага агульнага фінансавога рынку ЕАЭС для неправамерных мэт, з'яўляецца неабходна-сцю сённяшняга дня.

Заклучэнне. Такім чынам, лічбавая рэальнасць, якая імкліва змяняе мадэль развіцця грамадскіх адносін і іх прававое рэгуляванне, прад'яўляе новыя патрабаванні да заканадаўства, якое накіравана на барацьбу з карупцыяй. Дзяржава і права сутыкнуліся з новымі выклікамі злачыннасці. На парадку дня

распрацоўка адэкватных і своечасовых комплексных мер у адказ. Патрабуецца не толькі і не столькі змяненне крымінальнага заканадаўства, колькі комплексная карэкцыя заканадаўства з улікам сучасных грамадскіх трансфармацый. Сёння бясспрэчным застаецца толькі адно – у названых працэсах заканадаўду і правапрымяняльніку неабходна прайсці складаны, часам супярэчлівы, шлях да стану адносна ўстойлівага ўзгодненага прававога рэгулявання і выразнай прававой рэгламентацыі лічбавай эканомікі.

ЛІТАРАТУРА

1. Financial Stability Board [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsb.org>. – Дата доступа: 26.09.2019.
2. Bank for International Settlements [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bis.org/index.htm>. – Дата доступа: 26.09.2019.
3. McKinsey Global Institute [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mckinsey.com>. – Дата доступа: 26.09.2019.
4. G20 Digital (Germany Presidency) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.de.digital/DIGITAL/Navigation/EN/Home/home.html>. – Дата доступа: 26.09.2019.
5. Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity [Электронный ресурс] / James Manyika, Michael Chui // McKinsey & Company. – 2011. – Режим доступа: <http://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation>. – Дата доступа: 26.09.2019.
6. Global. Innovative. Fair. We are creating a digital future [Электронный ресурс] // Federal Ministry for Economic Affairs and Energy for the G20 Digital Ministers Meeting. – Режим доступа: <http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2017/04/global-innovative-fair.pdf>. – Дата доступа: 26.09.2019.
7. White Paper on Digital Platforms. Digital regulatory policy for growth, innovation, competition and participation [Электронный ресурс] // Federal Ministry for Economic Affairs and. – Режим доступа: https://www.de.digital/DIGITAL/Redaktion/EN/Publikation/white-paper.pdf?__blob=publicationFile&v=4. – Дата доступа: 26.09.2019.
8. Смирнов Ф.А., Трансформация мировой финансовой системы: блокчейн, «умные контракты» и внебиржевые деривативы / Ф.А. Смирнова // Аудитор. – № 6. – С. 49 – 54.
9. Cryptocurrency Market Capitalizations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coinmarketcap.com>. – Дата доступа: 26.09.2019.
10. Блокчейн в 2017 году: год умных контрактов [Электронный ресурс] // WEBHT.RU. – 2017. – Режим доступа: <http://tower-libertas.ru/world/blokcheyn-v-2017-godu-god-umnyih-kontraktov>. – Дата доступа: 26.09.2019.
11. Smart Contracts: 12 Use Cases for Business & Beyond. A Technology, Legal & Regulatory Introduction [Электронный ресурс] // Smart Contracts Alliance, Deloitte, Chamber of Digital Commerce. – 2016. – Режим доступа: <http://digital-chamber.org/assets/smart-contracts-12-use-cases-for-business-and-beyond.pdf>. – Дата доступа: 26.09.2019.
12. Symbiont [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://symbiont.io>. – Дата доступа: 26.09.2019.
13. Base erosion and profit shifting (BEPS) [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/beps/>. – Дата доступа: 26.09.2019.
14. Everledger [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.everledger.io>. – Дата доступа: 26.09.2019.
15. Облако IBM для когнитивного бизнеса [Электронный ресурс] // IBM Developer. – Режим доступа: <https://www.ibm.com/cognitive/ru-ru/outthink/cloud/index.html>. – Дата доступа: 26.09.2019.
16. BlackRock Worldwide Leader in Asset and Risk Management [Электронный ресурс] // BlackRock. – 2016. – Режим доступа: <https://www.blackrock.com/corporate/en-pt/literature/whitepaper/viewpoint-blackrock-worldwide-leader-in-asset-management.pdf>. – Дата доступа: 26.09.2019.
17. The rise of BlackRock, The Economist [Электронный ресурс] // The Economist Newspaper. – 2013. – Режим доступа: <http://www.economist.com/news/leaders/21591174-25-years-blackrock-has-become-worlds-biggest-investor-its-dominance-problem>. – Дата доступа: 26.09.2019.
18. Singh K., The New Wild West: Preventing Money Laundering in the Bitcoin / K. Singh // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. – 2015. – Vol. 13, № 1. – P. 327–344.
19. Mandjee T., Bitcoin, its Legal Classification and its Regulatory Framework / T. Mandjee // Journal of Business & Securities Law. – 2016. – Vol. 15, iss. 2. – P. 158–211.
20. Krohn-Grimberghe A. Practical Aspects of the Bitcoin System [Электронный ресурс] / A. Krohn-Grimberghe, C. Sorge // The Computing Research Repository. – 2013. – Режим доступа: <http://cryptome.org/2013/09/bitcoin-practical-aspects.pdf>. – Дата доступа: 26.09.2019.
21. Хабриева, Т.Я. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и правовые решения / Т. Я. Хабриева // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 4. – С. 459–467.
22. Pohjanpalo K. Bitcoin Judged Commodity in Finland After Failing Money Test [Электронный ресурс] / K. Pohjanpalo // Bloomberg. – 2014. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-01-19/bitcoin-becomes-commodity-in-finland-after-failing-currency-test>. – Дата доступа: 26.09.2019.
23. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, от 23 марта 2016 г., № 235 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
24. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
25. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ, 07 мая 2018, № 204 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – С. 2817.

26. Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Республики Казахстан, 12 дек. 2017 г., № 827 // ИС «Параграф». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=37168057#pos=5;-155. – Дата доступа: 26.09.2019.
27. О цифровых финансовых активах [Электронный ресурс] : Проект Федерального закона № 419059-7 : в ред., принятой ГД ФС РФ в I чтении 22 мая 2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
28. Юдина, П. Чиновники смогут брать взятки криптовалютами [Электронный ресурс] / П. Юдина // АО Бизнес Ньюс Медиа. – 2018. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/01/24/748769-chinovniki-vzyatki-kriptoalyutami>. – Дата доступа: 26.09.2019.
29. Молчанова, М.А. Меры по предупреждению коррупции в организациях: основные направления и перспективы развития / М.А. Молчанова // Безопасность бизнеса. – 2018. – № 6. – С. 44–49.
30. Ключко, Р.М. Перспективы ўзаемадзеяння камерцыйных арганізацый з праваахоўнымі органамі ў сферы папярэджання карупцыі ў Расійскай Федэрацыі і Рэспубліцы Беларусь / Р.М. Ключко, М.А. Малчанова // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2018. – Т. 8, № 5. – С. 57–67.
31. Молчанова, М.А. Международные антикоррупционные стандарты в транснациональных компаниях: основные векторы развития / М.А. Молчанова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 6. – С. 27–32.
32. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.
33. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года : Решение Высшего Евразийского экономического совета, 11 окт. 2017, № 12 // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%92%D0%95%D0%AD%D0%A1%20%E2%84%9612_%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B8%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1.pdf. – Дата доступа: 26.09.2019.
34. Ключко, Р.М., Міжнародныя антыкарупцыйныя стандарты як рэгуляр дзейнасці транснацыянальных карпарацый / Р.М. Ключко, М.А. Малчанова // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2018. – Т. 8, № 6. – С. 51–61.

Паступіў 02.10.2019

COUNTERING CORRUPTION IN DIGITAL REALITY: CHALLENGES AND PROSPECTS

R. KLYUCHKO, M. MOLCHANOVA

The main forms of the digital economy are considered: blockchain technologies and "smart contracts", and the characteristics of popular transactions using these technologies are given. The article analyzes the positive and negative aspects of the use of digital technologies in business, their impact on the international legal system. It is noted that the study of the possibilities of international legal regulation in the EEU, the issue of extending anti-corruption requirements to operations with virtual currencies and preventing the use of the common financial market of the EEU for illegal purposes, including for committing corruption offenses, is an urgent need.

Keywords: corruption, cryptocurrency, risks, digitalization, Digital economy.

УДК 343.985.8

**МЕТОДЫ И МОДЕЛИ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИИ
СУБЪЕКТАМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

*канд. юрид. наук, доц. В.Ч. РОДЕВИЧ, С.А. ВОЙТИХОВИЧ
(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*

Рассматриваются современные условия осуществления деятельности по выявлению экономических преступлений, предъявляющие повышенные требования к качеству, обоснованности и эффективности получения и использования оперативной информации. Предложенная система методов и методик комплексной оценки информации, основанная на использовании аналитических действий, включающих в себя рефлексивное, интерпретационное и эвристическое восприятие сведений, позволяет расширить возможности оперативных подразделений в части использования оперативной информации, а также вывести современную практику работы с информацией на прикладные теоретические разработки и практические рекомендации.

Ключевые слова: информация, информационное обеспечение, анализ, аналитическая работа, экономические преступления.

Введение. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности по выявлению экономических преступлений – сложное системное образование, со своими принципами, законами и критериями функционирования. В современных условиях противодействия экономической преступности выстроена целая система получения оперативной информации, которая позволяет эффективно решать задачи оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Тем не менее анализ практики свидетельствует, что в основе своей оперативный сотрудник личную информационную работу строит по наработанным схемам, повторяющимся из года в год и, как правило, только в части анализа негласной информации. Вместе с тем необходимо отметить, что проблемные вопросы указанной деятельности не могут ограничиваться только работой с негласными источниками информации либо созданием специализированных подразделений, работающих с базами данных специальной информации. Рассмотрение такой деятельности должно происходить в более широком аспекте, включающем в себя открытый формат сведений, используемый для получения оперативно-значимой информации. Построение такой системы обеспечит решение информационных проблем деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел (далее – ОВД), создаст более эффективные условия такой работы, вызовет расширение возможностей осуществления оперативного поиска при выявлении экономических преступлений.

Указанный выше подход лежит в основе развития управленческих и организационных основ информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений, что служит необходимой предпосылкой создания эффективной системы управления, способной улавливать происходящие в оперативно-розыскной среде процессы, предвидеть их развитие и в соответствии с этим своевременно реагировать на эти процессы, принимать обоснованные управленческие решения, которые должны основываться на широкой информационной обеспеченности сведениями о закономерностях и тенденциях, происходящих в рассматриваемой сфере, реальном состоянии дел на различных уровнях управления, обусловленных объективными потребностями оперативно-розыскной практики [1, с. 82].

Основная часть. Система получения оперативно-розыскной информации о лице, совершающем экономические преступления, основывается на признаках, позволяющих подтвердить такую информацию либо ее опровергнуть. В основе работы по установлению указанных признаков лежит система мероприятий, направленных на установление групповой принадлежности объектов, находящихся в различных информационных системах, либо их тождества.

Другими словами, при получении такой информации на оперативного сотрудника ложится обязанность по отысканию разбросанных по различным информационным системам признаков, позволяющих сделать вывод о причастности конкретного лица к совершению экономического преступления. Существенным обстоятельством, на которое необходимо обращать внимание, является то, что такие признаки заранее не установлены и не определены. Работа по их поиску носит вероятностный характер и основывается на общих знаниях оперативного сотрудника об искомом объекте и методах аналитической работы. Посредством применения общенаучных методов и приемов логического мышления оперативный сотрудник осуществляет познание или изучение находящейся в его распоряжении информации с целью ее дальнейшего использования. В процессе анализа образуются взаимосвязанные, обусловленные причинно-следственными связями и закономерностями их возникновения, цепочки на первый взгляд случайных индивидуальных признаков, соподчиненных общей картине преступного поведения (например, наличие

должностных полномочий, явное превышение расходов над доходами и т.д.). Такая работа должна осуществляться непрерывно, так как общая картина преступления может быть сформирована только в том случае, если установленные признаки будут постоянно обогащаться другими сведениями. В этой связи С.С. Овчинский отмечал, что «диалектическая сущность случайности заключена в следующем: расширяя круг поисковых признаков, «стыкующих» информацию о преступлении со сведениями о преступнике, мы создаем условия для того, чтобы случайное становилось закономерным. Это творческое вмешательство в стихийно-эмпирически протекающий процесс познания организует систему информации: улавливает и приводит в систему признаки, идентифицирующие события, вещи, предметы, преступников» [2, с. 141].

При этом выявляемые признаки должны обладать «поисковым эффектом», иначе говоря, должна реально существовать возможность их распознавания в результате осуществления оперативно-розыскных и иных мероприятий. В этом случае распознавание осуществляется путем сравнения признаков, относящихся к тому или иному объекту, с признаками отдельных видов преступлений. Вследствие чего оперативный сотрудник получает ориентирующую информацию и делает предположительный вывод о том, что выявленные объекты относятся к экономическому преступлению, т.е. определяется их тождество существующей модели противоправного деяния.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что система получения первичной информации строится на анализе находящихся в различных массивах информации индивидуальных признаков, соподчиненных общей картине преступного поведения. Выводное знание о том, что выявленные признаки взаимосвязаны и являются частью одного преступного деяния, формируется посредством применения общенаучных методов и приемов логического мышления, в результате чего оперативный сотрудник осуществляет познание находящейся в его распоряжении информации с целью ее последующего использования при выявлении экономических преступлений. В этой связи весьма уместно высказывание И.Н. Кузнецова, подчеркивающего, что «являясь процессом познания объективной реальности, аналитическая работа базируется на законах диалектики и формальной логики, предполагая применение различных общенаучных методов исследования» [3, с. 60–61].

Анализ практики свидетельствует, что проблема применения таких методов состоит в отсутствии цельной системы аналитической работы, а имеющиеся направления деятельности показывают, что они сформированы в результате осуществления оперативно-розыскной тактики, где диапазон использования сведений, определялся и определяется конкретными тактическими категориями, которые в определенном объеме формируют единый интегративный блок необходимых сведений, используемых для выявления экономических преступлений. При всей ценности такой работы оперативник сталкивается с определенными сложностями построения механизма получения максимального количества оперативно-розыскной информации, а именно, сбора ее под один знаменатель как необходимую информацию, и ранжирования по возможности и необходимости решения задач ОРД. Таким образом, давно назрела необходимость в сосредоточении сведений, представляющих оперативный интерес на основе аналитических приемов и унификации полученных сведений, используемых в выявлении экономических преступлений.

Следует признать, что выбор конкретных оперативно-тактических категорий определяется сложившейся оперативно-розыскной ситуацией и должен быть направлен на решение конкретных задач. Выбор тех или иных тактических категорий основан на последовательности аналитических действий оперативного сотрудника, которые организованы на рефлексии, т.е. обращении внимания на собственное поведение и сознание, а также на результаты собственной активности в ОРД, поведенческие шаблоны при анализе оперативно-розыскных сведений [4, с. 678], интерпретации – осмыслении информации на основе полученных сведений [4, с. 250], эвристике – самостоятельном решении стоящей задачи на основе строящихся наводящих вопросов [4, с. 906].

Продолжая анализ теоретического обобщения в устоявшейся методологии аналитической работы, основанной на совокупности указанных приемов и методов, применяемых в вопросах выявления экономических преступлений, следует заметить, что такая работа сотрудника выступает образующей для прогноза вероятностного поведения лица, его связей и направления документирования лиц, представляющих оперативный интерес. Исходя из данных посылок, оперативник строит модель будущих действий, оценивает собственные возможности и силы других субъектов и участников ОРД в вопросах решения её задач.

Можно предположить, что интегрирование оперативно-розыскной информации, вызовет активную актуализацию всех процессов, подтверждающих либо опровергающих причастность лица к криминалу. Чтобы спланировать и применить различные тактические категории в процессе выявления экономических преступлений, оперативник использует приемы прогнозирования наступления последствий на основе «аналогии», «повторов», которые не дают цельного, завершенного представления о возможных процессах применения и осуществления оперативно-розыскной тактики. В данном случае надо говорить, что именно аналитическая работа как подсистема информационно-аналитического обеспечения ОРД, выступает основой для определения методологии оперативно-розыскной тактики.

Применительно к информационно-аналитическому обеспечению выявления экономических преступлений, она должна осуществляться по следующим направлениям:

- а) сбор сведений о проверяемом лице на причастность его к преступной деятельности;
- б) сбор сведений о связях проверяемого лица;
- в) сбор сведений о фактах, подтверждающих причастность его к преступной деятельности (оставленные материальные и идеальные следы);
- г) проверка алиби проверяемого лица;
- д) поиск лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе;
- е) фиксация преступной деятельности проверяемых лиц в ОРД.

В данном процессе все направления должны быть приведены в систему проведения определенных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) с целью получения необходимых сведений, позволяющих выстроить аналитическую работу оперативного сотрудника с позиции точного распознавания конкретных фактов, определяющих его дальнейшие действия.

В данном случае уместно вести речь об *интеграционном анализе*, создающем ценностное единство оперативно-розыскной информации. Такая работа определяется установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 89 УПК Республики Беларусь). Данные сведения должны быть связаны между собой и определять устойчивую связь между ними. Такие познания должны быть отражены в материалах ОРМ и использоваться в оперативной и следственной работе. Условия и порядок использования оперативно-розыскных материалов достаточно четко урегулированы в правовом аспекте (ст. 101 УПК Республики Беларусь) и рассмотрены в теоретическом плане. Однако, наряду с такими интегративными законами, ценность рассматриваемого анализа заключается в сохраняющем механизме функционирования устойчивых внутренних связей, от получения необходимой информации до сохранения ее и использования в различных вариантах (по объекту, субъекту, времени и т.п.).

Интеграционный процесс, связанный с работой оперативно-розыскной информации в выявлении экономических преступлений – это составляющее трех начал: а) анализ – разложение информации на составляющие, с целью понимания ее содержания; б) рассмотрение поведенческих свойств человека в ОРД; в) аналитический синтез полученных сведений. Суммирование признаков подтверждает наличие криминального события либо дополняет объективные и субъективные признаки преступления.

Одним из таких аналитических приемов, используемых оперативными сотрудниками, выступает *логический анализ*, проявляющейся как «мысленное разделение объекта исследования на составные элементы, которые мысленно (условно) отделяются от сложной целостности; наделяются квалифицирующими признаками – символами причастности к определенной группе; подвергаются исследованию с позиций связей между причиной и следствием, между преступлением и его отображением в следах. Логический анализ не может выступать в одиночестве, он всегда играет в дуэте с синтезом» [5, с. 37]. Логический анализ формирует этапы выявления экономических преступлений, которые на прямую связаны с действиями оперативного сотрудника, направленными на выявление лиц, которые могут свидетелями по уголовному делу, выявления предметов и документов, могущих быть вещественными доказательствами по уголовному делу, а также получение других интересующих фактов, которые могут использоваться для организации процесса фиксации преступных действий лиц, представляющих оперативный интерес. Каждое перечисленное направление по объему получаемых сведений может различаться в сторону увеличения или уменьшения информации, но главным в данном процессе, выступает анализ полученных данных в алгоритме осуществления основных направлений документирования преступных действий определенных лиц.

На сегодняшний день, существующая система информационно-аналитического обеспечения выявления экономических преступлений состоит из двух блоков: информационные ресурсы ОВД (внутренние), информационные ресурсы иных ведомств и иные информационные ресурсы (внешние).

Несмотря на достаточно широкий перечень информационных учетов, позволяющих оперативному сотруднику получать интересующую него информацию, достаточное количество сведений, представляющих оперативный интерес, содержится и в сети Интернет. В своей повседневной деятельности для осуществления качественной информационно-аналитической работы оперативный сотрудник может использовать сайты различных организаций (информация о юридическом адресе, должностных лицах, банковских реквизитах, контактах, контрагентах), торговых площадок (Icetrade.by – официальный сайт по государственным закупкам для размещения на нем информации о государственных закупках и актов законодательства, регулирующих сферу государственных закупок), интернет-форумы, интернет-блоги, а также такие информационные ресурсы как:

- 1) система СПАРК – позволяет быстро проверить любую компанию, зарегистрированную в России, Украине, Беларуси, Киргизии и Казахстане. Кроме этого при помощи нее можно решать такие задачи, как: проверка контрагента на благонадежность или аффилированность с другими предприятиями, пресечение мошеннических сделок, анализ и мониторинг базы клиентов конкретных организаций;

- 2) поисковые системы: Google, Yandex, Yahoo, Rambler и др.

Изучение литературы позволяет сделать вывод, что абсолютное большинство ученых рассматривают сеть Интернет как возможность использования его ресурсов для совершения компьютерных преступлений, отмечая в первую очередь уголовно-криминологический аспект [6–8]. С позиции криминалистики и ОРД отдельные направления использования Интернет-ресурсов в раскрытии и расследовании преступлений рассматриваются А.М. Ишиным и В.Е. Козловым [9;10]. Концептуальное поле Интернет-ресурсов предстает в первую очередь как средство получения различной справочной информации, проанализировав которую оперативный сотрудник может использовать её при выявлении экономических преступлений. Неоспорим тот факт, что сегодня сведения, содержащиеся в Интернете, позволяют уточнять, дополнять и проверять информацию, полученную из ограниченного количества источников. Примером может служить использование социальных сетей, где посредством веб-сервиса, позволяющего пользователям создавать открытые или частично открытые профили пользователей, можно создавать список пользователей, с которыми они состоят в социальной связи, просматривать свой список связей и аналогичные списки других пользователей в рамках одной системы [11].

Сегодня социальные сети обладают повышенной популярностью. Такая популярность обусловливается возможностью установления взаимосвязей между участниками (родственные связи, дружба, сексуальные, религиозные, политические, отношения, обучение и т.д.), зачастую не знакомыми между собой непосредственно, могущими находиться в любой точке планеты. Д.В. Винник, рассматривая феномен социальных сетей, выделяет их следующие типичные характеристики и функции:

- хранение персональных анкет данных участников и информации об их связях («друзья», контакты и т.п.);
- возможность устанавливать связи типа «друг», «знакомый», и т.п. в отношении других участников сети;
- возможность размещать на сайте собственное информационное наполнение (статьи, комментарии), в том числе мультимедийное (фотографии, музыка, видеоролики);
- возможность обмена мгновенными сообщениями с другими участниками сети (чат);
- возможность отслеживать активность (публикуемую информацию) других пользователей и реагировать на нее голосованием, комментированием;
- возможность создавать тематические группы, устанавливать принадлежность к тематическим группам;
- наличие рейтингов пользователей по различным параметрам (статистические, вычисляемые), например, популярность, активность, рейтинг отношения или доверия со стороны пользователей;
- расширенные функции, построенные на базе связей участников (например, календарь событий или встреч пользователей с функциями совместного доступа);
- игровой составляющей, создающей дополнительную мотивацию общения и взаимодействия участников (как правило, многопользовательские игры, частично ориентированные на расширение круга контактов пользователя) [12, с. 115–116].

В современном мире социальные сети заняли значимое место в жизни абсолютного большинства людей. В связи с тем, что экономический преступник обладает высоким социальным статусом и уровнем образования можно предположить, что интересующие оперативных сотрудников личности активно представлены в социальных сетях, а благодаря анализу содержащихся там сведений можно изучить ее и сделать соответствующие выводы.

Признавая бесспорным тезис о том, что в век информационных технологий оперативный сотрудник имеет возможность получения достаточного количества информации из информационных систем, что существенно сокращает как временные, так и финансовые расходы, необходимо признать, что только посредством анализа информации оперативный сотрудник может установить объективно существующие материальные следы совершенного преступления.

Р.С. Белкин предлагает подразделять информацию, носителями которой являются следы, на личностную (о человеке как объекте или субъекте процесса следообразования) вещную (о предмете – следообразующем и следовоспринимающем объектах) и операционную (об операции, приведшей к возникновению следа, т.е. о механизме следообразования). Последняя может содержать в себе элементы личностной информации индивидуально определенного или группового характера [13, с. 52–53]. Данные сведения являются исходными и для опорных тактических категорий, таких как оперативно-розыскные версии и на их основе определение комплексного проведения ОРМ. В качестве базовых положений используются не столько установленные факты (доказательства), сколько версии, построенные по различным основаниям: а) по объективной стороне состава расследуемого преступления (т.е. по механизму преступления); б) по его субъективной стороне (т.е. по субъективному отношению преступника к совершенному, по его эмоциональному состоянию до, в момент и после совершения преступления), которые нашли отражения в следах преступления; в) по субъекту преступления, т.е. по личности преступника [5, с. 89].

Не углубляясь в настоящий момент в проблему систематизации сведений, получаемых оперативным сотрудником, подчеркнем лишь необходимость использования в аналитической работе такого метода как *метод адаптации* сведений, основанный на получении, перепроверке и интерпретации информации в уголовный процесс при помощи ее оценки на основе ст. 105 УПК Республики Беларусь, когда формируется внутренняя убежденность о наличии достаточных данных, свидетельствующих о причастности лица к преступной деятельности.

Но даже субъективная оценка должна иметь заключительное выводное знание, которое может, например, проявляться в прекращении дела оперативного учета, вынесении постановления на проведение ОРМ и т.п. Другими словами, оптимизировать оперативно-тактические категории – значит выйти на максимальное получение наиболее качественной информации.

Следует заметить, что сама по себе информация не приведет к принятию эффективного решения. Поэтому совершенствование информационного обеспечения должно ориентироваться не только на рационализацию правовой базы, но и на оптимизацию самих информационных процессов. В этих целях необходимо вначале решить вопрос об оптимальном распределении информации в соответствии с потребностями оперативных подразделений. Для этого следует выявить всю имеющуюся в рассматриваемой сфере информацию, после чего определить используемую и излишнюю информацию применительно к каждому субъекту ОРД. Такой подход в конечном итоге позволит выделить информацию необходимую для эффективной организации деятельности оперативных подразделений [14, с. 108]. Поэтому получение достоверной информации должно осуществляться посредством перехода от одной суммы знаний к другой. Причем данный процесс можно представить как процесс познания с осмыслением преступной деятельности конкретных лиц. Следует сказать, что «познающий субъект «вырезает» из реальности только то, что соотносимо с его деятельностью, направленной на приспособление к этой реальности. Знание приобретает не пассивно через органы чувств или средства коммуникации, знание активно строится действующим субъектом, взаимодействующим с объективностью. Субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируют друг друга. Классическая схема «субъект-объект» приобретает вид «субъект-структура-объект». Не существует предметов знания, которые были бы независимы от субъекта» [15].

Осуществление такой процедуры связано с получением определенных сведений, направленных на выявление экономических преступлений, и здесь надо действовать для познания конкретных признаков преступления. Но с обязательным их осмыслением на основе общих методов познания (индукция, дедукция, анализ, синтез и т.д.), т.к. механизм преобразования оперативно-розыскной информации осуществляется по следующей схеме познания – ценность информации – ее осмысление.

Таким образом, информационно-аналитическая работа представляет собой комбинированный характер различных сведений в различном интерпретированном виде, построенном на внутреннем единстве информации о событии, личности представляющей оперативный интерес, ее связей, механизме преступного поведения. Все полученные и переработанные сведения должны гармонизировать со структурными элементами, обладать устойчивой связью между интересующими сведениями, представлять ценность в изменяющихся условиях. Аналитическая работа оперативного сотрудника должна создавать новую интеграционную целостность, которую он может подвергнуть анализу для получения нового знания. Основным наиболее сложным объектом оперативно-розыскного исследования является криминальный элемент (лицо, в отношении которого проводятся ОРМ). Здесь оперативный сотрудник решает задачу получения наибольшего количества сведений о личности, представляющей оперативный интерес. Вся информация должна собираться о трех свойствах: биологических, социальных и психологических. Оперативный сотрудник должен стремиться обнаружить причинно-следственные связи между явлениями, событиями, предметами и связями лица и т.п. Процесс получения им достоверной информации представляет собой сложный мыслительный процесс, в основе которого лежат промежуточные вероятностные выводы о соотносимости определенных событий, явлений и фактов в единой картине преступления. Такие выводы формируются на основе внутреннего убеждения оперативного сотрудника, исходя из его профессионального опыта, багажа теоретических знаний и логико-аналитических способностей, сформированных из умения применять методы и приемы комплексной оценки информации.

Заключение. Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. ОРД в своем проявлении имеет достаточно разработанную систему проверки, перепроверки и использования оперативной информации. Имеющиеся наработки не в последнюю очередь способствовали научно-обоснованному решению проблем выработки рекомендаций по выявлению и раскрытию преступлений. Однако, в связи со скрытой и законспирированной деятельностью криминала, встают еще более сложные задачи, скрыть источники и методы получения информации, имеющей отношение к выявлению экономических преступлений. Имеющиеся знания у преступников о содержании ОРД, создают такие проблемы, которые выдвигают повышенные требования к качеству, обоснованности и эффективности получения и использования оперативной информации в ОВД. Сделать это возможно на основе разработанной системы методов и методик комплексной оценки информации.

2. Методы и модели комплексной оценки информации, позволяют расширить возможности оперативных подразделений в использовании оперативной информации. Применение аналитических действий, основанных на рефлексии, интерпретации и эвристическом восприятии сведений, обеспечивающих планирование по делам оперативного учета, добавляет эффективность работе при интеграционном анализе, заключающемся в сохранении механизма функционирования устойчивых внутренних связей от получения необходимой информации до сохранения ее и использования в различных вариантах (по объекту, субъекту, времени и т.п.); в логическом анализе, раскрывающем этапы выявления экономических преступлений, которые напрямую связаны с действиями оперативного сотрудника, направленными: на выявление

лиц, которые могут быть свидетелями по уголовному делу, предметов и документов, могущих быть вещественными доказательствами по уголовному делу, а также получение других интересующих фактов, которые могут использовать для организации *процесса* фиксации преступных действий; в методе адаптации сведений, основанном на получении, перепроверки и интерпретации информации в уголовный процесс при помощи ее оценки на основе ст. 105 УПК Республики Беларусь.

3. Разработка методологических проблем информационно-аналитического обеспечения выявления экономических преступлений связана с созданием целой системы методов и моделей, выводящих современную оперативно-розыскную практику на прикладные теоретические разработки и практические рекомендации. Интенсивность такой работы объясняется потребностями более глубокого анализа получения информации и всестороннего изучения сложных процессов восстановления механизма совершения экономических преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарев, А.Ф. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : учеб. / А.Ф. Токарев ; под ред. проф. В.Д. Малкова. – М. : 2000. – 322 с.
2. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация / С.С. Овчинский ; под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. – М., 2000. – 367 с.
3. Кузнецов, И.Н. Информация: сбор, защита, анализ : учеб. по информационно-аналитической работе / И.Н. Кузнецов. – М. : Яуза, 2001. – 346 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Зорин, Г.А. Возможности криминалистического анализа в процессе предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам : учеб.-метод. пособие. / Г.А. Зорин, М.Г. Зорина, Р.Г. Зорина. – М. : «Юрлитинформ», 2001. – 336 с.
6. Дремлюга, Р.И. Интернет-преступность / Р.И. Дремлюга. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 240 с.
7. Осипенко, А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт / А.Л. Осипенко. – М. : Норма, 2004. – 432 с.
8. Серго, А.Г. Компьютерная преступность / А.Г. Серго // Интернет и право. – М. : «Бестселлер», 2003. – 272 с.
9. Ишин, А.М. Современные проблемы использования сети Интернет в расследовании преступлений / А.М. Ишин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Вып. 9. – С. 116-123.
10. Козлов, В.Е. Противодействие компьютерной преступности: проблемные вопросы и пути их решения / В.Е. Козлов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. – 256 с.
11. Boyd, D. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship, 2007 Journal of Computer-Mediated Communication, 13 (1), article 11. [Mode of access] / D Boyd, N Ellison. – URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/boyd.ellison.html>. – Date of access: 12.05.2017.
12. Винник, Д.В. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу / Д.В. Винник // Философия науки. – 2012. – № 4 (55). – С. 111 – 126.
13. Белкин, Р.С. Курс советской криминалистики / Р.С. Белкин. – Т. 2. – М., 1978. – 410 с.
14. Токалов, Т.Б. Теоретические, правовые и организационно-управленческие проблемы оперативно-розыскной деятельности ОВД Республики Казахстан в борьбе с преступностью / Т.Б. Токалова. – М. : ВивадАрт, 2007. – 221 с.
15. Александров, А.С. Новая теория доказательств. [Электронный ресурс] / А.С. Александров. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/406>. – Дата доступа: 11.05.2017.

Поступила 18.06.2019

METHODS AND MODELS OF INTEGRATED ASSESSMENT OF INFORMATION MADE BY SUBJECTS OF DETECTIVE ACTIVITY IN THE DETECTION OF ECONOMIC CRIMES

V. RODEVICH, S. VOITICHOVICH

Modern conditions for carrying out activities to identify economic crimes present increased demands on the quality, validity and efficiency of obtaining and using operational information. The proposed system of methods and techniques for integrated assessment of information, based on the use of analytical actions, including reflexive, interpretative and heuristic perception of information, allows to expand the capabilities of operational units in terms of the use of operational information, and to derive modern practice of working with information on applied theoretical developments and practical recommendations.

Keywords: *information, information support, analysis, analytical work, economic crimes.*

УДК 343.985:343.132

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
И ПРОВОДИМЫХ СОВМЕСТНО С НИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ***канд. юрид. наук, доц. Д.Л. ХАРЕВИЧ**(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*

Рассмотрены некоторые противоречия Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» в части регламентации разделения наблюдения и таких проводимых совместно с ним оперативно-розыскных мероприятий, как оперативный опрос, оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, оперативное внедрение. Для устранения данных противоречий необходимо учитывать ряд факторов: совпадение лиц, непосредственно участвующих в проведении наблюдения и одного из указанных мероприятий, а также совершение действий, ограничивающих конституционные права. На основе моделирования ситуаций проведения оперативно-розыскных мероприятий выработана формулировка, наиболее точно отражающая обстоятельства, при которых не происходит ограничения конституционных прав. Сделаны предложения по изменению части второй статьи 37 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, наблюдение, оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, правовой пробел.*

Введение. Принятие в 2015 году новой редакции Закона Республики Беларусь № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) явилось важным этапом развития правового регулирования данной деятельности, позволившим разрешить многие существовавшие проблемные вопросы. Вместе с тем практика применения указанного закона выявила существование некоторых неточностей в законодательном разделении наблюдения и ряда оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), проводимых одновременно с ним.

Основная часть. В ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД указано, что фиксация явлений при проведении оперативного опроса, оперативного осмотра, проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения с использованием средств негласного получения (фиксации) информации и иных средств не является наблюдением [1]. На наш взгляд, при буквальном толковании данная норма вступает в противоречие с существующей оперативно-розыскной практикой.

Продемонстрируем это на примере контролируемой поставки. Наблюдение как эмпирический метод познания окружающей действительности, связанной с событием подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лежит как в основе ОРМ «наблюдение», так и «контролируемая поставка». Контролируемую поставку можно рассматривать как особый род наблюдения, осуществляемого в специфических оперативно-розыскных ситуациях с применением определенных тактических приемов. С другой стороны, проведение контролируемой поставки чаще всего сопровождается наблюдением со стороны специализированных подразделений правоохранительных органов с целью своевременного получения информации о контактах курьера, попытках передачи контролируемого груза другим лицам, уклонения от привлечения к уголовной ответственности. Такое наблюдение решает важные тактические задачи контролируемой поставки, поэтому при его отсутствии говорить о ее контролируемом характере в ряде случаев затруднительно. В соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами наблюдение, осуществляемое специализированными подразделениями, является самостоятельным ОРМ, проведение которого связано с обязанностью выполнения ряда условий, и не может рассматриваться как составной элемент контролируемой поставки. В то же время дословное толкование нормы ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД дает возможность осуществления наблюдения лишь как совокупности тактических приемов, образующих контролируемую поставку.

Аналогичный пример можно привести и по отношению к иным ОРМ. Например, представляется спорным возможность применения указанной нормы в случае фиксации третьим лицом (субъектом оперативно-розыскной деятельности) явлений с использованием средств негласного получения информации, осуществляемой в отношении сотрудника оперативного подразделения, проводящего оперативный опрос лица, представляющего оперативный интерес. Полагаем, что в данном случае следует вести речь не об оперативном опросе с использованием средств негласного получения информации, а о проведении двух самостоятельных ОРМ – оперативного опроса и наблюдения.

На наш взгляд, разрешение данной коллизии возможно путем раскрытия целевого назначения рассматриваемой нормы, которое состоит в исключении необходимости инициирования ОРМ «наблюдение» в отношении действий, составляющих единое целое с перечисленными в статье ОРМ (оперативный опрос,

оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, оперативное внедрение). Наблюдение, проводимое специализированными подразделениями, не является составным элементом ОРМ, указанных в ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД, поэтому оно должно проводиться как самостоятельное ОРМ. И хотя инициатор проведения обоих ОРМ одинаков, ключевым в данном случае является несовпадение лиц, непосредственно участвующих в проведении наблюдения и одного из указанных мероприятий. Полагаем, что нормативное закрепление данной формулировки уточнит содержание рассматриваемой нормы и ее практическое применение.

Однако помимо учета приведенного обстоятельства имеются и иные факторы, влияющие на оценку правомерности описанного сочетания ОРМ и предпринимаемых одновременно с ним действий. Обратим внимание, что в приведенных выше примерах при проведении одного из основных ОРМ, перечисленных в ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД, обеспечивающая их фиксация явлений, событий, процессов, деяний граждан осуществляется в общественных местах и не ограничивает права, свободы и законные интересы граждан, права и законные интересы организаций (далее – ограничение прав) и не требует получения санкции прокурора (его заместителя). Однако в самом общем случае при проведении любого из ОРМ, указанных в рассматриваемой норме, может осуществляться фиксация явлений, событий, процессов, деяний граждан в условиях ограничения прав. Например, если при проведении оперативного внедрения инициатором ОРМ установлены и используются средства негласного получения (фиксации) информации в жилище разрабатываемого, то в подобной ситуации норма ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД неприменима, поскольку иное противоречит ч. 5 ст. 19 Закона об ОРД, требующей в подобной ситуации получения санкции прокурора (его заместителя), а также ст. 23 Конституции, допускающей ограничение прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом [2]. В то же время применение нормы ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД не будет нарушать принципы права при фиксации явлений, событий, процессов, деяний граждан в ходе оперативного осмотра жилища и иного законного владения гражданина, помещения, здания, сооружения, транспортного средства, иного объекта и территории организации, проводимого негласно и связанного с проникновением в (на) них в отсутствие собственника, владельца, пользователя, если такой оперативный осмотр проводится на основании постановления о проведении ОРМ с санкции прокурора (его заместителя). Применение рассматриваемой нормы будет являться также правомерным при фиксации явлений, событий, процессов, деяний граждан в ходе повторной проверочной закупки или оперативного эксперимента, которые согласно нормам Закона об ОРД проводятся с санкции прокурора (его заместителя), поскольку о возможности ограничения прав при совершении указанных действий указано в ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД. Однако с учетом нормы ч. 3 ст. 18 Закона об информации отметим, что законодательно должна оговариваться не только возможность ограничения прав, но и его порядок [3]. Согласно норм Закона об ОРД проведение ОРМ, ограничивающих права, требует получения санкции прокурора (его заместителя), что выполняется при проведении повторной проверочной закупки или оперативного эксперимента. Однако данная процедура обусловлена не ограничением прав, а иными основаниями. В этой связи представляется, что условием правомерности рассматриваемого тактического комплекса является указание в постановлении о проведении данных ОРМ на факт использования средств негласного получения (фиксации) информации или иных средств. Также полагаем, что требуется явно регламентировать данное условие в Законе об ОРД.

Представляется необходимым описать данные ситуации нормативно. Обобщая приведенные примеры, можно сформировать следующую логическую конструкцию: если основное ОРМ (оперативный опрос, оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, оперативное внедрение) не ограничивает права или не требует санкции прокурора (его заместителя), то действия по фиксации, выступающие его составным компонентом, не могут проводиться в условиях ограничения прав. Если же последнее требование не выполняется и фиксация явлений, событий, процессов, деяний граждан осуществляется в условиях ограничения прав, то она должна рассматриваться как самостоятельное ОРМ, проводимое с соблюдением соответствующих требований Закона об ОРД (вынесение постановления, получение санкции прокурора или его заместителя и т.д.). Если основное ОРМ ограничивает права или требует получения санкции прокурора (его заместителя), то действия по сопровождающей его фиксации явлений, событий, процессов, деяний граждан не требуют дополнительного вынесения постановления и получения санкции при совпадении условий, обуславливающих необходимость ее получения (например, происходит ограничение одного и того же охраняемого законом права одного и того же лица, что имеет место в большинстве случаев) либо указании в постановлении о проведении повторной проверочной закупки или оперативного эксперимента необходимости использования средств негласного получения (фиксации) информации или иных средств.

Из ОРМ, перечисленных в ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД, ограничивает права лишь разновидность одного из них – оперативный осмотр, если он проводится негласно и связан с проникновением в (на) в жилище и иное законное владение гражданина, помещение, здание, сооружение, транспортное средство, иной объект и территорию организации в отсутствие собственника, владельца, пользователя. Выработывая соответствующую формулировку, отметим, что обстановка проведения наблюдения, ограничивающего

права, описывается в ч. 5 ст. 19 Закона об ОРД в привязке к местам проведения ОРМ, в пределах которых действуют конституционные гарантии неприкосновенности некоторых прав субъектов. Применяя операцию исключения, обстановку, на которую не распространяются указанные гарантии, можно описать следующим образом: общественные места, участки местности, все виды общественного транспорта, за исключением жилища и иного законного владения гражданина, помещения, здания, сооружения, транспортного средства, иного объекта и территории организации.

Таким образом, для исключения двойственного толкования правомерности действий в приведенных выше ситуациях, полагаем необходимым внести соответствующие корректировки в норму ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД.

Заключение. На основании изложенного считаем необходимым изложить норму ч. 2 ст. 27 Закона об ОРД в следующей редакции: «Фиксация явлений, событий, процессов, деяний граждан при проведении оперативного опроса, оперативного осмотра, проверочной закупки, за исключением случая, указанного в части пятой статьи 19 настоящего Закона, контролируемой поставки, оперативного внедрения с использованием средств негласного получения (фиксации) информации и иных средств в общественных местах, на участках местности, всех видах общественного транспорта, за исключением жилища или иного законного владения гражданина, другого помещения, здания, сооружения, транспортного средства, объекта или территории организации, осуществляемая лицом, непосредственно участвующим в проведении одного из перечисленных оперативно-розыскных мероприятий, не является наблюдением.

Фиксация явлений, событий, процессов, деяний граждан при проведении оперативного осмотра жилища и иного законного владения гражданина, помещения, здания, сооружения, транспортного средства, иного объекта и территории организации, проводимого негласно и связанного с проникновением в (на) них в отсутствие собственника, владельца, пользователя, проверочной закупки, проводимой повторно или более двух раз в отношении одного и того же гражданина в рамках одного и того же дела оперативного учета, оперативного эксперимента с использованием средств негласного получения (фиксации) информации и иных средств, осуществляемая лицом, непосредственно участвующим в проведении одного из перечисленных оперативно-розыскных мероприятий, не является наблюдением. Факт использования средств негласного получения (фиксации) информации или иных средств указывается в постановлении о проведении указанных ОРМ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
2. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» – Минск, 2019.

Поступила 23.10.2019

LEGISLATIVE SEPARATION OF SURVEILLANCE AND SIMULTANEOUSLY CONDUCTED OPERATIONAL SEARCH ACTIONS

D. KHAREVICH

Some contradictions of the Law of the Republic of Belarus are considered "On operational search activities" in terms of regulating the division of surveillance and such operational search activities carried out jointly with it as operational survey, operational inspection, verification purchase, controlled delivery, operational experiment, operational implementation. To eliminate these contradictions, it is necessary to take into account a number of factors: the coincidence of persons directly involved in the monitoring and one of these activities, as well as the Commission of actions that restrict constitutional rights. On the basis of modeling of situations of carrying out operational search actions, the formulation that most accurately reflects the circumstances in which there is no restriction of constitutional rights is developed. Offers made to change the second part of article 37 of the Law of the Republic of Belarus "On operational search activities".

Keywords: *operational search activity, supervision, operational verification, verification purchase, controlled delivery, legal gap.*

УДК 343.97+343.37

ОПТИМИЗАЦИЯ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

О.В. БЛАГАРЕНКО

*(Государственный институт повышения квалификации
и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, Минск)*

Рассматривается понятие «преступление в таможенной сфере», в т.ч. в условиях таможенной интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Анализируется становление ответственности за преступления в таможенной сфере. Представлены предложения, направленные на предупреждение данной категории преступлений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное законодательство, таможенное законодательство, дифференциация ответственности, контрабанда товаров, таможенные преступления.

Введение. За последнее десятилетие произошли глобальные геополитические изменения, затрагивающие и таможенную сферу. В 2006 г. в ходе саммита в Сочи Президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации приняли совместное решение о создании единой таможенной территории. В октябре 2007 г. был подписан Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза. Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации начал действовать с января 2010 г., заработали Единый таможенный тариф и Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, в июле 2010 г. – Таможенный кодекс Таможенного союза. Спустя год (с июля 2011 г.) таможенные территории трех государств были объединены в единую таможенную территорию, стало действовать единое правовое поле в сфере технического регулирования.

Президенты трех государств 18 ноября 2011 г. подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции, в которой было заявлено о переходе к следующему этапу интеграционного строительства – Единому экономическому пространству. 2 февраля 2012 г. приступила к работе Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – постоянно действующий наднациональный регулирующий орган, имеющий полномочия в ряде ключевых сфер экономики. В мае 2014 г. в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета в Астане подписан Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС); 10 октября 2014 г. в Минске – Договор о присоединении Республики Армения к ЕАЭС; в декабре 2014 г. – Договор о присоединении Кыргызской Республики к ЕАЭС. С 1 января 2015 г. начал функционировать Евразийский экономический союз. В это же время в ряде секторов, определенных государствами ЕАЭС, начал действовать единый рынок услуг. В стоимостном выражении это почти 50% от общего объема предоставления услуг в государствах Союза [1]. С 12 августа 2015 г. после реализации «дорожной карты» и завершения ратификационных процедур Кыргызская Республика стала полноправным членом Союза.

11 апреля 2017 г. был подписан Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. С 1 января 2018 г. на единой таможенной территории таможенные правоотношения регулируются Таможенным кодексом ЕАЭС, действует ряд наднациональных правовых актов прямого действия.

В сложившемся интеграционном образовании Республика Беларусь, благодаря географическому положению, привлекательна не только для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности, но и для международной организованной преступности (как территория, удобная для транзита нелегально перемещаемых наркотиков, огнестрельного оружия, продукции СИТЭС и других предметов, незаконный оборот которых дает сверхприбыли). Например, в 2019 г. таможенными органами Республики Беларусь из незаконного оборота изъято более 645 кг наркотиков, что практически втрое больше, чем в 2018 г. (225 кг) [2]. Деятельность международных организованных групп на территории Республики Беларусь с использованием современных средств связи, в т.ч. Интернета, и вовлечением в свою структуру граждан нашей страны, в первую очередь молодежи, обуславливает существование такого криминогенного фактора в духовно-нравственной сфере, как распространение криминальной субкультуры.

В данном контексте вопросы предупреждения преступности в таможенной сфере приобретают особую актуальность, в т.ч. с использованием такой неотъемлемой части совершенствования системы предупреждения, как оптимизация мер уголовной ответственности.

Основная часть. В рамках единого таможенного пространства законодательства государства-члены реализуют политику унификации и гармонизации норм законодательства, в т.ч. уголовного. В настоящее время в Республике Беларусь к ведению таможенных органов отнесены составы, определенные

и ранее действовавшим (до января 2018 г.) Таможенным кодексом Таможенного союза. В названном кодексе ст. 7 закреплялось, что таможенные органы государств-членов Таможенного союза являются органами дознания по делам о контрабанде, об уклонении от уплаты таможенных платежей и иных преступлениях, производство по которым в соответствии с законодательством государств-членов таможенного союза отнесено к ведению таможенных органов.

В соответствии со ст. 354 действующего с 2018 г. Таможенного кодекса ЕАЭС таможенные органы являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях или уголовных правонарушениях, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств-членов. Виды (составы) преступлений и административных правонарушений, а также порядок и принципы привлечения лиц к уголовной и (или) административной ответственности устанавливаются законодательством государств-членов с учетом особенностей, предусмотренных международными договорами в рамках Союза [3].

Указанная норма уже не содержит четкого предписания, какие именно преступления будут в обязательном порядке относиться к ведению таможенных органов. Вместе с тем ответственность за ряд уголовно-наказуемых деяний, таких как контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей, существует в законодательстве всех стран ЕАЭС.

Проведенный анализ установленных норм уголовной ответственности в государствах-членах ЕАЭС выявил существенное расхождение в существующей уголовно-правовой охране единой таможенной территории. На существование подобных различий обращали внимание белорусские и российские юристы и исследователи. В юридической литературе отмечается, что разница в подходах к криминализации обусловлена отсутствием согласованных действий по унификации законодательства и четкого представления о том, как и какими средствами должна быть обеспечена борьба с теми или иными видами преступного посягательства.

Как считает А.И. Лукашов, проблема обстоятельной уголовно-правовой регламентации ответственности за таможенные преступления, в т.ч. за все виды контрабандных преступлений, обусловлена тем, что диспозиции всех норм носят бланкетный характер. Их содержание в полной мере зависит от характера и направленности таможенного законодательства. В условиях созданного Таможенного союза соответствующие правовые нормы должны быть тщательно скорректированы. Таможенный кодекс Таможенного союза во всех компонентах как стратегического, так и тактического характера должен предопределять и содержание таможенного законодательства членов союза [4, с. 102]. Несмотря на наличие единого таможенного законодательства З.Ф. Зайнуллина приходит к выводу о том, что уголовные законы государств, входящих в ЕАЭС, имеют существенные различия, что несет потенциальные риски, связанные с применением уголовного законодательства об ответственности за контрабанду [5, с. 74].

По мнению Е.А. Азаренковой, «государства (ЕАЭС) стоят в начале пути унификации уголовного законодательства в части ответственности за контрабанду, а отличий в их уголовных кодексах больше, чем схожих положений. Необходима согласованность государств в вопросах закрепления нормы о контрабанде в той или иной главе Уголовного кодекса, определения понятия контрабанды и способов ее совершения, закрепления единых общеопасных предметов контрабанды, принятия общих перечней сильнодействующих веществ и уменьшения количества отсылок на национальные законодательные акты» [6, с. 109].

Таким образом, уголовные законодательства государств-членов ЕАЭС имеют ряд различий в уголовно-правовой охране таможенной сферы. Рассмотрим несколько примеров.

По предмету контрабанды. В уголовных кодексах всех стран ЕАЭС установлена уголовная ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу отдельных товаров. И если установление уголовной ответственности за незаконное перемещение товаров, относящихся к предметам, представляющим повышенную опасность (наркотические средства; психотропные, сильнодействующие, ядовитые, отравляющие, радиоактивные или взрывчатые вещества; оружие: ядерное, химическое, биологическое и др.), содержится в уголовных кодексах всех государств-членов, то квалификация перемещения другой группы товаров, называемая «экономическая контрабанда», значительно отличается. Например, ст. 226¹ УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу в рамках ЕАЭС либо Государственную границу Российской Федерации стратегически важных товаров и ресурсов в крупном размере [7]. Перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226¹ УК РФ утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 13.09.2012 № 923 [8]. Данный Перечень частично пересекается с актами наднационального законодательства – Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования» (далее – Решение ЕЭК № 30) [9] и Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования» (далее – Решение ЕЭК № 134) [10], которым утвержден Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения в торговле с третьими странами. Однако имеются некоторые противоречия. Например, в рамках единой таможенной территории решением ЕЭК № 30 установлен запрет ввоза/вывоза на/с таможенной территории ЕАЭС озоноразрушающих веществ и продукции, содержащей такие вещества. Таким образом,

привлечение к уголовной ответственности за контрабанду озоноразрушающих веществ через государственную границу РФ будет противоречить требованиям наднационального законодательства.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь ч. 1 ст. 228 [11] установлена ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза в крупном размере товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению. Норма данной статьи отсылает к наднациональному законодательству – Решениям ЕЭК № 30 и № 134, устанавливая местом совершения данного деяния только таможенную границу Евразийского экономического союза.

Уголовным кодексом Республики Казахстан установлена ответственность за экономическую контрабанду, под которой понимается перемещение в крупном размере через таможенную границу Таможенного союза товаров или иных предметов, в т.ч. запрещенных или ограниченных к перемещению через таможенную границу товаров, вещей и ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием (ч. 1 ст. 234) [12].

Статья 204 Уголовного кодекса Кыргызской Республики определяет контрабанду как перемещение в крупном размере через таможенную границу Таможенного союза товаров или иных предметов, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием [13].

Таким образом, в Казахстане и Кыргызстане к уголовно-наказуемому деянию отнесено совершенное одним из перечисленных в статьях способов перемещения не только запрещенных или ограниченных, но и любых товаров. Местом совершения данного деяния является таможенная граница ЕАЭС.

На рисунке представлены правовые границы предмета контрабанды в соответствии с законодательством государств-членов ЕАЭС.



Рисунок. – Предмет контрабанды в соответствии с законодательством государств-членов ЕАЭС

В соответствии с таможенным законодательством ЕАЭС товар после прохождения таможенной процедуры выпуска для внутреннего потребления приобретает статус товара Союза и может быть свободно реализован на территории любого из государств-членов ЕАЭС. Таким образом, имея общую таможенную границу в рамках ЕАЭС, единая уголовно-правовая защита внутреннего рынка от некачественных, ограниченных либо запрещенных товаров отсутствует.

По предмету уклонения от уплаты таможенных платежей. В соответствии со ст. 46 Таможенного кодекса ЕАЭС к таможенным платежам относятся:

- 1) ввозная таможенная пошлина;
- 2) вывозная таможенная пошлина;
- 3) налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию Союза;
- 4) акцизы (акцизный налог или акцизный сбор), взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию Союза;
- 5) таможенные сборы.

Каждый вид таможенных платежей регулируется рядом нормативных правовых актов как наднациональных, так и национальных. Например, ставки ввозных таможенных пошлин регулируются наднациональным законодательством и установлены Единым таможенным тарифом, утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54; ставки вывозных таможенных пошлин определяются актами национального законодательства, налог на добавленную стоимость установлен национальным законодательством, в Республике Беларусь – Налоговым кодексом Республики Беларусь и т.д.

Всеми государствами-членами ЕАЭС установлена ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей. В Республике Беларусь – за уклонение от уплаты таможенных платежей в крупном размере (ст. 231 УК). Крупный размер предмета аналогичного преступления установлен и законодательствами других стран ЕАЭС: ст. 194 УК РФ; ст. 236 УК РК; ст. 205 УК РА; ст. 210 УК КР.

Однако в законодательствах государств-членов ЕАЭС существуют значительные различия при определении величины крупного размера.

Так, в уголовных законодательствах Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики основой определения величины крупного размера является расчетный показатель, который утверждается соответствующим органом государственной власти (месячный расчетный показатель, базовая величина, расчетный показатель). В УК Российской Федерации указывается конкретная сумма в национальной валюте (свыше двух миллионов рублей). Крупный размер уклонения от уплаты таможенных платежей в законодательстве Республики Армении определяется исходя из размера минимальной заработной платы на момент совершения преступления.

Перерасчет указанных величин показал значительную разницу в размере уклонения от уплаты таможенных платежей, за которое установлена уголовная ответственность национальными законодательствами стран-участниц ЕАЭС. Например, крупный размер предмета рассматриваемого преступления в Республике Беларусь составляет 3000 базовых величин; для сравнения размеры величин, установленных национальными законодательствами применительно к белорусскому рублю и размеру базовой величины в нашей стране, составят в Кыргызской Республике 214 белорусских базовых величин, а в Республике Армении – 11 200 белорусских базовых величин.

В данном случае необходимо констатировать отсутствие единого согласованного подхода в определении размера подлежащих уплате таможенных платежей, от уплаты которых лицо сознательно уклонилось. При этом размер такого платежа установлен наднациональным законодательством и будет единым на территории любого из государств-членов ЕАЭС.

Следствием существующих различных подходов к закреплению признаков состава преступлений в уголовных законодательствах может быть возникновение ситуации, когда через страну с более высоким порогом размера уклонения, т.е. некриминализованностью доли деяний, будут с нарушениями ввозиться товары для их последующей перевозки по таможенной территории ЕАЭС. Как отмечает А.И. Долгова, значительные различия во внутренних мировых ценах являются мощным фактором совершения преступлений [14, с. 46].

Особо следует отметить невозможность определения крупного размера применительно к отдельным группам товаров на уровне национального законодательства (УК Республики Беларусь). Так, ч. 1 ст. 228 установлена ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС в крупном размере товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению. Норма данной статьи отсылает к наднациональному законодательству – Решению ЕЭК № 30 и Решению ЕЭК № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования». При этом крупный размер установлен в базовых величинах на день совершения преступления. Вместе с тем определить крупный размер в стоимостном выражении отдельных запрещенных товаров не представляется возможным, т.к. данные товары запрещены к свободному обороту во всех странах и изъяты из такого оборота. Например, такие товары, как промышленные отходы, подпадающие под действие Базельской Конвенции, отдельные озоноразрушающие вещества Монреальского протокола или животные, находящиеся на грани исчезновения Конвенции СИТЕС. Существующее стоимостное выражения такого товара складывается на нелегальном рынке. Соответственно установить легальную стоимость товара, запрещенного и изъятого из свободного оборота во всех странах, невозможно.

Кроме того, в законодательствах государств-членов ЕАЭС при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за преступления в таможенной сфере отличаются подходы к определению и иных признаков составов преступлений, такие как место, способ и пр.

Перечисленные недостатки в уголовно-правовом регулировании обеспечения привлечения к ответственности за преступления в таможенной сфере на территории ЕАЭС требуют тщательного анализа и выработки единого подхода к квалификации преступных деяний, совершаемых на единой таможенной территории.

Как отмечает О.В. Грачев, наши государства, объединившись в Таможенный союз, тем более не могут оставлять неразрешенными проблемы по устранению противоречий в нормах уголовного, уголовно-процессуального, административного, оперативно-розыскного, таможенного законодательства [15, с. 43]. Необходимым условием эффективного правоприменения законодательства ЕАЭС является гармонизация и унификация, в т.ч. уголовных законодательств государств-членов. Такие изменения позволяют эффективно воздействовать на причины устойчивой тенденции роста преступности в таможенной сфере и будут способствовать совершенствованию деятельности таможенных органов по борьбе с преступностью и обеспечению экономической безопасности.

Ряд российских ученых-юристов видят решение этой проблемы посредством принятия государствами единого согласованного акта наднационального характера, регулирующего вопросы противодействия не только контрабанде, но и иным правонарушениям в таможенной сфере. Такой акт должен предусмотреть общую дефиницию контрабанды, которая впоследствии могла бы быть имплементирована государствами в их национальное законодательство, согласовав при этом границы допустимого отклонения в криминализации, имея в виду обеспечение сугубо национальных интересов стран-участниц [16, с. 208].

Заключение. Полагаем, что для обеспечения защиты единой таможенной территории в рамках ЕАЭС уголовно-правовыми средствами необходимо выработать единый подход к определению, какие виды деяний считать преступлениями, размер ущерба, виды уголовной ответственности за них и др. Для достижения указанной цели возможно создание рабочей группы с участием представителей всех государств-членов ЕАЭС (юристов, ученых, практических работников) для разработки программного документа – единой стратегии унификации и гармонизации уголовного законодательства государств-членов ЕАЭС в части привлечения к ответственности за преступления в таможенной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евразийский экономический союз: цифры и факты [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. – 2019. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>. – Дата доступа: 15.09.2019.
2. Результаты работы таможенных органов Республики Беларусь за 2019 год по линии правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] / ГТК Республики Беларусь. – 2019. – Режим доступа: <http://customs.gov.by>. – Дата доступа: 06.08.2019.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. РФ / Технология 3000. – 2019. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/. – Дата доступа: 17.08.2019.
4. Лукашов, А. Уголовная политика государств Таможенного союза и Единого экономического пространства / А. Лукашов // Уголов. право. – 2012. – № 4. – С. 101–105.
5. Зайнуллина, З.Ф. Уголовно-правовое противодействие контрабанде наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / З.Ф. Зайнуллина. – М., 2018. – 165 л.
6. Азаренкова, Е.А. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран Таможенного союза, предусматривающего ответственность за контрабанду / Е.А. Азаренкова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 8. – С. 108–111.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] : в ред. от 29.07.2017 г. : с изм. и доп., вступил в силу с 26.08.2019 г. // КонсультантПлюс. РФ / Технология 3000. – 2019. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699. – Дата доступа: 25.07.2019.
8. Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226-1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 13.09.2012 г. № 923 // КонсультантПлюс. РФ / Технология 3000. – 2019. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699. – Дата доступа: 19.07.2019.
9. О мерах нетарифного регулирования [Электронный ресурс] : решение Коллегии Евраз. экон. комиссии № 30 : принято 21.04.2015 // КонсультантПлюс. Беларусь / Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
10. О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования [Электронный ресурс] : решение Коллегии Евраз. экон. комиссии № 134 : принято 16.08.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Дата доступа: 26.08.2019.
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V [Электронный ресурс] : с изм. и доп. по состоянию на 11.07.2017 г. // ПАРАГРАФ PRG.KZ. – 2019. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. – Дата доступа: 24.07.2019.
13. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 68 [Электронный ресурс] : с изм. и доп. по состоянию на 02.08.2017 г. // ПАРАГРАФ PRG.KZ. – 2019. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. – Дата доступа: 11.09.2019.

14. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 681 с.
15. Грачев, О.В. Уголовное законодательство Республики Казахстан в сфере экономической безопасности и таможенной интеграции / О.В. Грачев // Рос. следователь. – 2013. – № 1. – С. 43.
16. Урда, М.Н. Ответственность за контрабанду по уголовному законодательству стран-участниц таможенного союза: проблемы унификации законодательства / М.Н. Урда, С.В. Шевелева, И.В. Тененева // Всерос. криминол. журн. – 2017. – № 11. – С. 205–215.

Поступила 23.10.2019

**OPTIMIZATION OF CRIMINAL LIABILITY MEASURES
AS A PART OF THE CRIME PREVENTION SYSTEM IMPROVING IN THE CUSTOMS SPHERE**

V. BLAHARENKA

The concept of "crime in the customs sphere" is considered, incl. in the context of customs integration within the Eurasian Economic Union. The formation of responsibility for crimes in the customs sphere is analyzed. The proposals aimed at preventing this category of crimes are presented.

Keywords: *the criminal liability, criminal law, customs law, differentiation of responsibility, contraband goods customs-related crimes.*

УДК 343.2

**КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ***канд. юрид. наук, доц. Т.Г. ХАТЕНЕВИЧ**(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

Определена необходимость дальнейшей разработки критериев классификации видов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Выявленные в рамках института освобождения от уголовной ответственности и наказания на основании выделения различных критериев классификации таксономические единицы должны быть учтены при определении принципов построения нормативной модели освобождения от уголовной ответственности и наказания. Показано практическое значение каждого исследуемого деления видов освобождения от уголовной ответственности и наказания на группы. Критерии классификации видов освобождения от уголовной ответственности могут быть учтены также в процессе дальнейшей дифференциации мер уголовно-правового воздействия; служат необходимой основой для выявления противоречий, несогласованностей в нормах института освобождения от уголовной ответственности и наказания и для унификации в рамках института как единого целого, условий освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, освобождения от уголовной ответственности и критерии классификации; нормативная модель.*

Введение. Институт освобождения от уголовной ответственности и наказания – один из поступательно развивающихся в системе уголовного права. Существенное изменение содержания института освобождения от уголовной ответственности и наказания произошло в период завершившегося в 1999 г. последнего реформирования уголовного законодательства. На современном этапе совершенствование института выражается в дальнейшей дифференциации оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, корректировке и поступательном совершенствовании видов освобождения, усложнении и оптимизации условий, установленных в уголовном законе для такого освобождения, дополнении института некоторыми инновационными положениями. Например, в 2005 г. увеличилось количество видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). В этом же году и в последующем уточняется перечень видов преступлений (уклонение от мероприятий призыва на воинскую службу, финансирование террористической деятельности, содействие террористической деятельности и др.), при совершении которых возможно освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям. В 2015 г. институт был дополнен положениями об уголовно-правовой компенсации. Это явилось следствием включения в механизм уголовно-правового воздействия новой меры материального характера, которая может применяться не только в режиме осуждения.

Указанные и многие другие изменения норм института, с одной стороны, являются следствием поиска эффективных правовых средств устранения последствий нарушений уголовно-правовых запретов, противодействия новым преступным вызовам и угрозам международного характера; с другой – определены устремлением законодателя обеспечить системность правового регулирования при внесении изменений и дополнений в тексты различной отраслевой принадлежности. Если анализировать статистику совершенствования только норм гл. 12 «Освобождение от уголовной ответственности и наказания» УК, то с 1999 г. она подвергалась изменениям и дополнениям более двенадцати раз. Изменилось содержание двенадцати статей. Редакция ст. 86 УК изменялась шестью законами. Из шестнадцати статей главы стабильными остались только четыре. Изменения вносились в 2002, 2003 (дважды), 2005, 2006, 2008 (дважды), 2009, 2010 (дважды), 2011, 2015 гг.

Представляется, что одним из методов реализации научно обоснованного подхода к дальнейшему совершенствованию рассматриваемого института является осмысление освобождения от уголовной ответственности и наказания через его разделение на виды согласно важным и существенным признакам. Теоретическая разработка критериев классификации видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, изучение принципов и критериев их воплощения в уголовном законе открывает новые возможности для практики правотворчества и правоприменения.

Основная часть. Научно-обоснованное развитие выработанных ранее (в работах Н.В. Бабия [1], А.В. Баркова [2], Л.В. Головки [3], П.А. Дубовца [4], А.В. Ендольцевой [5], К.В. Михайлова [6], Э.А. Саркисовой [7] и др.) оснований классификации с учетом анализа результатов реализованной в уголовном законе дифференциации видов и условий освобождения, а также проблемных аспектов их применимости на практике направлено на получение новых знаний. Такие новые знания необходимы для построения на систем-

ной основе эффективной сбалансированной нормативной модели освобождения от уголовной ответственности и наказания, для определения достаточности и необходимости количества видов и условий такого освобождения в контексте реализации целей и задач уголовно-правового регулирующего воздействия. На основании анализа критериев классификаций видов освобождения от уголовной ответственности и наказания возможно установить и устранить коллизии, несогласованности в рамках института и в целом определить оптимальные его границы в механизме уголовно-правового регулирования, выявить гармоничные связи с иными элементами единой конструкции уголовного права. Классификация представляется в качестве инструмента аналитического мышления, необходимого для решения некоторых проблем унификации в уголовном праве, для правильного определения оснований дифференциации условий освобождения от уголовной ответственности и наказания, установления единых, справедливых требований к освобождаемым. Важными аспектами конструирования оптимальных нормативных моделей видов освобождения от уголовной ответственности и наказания является необходимость обеспечения их сочетаемости с содержанием таких мер уголовно-правового воздействия, которые включают принудительные элементы санкционного обеспечения уголовно-правового запрета (уголовная ответственность, наказание), а также межотраслевой согласованности мер правового воздействия на правонарушителей. В данном случае необходимо упомянуть освобождение от уголовной ответственности в связи с привлечением лица к административной ответственности, меры общественного воздействия. Различные классификации видов освобождения от уголовной ответственности и наказания необходимы и в целях правильного понимания правовой природы, законного и обоснованного применения соответствующих норм на практике.

Используя широкий диапазон возможностей института освобождения от уголовной ответственности и наказания в решении задач уголовно-правового воздействия, законодатель предусмотрительно улавливает различные случаи и условия освобождения, основанные на возможности учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности лица, совершившего преступление, обстоятельств содеянного. В настоящее время в Общей части УК закреплено шестнадцать видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, в его Особенной части – двадцать четыре специальных вида освобождения от уголовной ответственности за сорок три вида преступлений. При этом действующий УК не содержит определений понятий освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания, не определяет, что такое основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, чем они отличаются от условий освобождения от уголовной ответственности и наказания. Более того, по данным вопросам нет согласованности и среди ученых. Еще одной особенностью УК 1999 г. является характер систематизации нормативного материала об освобождении от уголовной ответственности и наказания в структуре уголовного закона. Так, нормы помещены в раздел, посвященный уголовной ответственности, при этом отсутствует разделение норм об освобождении от уголовной ответственности и об освобождении от наказания через помещение их в различные структурные части уголовного закона. Например, в Уголовных кодексах Кыргызской Республики, Республики Армения, Российской Федерации самостоятельные структурные единицы кодексов отведены отдельно для норм об освобождении от уголовной ответственности и отдельно для норм об освобождении от наказания. В уголовном законе Российской Федерации, который наиболее воспринял организацию положений об освобождении от уголовной ответственности и наказания Модельного законодательства государств-участников СНГ, раздел IV «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» объединяет две самостоятельные главы: 11 «Освобождение от уголовной ответственности» и 12 «Освобождение от наказания».

Логика решения о соответствующем размещении указанного нормативного материала в УК, несомненно, в определенной степени связана с нормативным определением уголовной ответственности в качестве центральной уголовно-правовой категории, закреплением неотвратимости ответственности в качестве принципа уголовного закона и уголовной ответственности. Данные факторы определяют и вектор научных исследований освобождения от уголовной ответственности и наказания как единого института правового явления, и одновременно – с точки зрения целостности правового понятия – необходимость установления оснований дифференциации его на классы. При этом следует учесть, что как уголовная ответственность, так и наказание, являясь взаимосвязанными правовыми явлениями, все же сохраняют свою самостоятельность, автономность правовой природы. Поэтому и освобождение от уголовной ответственности, и освобождение от наказания должны рассматриваться как различные явления правовой материи. Например, результатом одного из самых распространенных расчленений видов освобождения от уголовной ответственности (и наказания) и последующей их группировки с помощью обобщенного типа является выделение освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и освобождения от отбывания наказания. Такая классификация имеет нормативное основание, т.к. следует из содержания ст. 82 «Общие положения об освобождении от уголовной ответственности и наказания» УК, устанавливающей, что лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания либо досрочно освобождено от отбывания назначенного судом наказания. Обратим внимание, что законодатель в тексте указанной статьи использует логический прием дизъюнкции, в то время как союз

«и» в названии главы 12, исходя из грамматического и систематического толкования, выполняет задачу конъюнкции.

В научной литературе называются критерии разграничения рассматриваемых правовых явлений. Назовем их условно основаниями классификации видов освобождения (отказа) от реализации уголовно-правовых последствий совершенного преступного деяния (от применения уголовно-правового принуждения, уголовной санкции, уголовно-правового воздействия). Так, Э.А. Саркисова предлагает отличать освобождение от наказания от освобождения от уголовной ответственности по субъекту применения, направленности и основаниям применения [7, с. 465]. Освобождение от наказания осуществляется только судом, а освобождение от уголовной ответственности может быть осуществлено как судом, так и прокурором либо следователем с согласия прокурора. Освобождение от наказания распространяется на уже осужденных по приговору суда лиц, освобождение от уголовной ответственности имеет своим адресатом лиц, совершивших преступления, но не осужденных судом. Освобождение от наказания связывается, как правило, со степенью достижения исправления осужденного в процессе отбывания назначенного наказания.

Таким образом, в рамках единого правового явления – отказа от применения уголовно-правового принуждения, критериями разграничения (разделения) освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания (от отбывания наказания) являются основания и условия реализации видов освобождения, его субъект и направленность, этап развития уголовно-правовых отношений, стадия уголовного процесса. Освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства от осуждения лица, совершившего преступление, и реализации в отношении него мер уголовно-правового воздействия на основе осуждения. Освобождение от наказания – это отказ (освобождение) от применения в отношении осужденного лица назначенной принудительной меры уголовно-правового воздействия, заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении его прав и свобод.

В теории и на практике значимым является деление на общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Выделение критерия такой классификации остается вопросом спорным. Согласно наиболее распространенной точке зрения это структура уголовного закона, наличие его Общей и Особенной частей (А.Г. Антонов [8, с. 12], Л.В. Головкин [9, с. 37], А.В. Ендольцева [10, с. 62], В.Ю. Ивонин [11, с. 16], И.Л. Марогулова [12, с. 96]). В связи с этим В.В. Сверчков предлагает виды освобождения от уголовной ответственности именовать общими и особенными [13, с. 61]. На наш взгляд, критерием классификации в данном случае является не месторасположение норм, определяющих вид освобождения, а применимость того либо иного вида освобождения от уголовной ответственности к конкретному преступлению (определенной категории или вида, выделяемого в соответствии с объектом посягательства). В частности, специальные виды освобождения от уголовной ответственности распространяются на конкретные виды преступлений, названные в специальной норме, применение общих видов освобождения от уголовной ответственности зависит не от вида преступления по объекту посягательства, а, как представляется, от категории преступления, классификационной степени его тяжести. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности специфичны для каждого преступления (или группы преступлений), предусматривают особенные условия для освобождения от уголовной ответственности за преступления высокой степени общественной опасности, поэтому, как правило, и располагаются в Особенной части уголовного закона. Так, норма об освобождении от уголовной ответственности участника преступной организации или банды закреплена в статье Общей части УК, однако является специальной. Она поощряет деятельное раскаяние и стимулирует раскрытие таких опасных преступлений, как создание преступной организации либо участие в ней (ст. 285 УК), бандитизм (ст. 286 УК) и других, совершенных в составе преступной организации или банды.

Виды освобождения от уголовной ответственности и наказания дифференцируются на дискреционные и императивные [3, с. 38; 14, с. 64; и др.]. Их также именуют факультативными (диспозитивными) и обязательными видами освобождения от уголовной ответственности и наказания [12, с. 7; 6, с. 32; 11, с. 62]. Discretion – англ., discretio – лат.: усмотрение. Освобождение от уголовной ответственности и наказания по так называемым факультативным основаниям является правом уполномоченных органов, возможность и целесообразность решения об освобождении от уголовной ответственности и наказания зависят от публично-правовой оценки в каждом конкретном случае фактических обстоятельств и их совокупного прогностического потенциала. Законодатель предоставил право уполномоченным органам оценивать с публично-правовых позиций наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности и наказания. Практически все виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в Общей части УК, являются факультативными. Исключение составляет освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Также, как и освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности, оно относится к императивным видам. Однако в случае совершения преступления, за которое может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения или смертной казни, или если лицо было осуждено к таким наказаниям, основание освобождения от уголовной ответственности или наказа-

ния приобретает дискреционный характер, у правоприменителя имеется возможность мотивированно индивидуализировать решение. В императивном порядке законодатель предписал освобождение от уголовной ответственности в соответствии с условиями, установленными в ст. 20 УК, участника преступной организации и банды, а также по иным специальным основаниям. Виды освобождения от наказания, предусмотренные УК, сконструированы в основном как факультативные. Императивный вид освобождения от наказания предусмотрен в ч. 1, 3 ст. 92 «Освобождение от наказания или замена наказания более мягким по заболеванию» УК.

Рассматриваемая классификация имеет большое практическое значение, т.к. одной из актуальных проблем правоприменения является обеспечение индивидуального подхода к определению лицу меры уголовно-правового воздействия и одновременно единообразия при освобождении от уголовной ответственности и наказания по дискреционным основаниям. Особую дискуссионность факультативный характер видов освобождения от уголовной ответственности и наказания приобретает в отношении преступлений, не представляющих большой общественной опасности (И.Л. Марогулова [10, с. 96], Л.В. Павлова [13, с. 96]; и др.). Предлагается предусмотреть в отношении преступлений, не обладающих высокой степенью общественной опасности, императивный характер освобождения от уголовной ответственности. Это позволит лицу, совершившему преступление, более уверенно совершать поощряемые посткриминальные действия, рассчитывая на свое обязательное освобождение от уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности и наказания также подразделяется на условные и безусловные виды (А.В. Ендольцева [5, с. 65], С.Г. Келина [12, с. 39], С.Н. Сабанин [14, с. 22], П.В. Коробов [15] и др.). Условные виды освобождения называются также временными, а безусловные – окончательными. Когда лицу, совершившему преступление, не предъявляются какие-либо требования, относящиеся к его последующему поведению, нарушение которых влечет за собой отмену освобождения, освобождение считается безусловным (окончательным и не может быть впоследствии отменено ни по каким основаниям). Такой критерий определяет, что все виды освобождения от уголовной ответственности являются безусловными. К условным относятся виды освобождения от наказания. Например, условно-досрочное освобождение от наказания (ст. 90 УК). Может быть отнесена к условным видам отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет (ст. 93 УК), освобождение от наказания в порядке помилования (ст. 96 УК), на основании акта амнистии (ст. 96 УК). Условный характер видов освобождения от наказания приближает, учитывая объем и содержание возлагаемых обременений на лицо, совершившее преступление, их правовую природу к мерам уголовной ответственности, не связанным с применением назначенного наказания. Этот факт требует пристального внимания к дифференциации, с учетом характера и степени общественной опасности преступления и деятеля, условий испытания при освобождении от наказания и требований ограничительного и исправительного характера, возлагаемых в период отсрочки, испытательного срока, осуждения при реализации мер уголовной ответственности. Отметим также, что в научной литературе указаны преимущества условных видов освобождения от уголовной ответственности перед безусловными (С.Н. Сабанин, П.В. Коробов, Х.Д. Аликуперов, К.Ш. Курбанова) [14, с. 23; 15, с. 54; 16, с. 56]. Практически значимым также является необходимость разрешения давно дискутируемого вопроса о теоретически допустимом неоднократном освобождении от уголовной ответственности и наказания, за что особенно критикуются безусловные виды освобождения [16, с. 56]. Поэтому в зарубежных источниках высказывается предложение, например, о придании амнистии и помилованию условного характера, а неотбытый срок наказания предлагается считать испытательным [17, с. 110; 18, с. 163]. Также предложено придать условный характер освобождению от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим и сопроводить данные виды освобождения испытательным сроком [15, с. 56].

Важным, на наш взгляд, при совершенствовании уголовного закона является учет характеристик таксономических единиц при классификации видов освобождения от уголовной ответственности и наказания на субъективные и объективные виды [19]. Такие виды выделяются в зависимости от наличия посткриминальной деятельности лица, совершившего преступление, в конструкции фактического состава для освобождения от уголовной ответственности и наказания (Л.В. Головкин [12, с. 39], А.В. Ендольцева [14, с. 66]; и др.). Если волеизъявление виновного направлено на прекращение конфликтных отношений с преодолением вредных последствий совершенного общественно опасного деяния собственными усилиями, что определяется условиями освобождения от уголовной ответственности и наказания, то такое освобождение относят к субъективным видам. В объективных видах освобождения от уголовной ответственности и наказания законодатель освобождение связал с наступлением юридически значимых обстоятельств, не зависящих от воли лица, совершившего преступление. Среди объективных видов – предусмотренное в ст. 87 «Освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности» УК. Отнесение данного вида освобождения от уголовной ответственности к объективным позволит на практике отграничивать основания его применения от деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим. Относительно дискуссионных аспектов данной классификационной группы отметим, что высказана

точка зрения рассматривать субъективность и объективность не самих видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, а условий, обстоятельств, образующих фактический состав освобождения от уголовной ответственности и наказания [11, с. 75]. Это предложение актуально, например, в свете освобождения от уголовной ответственности в соответствии с ч. 4 примечаний к гл. 37 УК, которое будет являться субъективным или объективным в зависимости от того, какие смягчающие обстоятельства имели место в конкретной ситуации.

Заключение. В научной литературе разработаны и иные критерии классификации видов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Их многочисленность указывает на подвижность и гибкость рассматриваемого института, отражает востребованность его норм одновременно в решении различных практических вопросов: восстановления социальной справедливости, устранения последствий совершения преступлений, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжких, противодействие нарушениям уголовного закона высокой степени общественной вредности. Актуальные вопросы определения места норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности и наказания, в системе уголовно-правового воздействия, установление граней между уголовной ответственностью и освобождением от таковой могут быть решены в т.ч. путем познания различных свойств института через классификацию его видов. Освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства от осуждения лица, совершившего преступление, и реализации в отношении него мер уголовно-правового воздействия на основе осуждения. Освобождение от наказания – это отказ (освобождение) от применения в отношении осужденного лица назначенной принудительной меры уголовно-правового воздействия, заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении его прав и свобод. Виды освобождения от уголовной ответственности и наказания делятся на общие и специальные, дискреционные и императивные (обязательные и факультативные, диспозитивные), условные и безусловные (временные и окончательные), субъективные и объективные. Отнесение к той или иной классификационной группе вида освобождения от уголовной ответственности или наказания позволяет на практике понять их правовую природу, правильно и единообразно применять уголовный закон, отграничивать основания освобождения от уголовной ответственности и наказания друг от друга, а также от некоторых форм реализации уголовной ответственности (когда наказание не приводится в исполнение, а лицо, совершившее преступление, в режиме осуждения выполняет обязанности исправительного характера подобно условным видам освобождения от наказания). В дальнейшем с помощью классификации следует провести систематизацию условий освобождения от уголовной ответственности, что имеет отдельное значение для построения оптимальных моделей поощрительных норм уголовного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабий, Н.А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания / Н.А. Бабий // Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. / Н.А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – С. 556–581.
2. Барков, А.В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания / А.В. Барков, П.А. Дубовец // Уголовное право. Общая часть : учеб. / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 545–577.
3. Головкин, Л. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности / Л. Головкин // Законность. – 1998. – № 11. – С. 37–40.
4. Дубовец, П.А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания / П.А. Дубовец // Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – С. 364–390.
5. Ендольцева, А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути решения / А.В. Ендольцева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 231 с.
6. Михайлов, К.В. Уголовно-правовой институт освобождения от наказания / К.В. Михайлов. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 312 с.
7. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. / Э.А. Саркисова. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 559 с.
8. Антонов, А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.Г. Антонов. – Рязань, 2013. – 44 с.
9. Ивонин, В.Ю. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части уголовного законодательства и его применение органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.Ю. Ивонин ; Моск. высш. шк. милиции МВД СССР. – М., 1992. – 21 с.
10. Марогулова, И.Л. Юридическая природа поощрительных уголовно-правовых норм / И.Л. Марогулова // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 95–100.
11. Сверчков, В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики / В.В. Сверчков. – СПб. : Пресс, 2008. – 586 с.
12. Келина, С.Г. Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.Г. Келина ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М., 1976. – 30 с.
13. Павлова, Л.В. Расширение сферы действия статьи 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь как создание правовых гарантий для примирения сторон / Л.В. Павлова // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем

- в контексте интеграционных процессов : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2017. – Ч. 2. – С. 156–160.
14. Сабанин, С.Н. Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.Н. Сабанин ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – 41 с.
 15. Коробов, П.В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности / П.В. Коробов // Журн. рос. права. – 2011. – № 9 (177). – С. 49–56.
 16. Аликперов, Х.Д. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности / Х.Д. Аликперов, К.Ш. Курбанова // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 54–60.
 17. Бриллиантов, А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики : науч.-практ. пособие. – М. : Проспект, 2014. – 112 с.
 18. Саженов, Ю.В. Правовые проблемы помилования в России / Ю.В. Саженов, В.И. Селивестров. – М. : Юриспруденция, 2007. – 168 с.
 19. Коробов, П.В. Виды освобождения от уголовной ответственности, носящие объективный и носящие субъективный характер / П.В. Коробов // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 72. – С. 61–67.

Поступила 23.10. 2019

CRITERIA FOR CLASSIFICATION OF TYPES OF RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT

T. KHATSIANEVICH

The need for further development of criteria for the classification of types of exemption from criminal liability and punishment has been determined. The taxonomic units identified within the framework of the institution of exemption from criminal liability and punishment based on the allocation of various classification criteria should be taken into account when determining the principles of constructing a normative model of exemption from criminal liability and punishment. The practical significance of each investigated division of types of exemption from criminal liability and punishment into groups is shown. The criteria for the classification of types of exemption from criminal liability can also be taken into account in the process of further differentiation of measures of criminal law; serve as a necessary basis for identifying contradictions, inconsistencies in the norms of the institution of exemption from criminal liability and punishment and for unification within the institution as a whole, the conditions for exemption from criminal liability and punishment.

Keywords: *criminal liability, exemption from criminal liability and classification criteria; normative model.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

<i>Клюня В.Л., Козловская В.Н.</i> Институты поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь: состояние и направления развития	2
<i>Будько О.Н., Селюжицкая Т.В.</i> Дифференциация регионов Беларуси по уровню эколого-экономического состояния	10
<i>Костюченко Е.А.</i> Влияние кластеризации на повышение инновационной активности и конкурентоспособности организаций, регионов и национальной экономики	15
<i>Кулик Н.Л.</i> Формирование и развитие новых профессий в условиях цифровизации экономики Республики Беларусь.....	27
<i>Дворкин Д.А.</i> Оценка региональной дифференциации и степени концентрации инновационной деятельности в Республике Беларусь	31
<i>Pavlov K., Nosova O., Nosova T.</i> Effective innovation policy as a factor sustainable regional development	40
<i>Кузьмицкая Т.В.</i> Труд и трудовые отношения в XXI веке: теоретико-методологическое осмысление	46
<i>Шиманская А.В.</i> Формирование цифровых торговых платформ: внедрение механизма «единого окна» во внешнеэкономическую деятельность государств-членов ЕАЭС.....	54
<i>Кашицелян Т.В.</i> Рентный механизм управления лесными ресурсами Беларуси: теория и практика	60

ФИНАНСЫ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

<i>Строганова И.А., Рудак В.Д.</i> Анализ современного состояния инвестиционного банкинга в Республике Беларусь.....	70
<i>Киреева Е.Ф., Ванекевич Я.В.</i> Основные направления развития электронных услуг налоговых органов Республики Беларусь.....	79
<i>Матюш И.В.</i> Сущность модернизации производства как фактора устойчивого развития предприятия и особая система ее бухгалтерского учета	85
<i>Пальчевская Т.С.</i> Теоретические аспекты управления инновационным процессом при построении цепи поставок промышленных предприятий	91
<i>Масько Л.В., Паньков П.И.</i> Система внутреннего контроля операций с деривативами: современное состояние и направления совершенствования	95
<i>Додонов О.В.</i> Сравнительный анализ инновационного развития стран-участниц Евразийского Экономического Союза	102

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Семёнова Т.В.</i> Соотношение доменного имени с объектами интеллектуальной собственности	107
<i>В.В. Максименюк, Журавлёва Т.В., Захарова С.А.</i> Понятие и правовая природа социального туризма	114
<i>Холупко В.Э.</i> О некоторых вопросах правового обеспечения сельскохозяйственного производства	120
<i>Чикатовский Д.И.</i> Специализация судопроизводства в сфере административных и иных публичных правоотношений	126
<i>Вабищевич В.В.</i> Определение персональных данных в целях их уголовно-правовой охраны	134
<i>Гридюшко П.В., Марцынкевич Н.А.</i> Расходы, вызванные участием переводчика в уголовном процессе: возложить на обвиняемого или отнести на счет государства?	140
<i>Ключко Р.М., Малчанова М.А.</i> Прощіздеянные карупцы і ва ўмовах лічбавай рэальнасці: выклікі і перспектывы	145
<i>Родевич В.Ч., Войтихович С.А.</i> Методы и модели комплексной оценки информации субъектами оперативно-розыскной деятельности при выявлении экономических преступлений	151
<i>Харевич Д.Л.</i> Законодательное разграничение наблюдения и проводимых совместно с ним оперативно-розыскных мероприятий	157
<i>Благаренко О.В.</i> Оптимизация мер уголовной ответственности как неотъемлемая часть совершенствования системы предупреждения преступлений в таможенной сфере	160
<i>Хатеневич Т.Г.</i> Критерии классификации видов освобождения от уголовной ответственности и наказания	166